Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Липецкий филиал

СОВРЕМЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

30 ноября 2021 г. (г. Липецк)

Воронеж • 2022

ББК: 65.290
Э400

Под общей редакцией
докт. истор. наук, проф. В.В. Соловьёвой

Современная юриспруденция: теория, методология, практика: материалы Международной научно-практической конференции. 30 ноября 2021 г. (г. Липецк) / Под общ. ред. докт. истор. наук, проф. В.В. Соловьёвой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – 262 с.

Материалы сборника научных трудов участников Международной научно-практической конференции «Современная юриспруденция: теория, методология, практика: материалы», состоявшейся 30 ноября 2021 г. в г. Липецк, посвящены рассмотрению проблем, особенностей и тенденций развития государства, права и общества.

В сборнике представлены исследования представителей органов государственной власти, профессорско-преподавательского состава, докторантов, аспирантов, специалистов из России и ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

© Коллектив авторов, 2022
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2022
© НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИИ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Биряева А.В., Казачок В.П. Правовое воспитание: история развития и его реализация в современном обществе 6
Бишенова М.М. Деформация правового сознания: причины и пути преодоления 14
Бочкарева С.В. Состав и структура Государственного собрания Республики Мордовия седьмого созыва 18
Еремин А.Р. Законность и ее гарантирование в правовом государстве 22
Иванов А.М., Иванова Е.А. Административно-территориальное деление в Советском Союзе во второй половине XX века по материалам Смоленской области 26
Лезина Е.П., Соколов А.Д. Политико-правовые взгляды Герберта Спенсера 30
Любушкин В.А. Проблемы становления и развития федерализма в России 34
Останков Д.Б. Некоторые вопросы формирования правового государства 38
Свечникова В.В. Становление механизма правового регулирования системы дошкольного образования в первые годы Советской власти 43
Ясинская-Казаченко А.В. Правовой механизм рассмотрения трудовых споров в городах магдебурского права 47

СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Ахмедханова С.Т. Влияние глобализации на правовую основу развития высшего образования в российской федерации 52
Ворошкевич С.А., Куриленко А.А. Этапы внедрения ювенальной юстиции в Республике Беларусь 55
Гришин В.В. Местное самоуправление в системе публичной власти Российской Федерации 60
Джораева С.В. К вопросу о государственно-церковных отношениях в сфере образования 63
Изварина Ю.Ю. Значение цифровых технологий для дальнейшего социального развития 67
Кружилин В.С. О некоторых вопросах преодоления противодействия доказыванию вины в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения 71
Куликова О.Н. Механизмы противодействия коррупции в Российской Федерации 75
Лядова А.С. К вопросу о соблюдении конституционных прав граждан российской федерации в период пандемии covid-19 79
Саблин Д.А. Поправки в Конституцию РФ: к вопросу о роли Конституционного суда РФ в защите прав и свобод человека и гражданина 85
Семашко И.И. Процедура признания детей, находящихся в социально опасном положении: проблемы правового регулирования 88
Чуносов В.С. Сущность и инструменты публичного управления 91
Шепелева О.А., Чепрасов М.Н. Пути усовершенствования механизма государственного управления в области охраны окружающей среды 98

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

Абрамович О.А. К вопросу об ограничениях субъектного состава договора пожертвования . . . 103
Голубева Т.В. Перезагрузка трудового законодательства в России . . . 106
Дегоева О.А. О допустимости освобождения гражданина от исполнения обязательств в соответствии с п.3 ст.213.28 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» . . . 111
Королёва Е.В. Отдельные вопросы теории предпринимательского права . . . 116
Крутько Р.В. Добросовестное владение как основание приобретения права собственности на культовое здание . . . 119
Лаврова С.В. Соотношение понятий «охрана права» и «защита права» влияют на содержание самоохраны и самозащиты права . . . 123
Резникова Е.А. Обычно-правовое регулирование вещно-правовых отношений . . . 127
Рубцова Л.В. Некоторые аспекты проблемы применения норм об исковой давности: обзор позиций исследователей . . . 131
Рутман Е.Я. Изобретение как объект промышленной собственности . . . 135
Чепрасов М.Н., Шатурина Н.А. Применение медиативных технологий в гражданском процессе: правовое регулирование и проблемы правоприменения . . . 139

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Мансуров У.А. Договорная правоспособность Республики Таджикистан . . . 147
Мансуров У.А. Договорная правоспособность Таджикской ССР в составе СССР . . . 153
Резникова Е.В. Современные тенденции в развитии права на жизнь и его закрепление в международном и национальном законодательстве . . . 163
Соловьёва В.В. К вопросу о характеристике индусской правовой системы . . . 166
Сысоева А.С. Уголовно-правовой институт отсрочки отбывания наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей: зарубежный опыт . . . 170

СЕКЦИЯ 5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО, ПОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Беденко А.В. Правовая природа института амнистии и помилования . . . 175
Бошаева Л.Л. Фактическая ошибка в уголовном праве: проблемы определения и классификации . . . 178
Брусенцева В.А. Особенности разграничения жестокого обращения с животными со смежными составами преступления . . . 181
Быстрова Ю.В. Криминальные банкротства: отдельные уголовно-правовые и криминологические характеристики . . . 184
Ворошкевич С.А. Причины, условия и факторы совершения преступлений несовершеннолетними лицами . . . 188
Дмитриев А.Л. Концепция УИС 2030 – доктринальный НПА . . . 192
Егоров В.А. Условия ответственности граждан РФ, совершивших преступления вне пределов России . . . 197

Карлин В.А. Особенности квалификации преступлении в сфере подделки, изготовления или оборота поддельных документов, бланков, штампов и печатей . . 200
Климов А.С. Учет судимости, как обстоятельство, препятствующее освобождению от уголовной ответственности и наказания 202
Корнев А.С., Кузнецов В.А. Разграничение провокации и законных форм и методов оперативно-розыскной деятельности 206
Лазаренко О.Н. Тактические приемы подготовки очной ставки 216
Лебедева И.Н. Особенности деятельности по ресоциализации осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности 221
Левашова О.В. Особенности детерминации экстремизма: факторы и предпосылки возникновения 225
Левашова О.В. Российская уголовная политика в борьбе с незаконным оборотом наркотических веществ: современные проблемы и перспективы 231
Матейчук В.И. Субъективные права и юридические обязанности при осуществлении процессуальных действий в суде второй инстанции в уголовном судопроизводстве 234
Набоков Л.В. О некоторых вопросах преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ 237
Скок О.И. Сущность и содержание специальных знаний как основы судебной экспертизы 241
Скок О.И. Психологическое насилие в семье: проблемы и пути решения 245
Суханова И.Ю. Пути совершенствования уголовного законодательства за склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов 248
Хизриев А.А. Основные направления предупреждения ятрогенной преступности 251
Чепрасова Ю.В. Тенденции совершенствования правого регулирования института государственной защиты участников уголовного судопроизводства в России 254
Шагунова В.М. Разглашение данных предварительного расследования: современные проблемы и перспективы развития 258

СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИИ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Биряева Анастасия Владимировна
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Российская Федерация
e-mail: vyazik16@yandex.ru, 8(927)1809695
Казачок Вера Павловна
студент 2 курса, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, vera12345.com@gmail.com,

Аннотация. В данной статье рассматривается теоретическое составляющее правового воспитания, рассматриваются формы и методы, история развития данного понятия в России. Также затрагивается проблематика правового воспитания, способы борьбы с ней. Кроме того, рассматривается реализация правового воспитания среди социальных групп по средствам форм и методов правового воспитания и просвещения.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовое сознание, правовая культура, правовое государство, история развития, проблематика правового воспитания, государственная политика.

LEGAL EDUCATION: THE HISTORY OF DEVELOPMENT AND ITS IMPLEMENTATION IN MODERN SOCIETY

Biryaeva Anastasia Vladimirovna
candidate of history senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russian Federation
Address of the place of study: 430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, st. Bolshevistskay, 68 e-mail: vyazik16@yandex.ru, 8(927)1809695
Kazachok Vera Pavlovna**,** second-year student
Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russian Federation
Address of the place of study: 430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, st. Bolshevistskay, 68 vera12345.com@gmail.com, 8 (910) 8964442

Annotation. This article examines the theoretical component of legal education, examines the forms and methods, the history of the development of this concept in Russia. The problems of legal education and ways to combat it are also touched upon. In addition, the implementation of legal education among social groups by means of forms and methods of legal education and enlightenment is considered.

Keywords: legal education, legal consciousness, legal culture, legal state, history of development, problems of legal education, state policy.

Актуальность правовых тем, связных с правосознанием, правовой культурой и правовым воспитанием, продолжает повышаться с каждым годом. Данные понятия являются своеобразным базисом правового государства, а также влияют на становление гражданского общества. Хотелось бы определиться с понятиями данных категорий.

Правовая культура — это понятие, включающее в себя как правосознание, так и правовое воспитание, которые являются важными факторами формирования культуры права. Правовое государство базируется на развитии правового воспитания общества. Из этого можно сделать вывод, что без должного развития правового воспитания социальных групп невозможно формирования и правового государства.

Значительное количество как отечественных, так и зарубежных ученых и специалистов в своих трудах писали о том, что категория правового воспитания продолжает занимать свою нишу в становлении правового государства и является актуальной. Так, Т.И. Акимова раскрывает этот термин так: «правовое воспитание — это организованное, систематическое, целенаправленное воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения, правовую культуру» [2, с. 39-45]. Другой ряд авторов, в числе которых С.С. Алексеев и Н.С. Емельянов, дают определение «правового воспитания» в широком и узком смысле. С.С. Алексеев пишет: «Обычно говорят о правовом воспитании в широком и узком смысле. В первом случае речь идет, скорее, не о правовом воспитании, а о правовой социализации человека, когда он «воспитывается» окружающей обстановкой в целом, всей юридической практикой и поведением людей, должностных лиц — представителей государственного аппарата в правовой сфере. При этом у людей, должностных лиц, государственных органов, осуществляющих правовую деятельность (правомерную или неправомерную), нет прямой цели оказать на других правовоспитательное воздействие. Однако такое воздействие на окружающих все-таки оказывается. Что касается правового воспитания в узком смысле, то оно отличается своей целенаправленностью на повышение правовой культуры человека, группы людей и общества в целом» [8, с. 291-293]. На основании вышеназванных определений, а также тех, которые не были указаны в данном тексте, можно выявить обобщенное и личное определение данного понятия. В целом, можно отметить, что правовое воспитание — это целенаправленная деятельность, посредством которой, с помощью понимания, восприятия права у людей и граждан формируется то или иное представление о праве. Главное не только понимать сущность самого права, но и знать, как его применять.

Если говорить про структуру правового воспитания, то оно состоит из следующих элементов. К их числу относятся субъекты и объекты правового воспитания. Субъектами правового воспитания являются различные организации и учреждения, государственные органы, специалисты, которые как раз и осуществляют само правовое воспитание. Объектами воздействия и взаимодействия, в свою очередь, является обширное население той или иной страны, все граждане, различные общественные группы. Еще одним важным элементом содержания правового воспитания являются сами способы и методы, различные ресурсы, посредством которых и воплощается правовое воспитание.

Самой же сущностью правового воспитания является выработка воспитания, донесения правовых идей до граждан, влияние на сознание людей. Это достаточно длительный процесс, который включает в себя также несколько стадий.

Правовое воспитание — это, в первую очередь, целенаправленный процесс воздействия на индивидов. Любой процесс имеет свойство развиваться со временем, меняться под воздействием тех или иных событий. Из этого следует, что правовое воспитание, как процесс, определенным образом менялось на протяжении истории развития самого государства. В России же о возникновении правового воспитания, как о самостоятельной и независимой части воспитания, заговорили лишь в XVIII веке.

Данный процесс в нашей стране прошел через несколько этапов, которые были обусловлены историческими особенностями того или иного времени. Первоначально на

развитие и становление правового воспитания повлиял Пётр I - первый император страны. Его деятельность способствовала развитию законности в стране, правовой культуры. В этот период времени большее внимание начинает уделяться праву, как средству регулирования общественных отношений и основание проводимых реформ. Петр I хотел добиться качественного развития образование, повышения грамотности и увеличения образованных специалистов в различных сферах деятельности. Область юриспруденции он так же затронул, при проведении своих реформ. Будущий император уже в 1718 году издал указ, по которому должны были создаваться правовые академии, получать юридическое образование дворянские дети и переводиться книги по юридическим наукам [13]. Его политику, по отношении к развитию правового воспитания, продолжала императрица Екатерина II. Она внесла значительный вклад в развитие правовой культуры и воспитания, через проведения политики «просвещённого абсолютизма». Императрица считала, что образование — ключ к формированию «безупречного» гражданина. Императрица настаивала на том, «чтобы во всех школах детей учили грамоте из духовных книг и из тех книг, в которых содержится право». Екатерина Великая издала специальный указ, в котором говорилось об обязательном прочтении всеми гражданами сочинения «О должностях человека и гражданина».

К следующему этапу развития правового воспитания в России относят период Советского времени, с прихода к власти большевиков и вплоть до распада Советского Союза. В данный отрезок времени правовое воспитание базировалось на марксистско–ленинском мировоззрении, поэтому вся система правовой культуры и образования строилась на нем. Идеалом правового воспитание в Советском государстве было формирование у индивидов чувства ответственности, гражданского долга и уважения к Родине. Марксизм-ленинизм рассматривал процесс воспитания в тесной органической связи с экономическим, социальным и политическим фактором развития советского общества. Уже с приходом к власти, большевики, во главе с В.И. Лениным ввели во всех школах и учебных учреждений обязательное изучение Конституции 1918 года. К 1919 году, Г.А. Энгелем был создан первый советский учебник по социологии, в котором говорилось про правовую культуру, ее связь с правом и правовое воспитание в целом. В общем и целом, в Советское время большой уклон делался на изучения не просто права, а именно Советского права. В дальнейшем, для улучшения правового просвещения, в 1975 году был введен новый курс под названием «Основы советского государства и права» [10, с. 189-190]. По окончании этого периода можно сделать вывод о том, что, не смотря на появление и реализацию различных форм правового воспитания, нужного эффекта власть не добилась. Это было связано с правовыми идеями самого Советского Союза, социализма в целом.

Если затрагивать постсоветское время и современность, то можно заметить перемену системы правовой культуры. Ее главной задачей стало привитие демократических правовых начал гражданам. Это было связано с распадом СССР и началом нового этапа в истории России — «перестройки». В 90-е года XX века появился совершенно новый курс, под названием «Человек и общество», в котором содержались основные положения общественных наук. В учебных учреждениях начала изучаться новая Конституция от 12 декабря 1993 года. Большим шагом в развитии правового воспитания стало принятие в 2001 году официальной Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан на 2001-2005 года», главной целью которой стало развитие патриотизма, уважения к стране и законодательству среди подрастающего поколения. К 2011 году в стране были разработаны Основы госполитики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Это дало сильный толчок для реализации

большого количества форм правового воспитания среди населения. Данный акт был направлен на развитие правового воспитания и культуры для всего населения. Перед государством появилась важная задача – не только вести правовую пропаганду, но и объяснять гражданам важность соблюдения и реализации своих прав и обязанностей. В 2015 году Правительством страны была одобрена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [7]. Она была нацелена на обновление воспитательных процессов и становление общественных институтов воспитания в стране. Немного позже, в 2016 году была также введена в действие «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» [6]. В данной стратегии выделялись важные для государства цели: реализация военно-патриотического воспитания граждан, улучшение правового воспитания, и его системы в целом.

Правовое воспитание, как процесс, прошло через большое количество изменений в своем развитии, становлении и функционировании. Оно попало под различные влияния исторических эпох страны, иногда замедляя темпы своего развития. Но именно в современное время, данной отрасли воспитания уделяется должное количество внимания, и в связи с этим растет правовая грамотность и правовая культура в России.

Правовое воспитание общества — сложный, многоэтапный процесс, для развития которого нужно большое количество ресурсов как информационных, человеческих, так и материальных. Для того, что бы взаимодействовать с людьми, доносить до них информацию, из которой и будет складываться поэтапно правосознание, используют формы правового воспитания. В настоящее время не существует единого подхода и единой классификации форм правового воспитания. Л.А. Петручак выделяет следующие формы правового воспитания: правовое обучение, правовую информированность, правовую пропаганду, самовоспитание, самообразование, а также участие граждан в правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности.[11, с. 281-282] А.И. Долгова рассматривает правовое просвещение, правовую пропаганду и правовое обучение как составные части процесса правового воспитания.[4, с. 35] По мнению Е.А. Певцовой, правовое воспитание - целенаправленное общение, в ходе которого осуществляется правовое образование, правовое воспитание и формирование, развитие правовой компетентности обучаемого, усваиваются отдельные стороны правового опыта человечества, опыта деятельности в сфере права и познания права.[9, с. 65]

Из вышеперечисленных форм правового воспитания можно выделить основные формы: правовое информирование, правовое обучение, правовая пропаганда, юридическая практика, оказание бесплатной юридической помощи и консультации, самовоспитание и самообучение, различные лектории по теме правового воспитания. Наличие многообразия форм правового воспитания объясняется тем, что правосознание и правовая культура должны формироваться у людей и граждан разных возрастов, начиная от подрастающего поколения и заканчивая пожилыми людьми.

Как уже было сказано выше, правовое воспитание — это достаточно длительный, поэтапный процесс воздействие на сознание человека, который осуществляется с помощью различных методов и форм. Правовое воспитание реализуется и применяется для различных слоев население по-разному. Например, правовое обучение, как форма правового воспитания, больше подходит под возрастную группу, к которой можно отнести школьников и студентов. Правовая же практика и пропаганда являются более актуальными для взрослых и пожилых людей. Но главное, что правовое воспитание может реализовываться человеком и для человека с раннего возраста и до самой старости.

Первоначально правовым воспитанием для будущего поколения начинает заниматься школа. Учебное учреждение знакомит школьников с окружающим миром, с обществом. Для данной социальной группы становится актуальным получение знаний о том, как нужно вести себя на улице, среди людей, в школе и т.д. Дети знакомятся со своими правами и обязанностями, как ученик образовательного учреждения. Также он узнает о ПДД, начинает использовать свои личные права, например, такие как право на личную неприкосновенность, свободу мысли и слова. Школьное сообщество прямо используют такое социальное право, как право на образование, а точнее на бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование. В средней и старшей школе происходит уже не поверхностное, а углубленное изучение прав и обязанностей человека и гражданина страны. Данная социальная группа знакомится с Конституцией РФ, узнает систему принятия законов, организацию работы органов государственной власти. Главные результаты этой деятельности состоят в том, что они начинают понимать, как пользоваться этими возможностями в лице права, и что нужно делать для того, чтобы не нарушить закон. Учебные учреждения помогают не только теоретически усвоить право, но и на практике воспользоваться им. Это реализуется за счет проведения в учебных учреждениях различных правовых игр, семинаров, посвященных праву и Конституции РФ. Именно на таких мероприятиях дети и подростки решают различные правовые задачи, обращаются к закону и его истории. Правовое обучение школьников также реализуется за счет деятельности правоохранительных органов — классные часы, на которые приходят представители полиции, делясь различными историями и преподнося уроки о том, что будет с гражданином, если он нарушит закон. Школа закладывает в духовное сознание детей прекрасный правовой базис, для того, чтобы все ребята в будущем могли пользоваться своими правами грамотно и правомерно. Для тех, кому действительно становится интересно право, история и обществознание, открывается новый путь — поступление в университет, институт или колледж на юридический факультет.

В этих образовательных организациях социальная группа, а именно студенты, изучают различные правовые системы, отрасли права, знакомятся с деятельностью правоохранительных органов. При освоении программы высшего или среднего профессионального образования, они получают огромный багаж знаний, который им пригодится не только для реализации собственных прав и обязанностей, но и для помощи другим людям в этой сфере. Из данной социальной группы формируются адвокаты, юристы, нотариусы, прокуроры и т.д., которые в скором времени и реализуют формы правового воспитания [2, с. 97-99].

Если рассматривать реализацию правового воспитания для старшей категории населения, к которой можно отнести граждан от 30 лет и пожилых людей, то в нее включаются фактически все формы правового воспитания. Примером может являться ознакомление и использование юридической практики, которая играет важную роль в правовой жизни людей. Оформление различных сделок, документов купли-продажи, завещания, правовые консультации — всем этим и многим другим люди пользуются на различных моментах своей жизни. Кроме того, сильное влияние на граждан данной возрастной категории оказывает правовое информирование и правовая пропаганда. Правовое информирование помогает узнать изменения в законодательстве, дальнейшее развитие правовой политики государства. Это очень важно, ведь чем больше население узнает о готовящихся правовых изменениях, тем обширнее оно может их изучить, попробовать изменить. Правовая пропаганда часто используется политическими

партиями, которые стремятся найти своих избирателей, заинтересовать большее количество населения своей программой. Также система правового воспитания охватывает не только категории воспитываемых граждан, но и деятельность государственных органов, функцией которых является осуществление право-воспитательной деятельности. Для юридических факультетов и ВУЗов, академий МВД, средне-профессиональных учреждений, это является главной целью, как пишет об этом В.К.Бабаев. Для других органов или учреждений данная функция является не основной. К ним относят различные суды, прокуратуру, МВД и др. [12, с. 325].

Но не все так прекрасно, как может быть. Любая система является неидеальной, всегда имеются проблемные места, которые государство должно устранять. Также и в правовом воспитании российских граждан есть проблемы, которые не дают ему реализовываться в полной мере. Проблемы правового воспитания в России, как отмечает В.М. Бельков, достаточно актуальны на данный момент. Ведь на основе него как раз и начинает строиться и укрепляться гражданское общество, а вместе с ним и правовое государство. Правовое воспитание должно поднимать престиж права в стране, формировать положительное отношение к Российским законам, информировать граждан о действующем законодательств, и в целом, создавать правовую культуру страны. Так же В.М. Бельков выделяет ряд основных проблем в системе правового воспитания в России. К ним он относит: во-первых, отсутствие доступа к правовой информации на разных стадиях обучения, во-вторых, укрепление бытовых мнений в общественном сознании на тему права, в-третьих, неактивность граждан, пассивность в правовом самовоспитании. Кроме того, он пишет об искажении правовой информации СМИ и о наличии различной, разрозненной программы правового воспитания и обучения, и в целом об отсутствии правового воспитания граждан старшего поколения [3].

Рассмотрим подробнее одну из проблем правового воспитания. Она напрямую связана с правовым информированием. Эксперты часто замечают деформированность правосознания, низкий уровень правовой культуры у самих журналистов. СМИ очень часто берутся за сенсации в правовой сфере, и, не разобравшись в их точности и правильности, начинают доносить не всегда корректную информацию до граждан. Это пагубно влияет на правосознание людей, их отношение к праву. Как следствие, эта информация укрепляется в сознании и людей, и оказывает влияние на правовую культуру. Появляется недоверие граждан к законодательству и законотворчеству в стране.

Другая проблема правового воспитания связана с менталитетом российских граждан и с историей государства в целом. Деформация правосознания людей в нашей стране связана с исконно-глубокой традицией пренебрежительного отношения к праву. Граждане России чувствовали правовую незащищенность еще в XIX веке, ведь наибольший процент населения составляли крестьяне — люди, чьи права и обязанности не соблюдались. Эта тенденция продолжала свое развитие и в годы Советского государства. Практически каждый человек не был уверен в ближайшем будущем, а вместе с этим в том, защитит ли его права государство. Граждане возрастной категории от 35 лет имеют свое, исключительное правовое сознание, на которое огромное влияние оказала эпоха. В современное время этим людям, чье правосознание сформировалось в такое трудное время, до сих пор с большой трудностью изменяют свое отношение к праву.

Одной из проблем правового воспитания в России, особенно в молодежной среде, является наличие такого явления, как правовой нигилизм. Он проявляется в том, что данная возрастная группа «не верит» в правовую защищенность и действие законов. Это может быть связано как раз с недостаточным уровнем развития правового воспитания, отношения родителей к законодательству и праву в целом. Правовой нигилизм,

как определяет его А.Е. Адамов — это отрицательное, неуважительное, пренебрежительное отношение к закону и праву, а также к общественному порядку. Данное явление тесно связанно с недовольством граждан своим социальным и правовым статусом, а также недовольством жизни и ее уровнем. Правовой нигилизм, в свою очередь, выражается не только в нарушении и не соблюдении законов, но также и в совершении общественно-опасных деяний. Если данное явление начинает распространяться среди широких масс — то начинает расти преступности и беззаконность [1, с. 7-8].

Существуют общие меры и решения всех вышеперечисленных проблем правового воспитания. К.А. Костина выделяет в своей работе ряд мероприятий, посредством проведения которых данные проблемы можно искоренить, и впоследствии улучшить функциональность и реализацию правового воспитания в России. Она предлагает организовать целую сеть специальных юридических консультаций для малоимущих граждан, по различным социальным и гражданским вопросам. Кроме того, важным пунктом является обеспечение и издание популярной и доступной юридической литературы с комментариями для населения, с которой мог бы ознакомиться каждый желающий. Также К.А. Костина пишет об обеспечении, разработке и последующем внедрении во все учебные заведения ознакомительных программ по изучению законодательства РФ, его применению в жизни. Особое внимание она уделяет принятию единой федеральной программы развития правовой культуры в России, наделению специальными полномочиями Министерство юстиции РФ, которые связаны с координацией и методологической деятельностью в сфере правового воспитания [5]. Такими же полномочиями нужно наделить и органы юстиции субъектов РФ. Для взрослого населения Росси следует установить определенные требования, связанные со знанием определенного объема юридических знаний в тех или иных сферах. Кроме того, важным мероприятием для устранения проблем правового воспитания является реализация систематизированной пропаганды законодательства Российской Федерации с целью повышения уровня правовой грамотности и правового сознания граждан с помощью деятельности судебных и правоохранительных органов. Хорошо продуманная и реализованная пропаганда положительно повлияет на уровень правовой культуры граждан России в целом. Следует создать во всех субъектах и районах специальные информационно-правовые центры для населения. С помощью них, граждане бы смогли получать новую информацию о законодательстве, даже при отсутствии личного компьютера и сети Интернет. В связи с этим должна быть усовершенствована система доведения правовой информации до адресатов, создан открытой доступ к ней для любого человека.

Перед правовым воспитанием в России стоит большое количество проблем. Но каждую из них можно исправить. Многими авторами созданы рекомендации для решения проблем правового воспитания. Их решение — одна из актуальных проблем, стоящих перед Российским государством при формировании и дальнейшем развитии правового государства. При правильном использовании многообразия форм и методов правового воспитания появляется возможность изучения и устранения данных пробелов в реализации правового воспитания в обществе. Это позволит улучшить качество правового воспитания, а вместе с этим повысит развитие гражданского общества и правового государства в России.

Литература

1 Адамов А. Е. Правовой нигилизм в идее правового государства / А. Е. Адамов. − Текст: электронный // Молодой ученый. − 2019. − № 37 (275). − С. 7-8 − URL:

https://moluch.ru/archive/275/61259/ − Режим доступа: сеть Интернет (дата обращения 10.10.2021).

2 Акимова Т.И. Правовое воспитание как один из факторов формирования правосознания / Т.И. Акимова // Формирование личности посредством юридического образования: сборник статей Межрегиональной научно-практической конференции. − Тамбов, 2003. − С. 39-45, 97-99.

3 Бельков В.М. Некоторые проблемы правового воспитания в Российской Федерации и их значение для электорально-политических отношений / В.М. Бельков. − URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-vospitaniya-v-rossiyskoy-federatsii-i-ego-znachenie-dlya-elektoralno-politicheskih-otnosheniy/viewer − Режим доступа: сеть Интернет (дата обращения 10.10.2021).

4 Долгова А.И. Правовое воспитание молодёжи / А.И. Долгова. − Москва: Знамя, 1979. − С. 35-54.

5 Костина К.А. Правовое воспитание в России и его значение в формировании правовой культуры / К.А. Костина. − URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vospitanie-v-rossii-i-ego-znachenie-v-formirovanii-pravovoy-kultury/viewer − Режим доступа: сеть Интернет (дата обращения 11.10.2021).

6 Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р // Собрание законодательства. 2016. №64. Ст.7196 − URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/ − Режим доступа: сеть Интернет (дата обращения 10.10.2021).

7 Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 №2403-р // Собрание законодательства. 2014. №50. Ст.7185 − URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/ − Режим доступа: сеть Интернет (дата обращения 10.10.2021).

8 Общая теория права: учебник / С. С. Алексеев. − 2-е изд., перераб. и доп. − Москва: Проспект, 2009. – 565 с.

9 Певцова Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию / Е.А. Певцова // Журнал российского права − 2004. − №3. − С. 65-81.

10 Певцова Е.А. Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX-XXI веков / Е.А. Певцова. − Москва: Новый учебник, 2003. − С. 415 с.

11 Петручак Л.А., Корнев А.В. Научно-методические основы формирования правовой культуры молодёжи / Л.А. Петручак, А.В. Корнев − Москва: Проспект, 2019. – 408 с.

12 Теория государства и права: учебник для вузов / В. К. Бабаев и др.; под редакцией В. К. Бабаева. − 4-е изд., перераб. и доп. − Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 582 с. − URL: https://urait.ru/bcode/447200 — Режим доступа: сеть Интернет // ЭБС Юрайт (дата обращения 12.10.2021).

13 Хренова А.А., Адаева О.В. Правовое воспитание в России: история и современность / А.А. Хренова, О.В. Адаева. − URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vospitanie-v-rossii-istoriya-i-sovremennost/viewer − Режим доступа: сеть Интернет (дата обращения 12.10.2021).

УДК 340.12

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Бишенова Марита Мусовна
кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Кавказский филиал, mbishenova@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ понятия «деформация правосознания». Выделены основные причины приводящие к деформации правового сознания. Отмечается, что деформация правового сознания характеризуется формированием в сознании субъектов негативного восприятия правовых идей, оценок, знаний, социально-правовых установок и правовое сознание искаженно отражает реальную правовую картину, выражает отрицательное отношение к существующей системе права, режиму законности. Исследуются теоретические аспекты определения путей противодействия распространению деформации правового сознания в российском обществе.

Ключевые слова: правовое сознание; деформация правового сознания; негативное отношение; система права; законодательство.

DEFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS: CAUSES AND WAYS OF OVERCOMING

Bishenova Marita Musovna
PhD in philosophy, docent, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Caucasus institute branch, mbishenova@gmail.com

Summary. The analysis of the concept "deformation of legal consciousness" is presented. The main reasons leading to the deformation of legal consciousness are highlighted. It is noted that the deformation of legal consciousness is characterized by the formation in the minds of subjects of a negative perception of legal ideas, assessments, knowledge, socio-legal attitudes and legal consciousness distortedly reflects the real legal picture, expresses a negative attitude towards the existing system of law and the rule of law. The article examines the theoretical aspects of defining ways to counter the spread of deformation of legal consciousness in Russian society.

Keywords: legal consciousness; deformation of legal consciousness; negative attitude; system of law; legislation.

Понятие «деформация правосознания» еще не получило своего постоянного места в категориальном аппарате юриспруденции. Термин понимают в различных контекстах, чаще всего как «дефекты восприятия права». Между тем «деформация правосознания» определяет качество и содержание различных видов юридической деятельности, состояние правовой системы общества, обуславливает юридические конфликты, коллизии и пробелы. Это понятие более объемное, более значимое для юриспруденции, чем казалось ранее.

Надо отметить, что данное явление прежде всего выявляется при анализе индивидуального правового сознания. Однако учитывая, что индивидуальное правосознание является частью группового сознания, а эта часть в свою очередь входит в общественное сознание, то исследуя индивидуальное сознание мы можем получить реальную картину о деформации правового сознания общества.

И. А. Ильин утверждает о существовании двух категорий лиц с деформированным правовым сознанием. «Одни не признают право лишь отчасти, из наивно корыстных побуждений, другие отрицают право принципиально, по сознательному или инстинктивному идеализму, избегающему жизненных компромиссов» [2, с.182].

Одним из главнейших факторов, влияющих на возникновение деформации, является разрыв между идеями правового государства и уровнем реального правопорядка. Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» позволил осуществлять любые действия в личных интересах. Попытка урегулировать возникшие общественные отношения не соответствующим уровнем законодательства породило нарушения государственного управления многими сферами жизни. Многие нормативные правовые акты не содержат однозначного решения для какой-либо ситуации, а значит, рамки, в пределах которых должно приниматься решение, довольно широки. Поэтому при толковании норм законодательства имеют место существенные различия понимания норм права.

Также, социально-экономические проблемы, снижение уровня образованности граждан, привели к кризису нравственных идеалов. Отсутствие веры в возможность права урегулировать общественные отношения, а также установить в них гармонию, приводит к отрицательному отношению к праву, а в результате чего и к правовому нигилизму.

Исследования общественного мнения к сожалению, выявляют негативное отношение населения к сотрудникам правоохранительных органов, что в свою очередь приводит к недооценке социальной значимости самими сотрудниками. В Федеральном законе «О полиции» в статье 9 делается акцент на стремление полиции обеспечить общественное доверие граждан. Также данный Федеральный закон определяет общественное мнение как главный критерий оценки эффективности деятельности полиции. Шумилов А. Ю. убежден, что необходимо регулярно использовать негласную помощь граждан, так как без этого теряется весь смысл оперативной деятельности, и вообще, такой категории как «оперативный сотрудник», осуществляющей оперативно-розыскную деятельность, а также работа по привлечению граждан к конфиденциальному содействию [10, с. 113–115].

Полностью искоренить деформацию правового сознания, увы, не видится возможным. Для начала необходимо выявить основные причины возникновения деформации и определить возможные меры по их нейтрализации.

Современное состоянии правосознания современного российского общества в первую очередь, по нашему мнению, с проблемами формирования национальной правовой системы. Новое государство нуждалось в правовой системе с новыми нормативными актами способными регулировать отношения, определяемые частной собственностью, приоритетом прав личности.

Процесс разработки национальной правовой системы России не мог протекать без пробелов и нарушений юридической техники. Поэтому кодексы по отраслям права созданные в девяностые годы пришлось перерабатывать после выявления их несовершенства и противоречивости в с началом нулевых.

Законы, которые недостаточно эффективно регулировали общественные отношения и формировали различные формы деформации правосознания. Поэтому важной причиной правовой деформации можно считать несовершенство законов.

К сожалению исследователи констатируют, что и сейчас в российской правовой системе многие нормативные акты сами по себе дефективные и они не регулируют в действительности общественные отношения.

Количество правовых норм, издаваемых органами государства, имеющими право на издание нормативных актов представляет собой необъятный по объему информацию.

Они издаются в форме Федеральных конституционных законов, просто Федеральных законов, законов субъектов федерации, а их 85. Постановления Правительства, указы Президента и различного рода подзаконные акты, нормативные акты муниципальных образований. Такой объем правотворчества ведет к противоречивости действующих нормативных правовых актов. В связи с чем мы сталкиваемся на разных уровнях правотворчества с острейшими коллизиями, когда подзаконные акты противоречат закону, законы субъектов федерации противоречат федеральным законам или федеральные законы противоречат Конституции России.

Очень точно отметил Н.И. Матузов: «не приходится удивляться тому обстоятельству, что многие подзаконные нормативно-правовые акты часто становятся над законными» [8].

Ш. Монтескье писал, что: «когда я поеду в правовое государство, я спрошу не про то, какие там есть законы, а про то, как эти законы работают и воплощаются в жизнь». Данное высказывание подчеркивает сложность и необходимость воплощения закона в реальную жизнь.

Следующей причиной появления правовой деформации является недостаточная эффективность профилактики преступных деяний и это касается и индивидуальной, и организованной преступности [1, 123].

Деятельность правоохранительных органов мало эффективна, при росте числа сотрудников правоохранительных органов криминогенная обстановка не улучшается. Сотрудники в основном тратят силы на раскрытие мелких преступлений. Следствия органов дознания и предварительного следствия используют не предусмотренные законом приемы и средства для признательных показаний. Выявит эти процессуальные нарушения достаточно сложно и кода граждане подвергаются такому воздействию у них и происходит деформация правосознания в различных формах.

В таких ситуациях говорить о качестве закона не приходится, которые как бы не позволяют квалифицировать многие преступления[9].

В качестве следующей причины правовой деформации можно выделить проблемы с функционированием государственных органов власти. Основной проблемой данной структуры являются чиновники.

Чиновники достаточно произвольно интерпретируют законы, что приводит к нарушению «буквы» закона, что в свою очередь влияет на правосознание граждан.

Причины деформации правосознания определяются и проблемами общества, которые являются перманентными и для их решения необходимы программы на государственном уровне.

Таким образом, деформация правосознания — это остро стоящая проблема в нашем обществе. Необходимо обладать способностью вовремя преодолевать и не допускать их возникновения.

«Согласно Конституции РФ Россия провозглашена правовым государством, но затянувшаяся правовая реформа не может быть успешной в том случае, если отсутствует система по повышению уровня правосознания и правовой культуры населения страны. Прямая обусловленность и взаимосвязь правового сознания с разными правовыми явлениями, институтами общества диктуют настоятельную потребность научных исследований этого феномена» [6, с. 121].

Следующим фактором в концепции преодоления деформации правового сознания является проблемы в реализации правовых норм, особенно связанных с защитой прав человека. Право должно быть понятно для любого среднестатистического гражданина и должно восприниматься ими как феномен стоящий на страже интересов людей.

Преодоление деформации правового сознания можно связать с повышением качества принимаемых законов. Т.В. Кашанина считает, что законодательство будет качественным если оно отвечает следующим требованиям: отражает волю государства, стремиться к минимальному количеству нормативных актов, стабильно и своевременно обновляется, полное, конкретное и демократичное [5, с.35].

Качество нормативных актов должно дополняться его возможностью регулировать общественные отношения во времени, пространстве и кругу лиц [7].

На пути преодоления деформации правового сознания необходимо поднять авторитет правоохранительных органов в общественном мнении. Для этого через СМИ активизировать подачу информации об успехах борьбы с преступностью.

Повышение эффективности работы правоохранительных органов, поможет сформировать доверие граждан к их сотрудникам. Поэтому вся деятельность должна быть по возможности максимально прозрачна и открыта.

Деформации правового сознания также порождается существованием законов, которые невозможно исполнить. Причиной такого положения является:

- не разработаны процедуры для реализации основных положений закона;
- в сфере регулирования этим законом определенных отношений доминируют анормальные отношения затрудняющее его функционирование.

В таких ситуациях право не выполняет свои основные функции и как писал И.А. Ильин, «честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке» [3, с. 182].

Поэтому если индивид на сознательном уровне уважает закон и не боясь наказания выполняет предписания закона, то у него не будет проблем с деформацией правового сознания, он соблюдает закон «не за страх, а за совесть» [4, с. 247].

Тенденции развития государства и права зависят от наиболее значительной социальной группы, такой, как молодежь. (Обычно оно составляет около четверти от населения страны). Статистика указывает на то, что уровень криминализации среди молодежи довольно высок. При оценке уровня правовой культуры молодежи необходимо обратиться к уровню их правового сознания. Правосознание характеризуется особенностями социального и психологического характера, поэтому необходимо учитывать ценностные ориентации, нравственные установки молодого поколения.

Россия является многонациональной державой, а поэтому с юных лет мы должны воспитывать толерантность к представителям иных национальностей и народностей, что позволит избежать экстремистских проявлений. Так, на территории Ставропольского края насчитывается более 100 национальностей и народностей. В данном субъекте РФ проводятся регулярные фестивали национальных культур, которые позволяют повысить уровень правовой культуры и правосознания молодежи.

Осознание важности личности, ее прав и свобод в современном государстве является огромным шагом на пути к демократическому обществу. Правосознание без деформации является обязательным условием формирования правового сознания, которая позволит реализовать гражданину свои права и обязанности перед обществом и государством.

Литература

1. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Часть 1. / А.Б. Венгеров.− М.: Юристъ, 2016. – 607 с.

2. Ильин, И. А. Теория права и государства / под ред., биогр. очерк В.А. Томсинова. Изд. 2-е, доп. 2. / И.А. Ильин. − Москва: Зерцало-М, 2014. – 550 с.

3. Ильин, И.А. Наши задачи : историческая судьба и будущее России : статьи 1948-1954 гг. : в двух томах : том 1-[2] / И. А. Ильин ; [сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Смирнов]. − Москва : МП «Рарог», 1992. − 616 с.

4. Ильин, И.А. Путь к очевидности : [Сборник] / И. А. Ильин; [Послесл. В. И. Кураева; Примеч. Р. К. Медведевой]. − М. : Республика, 1993. – 430с.

5. Кашанина, Т.В. Юридическая техника / Т.В. Кашанина.− М.: Инфра-М, 2017. – 495 с.

6. Соколов, Н.Я., Матевосова Е.К. Правовое воспитание в современном российском обществе. Учебное пособие / Н.Я.Соколов, Е.К. Матевосова // Государство и право. − 2016. − №2. − С.121-123.

7. Оксамытный, В.В. Общая теория государства и права: учебник. / В.В. Оксамытный. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 511 с.

8. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. − М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 640 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. −1996. − № 25. − Ст. 2954.

10.Шумилов, А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: Учебник для вузов. / А. Ю. Шумилов. − 3-е изд., доп. и перераб. − Москва : Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. − 391 с.

УДК 342.4(470.345)

СОСТАВ И СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ СЕДЬМОГО СОЗЫВА

Бочкарева Светлана Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Мордовский государственный университет имени. Н.П. Огарева,
tgpogareva@mail.ru

Аннотация. Роль законодательных (представительных) органов с каждым годом возрастает поскольку без качественной законодательной работы невозможно дальнейшее формирование правового государства. Россия, являясь федеративным государством имеет законодательные органы Федерации и законодательные органы ее субъектов. Отсюда и исследовательский интерес к структуре этих органов.

В статье анализируется состав и структура Государственного Собрания Республики Мордовия седьмого созыва.

Ключевые слова: Федеративное государство, субъект, законодательный орган, состав, структура, Государственное Собрание.

COMPOSITION AND STRUCTURE OF THE SEVENTH CONVOCATION OF THE STATE ASSEMBLY OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Bochkareva Svetlana Vladimirovna
candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Ogarev Mordovian State University, tgpogareva@mail.ru

Annotation. The role of legislative (representative) bodies is increasing every year because without high-quality legislative work, it is impossible to further form a rule of law state. Russia, being a federal state, has legislative bodies of the Federation and legislative bodies of

its subjects. Hence the research interest in the structure of these organs.

The article analyzes the composition and structure of the State Assembly of the Republic of Mordovia of the seventh convocation.

Keywords: Federal state, subject, legislative body, composition, structure, State Assembly.

Законодательному (представительному) органу государственной власти Республики Мордовия в январе 2020 года исполнилось 25 лет.

Время, в котором формировалось Государственное Собрание было сложным и очень противоречивым, необходимо было быстро приступить к созданию сильных и эффективных ветвей власти и вернуть утраченное доверие населения республики.

Сначала15 февраля 1994 года был принят Закон Республики Мордовия № 1218-XII «Об органах государственной власти Республики Мордовия» [2].

Затем, сразу же 17 февраля 1994 года был принят Закон № 1223-XII «О выборах депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия» [3].

В ноября1994 год состоялись первые выборы, проходившие по одномандатной избирательной системе, в Государственное Собрание первоначально было избрано 75 народных избранника.

Первая сессия Государственного Собрания Республики Мордовия состоялась 24 января 1995 года. Именно с нее началась напряженная и плодотворная работа по формированию республиканского законодательства. В то рубежное время к руководству пришла команда единомышленников, которые следовали общей идее – желанию возродить сильную республику, дать людям возможность нормально жить и достойно трудиться.

Меркушкин Н.И. был первым, кто возглавил Государственное Собрание. Свой пост он покинул в связи с избранием Главой Республики Мордовия [7].

Всего Государственное Собрание Республики Мордовия созывалось 6 раз.: 1999-2003 гг. – 2 созыв; 2003-2007 гг. – 3 созыв; 2007-2011 гг. – 4 созыв; 2011-2016 гг. – 5 созыв; 2016-2021 гг. – 6 созыв.

За 25 лет работы Государственного Собрания проведено более 230 сессий, рассмотрено свыше 3700 вопросов и принято около 2200 законов.

Из общего числа законов, 462 относятся к бюджетному законодательству, 446 – к области государственного управления, 85 – административному законодательству, 137 – налоговой политике, 179 – регулированию экономических процессов 104 – посвящены избирательной системе, выборам и референдумам, 381 – к сфере деятельности органов местного самоуправления, 228 – совершенствованию социальной политики, 112 – аграрной политике и природопользованию, жилищному строительству, 67 – прочим отраслям [8].

В настоящее время действует Государственное Собрание Республики Мордовия седьмого созыва.

Его выборы состоялись 19 сентября 2021 года в единый день голосования. Одновременно в республике избирали депутатов Государственной Думы Российской Федерации, досрочно Главу Мордовии, депутатов Государственного Собрания, Совет депутатов г.о. Саранск и депутатов органов местного самоуправления.

Общая явка избирателей по республики составила 384000 человек или 65,13% от числа избирателей. Выборы, по мнению ЦИК республики, прошли честно и легитимно, что подтвердили и эксперты партий, и наблюдатели от кандидатов [10].

Выборы депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия, происходят следующим образом: из 48 депутатов 24 избираются в одномандатных избирательных округах и 24 – по партийным спискам.

В Государственное Собрание Республики Мордовия по партийным спискам прошли представители четырех партий: «Единая Россия» с результатом 67,21%, КПРФ – 14,19%, ЛДПР – 9,85% и «Справедливая Россия-За правду» – 6,77%. Во всех 24 одномандатных округах победу одержали представители «Единой России».

В Государственном Собрании Республики Мордовия седьмого созыва места распределились таким образом: 42 получили представители «Единой России», 3 места – КПРФ, 2 – ЛДПР и 1 досталось представителю «Справедливой России-За правду» [11].

В числе депутатов седьмого созыва находятся представители выборных органов – 4 депутата или 8,3%; промышленности – 12 депутатов или 25%; агропромышленного комплекса – 6 депутатов или 12,5 %; транспорта и дорожного строительства – 2 депутата или 4%; здравоохранения – 5 депутатов или 10,4%; образования и науки – 9 депутатов или 18,8%; и другие сферы деятельности – 10 депутатов или 20,8%.

Традиционно среди депутатов преобладают мужчины – 43 или 89,6% и женщин всего 5 или 10,4%. Возраст депутатов.: до 40 лет – 8 человек или 16,7%; от 40 до 50 лет – 14 человек или 29,1%; от50 до 60 лет – 18 человек или 37,5% и старше 60 лет – 8 человек или 16,7%. Все они имеют высшее образование [12].

Депутатский корпус Государственного Собрания обновился более чем на 50%.

Вновь избранные депутаты будут работать в течение пяти лет.

Структура законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации – это внутреннее устройство коллегиального органа, соотношение его элементов и подразделений.

В узком смысле структурно Государственное Собрание является постоянно действующим, однопалатным и законодательным органом республики.

Нормативная основа его деятельности – это Законы Республики Мордовия «О Государственном Собрании Республики Мордовия» [4] и «О выборах депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия» [3].

Структура Государственного Собрания Республики Мордовия седьмого созыва хоть и имеет свои характерные особенности, но сильно не отличается от структур Государственных Собраний предыдущих созывов. В нее входят:

– Председатель Государственного Собрания;

– его заместители;

– Совет Государственного Собрания;

– комитеты и комиссии;

– аппарата Государственного Собрания;

– Представитель Государственного Собрания в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

29 сентября 2021 года абсолютным большинством депутатского корпуса на первой сессии Государственного Совета Республик Мордовия седьмого созыва был избран Председатель Государственного Собрания. Им вновь стал Чибиркин В.В. – депутат Государственного Собрания Республики Мордовия по Ельниковско-Краснослободскому одномандатному избирательному округу №7.

До этого, в Саранске 27 сентября 2021 года состоялась конференция Мордовского регионального отделения партии «Единая Россия», на которой его кандидатура была выдвинута для избрания на эту должность, что стало возможным в результате победы партии на состоявшихся выборах всех уровней.

Что касается заместителей Председателя Государственного Собрания, то по сравнению с прошлым созывом. их стало больше на одного. Ими стали члены партии «Единая Россия» Вдовин С.М. – депутат Государственного Собрания Республики Мордовия

по Московскому одномандатному избирательному округу №18, Долматова Н.В. – депутат Государственного Собрания Республики Мордовия по Центральному одномандатному избирательному округу №21 и член Либерально-демократической партии России – Тюрин Е.П. – депутат Государственного Собрания Республики Мордовия по Республиканскому избирательному округу, общереспубликанской части.

Совет Государственного Собрания обеспечивает организацию его работы и является подотчетным ему органом. Количественный состав – 10 человек: Председатель Государственного Собрания, 3 его заместителя и 6 депутатов: Алехин В.В., Гераськин Т.В., Грибанов В.И., Кузякин Д.В., Левашкин Ю.А., Самолькин К.Г.

Комитеты и комиссии Государственного Собрания согласно республиканскому закону «О комитетах и комиссиях Государственного Собрания Республики Мордовия» состоят из депутатов, являются рабочими органами Государственного Собрания и обладают правом законодательной инициативы [5].

В Государственном Собрании Республики Мордовия седьмого созыва также образовано 6 комитетов и 3 комиссии.

Комитеты:

– по законодательству и законности;

– по бюджету финансам и налогам:

– по экономике, промышленности и предпринимательству;

– по аграрным вопросам, природопользованию и строительству;

– по социальной политике;

– по вопросам местного самоуправления.

Заметим, что двое из шести председателей комитетов Государственного Собрания работают на постоянной основе: Долматова Н.В. – председатель комитета по социальной политике и Алёхин В.В. – председатель комитета по законодательству и законности.

Комиссии:

– по Регламенту и организации работы сессий Государственного Собрания;

– по вопросам депутатской этики;

– по контролю за достоверностью сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Государственного Собрания.

Аппарат Государственного Собрания Республики – это государственный орган. В его компетенцию входит организационное, правовое, документационное, аналитическое, информационное, финансовое, материально-техническое, социально-бытовое обеспечение деятельности Государственного Собрания Республики Мордовия, его Совета, комитетов и комиссий, Председателя Государственного Собрания, его заместителей, депутатов Государственного Собрания и депутатских объединений.

Аппарат имеет собственную структуру, в которую входит 3 управления и 7 отделов, а также Приемная Государственного Собрания, Старший советник и Помощник Председателя Государственного Собрания.

Непосредственное руководство Аппаратом осуществляет его руководитель. Возглавляет Аппарат Государственного Собрания Республики Мордовия седьмого созыва Савинова Е.Ю.

Общее руководство и контроль за деятельностью Аппарата осуществляет Председатель Государственного Собрания.

Сенатором в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации был избран Тултаев П.Н.

Литература

1. Конституция Республики Мордовия: Принята Конституц. Собр. Респ. Мордовия 21 сентября 1995 г». [Электронный ресурс]: (с изм. и доп.). Режим доступа из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 01.11.2021).
2. Закон Республики Мордовия «Об органах государственной власти Республики Мордовия». [Электронный ресурс]: (с изм. и доп.). Режим доступа из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 01.011.2021).
3. Закон Республики Мордовия «О выборах депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия». [Электронный ресурс]: (с изм. и доп.). Режим доступа из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 01.11.2021).
4. Закон Республики Мордовия. «О Государственном Собрании Республики Мордовия». [Электронный ресурс]: (с изм. и доп.). Режим доступа из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 01.11.2021).
5. Закон Республики Мордовия «О комитетах и комиссиях Государственного Собрания Республики Мордовия». [Электронный ресурс]: (с изм. и доп.). Режим доступа из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 01.11.2021).
6. Регионы России: хроника и руководители. Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская Республика / Под ред. К. Мазуцато. – Екатеринбург: «Полиграфист», 2000. – Т. 7.
7. Государственное Собрание Республики Мордовия: история становления и развития 1995-2015 гг. / [сост.: В. А. Юрченков и др.] – Саранск: Типография «Красный Октябрь». 2014. – 188 с.
8. Государственное Собрание Республики Мордовия шестой созыв / [составитель: Государственное Собрание Республики Мордовия] – Саранск: ООО «Республиканская типография «Красный Октябрь». 2020. – 136 с.
9. Никитина, Т. В основе победы – большая работа с людьми / Т. Никитина // Известия Мордовии. – 2021. – 22 сентября.
10. Савойский, Р. Конструктивный диалог между партиями поможет развитию Мордовии / Р. Савойский // Известия Мордовии. – 2021. – 24 сентября.
11. Злобина, И. Сообща можно решить все сложные вопросы / И. Злобина // Известия Мордовии. – 2021. – 1 октября.
12. Седьмой созыв // Известия Мордовии. – 2021. – 6 октября.

УДК 340

ЗАКОННОСТЬ И ЕЕ ГАРАНТИРОВАНИЕ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Еремин Алексей Роальдович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, eralro@mail.ru

Аннотация. В статье изучается содержание категории законность. Рассматриваются особенности и условия гарантирования законности. Показываются существующие подходы в определении обеспечения законности. Особое место уделено изучению юридических гарантий в обеспечении законности.

Ключевые слова: законность, правовое государство, гарантии, государственные органы.

LEGALITY AND ITS GUARANTEE IN A STATE GOVERNED BY THE RULE OF LAW

Eremin Alexei Roaldovich
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Ogarev National Research Mordovian State University, eralro@mail.ru

Summary. The article examines the content of the category legality. The features and conditions of guaranteeing legality are considered. The existing approaches in determining the rule of law are shown. A special place is given to the study of legal guarantees in ensuring the rule of law.

Keywords: legality, the rule of law, guarantees, state bodies.

Укрепление законности в демократическом правовом государстве является составной частью всего правового режима государства, и, следовательно, сама законность выступает руководством для осуществления какой-либо деятельности в государстве.

В рамках построения правового государства тема законности и ее гарантирования является одной из ключевой, т.к. правовое государство не может существовать вне законности и правопорядка.

В юридической науке под гарантиями законности принято понимать факторы, условия и иные средства специального назначения, которые обеспечивают законность [2, с. 187].

Законность в широком понимании предполагает соблюдение законов всеми субъектами правовых отношений.

Нарушение законности предусматривает выявление правонарушений, которые оказывают прямое влияние на законность [6, с. 448]. В юридической литературе существует следующие аспекты понимания законности:

1. Первая трактовка предусматривает и описывает законность как принцип государственной и правовой жизни.

2. Вторая трактовка предусматривает развитие и установление правовых границ в отношении участников правоотношений, что является важной гарантией при обеспечении законности.

Обеспечение законности предполагает и конституционную законность, верховенство закона. При этом Конституция и иные законодательные акты выступают как источники, обладающие высшей юридической силой [5, с. 27]. Реализация законов, предусмотренных данными источниками, является всесторонней. Это требует гарантированное и эффективное действие законодательных актов. Однако для этого необходима система юридической защиты Конституции и иных нормативно-правовых актов.

В юридической литературе выделяют общие и специальные юридические средства обеспечения законности. К общим условиям можно отнести условия объективного характера общественной жизни населения. Соответственно, необходимо сказать, что регулирование осуществляется на основании созданных определенных условий.

Так, общие условия могут быть политическими, экономическими, идеологическими, социальными и правовыми:

1) Политические. Условием исполнения и установления гарантий законности политического характера выступает деятельность государственных органов;

2) Экономические. Большое значение имеют экономические гарантии законности. В данном случае это связано с реализацией процессов экономического характера, например, обеспечение занятости, поддержание и развитие хозяйственной и предпри-

нимательской деятельности. Иными словами, требуется обеспечение устойчивого финансового положения граждан, что будет своего рода минимизировать развитие криминальных ситуаций;

3) Идеологические. В данном случае гарантией выступает правовая культура и правовое воспитание;

4) Социальные. Важным фактором выступает уровень социальной обеспеченности;

5) Правовые. Правовые условия являются ключевыми на пути обеспечения законности. Стоит отметить, что именно законодательная база является характеризующим законность звеном. Это связано с тем, что для исполнения законов и поддержания законодательного исполнения на должном уровне, необходима разработка такого законодательства, которое бы имело совершенную техническую разработку. Это обусловлено тем, что техническая разработка является практически главным основанием для соблюдения законов. Отсутствие ошибок, размытости, пробелов в некоторых моментах и отсутствие противоречий являются главных фактором к обеспечению выполнения необходимых законов [3, с. 78].

Специальными юридическими средствами выступают организационные средства юридического и организационного обеспечения законности. Первые являются совокупностью средств, которые имеют законодательное закрепление, а также имеют свое содержание по применению и осуществляющие защиту прав и свобод. Здесь стоит отметить существование средств обнаружения нарушений законов. Данные нарушения выявляют органы прокуратуры, Конституционного Суда и иные органы, имеющие соответствующие полномочия. Обеспечение гарантий законности, является обязанностью компетентных в данном вопросе органов. Также, к специальным юридическим средствам необходимо отнести средства предупреждения правонарушений [7, с. 57].

Важно выделить роль процессуальных гарантий, которые являются необходимым фактором процессуального обеспечения законности.

Как справедливо отметила А.О. Ландышева важное значение в гарантировании законности в правовом государстве играют юридические гарантии [8, с. 51]. Суть их сводится к тому, что они внутри себя содержат определенные предписания, с помощью которых происходит гарантирование того, что все нормативные правовые акты должны неукоснительно и точно соблюдаться всеми субъектами права. Соответственно такие предписания аккумулированы в соответствующие нормы права, которые как мы знаем предписывают адресатам обязательные формы поведения. Также в содержание юридических гарантий входит, и непосредственная деятельность государственных органов и должностных лиц которая представляет собой создание неких эталонов, в соответствии с которыми исполняются требования правовых норм. Следующим элементом юридического гарантирования необходимо назвать привлечение виновных лиц к юридической ответственности и наложения на них соответствующих видов наказания. И наконец, деятельность всех субъектов публичной власти по созданию условий для недопущения нарушения законодательства.

Раскрыв содержание юридических гарантий можно назвать и формы, в которых это гарантирование может осуществляться.

Исходя из анализа поставленной проблемы, мы можем говорить, о выделении двух обобщающих форм юридического гарантирования законности в правовом государстве. В частности, это правовое предписание и сама непосредственная деятельность органов публичной власти в государстве.

Непосредственная реализация формы правового предписания представлена как основополагающий принцип закрепленный в нормативном правовом акте [1, с. 20].

Необходимо понимать, что соответствующее правовое предписание, закрепленное в норме права может не напрямую определять законность. Здесь большинство закрепленных принципов сосредоточены в Основном законе России и имеют прямое действие в своей реализации.

Правовая категория законность связана с юридическими гарантиями таким образом, что последние создают направленность деятельности государства и общества на претворение в жизнь этой категории. В связи с этим для полноценной законности и ее стабильности необходима и практическая составляющая, которая представлена деятельностью всей системы публичной власти в Российской Федерации.

Вся деятельность соответствующих органов публичной власти по реализации законности может быть представлена:

– правотворческими мерами обеспечения законности;

– пресекательными мерами в отношении правонарушений и привлечения виновных к юридической ответственности с определением наказания;

– контрольными и надзорными мерами обеспечения законности.

Сущность первой группы мер заключается в обеспечении качества и эффективности законов, недопущения существования неконституционных, не отвечающих требованиям законности правовых актов. В Российской Федерации данная деятельность присуща прежде всего Конституционному Суду. Так, согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» к полномочиям конституционного суда в сфере обеспечения законности в сфере правотворчества можно отнести проверку на соответствие Конституции Российской Федерации нормативно-правовых актов высших органов государственной власти и Президента Российской Федерации. Обеспечение же законности касательно иного правотворчества можно отнести согласно ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» к деятельности прокуратуры.

К мерам пресечения правонарушений и обеспечению неотвратимости наказания за противоправные деяния можно отнести основные направления деятельности большинства правоохранительных органов государства (органы внутренних дел, суды, органы федеральной службы безопасности и др.), а также эту деятельность могут попутно, наряду с основными функциями осуществлять и другие органы [4, с. 87]. Например, функция осуществления мер по обеспечению законности относится и к Правительству РФ.

Таким образом, существуют различные гарантии обеспечения законности. Как и общие, так и специальные гарантии важны для обеспечения законности.

Литература

1. Бойко Д. В. Правовые цели и принципы как гарантии законности в правоприменительном усмотрении / Д. В. Бойко // Вестник волгоградской академии МВД России; учредитель Волгоградская академия МВД РФ: Волгоград, 2020. – № 4. – С. 19-23.

2. Ветышева Э.С. Понятие и гарантии законности / Э.С. Ветышева // Актуальные вопросы современных научных исследований. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А. И. Вострецова. – Нефтекамск: Мир науки, 2019. – С. 187-194.

3. Демченко А.А. Гарантии законности и правопорядка в современной теоретико-правовой мысли / А.А. Демченко, А. М. Исмаилов // Перспективные направления взаимодействия науки и общества как основа инновационного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2020. – С. 76-80.

4. Кашкарева Э.Р. Гарантии обеспечения законности / Э.Р. Кашкарева // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России. Материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С. 86-88.

5. Колосова Н.М. Обеспечение конституционной законности / Н.М. Колосова // Законность в Российской Федерации. – Москва: Спарк, 2008. – С. 27-47.

6. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С.А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2019. – 506 с.

7. Ландышева А.О. Законность и ее гарантии / А.О. Ландышева // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве. Сборник научных статей по итогам работы второго международного круглого стола. – Москва: ООО «Конверт», 2019. – С. 56-58.

8. Мусилимова К.С. Юридические гарантии обеспечения законности нормативно-правовых актов исполнительных органов / К.С. Муслимова // Международный журнал экспериментального образования; учредитель ООО «Научно-издательский центр «Академия естествознания»: Москва, 2015. – № 11. – С. 50-52.

УДК 94/95

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Иванов Александр Михайлович
кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленский филиал
aleks-i-82@yandex.ru
Иванова Елена Александровна
кандидат исторических наук, начальник отдела по взаимодействию с общественными и религиозными организациями управления общественных связей и информационной политики Департамента Смоленской области по внутренней политике.
Elena-i-82@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена изменениям в административно-территориальном делении Смоленской области на примере создания Глинковского района. Авторы по данным Государственного архива новейшей истории Смоленской области, используя сравнительные таблицы, раскрывают основные показатели существовавших и проектируемых районов Смоленской области, показатели по Ельнинскому и проектируемому Глинковскому району, показатели по разукрупнению и вновь создаваемому Глинковскому району, его сельскохозяйственные районы и штат работников.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, районирование, разукрупнение, укрупнение.

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION IN THE SOVIET UNION IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY BASED ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION

Ivanov Alexander Mikhailovich
Ph.D., Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch of the aleks-i-82@yandex.ru
Ivanova Elena Alexandrovna
Ph.D., Head of the Department for Interaction with Public and Religious Organizations of the Department of Public Relations and Information Policy of the Department of Internal Policy of the Smolensk Region. Elena-i-82@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to changes in the administrative-territorial division of the Smolensk region on the example of the creation of the Glinkovsky district. According to the State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region, using comparative tables, the authors reveal the main indicators of the existing and projected districts of the Smolensk region, indicators for the Yelninsky and the projected Glinka district, indicators for the unbundling and newly created Glinka district, its agricultural areas and staff of employees.
Keywords: administrative-territorial division, zoning, unbundling, consolidation.

Административно-территориальное деление на любом этапе исторического развития является важной и в силу своей комплексности достаточно сложной проблемой государственной политики. Оно служит территориальной и социально-экономической основой для построения и функционирования всех уровней власти. Улучшение деятельности различных звеньев аппарата управления требует надлежащей, научно обоснованной территориальной структуры, обеспечивающей организацию территории, соответствующую задачам и полномочиям всех уровней власти. Кроме того, административно-территориальное деление призвано способствовать быстрому стабильному развитию отдельных регионов государства, способствуя созданию правовых и материальных предпосылок для ускорения экономического развития страны в целом. [5, с. 53]

Системный подход к региональному механизму власти позволяет уяснить его роль и значение в процессе выработки принципов и механизмов функционирования советской государственности. Периодизация процесса эволюции районирования России ярко свидетельствует о наличии попеременных волн укрупнения и разукрупнения административно-территориальных единиц. Этапы укрупнения и разукрупнения (размельчения), как правило, разделяются длительными фазами устойчивого равновесия. Резкие изменения в существующей структуре административно-территориального деления происходили главным образом в связи с изменениями политического режима государства, а также со сменой принципов региональной политики, политики хозяйственного освоения и принципов управления территорией и регионами. [4, с. 5-6]

Созданная в сентябре 1937 г. Смоленская область включала в своей состав 49 районов, в октябре 1938 г. были вновь созданы еще 3 района (Батуринский, Слободской, Касплянский), а в мае 1939 г. созданы еще два района – Семлевский и Куйбышевский. В июне 1944 г. из Смоленской области во вновь образованную Калужскую область было передано 13 районов, а в августе 1944 г. в Великолукскую область переданы 3 района (Бельский, Ильинский, Усвятский), а так же 6 сельсоветов Велижского и 3 сельские совета Пречистинского районов. [8, с. 68]

Впоследствии при упразднении Великолукской области территория Усвятского района и бывших сельсоветов Велижского района была включена в состав Псковской

области, а территория Бельского, Ильинского и 3 сельсоветов Пречистенского районов – в состав Калужской области. В Брянскую область было передано несколько населенных пунктов Прыщанского сельсовета Ершичского района. В 1961 г. был упразднен Глинковский район (восстановлен в 1980 г.), а в 1963 г. – Велижский, Дорогобужский, Краснинский, Угранский, Хиславичский и Холм-Жирковский районы (восстановлены в 1965 г.), Ершичский, Новодугинский, Темкинский (восстановлены в 1972 г.), Кардымовский (восстановлены в 1977 г.) районы. [9, с. 30]

В 1956 г. Красноармейский и Сталинский районы г. Смоленска были объединены в один район Центральный, в 1957 г. упразднено районное деление, расформирован Заднепровский и Центральный районы, в 1965 г. образованы Заднепровский и Промышленный районы г. Смоленска, в 1979 г. образован новый – Ленинский район, за счет части территории Заднепровского и Промышленного районов. [5, с. 54]

Смоленская область в начале 1980-х занимала территорию в 49,9 тысяч квадратных километров. Общая земельная площадь совхозов и колхозов, других сельскохозяйственных предприятий и организаций составляло 4,9 млн. гектаров, в том числе сельскохозяйственные угодья занимали 2,6 млн. гектаров, из них - 1,6 млн. гектаров пашни. В среднем на один район приходилось 204 тысячи гектаров земли. В ряде районов после укрупнения в 1960 г. значительная часть совхозов и колхозов оказалась удаленной от административных центров на 50 и более километров. [1, л. 196-199]

К числу таких районов относится образованный в 1929 г. Ельнинский район, в состав которого входит территория бывших Ельнинских и Глинковских районов, наиболее пострадавших в войну. На этой земле родилась Советская Гвардия. Длительное время районы служили местом действия крупных партизанских отрядов и были полностью разорены гитлеровцами. Глинковский район 21 августа 1961 г. был упразднен и присоединен к Ельнинскому району. [2, с. 30, 415]

На 1980-й год территория Ельнинского района составляла 294 тысячи гектаров с числом населённых пунктов более 400. Протяжённость района с запада на восток составляла около 100 километров. В нем имелось 12 колхозов и 19 совхозов, из них только 8 связаны с районными центрами автомобильными дорогами. Земли района находятся в лесистой и заболоченной местности, для них характерна мелкоконтурность. Все это усложняло руководство и управление совхозами и колхозами, создавало определённые трудности в культурно-бытовом и медицинском обслуживании населения, вело к усилению миграции из села, сдерживало темпы развития экономики района. [1, л. 196]

Решение возникших задач по дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Нечернозёмной зоне РСФСР требовало оперативного руководства совхозами, колхозами, предприятиями и стройками, культурно-бытовыми учреждениями, а также улучшения обслуживания сельского населения. В связи с этим Смоленский обком КПСС рассматривал вопрос о разукрупнении Ельнинского района и восстановлении Глинковского района в границах 1960 года с центром в посёлке Глинка. Совхозы и колхозы, прилегающие к этому посёлку, до сих пор осуществляют с ним экономические и социально-культурные связи и практически обособлены от районного центра г. Ельни. [1, л. 197]

В посёлке Глинка имелся льнозавод, молочный завод, отделение сельхозтехники и селькозхимии, мелиоративная ПМК, железнодорожная станция, предприятие хлебопродуктов, объекты торговли, быта, связи и базы снабжения, а также средняя школа, Дом культуры, больница. Было начато строительство крупного швейного цеха местной промышленности, в посёлке проживало около трех тысяч человек. С образованием

Глинковского района численность партийной организации должна была превысить 1100 коммунистов. [1, л. 198]

В составе Глинковского райкома КПСС создавалась новая структура и штат в составе 13 ответственных и 4 технических работников, для укомплектования штатов было выделено 5 единиц ответственных работников за счёт сокращения их в Ельнинском и Дорогобужских райкомах партии. Организация Глинковского райкома КПСС: секретариат – первый секретарь, второй секретарь, секретарь; организационный отдел – заведующий отделом, зав. зав. отделом – зав. сектором партучета, 3 инструктора; отдел пропаганды и агитации – заведующий отделом, зав. зав. отделом – зав. кабинетом политпросвещения, 2 инструктора; общий отдел – заведующий отделом. Всего 13 работников, + 4 технических работника – технический секретарь, статистик-учётчик, машинистка, бухгалтер. Также Смоленский обком КПСС просил выделить дополнительно для вновь образуемого Глинковского райкома КПСС 8 единиц ответственных работников и 4-х технических. [1, л. 121]

После 20 лет 20 октября 1980 г. Глинковский район Смоленской области был восстановлен как самостоятельная административно-территориальная единица. [2, 415] Площадь района 1 223 км², население 4 034 чел. (2020 г.). Городских поселений нет. Средняя плотность населения 3,3 чел. на 1 км^2. Центр района – село Глинка. На территории района находится 90 населённых сельских пунктов. Первоначально Законом Смоленской области от 02.12. 2004 г. создано 6 муниципальных образований со статусом сельских поселений. Законом Смоленской области от 20.12.2018 г. N 172-з, к 1 января 2019 года были упразднены 3 сельских поселения: Бердниковское сельское поселение Белохолмское и Ромодановское сельские поселения. Крупнейшие сельские населённые пункты: с. Глинка – 2189, д. Добромино – 629, д. Петрапавловка – 271, д. Белый Холм – 254. [3, с. 97]

В целом система административно-территориального деления Смоленской области, сформировавшаяся к 1980 г. сохранилась до настоящего времени. Изменения 1985-1991 гг. были несущественны и связаны в основном с уточнениями границ сельсоветов и районов и населённых пунктов. [6, с. 35] Будущее России за крупными и эффективными территориальными комплексами, способными к проведению устойчивой региональной политики. Для реализации этого необходимо учитывать не только мировой опыт государственного строительства, но положительные и негативные уроки собственной истории. [7, с. 19]

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области.− Ф. 6. − Оп. 50. − Д. 55. − 1980 г.− Л. 116-124.

2. Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. – М.: Моск.рабочий, 1981. − 178 с.

3. Аниськин, В.О. Глинковский район. / Смоленская область. Энциклопендия.− Т. 2. СГПУ, Т. 2: А-Я. − 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова).

4. Аксёнова, Е.К., Иванов А.М. Административно-территориальное реформирование смоленской области в период Перестройки (1985-1991): проблемы и перспективы / Е.К. Аксёнова, А.М. Иванов // XVIII Международная научная конференция «Прикладные и фундаментальные исследования» (30 марта, 2019, Сент-Луис, Миссури, США) Russian Studies in Culture and Society Volume 3, Number 1, 2019.− С. 4-11.

5. Аксенова, Е.К., Иванов А.М. Изменения административно-территориального деления города Смоленска в 1950-х - конце 1970-х гг. по материалам Государственного архива Новейшей истории Смоленской области / Е.К. Аксёнова, А.М. Иванов // Город и

городская жизнь в России XVI-XXI веков. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова. Под редакцией М.В. Зайцева. 2020.– С. 53-59.

6. Иванов, А.М. Административно-территориальное реформирование Смоленской области в период Перестройки (1985-1991): проблемы и перспективы /А.М. Иванов // Исторический бюллетень. – 2018. – Т. 1. – № 3. – С. 26-35.

7. Иванов, А.М. Проблемы и перспективы административно-территориального деления Советского Союза в период Перестройки (1985-1991 гг.) на примере Смоленской области /А.М. Иванов // Юридические науки: стратегия развития в XXI веке [Текст]: материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, 27 ноября 2018 года г. Смоленск / Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии ; [ред. коллегия]. – Смоленск: Свиток, 2019.– С. 13-19.

8. Иванова, Е.А. Административно-территориальная реформа в РСФСР и ее влияние на социальное, экономическое и культурное развитие Западной области (1918-1937) / Е.А. Иванова.– Смоленск, 2009. – 200 с.

9. 60 лет Смоленской области. Статистический сборник. – Смоленский облкомстат. – 1997. – 272 с.

УДК 340.132

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

Лезина Елена Петровна
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, lezina_l@mail.ru
Соколов Александр Дмитриевич
студент магистратуры II курса, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, alex98sokolov@mail.ru

Аннотация. Идеи Спенсера оказали особое влияние на развитие либеральной составляющей политической мысли не только в Англии, но и других странах, в частности на либеральную среду России. Мыслитель отстаивал развитие общественных процессов и формирование государственности как четкий определенный путь и постепенность качественных изменений без радикальных и резких преобразований. Спенсер стал основоположником либеральной позиции, согласно которой эволюция, как основной и общий закон всех изменений, происходящих в обществе, представляется постепенным изменением, которое приводит к некоторому «подвижному равновесию».

Ключевые слова: Герберт Спенсер, теория эволюционизма, «Личность и государство», английский либерализм, органический подход.

HERBERT SPENCER POLITICAL AND LEGAL VIEWS

Lezina Elena Petrovna
PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, National Research Ogarev Mordovia State University,
lezina_l@mail.ru
Sokolov Aleksandr Dmitryevich
1st year master's student, National Research Ogarev Mordovia State University,
alex98sokolov@mail.ru

Summary. Spencer's ideas had a particular impact on the development of the liberal component of political thought not only in England, but also in other countries, in particular on the liberal environment in Russia. The thinker defended the development of social processes and the formation of statehood as a clear, definite path and gradualness of qualitative changes without radical and abrupt transformations. Spencer became the founder of the liberal position, according to which evolution, as the basic and general law of all changes occurring in society, appears to be a gradual change that leads to a kind of «mobile equilibrium».

Keywords: Herbert Spencer, theory of evolutionism, «The Man versus the State», English liberalism, organic approach.

XIX век представляется в истории, как один из прогрессивных, наполненных политическим содержанием и плюрализмом различных мнений относительно государственно-политических преобразований, которые внесли заметный вклад в политико-правовую науку.

Одним из видных деятелей XIX века является Герберт Спенсер. Являясь английским философом и социологом, он активно уделял свое внимание и другим дисциплинам, таким как биология, психология, история, став основателем органической школы в социологии.

Спенсер считается одним из основателей теории эволюционизма, такого направления в антропологии и этнографии, сторонники которого предполагали существование универсального закона общественного развития, заключающегося в эволюции культуры от низших форм к высшим, от дикости к цивилизации. Основными аспектами данного направления мысли является то, что общественная жизнь, относительно данной позиции, представляется всеобщей борьбой за существование, своего рода некий естественный отбор, при котором выживают и развиваются исключительно самые приспособленные виды, но при этом следуя не только природным законам, а также обращая особое внимание на социальные законы, которые устанавливаются и закрепляются в обществе. Он автор термина «выживание наиболее приспособленных».

Спенсер является ярким приверженцем позиции о том, что общество представляется неким агрегатом, определенным механизмом и организмом, который развивается по общим законам эволюции, то есть постепенного прогрессивного развития с соблюдением законов, которые принимаются обществом и поддерживаются государством. Спенсер считал, что в результате дифференциации и интеграционных процессов в обществе постепенно образуются политические формы, которые должны соответствовать темпам развития самого общества и отвечать непосредственным усложняющимся процессам в таком обществе. С развитием общественных отношений усложняются и дополняются политические формы, которые приобретают более сложную внутреннюю структуру и дополняются отдельными составными частями, способными отвечать необходимым потребностям эволюционирующего общества.

Спенсер отмечает: «Люди, которые видят в истории обществ только историю великих людей и думают, что эти великие люди направляют судьбы обществ, упускают из виду, что сами эти великие люди суть порождение этих обществ. Не будь известных предшествовавших обстоятельств, известного общего уровня национального характера, эти великие люди не могли бы народиться и получить то образование, которое их развило. Если общества, к которым они принадлежали, преобразовывались до известной степени ими, то они, со своей стороны, и до и после рождения образовывались этими обществами, являлись результатом всех тех влияний, которые способствовали сформированию унаследованного этими людьми характера и сообщили им с раннего возраста известное направление, верование, нравственный склад, познания и стремления» [3].

Актуальным данный вопрос является в связи с тем, что именно Г. Спенсер, как основоположник социологической науки, впервые более полно и подробно использовал аналогичную терминологию, а также сопоставил процесс развития животной среды с процессами развития и преобразования общества, олицетворяя в его с живым организмом, который растет и развивается по определенным законам.

Спенсер представлял позиции о том, что процессом развития и образования более сложных живых организмом сопоставимы общественные процессы, которые также характеризуются осложнением, развитием отдельных составных частей социума. Таким он представлял себе процесс образования от менее составных и простых социальных групп, таких как племя, род, в более сложные и много функционирующие, а именно общины, города-государства, империи и т.д.

В своих трудах Спенсер пишет о том, что развитие отдельных общественных групп неразрывно связано и на них оказывает влияние развитие других групп, которые могут отличаться ступенью своего развития как в сторону более развитого, так и менее развитого, но непосредственно оказывающего существенное воздействие на другие группы. Этим обуславливается зависимость и поступательное соблюдение природных и социальных законов, которые определяющее значение отводят взаимодействию с окружающим миром и с другими социумами, определяя тем самым эволюционные процессы развития.

Отдельное внимание мыслитель уделял вопросам образования государства, в частности он говорил о том, что первоначальная дифференциация, от которой берет начало образовательный процесс всей государственности – это семейная дифференциация, когда мужчина представляется властителем, обладающим большей властной силой по сравнению с женщинами. Но вместе с этой градацией происходит и одновременная в обществе мужчин, когда одни представляются более зависимыми по сравнению с другими, образование рабовладельческих процессов, подчинение определенному классу другому и постепенное образование зависимого класса. На формирование такой классификации особую роль играет завоевательные процессы, которые определяются целями завладением ресурсов, необходимых к существованию. С образованием класса рабов-военнопленных и начинается «политическое разделение между правящими структурами и структурами подвластными, которое продолжает идти через все более высокие формы социальной эволюции»[1, с. 15.].

Спенсер в своих трудах определяет несколько типов (строев) организации управления в обществе, которые являются отправными точками к образованию государственности. В качестве другого типа или строя он выделяет промышленный или индустриальный тип организации общества. Данный тип представляется кардинальными отличиями по сравнению с завоевательским типом, поскольку он характеризуется добровольностью к взаимодействию между членами общества, свободой выбора трудовой

деятельности, особой важностью частной собственности, а также личная свобода и представительный характер управленческого аппарата, регулирующего, возникающие в обществе процессы и вопросы. Отправной точкой развития такого типа организации Спенсер считает возникновение у людей необходимости к «мирному соперничеству и мирным путям борьбы за существование»[4, с. 183.].

Основное направление развития общества Спенсер видит в движении к более высокому промышленному типу, отступления от военной составляющей развития общественного уклада жизни людей и преобладанием свободы человеческой жизни в пределах ограничения её свободой другого социума, а также движение от общественного порядка при котором индивиды существуют для государства: к такому, при котором исключительно государство существует для индивидов, характеризуя тем самым эволюцию политической составляющей организации общественной жизни[4, с.142.].

В своей работе, которая получила широкое распространение, а именно «Личность и государство» Спенсер обосновывает свою точку зрения относительно того, что обществу следует отойти от обожествления государственного управления и тех политических деятелей, которые стоят во главе государственного аппарата. Он представлял позицию того, что монарх не должен обожествляться, поскольку сверхъестественное обоснование власти политических единиц не подлежит признанию в обществе, поскольку на таком обосновании не может закрепляться их притязание на неограниченную власть. Именно эту мысль в своем труде и хочет донести до общества Спенсер, подвергая обожествление властительных структур радикальному изменению и иному обоснованию.

В заключение следует уделить особое внимание теме органического подхода Спенсера. Как уже было сказано, Спенсер видел в обществе некий организм, сопоставляя их как синонимы, поскольку по мере развития общества, появления новых критериев дифференциации его функций и появления новых органов управления представляется необходимость большей степени согласованности действий, порождая регулируемые общественные процессы. Именно такие процессы и свойственны организму в его эволюционном развитии. Структурную составляющую организма и общества Спенсер тоже представляет идентичной, поскольку в организме сознание сконцентрировано в одной небольшой части, которая представляет дальнейшее направление развития и функционирования, так же, как и в обществе, отождествляя это сознание с правящей политической формой, которая задает основные пути развития государства, его общественных процессов, регулирование протекания развития общества. Спенсер утверждает, что «общество существует исключительно для блага своих членов, а не члены существуют для блага общества» [2, с. 226.]. Этими словами Спенсер подчеркивает, что те общественные интересы, которые являются преобладающими по своей правовой природе не имеют существенного значения, они становятся таковыми лишь постольку, поскольку воплощают в себе интересы индивидов.

Согласно органической теории мыслитель приводит положения о том, что на вершине общественных ценностей необходимо закрепление приоритета прав личности над правами общества, поскольку именно личность, индивид, является основополагающим звеном, то есть, связующей частью общественного аппарата, которая представляется таковой для каждого развитого общества.

Подводя итог вышесказанному можно определить, что Спенсер представляется в доктрине одним из крупнейших представителей европейского либерализма XIX века. Именно его органический подход, и те положения, которые им были представлены позволили обществу по-новому взглянуть на его традиционные политико-правовые проблемы. Г. Спенсер вошел в историю научной мысли, как создатель универсального учения об

эволюции материи, которое подвело итог развития научного знания по состоянию на вторую половину XIX века и стало для своего времени классическим.

Во всяком случае можно с полной уверенностью констатировать тот факт, что в нашей правовой действительности не хватает данного систематического учения, в котором были бы обобщены открытия во многих сферах научного знания, представлены значимые процессы развития общественной жизни, а политико-правовая наука была бы разработана с точки зрения единой научной картины мира.

Литература

1. Спенсер, Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое / Г. Спенсер. – М.: Либроком, 2013. – 232 с.

2. Спенсер, Г. Личность и государство / Г. Спенсер. – М.: Социум, 2007. – 208 с.

3. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские. В 3 т. /Под ред. Н.А. Рубакина. Т. 1. – Петроград: Тип. Минькова, 1915-1916. – 284 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008405500?page=142&rotate=0&theme=white

4. Спенсер, Г. Политические сочинения. В 5 т. Т. 3. История политических институтов / Г. Спенсер. – М.: Социум, 2015. – 380 с.

5. Вейсман, А. Всемогущество естественного отбора (сборник) / А. Вейсман. – М.: Либроком, 2015. – 124 с

УДК 341.213.4

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Любушкин Василий Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, valyu82@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этапы становления российского федерализма. Анализируются проблемы становления и развития федерализма в России в период возникновения советского государства и его распада, а также реформирование государственного устройства перед принятием Конституции РФ.

Ключевые слова: федеративное государство, союз, федерализм в Российской Федерации.

PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF FEDERALISM IN RUSSIA

Lyubushkin Vasily Anatolyevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Ogarev National Research Mordovian State University, valyu82@yandex.ru

Summary. The article discusses the stages of the formation of Russian federalism. The problems of the formation and development of federalism in Russia during the emergence of the Soviet state and its collapse, as well as the reform of the state structure before the adoption of the Constitution of the Russian Federation are analyzed.

Keywords: federal state, union, federalism in the Russian Federation.

Российское государство за многовековой период своей истории прошло в своем развитии разные этапы: периоды дробления сменялись периодами укрепления государственной власти. Очередной период распада государства пришелся на конец существования Российской империи (октябрь 1917 г.), складывающейся столетиями. Огромные пространства некогда могущественного государства оказались разделены под влиянием установившихся националистических правительств в различных регионах империи.

Территориальное единство было восстановлено большевиками в рекордно короткие сроки (за 5 лет), основой такого успеха послужило предложение о создании федеративного государства, характеризующегося равноправием его субъектов [7, с. 112-113].

Таким образом, российский федерализм начал складываться в 1917 г. и в процессе своей эволюции прошел три основных этапа:

1) утверждение основ социалистического федерализма (1918–1936 гг.);

2) организация государственной власти на основе утвердившегося унитаризма при условии сложной организации территории России (1937–1985 гг.);

3) реформирование государственного устройства перед принятием Конституции РФ 1993г.

В дореволюционный, но уже кризисный период российской государственности, были выдвинуты два варианта утверждения нового для России государственного устройства. Первым вариантом, предлагаемым социал-демократами, было создание в рамках унитарной организации государственной территории культурно-национальной автономии. Вторым вариантом было создание федеративного государства. Лидер большевиков В. И. Ленин пришел к выводу о необходимости восстановления целостности государства по средствам установления федеративных отношений, обосновывая свою точку зрения тем, что федерализм – есть переходная форма к единству народов [4, с. 438].

Так, Федерация, создаваемая большевиками, имела основной своей целью решение национального вопроса, что нашло выражение в присвоении статуса автономий и наделением основными чертами государственности, вплоть до права на сецессию, тех частей государства, где наиболее компактно проживали нерусские народы.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что форма устройства российского государства не была установлена первыми актами Советской власти, что может свидетельствовать об осторожности большевиков в данном вопросе. Обращение II Всероссийского съезда Советов «О переходе власти к Советам», принятое сразу после победы Октябрьской революции, не содержало в себе упоминания об установлении федеративной формы государственного устройства на территории России. Так же, федерализм не был установлен и в постановлении этого съезда «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства» от 8 ноября 1917 г.

Форма государственно-территориального устройства возникшего государства впервые была официально провозглашена в январе 1918 г. на III съезде Советов в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», включенной позднее в текст Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. [6, с. 12-13]. Более детально федеративное устройство России было отражено по средствам принятия III Всероссийским съездом Советов резолюции «О федеральных учреждениях Российской Республики», провозгласившей, что Российская Социалистическая Советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как Федерация советских республик этих народов [5].

После объединения разрозненных распадом империи территорий и завершения Гражданской войны начинает формироваться Союз Советских Социалистических Республик. Вопрос о форме государственного устройства вновь стал актуальным, поскольку закрепление федерализма в Конституции 1918 г. носило, по своей сути, декларативный

характер, стройной же концепции развития России по пути федерализма выработано не было. Однако, 1920-1921 гг. ознаменовались подписанием целого ряда договоров, провозглашавших суверенитет и независимость союзных республик. Были подписаны договоры с Украиной, Белоруссией, Грузией, Азербайджаном, Арменией. Эти договоры, были призваны построить базу под создание формирующегося Союза.

30 декабря 1922 года состоялся I Всесоюзный съезд Советов, который принял Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР. На основе этих документов было создано новое федеративное государство – Союз Советских Социалистических Республик, в состав которого вошли: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) и Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР – Грузия, Азербайджан и Армения) [8, с. 192].

Таким образом, СССР вышел за рамки привычного понимания федерализма как формы государственного устройства, наделив свои субъекты суверенитетом и правом свободного выхода из Союза. Свободное объединение равноправных субъектов, однако, сочеталось с тоталитарным режимом, что само собой представляет сложившуюся федеративную модель фикцией. Выстроенная Сталиным административно-командная система управления обусловила постепенное превращение провозглашенной федерации в унитарное государство.

Унитарный характер Советского государства подтверждается также политикой репрессий, проводимой коммунистической партией. Так, не смотря на ряд конституционных гарантий, годы Великой Отечественной войны ознаменовались репрессивными мерами, применяемыми сталинским тоталитарным режимом по отношению к целым народам – массовой депортации в восточные районы подверглись калмыки, балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, немцы, греки, курды, корейцы и другие народы. Некоторые из репрессированных автономий были восстановлены лишь в послесталинский период [2, с. 342-343].

Конституция СССР 1977 г. определяла советское федеративное государство как единое многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма. Таким образом, последняя советская Конституция все же закрепила федеративное устройство Союза, что, однако, не ознаменовало собой начало построения реально федеративных отношений [1].

На пороге 80-х годов с новой остротой встал вопрос дальнейшего развития советской Федерации. Противоречивость существующего на тот момент положения свидетельствовала о необходимости принятия одного из двух решений: фактически увеличить самостоятельность республик, либо официально провозгласить Союз унитарным государством. Необходимость радикальных изменений в этом направлении, осознаваемая большинством партийного руководства, все же не была осуществлена своевременно, что вызвало всплески национального недовольства в союзных республиках.

Коренное изменение федеративных отношений в России и СССР начинается лишь после 1985 года. Ослабление тоталитарного режима естественно породило всплеск демократизации всех сторон жизни советского общества, в том числе способствовало бурному росту и развитию национального самосознания. Народные массы требовали, в том числе, ликвидации фиктивности федеративного устройства, настаивая на предоставлении свободы и самостоятельности в решении вопросов собственного развития. Отсутствие реакции властного центра на данные настроения составных частей Союза способствовали возникновению сепаратистских устремлений в республиках СССР и

национальных регионах РСФСР, что привело Советское государство к распаду [3, с. 32-33].

В то же время на I съезде народных депутатов РСФСР был принят ряд документов, заложивших основу федеративного развития Российской Федерации: Постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР»; Постановление «Об итогах обмена мнениями о принципах заключения Союзного договора» и др. Особую важность имело Постановление Президиума Верховного Совета «О Федеративном договоре» от 17 июля 1990 г.

Вместе с тем в это же время внутри РСФСР разворачивался процесс, получивший название «парад суверенитетов», представлявший собой одностороннее повышение статуса национальных автономий. Ответной реакцией российского Парламента стало внесение дополнений и изменений в Конституцию, легализующих преобразование автономных областей в республики, и наделяющих округа правом выхода из состава краев, областей. Так, автономные области (кроме Еврейской АО) провозгласили себя республиками в составе РФ. Автономные округа также заявили о своем вхождение в РФ, осуществив предварительный выход из-под подчинения краям и областям [7, с. 122-123]. Однако все попытки создания подлинно федеративного государства, имеющие целью прекращение начинавшегося распада РСФСР, были сведены лишь к созданию прикрытия стихийной децентрализации с присвоением регионами функций федерального центра.

В условиях фактического распада РСФСР большое значение имело заключение 31 марта 1992 г. Федеративного договора, который представляет собой совокупность трех договоров, заключенных между Российской Федерацией в лице ее Президента Б. Н. Ельцина и органами государственной власти субъектов РФ в лице их высших должностных лиц или глав администраций.

Первый из договоров, составлявших Федеративный договор, имел своей основой положения о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным центром и органами власти суверенных республик, входящих в состав Российской Федерации, установив предметы ведения Федерации и предметы совместного ведения. Данным Договором также была закреплена невозможность изменения территории и статуса республики без ее согласия.

Второй Договор – о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга включал схожий перечень вопросов.

Содержанием третьего договора было разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации. Круг прав автономных округов и области, согласно Договору, был уже, чем круг прав республик, в частности по вопросам о земле и недрах объем прав автономных образований был меньшим.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что все три договора были заключены в обстановке острой напряженности общественно-политических отношений, вызванной формированием новых основ российской государственности, под давлением национально сепаратизма, грозившего распадом России. Именно под влиянием данной ситуации, уступая настроениям общества, федеративный договор официально разделил субъекты Федерации на три вида: национально-государственные образования (республики), административно-территориальные (края, области и города федерального значения) и

национально-территориальные (автономная область и автономные округа). Кроме того, явные преимущества правового статуса республик позволили причислить их к особой группе субъектов, которые обладают суверенитетом. Факт закрепления существования государственности внутри государственности вызвал много критических оценок как среди населения РФ, так и среди членов правящей элиты, что послужило основой для противоречивости в оценках заключенного Договора.

Федеративный договор основной своей целью имел федерализацию государства, но он лишь обозначил тенденцию к последующему становлению России как подлинно федеративного государства.

Литература

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик принята от 07 окт. 1977 г. // Ведомости ВС СССР.−1977. − № 41. − Ст. 617.
2. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.В. Баглай. – 6-е изд. изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.
3. Баранов, А. Г. Кризис советской социалистической системы или влияние распада СССР на общественное реформирование / А. Г. Баранов // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 32-33.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Издание 5. Том 41. Май - ноябрь 1920. – М.: Политиздат, 1981. – 687 с.
5. О федеральных учреждениях Российской Республики [Электронный ресурс] : резолюция от 28 (15) янв. 1918 г. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Топорнин, Б.Н. Современный российский федерализм: человеческое измерение / Б.Н. Топорнин // Права человека и межнациональные отношения. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – С. 4 - 37.
7. Хакимов, Р. С. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации / Р. С. Хакимов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 216 с.
8. Чистяков, О. И. Конституция СССР 1924 года: учеб. пособие / О. И.Чистяков. – М.: Зерцало-М, 2004. – 224 с.

УДК 340

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Останков Дмитрий Борисович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, duprav5@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ряд вопросов, связанных с формированием правового государства. Определяется роль правосознания в формировании правового государства. Изучается влияние судебной системы на развитие идеи правового государства. Показывается насколько важно для развития правового государства реальное и рациональное распределение полномочий и функционирование органов народного представительства в соответствии с интересами граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое государство, признаки правового государства, правосознание, судебная власть, Российская Федерация.

SOME ISSUES OF THE FORMATION OF THE RULE OF LAW

Ostankov Dmitry Borisovich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Ogarev National Research Mordovian State University,
duprav5@mail.ru

Summary. The article discusses a number of issues related to the formation of the rule of law. The role of legal awareness in the formation of the rule of law is determined. The influence of the judicial system on the development of the idea of the rule of law is studied. It is shown how important it is for the development of the rule of law to have a real and rational distribution of powers and the functioning of the organs of people's representation in accordance with the interests of citizens of the Russian Federation.

Keywords: the rule of law, signs of the rule of law, legal awareness, judicial power, the Russian Federation.

Для того, чтобы формирование правового государства в стране осуществлялось быстрыми темпами и более последовательно, необходимо иметь чёткое представление о том, что понимается под термином «правовое государство», какими обязательными характеристиками оно должно обладать, без чего его существование невозможно.

Современным и уникальным социальным явлением является правовое государство. Главным аргументом здесь является то, что закон стоит над всеми сферами жизни и государства и общества, с помощью него осуществляется контроль. Основным постулатом в этом, о чем справедливо отмечает И.М. Гладких является «Подчинение закону всех граждан и должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, а также их готовность соизмерять свои действия и поступки с предписаниями и установлениями законов свидетельствуют о значительном приближении конкретного государства к состоянию развитого правового государства» [2, с. 147].

Правовое государство опирается на правовые основы существования закона и общественности и подчиняется в своей деятельности праву.

Как и любая правовая категория, правовое государство обладает определенными признаками. К их числу можно отнести:

– верховенство закона, что означает подчинение закону всех субъектов правовых отношений. Согласно Конституции России государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, общественные формирования и сами граждане подчинены закону;

– соблюдение и охрана прав и свобод человека;

– разделение властей;

– взаимная ответственность государства и гражданина.

Все чаще современные государства стремятся перейти к правовой форме организации политической власти, что характеризует такие страны как развивающиеся. Нельзя, однако, не учесть, что наравне с формированием новой культуры общества возникают нехарактерные прежде для определенного государства препятствия в его развитии.

Для правового государства важно то состояние законности, которое в полной мере обеспечивает реализацию прав и свобод граждан. Также не маловажной характеристикой правового государства является уровень развития гражданского общества. В практической реализации этих постулатов большое значение играет сформированный уровень правосознания.

Если говорить о содержании правосознания и его реализации, то необходимо назвать его уровни. Как правило в юридической науке выделяют обыденное, научное

и профессиональное правосознание. Интересна в данном случае трактовка уровней правосознания о которой говорит известный ученый Д.А.Керимов. Он определяет специфичность правосознания, которое проявляется в неразрывной связи нескольких уровней сознания. Причем, он выделяет традиционное обыденное правовое сознание, которое еще называет эмоциональным, формируемое каждым субъектом в своей повседневной жизнедеятельности, далее следует правосознание, формируемое при реализации правостроительной деятельности, именуемое практическое правовое сознание и замыкает научное правосознание, которое формируется при анализе различных явлений для объяснения и разрешения проблем в праве. [5, с. 42].

Обыденное правосознание, как начальный уровень, формируется на базе повседневной жизни и отражает усвоение общих принципов права, нормативного поведения на основе личного социального опыта. Оно обеспечивает приспособленность человека к внешнему миру, так как в нем синтезируются различные модели социальной реальности, при помощи которых человек ориентируется в окружающем мире.

Теоретическое или научное правосознание, в свою очередь, сориентировано на получение достоверных и объективных знаний о правовой действительности. Его ценность заключается в преобладании рационального постижения правовой действительности на основе правовых теорий, политико-правовых учений, концепций и отражает уровень государственно-правовой действительности.

Научное правосознание теснейшим образом связано и с уровнем правосознания профессиональным. Оно формируется путем приобретения профессиональных познаний. Ему всегда предшествует подготовка профессионального плана и конечно различная юридическая практика.

Анализируя профессиональное правосознание, мы приходим к выводу, что оно, формируясь у соответствующего субъекта определяет соответствующие направления в дальнейшей его жизнедеятельности. В частности, общеобязательность в поведении в соответствии с определенными установками, установление границ своего поведения, а также установки при реализации соответствующих субъективных прав и выполнении юридических обязанностей в различного рода правовых отношениях. Внутренними характеристиками такого правосознания являются конструктивность и рефлексивность поведения субъекта при выстраивании своего отношения к существующей правовой системе. При этом субъект реализует свое профессиональное правосознание путем выражения эмоций различного рода суждениями, которые могут быть как позитивными, так и негативными. Также субъект выражает свое видение в возможных путях и перспективах развития своего профессионального правового сознания.

Характеризуя профессиональное правосознание известный теоретик права М.Н. Марченко говорит о связи с научным правосознанием, поскольку на основании последнего формируется четкая система знаний в области права, а также собственные представления субъекта каким образом он должен выстраивать свое поведение при реализации своих навыков как профессионала в сфере юриспруденции, так как «воспитание правосознания является необходимой составной частью профилактики правонарушений, борьбы с преступностью, поэтому развитое правосознание и правовая активность являются основой верховенства права в цивилизованном обществе, фундаментом правового государства» [6, с. 356].

Правосознание имеет оценочный и одновременно нормативный характер, так как оценивает правовое бытие через призму категорий законного и незаконного, справедливого и несправедливого, правомерного и противоправного. Оно включает в себя юридические знания и предметно-деловое отношение к праву, максимально полную

правовую информированность, установку на активное, творческое правомерное поведение. Более того, от уровня правовой компетентности, сформированности гражданской позиции будущего юриста, его готовности реализовать правовые идеалы и ценности в действительности, зависит уважение к закону, правопорядку.

Так, еще в девяностые годы В. Н. Карташов, рассматривая двойственность профессионального правосознания, утверждал, что «с одной стороны, будучи средством достижения социально значимых целей, оно позволяет осуществлять позитивные социальные преобразования и относится к такому типу человеческой деятельности, которая подразумевает «обработку людей людьми», а с другой стороны, профессиональная деятельность связана с использованием правовых средств и непосредственно направлена на исправление лиц, совершивших преступления» [7, с. 67].

Казалось бы, в соответствии с классическим правовым государством может быть только государство, в котором соблюдается принцип верховенства права, руководствующийся Конституцией. Поэтому создание идеи правового государства, идеи конституционности, должно стать ключевым условием создания в России государства правового типа. Основной закон российского государства всегда определяется руководителями нашей страны как основа всей правовой системы. Президент России В.В. Путин неоднократно обращал внимание на то что основой всей системы государственности у нас, базой, фундаментом является всенародно принятая Конституция России и ей необходимо обеспечить всестороннюю защиту [4, с. 366].

Представляется, вторым условием создания подлинно правового государства в России можно назвать формирование независимой и эффективно-функциональной системы судебных органов, которая должна представлять для каждого гражданина эталон поведения, построенного на четком соблюдении законодательства государства.

Правовое государство накладывает на всю существующую судебную власть России, на деятельность соответствующих органов, ее представляющих требования руководствоваться принципом справедливости. Осуществляя свои полномочия суды назначая наказания по уголовным делам, принимая решения по иным вопросам тем самым обеспечивают поддержание законности и правопорядка в обществе. Здесь же необходимо отметить и обратную сторону такого функционирования, которая представляет собой возможности судебной власти принимать истинно справедливые решения, которые будут являться воплощением эталона справедливости, который послужит основой укрепления доверительных отношений каждого человека к закону, пониманию принципа равенства каждого перед законом, неотвратимости наказания за совершенное правонарушение. И все это в совокупности, определяет не просто декларирование, но и практическую реализацию характеристики России как правового государства.

И наконец, третьим условием формирования правового государства в Российской Федерации можно назвать реальное и рациональное распределение полномочий и функционирование органов народного представительства в соответствии с интересами граждан Российской Федерации [3, с. 207].

Деятельность каждой из трех ветвей власти должна соответствовать идее демократии, осуществляться с учетом интересов граждан государства. В этой связи нельзя сказать, что в подлинно правовом государстве должна быть сильная законодательная власть, которой народ передает (делегирует) полномочия по управлению делами государства. Законодательная власть, представленная парламентом, должна быть независимой от правительства, а законы, принимаемые парламентом, должны работать в общих интересах. Только тогда, когда в отношениях между парламентом и правительством в

России будет найден оптимальный баланс, способный обеспечить реальное представительство граждан в законодательных органах, можно будет говорить о том, что законы отражают интересы общества в целом, а значит, идея правовых законов и верховенства права не является реальной [1, с. 98].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что построение правового государства в современной Российской Федерации представляет собой постоянно идущий процесс, в основе которого лежат соответствующие положения Конституции Российской Федерации. Конституция Российской Федерации и конституционность в широком смысле являются необходимой основой построения подлинно правового государства. Однако для того, чтобы установить верховенство права, необходимо выполнить ряд условий, которые позволят воплотить конституционное введение верховенства права на практике. Эти условия включают последовательную реализацию принципа верховенства права, руководствуясь Конституцией 1993 года, развитие конституционного правосознания и уважения к закону среди граждан Российской Федерации, повышение эффективности судебной системы Российской Федерации в деле законного и справедливого отправления правосудия, повышение статуса Президента и парламента Российской Федерации.

Литература

1. Бредихин, А.Л. Проблемы становления правового государства в современной России / А.Л. Бредихин // Ученые записки казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 96-100.

2. Гладких, И.М. Возникновение и развитие учения о правовом государстве / И.М. Гладких // Интеграция науки и общества в современных социально-экономических условиях. Сборник научных статей. – Киров: Вятский государственный университет, 2020. – С. 147-149.

3. Грудинин, Н.С. Условия формирования правового государства в России / Н.С. Грудинин // Вестник костромского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 204-210.

4. Жадан, В.Н. Об идее, понятии и конституционных основах правового государства в России / В.Н. Жадан // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 1. – С. 365-372.

5. Керимов, Д.А. Философские проблемы права: монография / Д.А. Керимов. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 472 с.

6. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – Москва: «Зерцало», 2004. – 800 с.

7. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В.Н. Карташов; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 218 с.

УДК 342

СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Свечникова Вера Викторовна
старший преподаватель кафедры прикладного права, МИРЭА- Российский технологический университет.

Аннотация. В данной статье дан ретроспективный анализ становления системы дошкольного образования в России в первые годы советской власти, выделены основные правовые акты, составившие основу административно-правового регулирования дошкольного образования и послужившие базой для современного регулирования данного уровня образования.

Ключевые слова: дошкольное образование, Совет Народных комиссаров, Декрет, принципы доступности

FORMATION OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF THE PRESCHOOL EDUCATION SYSTEM IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

Svechnikova Vera Viktorovna
Senior Lecturer of the Department of Applied Law, MIREA- Russian Technological University.

Summary. This article provides a retrospective analysis of the formation of the preschool education system in Russia in the early years of Soviet power, highlights the main legal acts that formed the basis of administrative and legal regulation of preschool education and served as the basis for modern regulation of this level of education.

Keywords: preschool education, Council of People's Commissars, Decree, accessibility principles

В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 г.» значительное место уделено проблемам образования, что представляется целесообразным в условиях повышения ценности человеческого капитала. Отмечается, что руководство страны признаёт огромное значение «дошкольного образования как первого уровня образования и разделяют ответственность за воспитание и обучение детей с дошкольными образовательными организациями» [1, С. 217]. В этой связи требуется рассмотреть правовые основы дошкольного образования как базового для всех остальных уровней, становление механизма административно-правового регулирования деятельности дошкольных учреждений в различные периоды развития российского общества.

Современное российское общество дошкольные образовательные организации уделяют особое внимание функционированию различных видов детских садов, внедрению инновационных образовательных технологий, применению и реализацию специализированных авторских программ, нацеленных на всестороннее развитие детей дошкольного возраста. Также необходимо отметить, что

Становление государственной системы образования дошкольного периода в российском государстве преимущественно началось после того, как Совет Народных Комиссаров 9 ноября 1917 года издал декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению, в состав которой был включен отдел по дошкольному воспитанию.

Главной задачей данного отдела являлась организация общественного дошкольного воспитания. Спустя всего 11 дней была разработана и вступила в силу «Декларации по дошкольному воспитанию». Данный документ был принят 20 ноября 1917 года и стал первым шагом на пути усовершенствования всей образовательной системы в этот период. «Декларация по дошкольному воспитанию» - первый правовой акт, в котором было сказано, что дети должны воспитываться и развиваться не только в семье. Ребенок как субъект государства имеет право на педагога, т.е. на воспитание не только мамой и папой, а человеком, имеющим специальные знания по развитию детей дошкольного возраста.

Также в документе высказано мнение по поводу того, что женщина – мать, занимаясь воспитанием своего ребенка и вкладывая в него тепло, любовь и заботу, имеет право «быть вместе с тем свободным человеком и, не погрязая во всех мелочах мелкобуржуазного уклада (а таков семейный уклад и пролетариата), отдаться общественному труду, развитию своей личности, работе по выявлению и осуществлению своих идеалов» [2]. Огромное значение данного правового акта состоит в том, что он закрепил передовые для того времени принципы дошкольного образования как бесплатность и доступность.

«Декларация по дошкольному воспитанию» 1917 года содержала указание на то, что воспитание, развитие ребенка, становление его как личности необходимо начинать именно с первых месяцев его существования, ведь именно в этот период формируются интеллект, характер и иные личностные качества. Вышеуказанный правовой документ должен был, по мнению Совета Народных Комиссаров, содержать прямое указание на то, что советское образование детей дошкольного возраста должно представлять собой единую систему образования. Это выражалось в том, что дошкольное воспитание было принято считать частью, неотъемлемым элементом всей школьной системы, то есть именно органическая связь между дошкольным воспитанием и всей системой образования данного периода считалась наиболее эффективной для развития ребенка как личности.

Принятие «Положения о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» 16 октября 1918 года позволило решить вопрос о включении программы по обучению детей дошкольного возраста в общую образовательную систему. Это решение было принято в контексте положений статьи первой, в которой всем школам, кроме высших учебных заведений, было присвоено общее название – «Единая трудовая школа». Также было принято решение об упразднении деления школ на начальные, высшие начальные училища, гимназии, реальные училища, ремесленные, технические, коммерческие училища и все другие виды низших и средних школ. Соответственно все учебные заведения стали относиться к ведению Народного Комиссариата Просвещения. Согласно статье второй положения, Единая Трудовая школа подразделялась на две ступени.

Первая включала в себя обучение для детей в возрасте от восьми до тринадцати лет. По данной ступени обучение продолжалось пять лет. Вторую же ступень образования могли получить дети в возрасте от тринадцати до семнадцати лет. Продолжительность курса составляла четыре года. Согласно примечанию к данной статье к школе был присоединен детский сад, где занимались воспитанием ребенка дошкольного возраста. Эта цифра варьировалась от шести до 8 лет. Получение двух ступеней такого образования по данному документу было бесплатным и общеобязательным. Также предусматривался особый порядок при принятии в детский сад и школу. Он заключался в том, что при наличии утверждения Губернского Отдела Народного Образования возраст для

начала воспитания органами школьного самоуправления может быть снижен на один год [3].

Поставленная в первые советские годы задача развития, воспитания, становления совершенно нового человека требовала новых подходов к воспитанию, поэтому было принято решение о созыве педагогических съездов и организации конференций. Их целью было совершенствование основ дошкольного образования и непосредственное решение проблем, связанных с ним. Февраль 1919 года - время созыва первой такой конференции, где приняли участие заведующие дошкольными подотделами губернских отделов народного образования.

Всероссийский Съезд по дошкольному воспитанию был созван 25 апреля 1919 года. Приоритетными направлениями его деятельности были признаны – формирование основ дошкольного образования в общегосударственном масштабе. Сюда относилось организация принципов, на которых базировался образовательный процесс детей дошкольного возраста, основополагающие начала педагогической работы, организация всего учебного процесса и так далее. Вторым и не менее важным аспектом съезда был учет существующего положения на местах. К этому относилось - рассмотрение общей концептуальной установки, а также выбор направления, по которому будет проходить дальнейшая основная работа по построению системы дошкольного образования детей.

На съезде было заслушано несколько докладов об основных целях и задачах дошкольного развития. Среди них выступила заведующая дошкольным отделом Наркомпроса Д. А. Лазуркина. В своём докладе она говорила о необходимости реформирования существовавшего надомного образования детей. Также ею было отмечено, что «для буржуазного общества проблема общественного воспитания являлась в корне неразрешимой, а пролетариат, в свою очередь, отвергает мелкобуржуазные иллюзии о восстановлении старой семьи как хозяйственно-воспитательной ячейки, которая прививала детям индивидуализм. В социалистическом обществе краеугольным камнем всей культуры может быть не идеология буржуазного индивидуализма, а идеология коллективизма, что является условием общественного воспитания» [4].

Наряду с этим Д.А. Лазуркина говорила о том, что, находясь под влиянием конкретных исторических условий, семья как самостоятельная социальная ячейка в Советской России, с устоями, традициями и нравами сохраняется. Именно поэтому, по её мнению, в трудовой деятельности педагогического работника необходимо сочетать социальное развитие личности с семейными ценностями и ориентирами. Далее Д. А. Лазуркина отмечала, что именно дети способны принести с собой из детского сада в семью новый, совсем иной взгляд на мир, другие умения, рассказать про новые праздники, песни и игры. Именно дети являются той движущей силой, способной разрушить старую мещанскую идеологию, предрассудки, жизненный уклад.

В связи с такими масштабными задачами съезда, по мнению его большинства участников, образование детей дошкольного возраста становилось своеобразным механизмом социалистического переустройства общества. Именно поэтому для глобальной организации данного проекта была необходима колоссальная поддержка населения страны. Эта идея стала важнейшей задачей пропаганды иных, новых форм дошкольного образования, где огромная роль была отведена подготовке высококвалифицированных кадров педагогических работников, способных реализовать на практике все поставленные цели дошкольного воспитания.

Не смотря на значимость института семьи в деле воспитания детей дошкольного возраста, на Всероссийском Съезде по дошкольному воспитанию также были озвучены

доклады с прямо противоположной точкой зрения на обсуждаемые вопросы. Они касались дошкольного образования не только внутри семьи, но и за ее пределами – в детских садах и иных учреждениях дошкольного типа. Это была позиция участников, имевших опыт работы в сфере образования детей дошкольного возраста. Их прямо противоположное мнение строилось на том, что главной целью дошкольного образования, да и воспитания ребенка вообще – его «естественное развитие», где первостепенной важности роль играет непосредственно семья. Но такого рода мнения было меньшинство. В связи с этим Съездом были приняты резолюции, ставшие основой коренного преобразования устаревших воспитательных программ. Нельзя не отметить, что значительная роль в постановке целей и задач социального развития детей, да и вообще всей системы дошкольного образования была отведена на Восьмой съезд Коммунистической партии. Программа РКП (б). Программа съезда еще раз подтвердила важность, весомую роль образования детей дошкольного возраста.

Дошкольное образование, по мнению участников съезда - «одна из основ школьного просветительного дела» [5]. Основной задачей съезда являлось всестороннее развитие и коммунистическое воспитание ребенка, относительно его возрастных особенностей. В протоколах заседания было отражено стремление к созданию широкого спектра дошкольных организаций таких как: ясли, детские сады. Всё это несло в себе очень важную цель - раскрепощение женщины, дача ей возможности работать, заниматься собой, воплощать в жизнь свои мечты и стремления. Помимо этого, были выделены двумя основополагающими функциями дошкольных образовательных организаций стали: воспитательная (с самого раннего возраста заложить в ребенке основы всего нравственного и эстетического, сформировать определённые взгляды на окружающую действительность, выработать умение соблюдать законы и нормы поведения, заложенные в обществе) и социально-бытовая (выработка у детей готовности и способности к решению бытовых вопросов).

Результатом принятых решений стало формирование широкой сети дошкольных учреждений и обеспечения их преемственности со школой, хотя вопрос о видах детских яслей и садов в первые годы Советской власти был предметом самых горячих дискуссий. В этот период после заседания первого Всероссийского Съезда по дошкольному воспитанию было принято решение о том. что необходимо организовать детский сад с пребыванием там детей по 9-10 часов. Это обеспечивало возможность отвечать нуждам работающей матери ребенка. Стоит отметить, что такие детские сады успешно функционировали круглый год. Открытие детских садов длительного типа не только решало задачу возможности трудоустройства женщине, но и способствовало наиболее эффективному всестороннему развитию ребенка, отвечающему запросам Советского общества. В связи с этим постановлением Народного Комиссариата просвещения произошла легализация непрерывности деятельности стационарных дошкольных учреждений.

После принятия данного постановления были созданы два основных типа детских садов. Таковыми стали стационарные и сезонные. Суть первых заключалась в том, что они действовали на постоянной – непрерывной основе, а вторые – являлись лишь временно действующими. Отдельно стоит отметить создание специальных постоянно действующих государственных детских учреждений для детей, которые страдали дефектами психического или же физического развития. Это были специализированные детские группы и сады для глухонемых детей, а также с нарушениями речи, опорно-двигательной системы и так далее.

Нельзя не отметить, что также были открыты и другие учреждения, создание которых преимущественно связано с потребностями в семье. К таковых можно отнести детские сады санаторного типа для детей с слабым физическим здоровьем, детские площадки рядом с домом и многое другое.

Таким образом, ныне действующая система дошкольного образования сложилась как система именно впервые годы советской власти, когда получили закрепление ее основные принципы и нормативное правовое регулирование. Важно отметить, что вся система образования и развития детей дошкольного возраста в советский период складывалась как по новой форме, так и содержанию, осложнялась дефицитом кадров, отсутствием опыта проведения общественного образования детей дошкольного периода, однако в короткие сроки стала одной из самых эффективных в мире.

Литература

1. Абанкина И.В., Филатова Л.М. Доступность дошкольного образования / И.В. Абанкина, Л.М. Филатова // Вопросы образования. − 2018. − № 3. − С. 216-246.

2. Приложение № 1 к протоколу заседания № 57 (п. 2) Коллегии Народного Комиссариата по просвещению в РСФСР. Декларация по дошкольному воспитанию // URL: http://docs.historyrussia.org/ru. (дата обращения 04.11.2021).

3. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 16.10.1918 «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» // Справочно-правовая система «Консультант» URL: http://base.consultant.ru/cons. (дата обращения 05.11.2021).

4. Первый Всероссийский Съезд по дошкольному воспитанию: доклады, протоколы, резолюции. – [Б.м.]: Государственное издательство. 1921. В надзаг.: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика // URL: http://elib.uraic.ru. (дата обращения 06.11.2021).

5. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. — М.: Госполитиздат. 1959 // URL: http://militera.lib.ru/docs/da/s08/index.htm. (дата обращения 10.11.2021).

УДК 349.22

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РАССМОТРЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В ГОРОДАХ МАГДЕБУРСКОГО ПРАВА

Ясинская-Казаченко Анжелика Васильевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. История развития правового механизма разрешения разногласий, возникающих во взаимоотношениях работников и нанимателей, представляет собой зачастую мучительный поиск таких способов урегулирования конфликтов в сфере труда, которые позволяли бы сторонам трудовых и связанных с ними отношений завершить конфликт не просто решением, признающим правоту той или иной стороны, а решением, устраивающим обе его стороны.

Ключевые слова: примирительные и третейские учреждения, магдебургское право

LEGAL MECHANISM FOR RESOLVING LABOR DISPUTES IN CITIES OF MAGDEBUR LAW

Yasinskaya-Kazachenko Anzhelika Vasilievna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The history of the development of the legal mechanism for resolving disagreements arising in the relationship between workers and employers is often a painful search for ways to resolve conflicts in the world of work that would allow the parties to labor and related relations to end the conflict not just by a decision recognizing the correctness of one or another party, but a decision that suits both sides.

Keywords: conciliation and arbitration institutions, Magdeburg law

Определенным маркером призванным разрешать любые споры и жалобы, связанные с применением законодательства или условий тех или иных договоров, включая и трудовые споры можно считать период XI—XIV вв. введения принципа договорной свободы. Поэтому история формирования механизма разрешения трудовых споров — это история примирительных и третейских учреждений, которые существовали наряду с судебной системой [1, с. 131–132], имеющей в указанный период универсальный характер и призванной и рассматривать разрешать любые жалобы и споры, в том числе в городах магдебургского права.

Первое письменное упоминание о привлечении третьих лиц для участия в разрешении спора на территории Беларуси относится к началу XIII века и содержится в ст. 33 Договора Смоленского, Витебского и Полоцкого княжеств с Ригой, Готландской землей и немецкими городами 1229 г., где указывалось о разрешении споров, связанных с применением законодательства или условий тех или иных договоров «добрыми мужами». Такое разрешение означало, что целью разбирательства являлось не рассмотрение спора в строгом соответствии с нормами законодательства, а примирение сторон с достижением нового договора в отношении предмета спора [2, с. 14–15].

Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. обязывает в случае возникновения юридического конфликта применять его нормы. Отказа в осуществлении правосудия по мотивам отсутствия закона не должно быть. При отсутствии в законе соответствующей нормы, судье разрешалось применять обычай или свое усмотрение. Эта важная оговорка свидетельствует о силе судебной власти, авторитете судей и доверии, которое оказывает государство. Судья, таким образом, нес личную ответственность перед сторонами, что обязывало судей искать компромиссное для сторон решение [3, с. 47], что в настоящее время можно адаптировать, к примеру на уровне органа примирения, посредничества и арбитража (ст. 251 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)) [4].

Со временем примирительные и третейские учреждения нашли свое закрепление в Статутах Великого Княжества Литовского 1566 и 1588 гг. Согласно ст. 85 Статута 1588 г. гражданский спор между сторонами мог разрешаться «полюбовным судом» и результатом рассмотрения являлось вынесение решения на основе мирового соглашения между сторонами в споре. Вместе с общими сословными органами создавались и «частные».

Ремесленники каждого цеха собирались на особый ремесленный сход, избиравший цеховую или ремесленную управу в составе старшины и двух товарищей. Каждая управа проводила учет ремесленников определенной профессии, заботилась о нуждах данного ремесла, разбирала любые споры, связанные с применением законодательства

или условий тех или иных договоров, включая и трудовые споры, проводила экзамены на мастеров и подмастерьев. Подмастерья могли избирать свои подмастерские управы. Ремесленные управы всего города выбирали голову, который входил в состав шестигласной думы, как гласный от цеховых [5, с. 117]. Применительно к идеи единых цивилизационных корней права и проистекающих из этого способов правового регулирования можно указать на преемственность в виде правовой регламентации комиссии по трудовым спора (ст. 235 ТК).

На уровне права социального обеспечения цеховое страхование регламентировалось уставами и распространялось на членов цеха. Цеховое страхование, выступая в роли определенной гарантии существования ремесленников на случай потери заработка, по сущности было формой взаимного самообеспечения [5, с. 119].

Итак, с конца XIV в. великие князья начинают вводить в городах ВКЛ организацию самоуправления по «магдебургскому образцу» путем выдачи соответствующих привилеев (грамот) на создание социально-экономических условий для развития ремесленного производства. Одним из элементов жизни городов, которые имели право на самоуправление, было наличие цеховых организаций. Именно в рамках цеховых объединений и были заложены начала для рассмотрения и разрешения любых жалоб и споров, связанных с применением законодательства или условий тех или иных договоров, включая и трудовые споры на уровне примирительных и третейских учреждений в эпоху магдебургского права. Цехам на этих территориях предшествовали братства – объединения ремесленников.

Цеха возникали самостоятельно по инициативе самих ремесленников, которые видели в такой организации попытку отстоять свои личные, имущественные, социально-трудовые или иные интересы от посягательств и чиновников магистрата, и иных светских учреждений осуществляемых на принципах равенства перед законом, уважениях их прав и интересов, договорной свободы, социального партнёрства и взаимодействия сторон.

Именно в этой связи В.К. Стукалич – видный историк и общественно-политический деятель Беларуси второй половины XIX — начала XX веков, отмечает, что цехи и братства существовали как особая санкционированная законодателем общественная организация, представлявшая отдельные самоуправляющиеся группы городского населения, примечательно, что защищались не одни экономические интересы своих членов, но также религиозные и национальные, поэтому упомянутые организации назывались безразлично и цехами, и братствами [7, с. 39]. Интересной представляется точка зрения автора о том, что цеховые организации ремесленного производства служили оружием для охраны их прав и интересов, хотя они не раз воспрещались ввиду религиозных и национальных тенденций.

В грамоте короля Августа III Витебску на открытие солодоваренного, пивоваренного и винокуренного цеха можно прочесть, что «братства и цехи, имеют в себе ту особенность, что лица к ним принадлежащие, находятся между собой в должном сообществе и отправляют в согласии и порядке все дела и занятия, лежащие на их обязанности…» [7, с. 45-46].

Сравнивая многочисленные цеховые грамоты и уставы, собранные в десятом томе актов Виленской археографической комиссии [8], можно выделить следующие общие черты цеховых уставов в отношении разрешения любых жалоб и споров, связанных с применением законодательства или условий тех или иных договоров, включая и трудовые споры. Цеха самостоятельно заведуют своими делами, но находятся под юрис-

дикцией магистрата, которому прямо подчинены по делам городской общины, что касается внутренних дел, то для цеха магистрат представляет апелляционную инстанцию. Для охраны своих интересов и обеспечения общих целей, цеховое общество каждого ремесла избирает ежегодно четырех старшин. На обязанностях старшин лежит разбирательство споров, возникающих между членами данного цеха по вопросам их ремесла, с правом апелляции недовольной стороны к магистрату, наконец, заступничество и представительство цеховых (своего рода примирительные и третейские функции старшин) пред магистратом и другими учреждениями.

Возникали также жалобы и споры, связанные с применением законодательства или условий тех или иных договоров, включая и трудовые споры между различными цехами. Например, состоявшееся в 1751 г. определение виленского магистрата, обозначившее круг работ кузнечного и слесарного цехов, вследствие конфликта, возникавшего между кузнецами и слесарями, относительно предмета их ремесла. Следует отметить, что на действия магистрата цеха могли пожаловаться в Задворный асессорский суд. В частности, на это указывает жалоба 1765 г., принесенная старшинами немецкой национальности слесарного и кузнечного цехов на римско-католического лавочника Бальчевского и виленский магистрат, по поводу злоупотреблений и притеснений, допускаемых ими по отношению к истцам: указывалось, что весь магистрат, состоящий из родных, к которым принадлежит и сам Бальчевский, всегда выносит решения в явную их пользу и во вред истцу, что порождает несогласие и конфликты между мастерами цехов, именно поэтому цеха пришли к окончательному упадку, и члены их разбежались по разным местам. Кроме того, Бальчевский, сам в качестве цехового старшины завладел имуществом учеников, и не только не пожелал сложить с себя обязанности старшины, по требованию цеха, но и поддерживаемый магистратом, подверг аресту и тюремному заключению протестовавших мастеров. Несмотря на то, что виленский воевода принял участие на стороне истцов, тем не менее они терпят по-прежнему притеснения и вынуждены жаловаться в Задворный асессорский суд.

Интересно рассмотреть вопрос, как именно соотносились по своей силе магдебургское право и местные обычаи. Здесь следует отметить, что грамоты регулировали только внешнее устройство городов, а руководящими фактически все-таки являлись обычные нормы в основном там, где это являлось необходимым или полезным ввиду отсутствия или недостаточности регулирования грамотами отдельных вопросов городской жизни, нормы магдебургского права дополнялись и корректировались в соответствии с ранее действующими источниками.

Вскоре после введения в городах магдебургского права, самопроизвольные, без разрешения магистрата объедения ремесленников, а впоследствии и цеховые организации можно назвать предтечей примирительных и третейских учреждений по рассмотрению и разрешению жалоб и споров, связанных с применением законодательства или условий тех или иных договоров, включая и трудовые споры. Формирование единых цивилизационных корней права обуславливает и единство проистекающих способов правового регулирования.

Литература

1. Коробченко, В. В. Развитие правового механизма разрешения конфликтов в сфере труда в России : крат. ист. очерк / В. В. Коробченко, В. А. Сафонов // Ежегодник трудового права : сб. науч. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2020. – Вып. 10. – С. 131–132.

2. Таранова, Т.С. Основы альтернативного разрешения споров: курс лекций / Т. С. Таранова, Н. И. Ивуть, И. А. Бельская. – Минск : БГЭУ, 2012. – С.14-15.

3. Бибило, В.Н. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года как Конституция феодального государства / В.Н. Бибило // Магдэбургскае права на Беларусі: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права (Мінск, 26 сакавіка 1999 г.) / [рэдкалегія: У. М. Хоміч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо]. − Мінск : Право и экономика, 1999. – С. 46-48.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 № 219-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Дата доступа: 01.05.2021.

5. Лаевская, Л.А. Правовое положение городского населения Беларуси в конце XVIII века / Л.А.Лаевская // Магдэбургскае права на Беларусі: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права (Мінск, 26 сакавіка 1999 г.) / [рэдкалегія: У. М. Хоміч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо]. − Мінск: Право и экономика, 1999. – С. 113-118

6. Постовалова, Т.А. Правовое положение нетрудоспособных лиц в период феодолизма / Т.А. Постовалова // Магдэбургскае права на Беларусі: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права (Мінск, 26 сакавіка 1999 г.) / [рэдкалегія: У. М. Хоміч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо]. − Мінск : Право и экономика, 1999. – С. 118-122.

7. Стукалич, В. К. Белоруссия и Литва; [Белоруссия и Литва. Издание П. Батюшкова] : Очерки из истории городов в Белоруссии : [Рец.] / [Соч.] В.К. Стукалича. – Витебск : Губ. тип., 1894. – 62 с.

8. Акты Виленской археографической комиссии. Т. 10: Акты Виленского магистрата и магдебургии, [1500—1897 / предисловие: И. Спрогис]. – 2018. – 592 с.

СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

УДК 342

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВОВУЮ ОСНОВУ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ахмедханова Самира Телхатовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Всероссийский государственный университет юстиции, Северо-Кавказский институт (филиал)
г. Махачкала

Аннотация. Исследуется влияние процессов глобализации, формирования единого международного образовательного пространства, доминирования информатизации, информационного взаимодействия разнообразных технических средств на становление и развитие современного высшего образования. Обосновывается, что правовую основу развития высшего образования в современных условиях следует рассматривать как комплексный, системный и непрерывный процесс, требующий постоянного совершенствования исходя из стратегических целей обеспечения национальной безопасности России, приоритетных направлений и задач государственной политики высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, система высшего образования, правовая основа, глобализация, Европейское пространство высшего образования и др.

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON THE LEGAL BASIS OF DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Akhmedkhanova Samira Telkhatovna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, All-Russian State University of Justice, North Caucasus Institute (branch), Makhachkala

Annotation. The influence of the processes of globalization, the formation of a single international educational space, the dominance of informatization, information interaction of various technical means on the formation and development of modern higher education is investigated. It is substantiated that the legal basis for the development of higher education in modern conditions should be considered as a complex, systemic and continuous process that requires constant improvement based on the strategic goals of ensuring the national security of Russia, priority directions and tasks of the state policy of higher education.

Key words: higher education, higher education system, legal framework, globalization, European Higher Education Area, etc.

Глобализация высшего образования предъявляет определенные и конкретные требования к целям и задачам высшего образования. Прежде всего, в результате глобализации происходят изменения правовой основы системы высшего образования, проявляющиеся в принятии нормативно-правовых актов, ориентирующих систему образования на интеграцию российского высшего образования в международное образовательное пространство. Таким образом результатом глобализации образования должно быть превращение образования в функциональную структуру в общей системе глобального общества. В результате чего происходит расширение правового регулирования образовательного пространства, чему способствует принятие Российской Федерацией обязательств по исполнению международных конвенций и соглашений в сфере высшего образования [6].

В условиях глобализации образование становится основным средством развития и воспроизводства производительных сил, общественного блага. В связи с чем возрастает спрос на образование, особенно высшее, и происходит его массовизация. Вызываемая глобализацией востребованность образования порождает его маркетизацию, и как следствие образование рассматривается как сфера предпринимательства, инвестирования средств, оказания платных услуг. В целях правового регулирования рынка образовательных услуг принят и применяется ряд нормативных правовых актов. Рынок образовательных услуг является разновидностью публичных отношений, находящийся в сфере государственного регулирования. Система правового регулирования платных образовательных услуг включает Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], постановление Правительства РФ Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1441 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» [3] и другие нормативные правовые акты.

Следует отметить, что глобализация в сфере образования проявляется в информатизации общества. Формирование информационного общества требует рассмотрение вопросов совершенствования законодательного обеспечения информатизации образования. В настоящее время вопросы информатизации образования регулируются, прежде всего, Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и принятым для применения электронных форм обучения и дистанционных образовательных технологий Минобрнауки России Порядком применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ [4].

Влияние глобализации на правовую основу развития высшего образования характеризуется применением в рамках национального законодательства совокупности международных норм-принципов, регулирующих отношения в сфере высшего образования, содержащихся в следующих международно-правовых актах:

- Конвенция о техническом и профессиональном образовании;
- Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе;
- Международная стандартная классификация образования.

На основании указанных международных правовых актов были внесены изменения в национальное законодательство, регламентирующее отношения в сфере высшего образования.

С начала XXI в. образовательные системы государств, входящих в Болонский процесс, в том числе Российской Федерации, постоянно реформируются в соответствии с требованиями Болонского процесса, направленными на создание Европейского пространства высшего образования (ЕПВО). Создание Европейского пространства высшего образования ориентировано на развитие международной мобильности студентов, как участников высшего образования. Рассматривая требования Болонского процесса, необходимо отметить что обеспечение мобильности является обязанностью государства, так как государство должно создать условия для преодоления препятствий свободному передвижению. Для реализации международной мобильности в сфере образования государство должно создать условия не только для получения образования в иностранных образовательных организациях, но и реализовать механизм признания получаемых в иностранных образовательных организациях дипломы и другие квалификации. Признание документов об образовании является необходимым для получения образования в другом государстве, а также необходимо для подтверждения квалификации при трудоустройстве или иной профессиональной деятельности - профессиональное признание.

В целях реализации международной мобильности государства должны не только обеспечивать взаимное признание образовательных квалификаций, а также взаимное информирование о возможности обучающихся получить образование в другом государстве [5].

Таким образом, участие в Лиссабонской конвенции можно считать одной из причин системных и структурных изменений, инициированных государством, в соответствии с которой определяется «многосторонний механизм взаимного признания образовательных квалификаций, когда таковые относятся к высшему образованию (Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе)» [7]. Кроме того, согласно Лиссабонской конвенции государства осуществляют взаимное признание, при наличии необходимых документов об успешном освоении, этапов получения образования, что позволяет поэтапно обучатся в образовательных организациях разных государств.

Государство реализует механизм взаимного признания документов об образовании путем обращения заинтересованного лица, являющегося обладателем квалификации, в компетентный орган другого государства для принятия решения о признании и оценки иностранной образовательной квалификации в целях определения возможности получения дальнейшего образования в иностранном государстве или возможности осуществлять профессиональную деятельность. Данная процедура имеет целью предоставить возможность получения образования в другом иностранном государстве, но не означает, что заинтересованное лицо автоматически зачисляется в образовательную организацию иностранного государств, так как от заинтересованного лица может потребоваться пройти процедуру поступления, для того чтобы быть принятым на обучение.

В целях изучения влияния глобализации на правовую основу развития высшего образования, следует отметить действующие международные нормативно-правовые акты, принятых по вопросам высшего образования. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В настоящее время насчитывается несколько сотен источников международного права, принятых непосредственно по вопросам образования, либо содержащих по этим вопросам отдельные нормы. Это документы, принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН) и ее специализированными учреждениями — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Международной организацией труда (МОТ), региональными международными организациями — Советом Европы и Содружеством Независимых Государств, а также двусторонние соглашения Российской Федерации с другими государствами. Всеобщая декларация прав человека занимает главное место, где прописаны задачи, которые решает образование. Первая из них способствует полному развитию человеческой личности, а также помогает воспитывать у обучающихся глубокое уважение к правам человека и основным свободам. Вторая содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами. Третья содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

Подводя итог, можно сказать, что в процессе глобализации произошли изменения, затрагивающие правовую основу развития высшего образования, обеспечивающие соответствие правовой основы системы высшего образования, соответствующим международным стандартам. Направление реформ правовой основы высшего образования:

обновление содержания и структуры образования, вовлечение в управление образованием общественных организаций, формирование европейского образовательного пространства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Дата обращения 1.10.2021).

2. Об образовании в Российской Федерации [федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: по состоянию на 17.02.2021г.] // Собрание законодательства РФ. − 31.12.2012. − № 53 (Ч. 1). − Ст. 7598.

3. Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг [Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1441] // Собрание законодательства РФ. − 28.09.2020.− № 39. − Ст. 6035.

4. Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ [приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816] // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru. – Дата доступа 30.04.2021 г.

5. Богданов, Д. А. Соотношение российского и международного законодательства в области образования / Д. А. Богданов. // Молодой ученый. − 2018. − № 33 (219). − С. 87-89.

6. Кирилловых, А.А. Трансграничное образование в условиях Болонского процесса: организационно-правовые инструменты реализации и обеспечения качества / А.А. Кирилловых // Юрист. − 2020. − № 3. − С. 62-69.

7. Соколова, Н.А. Международное сотрудничество в сфере науки, инноваций и образования Российской Федерации со странами Европейского союза / Н.А. Соколова // Lex russica. − 2018.− № 12. − С. 48-56.

УДК 34.096

ЭТАПЫ ВНЕДРЕНИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ворошкевич Станислав Анатольевич
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры права и экономики,
Минский инновационный университет, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: stas.voroshkevich.120@mail.ru
Куриленко Анастасия Андреевна
магистрант, Минский инновационный университет, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: nastya.kurilenko.98@mail.ru

Аннотация. В статье проанализировано белорусское законодательство в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, создание судов по делам несовершеннолетних (ювенальных судов) и порядок рассмотрения дел в данных судах, с закреплением особой процедуры рассмотрения дел, а также требований к кандидатам

на должность судьи суда по делам несовершеннолетних (ювенального суда) и последовательность внедрения института ювенальной юстиции.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, защита прав несовершеннолетних, Ювенальный кодекс Республики Беларусь, суд по делам несовершеннолетних (ювенальный суд).

STAGES OF IMPLEMENTATION OF JUVENAL JUSTICE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Voroshkevich Stanislav Anatolievich
PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Law and Economics, Minsk Innovation University, Republic of Belarus, e-mail: stas.voroshkevich.120@mail.ru
Kurylenko Anastasia Andreevna
Master's student Minsk Innovation University, Republic of Belarus,
e-mail: nastya.kurilenko.98@mail.ru

Summary. The article analyzes the Belarusian legislation in the field of protecting the rights and legitimate interests of minors, the creation of juvenile courts (juvenile courts) and the procedure for considering cases in these courts, with the consolidation of a special procedure for considering cases, as well as requirements for candidates for the position of a judge of a juvenile court (juvenile court) and the sequence of implementation of the institution of juvenile justice.

Key words: juvenile justice, protection of the rights of minors, the Juvenile Code of the Republic of Belarus, juvenile court (juvenile court).

Защита прав ребенка является одной из важнейших задач всего современного мирового пространства. Политические преобразования, войны, волны экономического кризиса, циклично «проходящие» по всем странам мира, внутренние конфликты, обострения международных отношений – все это не лучшим образом сказывается на вопросах обеспечения безопасности и социальной стабильности всего общества.

В целом, сфера защиты прав человека вошла в состав глобальных проблем современного цивилизационного развития наряду с вопросами экономики, информатизации, экологии и безопасности. В этой сфере существенное место занимает проблема защиты прав несовершеннолетних, которые наиболее подвержены влиянию социальных конфликтов.

Каждая страна в силу уровня своего политического и экономического развития, внутренних направленностей и перспектив, определяя внутреннюю политику в той или иной мере, охватывает вопросы защиты прав несовершеннолетних. Разрозненность подходов, разный уровень защиты, многообразие проблем и подходов к их решению приводит к необходимости вынесения данной проблемы на международный уровень.

За последние 100 лет мир накопил огромный опыт и разработал определенный механизм защиты несовершеннолетних от внешнего и внутреннего влияния. Необходимость распространения и обмена опытом в этом вопросе стала официально признана в середине XX века. Именно в указанный период зарождается международное право защиты прав ребенка, одним из направления которого является защита прав несовершеннолетнего, находящегося в тяжелой жизненной ситуации.

«Ювенальная юстиция» в современном правовом поле представляет собой один из важнейших инструментов государственной власти, призванной служить гарантией соблюдения и обеспечения гарантированных законодательством прав и свобод несовершеннолетних [1, с. 69]. В подобном понимании сущности ювенальной юстиции, она в достаточной мере выражает правозащитные, упорядочивающие и правоприменительные

элементы содержания государственной власти, определяет основы фактического правового равенства каждого несовершеннолетнего перед законом и судом.

Реализация задач по всестороннему обеспечению и защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних возможна на основе проведения комплексных исследований по изучению не только закономерностей, генезиса, эволюции и тенденций развития общественных отношений в отношении несовершеннолетних, исследования их возрастных особенностей, законодательства, обеспечивающего эти процессы, но и предпринимаемых государством организационно-правовых мер, направленных на обеспечение и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что первый международный правовой документ, который закрепил основные принципы ювенального судопроизводства – это Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка, которая была принята 20 ноября 1989 г. [1] Данная Конвенция закрепила основные гражданско-политические, культурные и социально-экономические права детей до достижения ими совершеннолетия. Также в 1990 г. были приняты Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, в которых пункт 3 гласит, что их цель состоит в том, чтобы установить минимальные стандарты, принятые Организацией Объединенных Наций для защиты несовершеннолетних, лишенных свободы в какой бы то ни было форме, в соответствии с правами человека и основными свободами и с целью противодействовать неблагоприятным последствиям всех видов заключения и способствовать вовлечению в жизнь общества [1].

Целесообразно отметить, что после принятия Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка в 1990 г. Республикой Беларусь была ратифицирована данная Конвенция, тем самым государство взяло на себя обязательство ее выполнять, так как Конвенция подлежит обязательному применению для стран-участниц. Результатом выполнения задач, предусмотренных Конвенцией ООН о правах ребенка, стало принятие Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка», а в последующем 29 июня 2006 г. был принят Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, где предусмотрена возможность создания специализированных судов и допускается применение специализированного судопроизводства по делам несовершеннолетних [1, с. 69].

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних декларируется как одно из приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь. Республикой Беларусь ратифицирован ряд международных документов:

– Конвенция о правах ребенка;

– Факультативный протокол к Конвенции, касающийся продажи детей, детской проституции и детской порнографии;

– Факультативный протокол об участии детей в вооруженных конфликтах;

– Минимальные стандартные правила ООН по отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних;

– Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы;

– Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних.

Несмотря на обилие международных правовых актов, касающихся защиты прав и свобод несовершеннолетних, главная роль в данной сфере отводится национальным учреждениям, и в первую очередь государству. Конституцией Республики Беларусь провозглашается защита детства. Основным нормативным правовым актом, регулирующим

права детей, в настоящее время является Закон Республики Беларусь 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка».

Целесообразно указать, что в Республике Беларусь разработана национальная законодательная база в отношении охраны детства:

– Закон Республики Беларусь от 21 декабря 2005 г. № 73-З «О гарантиях по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»;

– Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

– Кодекс Республики Беларусь о браке и семье;

– Кодекс Республики Беларусь об образовании;

– Указ Президента Республики Беларусь от 9 августа 2007 г. № 378 «О некоторых вопросах обеспечения прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»;

– Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» и др.

По нашему мнению, основная проблема внедрения ювенальной юстиции в Республике Беларусь заключается в отсутствии единого законодательного акта о ювенальной юстиции.

Считаем, что в Республике Беларусь назрела необходимость создания специализированных судов, которые бы рассматривали гражданские, административные и уголовные дела, совершенные несовершеннолетними. Следовательно, важно, чтобы на законодательном уровне была закреплена возможность рассмотрения дел в особой процедуре с участием несовершеннолетних, которая будет сопровождаться благоприятными условиями и обстановкой, отличающейся от дел иных граждан в судах Республики Беларусь. При этом не должно оказываться пагубное воздействие на психику несовершеннолетних [2, с. 82].

Кроме того, в Республике Беларусь в настоящее время сформирована эффективная правовая база в отношении защиты прав несовершеннолетних, построенная с учетом международных документов, направленная на создание условий для соблюдения прав несовершеннолетних, оказания им необходимой помощи и поддержки со стороны общества и государства, дальнейшего улучшения их правового положения. Однако в рамках национальной правовой системы такое понятие, как ювенальная юстиция, не является официально принятым правовым институтом, которому придавалось бы особое значение, что требует внесения изменений в нормативную правовую базу Республики Беларусь.

По нашему мнению, последовательность внедрения правового института ювенальной юстиции должна быть следующей:

– на первом этапе видится целесообразным принятие Закона Республики Беларусь «О ювенальной юстиции», который закрепит правовое положение и будет способствовать регулированию деятельности судов по делам несовершеннолетних (ювенальных судов), а также требования к переподготовке судей и повышению их квалификации;

– на втором этапе существует объективная необходимость внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь для закрепления особых процедур рассмотрения уголовных и гражданских дел с участием несовершеннолетних; а также, внесение изменений в Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей с принятием статьи «Требования к кандидату на должность судьи суда по делам несовершеннолетних (ювенального суда)» которая будет изложена в следующей редакции «Кандидатом на должность судьи суда по делам несовершеннолетних (ювенального суда) может быть

гражданин Республики Беларусь, достигший 30-летнего возраста, владеющий белорусским и русским языками, имеющий высшее юридическое образование с присвоением квалификации «Юрист» и высшее педагогическое образование с присвоением квалификации «Педагог-психолог» и (или) «Детский психолог», стаж работы по специальности не менее трех лет, порядок исчисления которого устанавливается Советом Министров Республики Беларусь или уполномоченным им органом, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен на должность судьи» [1, с. 70] и в последующем внесение изменения в виде отдельной главы, которая будет названа «Суды по делам несовершеннолетних (ювенальные суды). Кандидаты на должность судьи суда по делам несовершеннолетних (ювенальные суды). Квалификационный экзамен на должность судьи суда по делам несовершеннолетних (ювенального суда)».

Отметим, что завершением совершенствования нормативной правовой базы Республики Беларусь путем внедрения института ювенальной юстиции должно стать принятие Ювенального кодекса Республики Беларусь, который будет являться системообразующим нормативным правовым актом, закрепившим принципы и нормы института ювенальной юстиции и обеспечит правовое регулирование данных общественных отношений.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать отдельные выводы: во-первых, реализация предложения по созданию судов по делам несовершеннолетних (ювенальных судов) позволит улучшить качество рассмотрения дел, в которых одной из сторон является несовершеннолетний; во-вторых, внедрение института ювенальной юстиции в судебную систему повлечет разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, которые будут регулировать деятельность специализированных судов и закреплять особую процедуру рассмотрения дел с участием несовершеннолетних, требования к кандидатам на место судьи в суд по делам несовершеннолетних (ювенальный суд).

Литература

1. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. (дата обращения 28.11.2021)

2. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы: приняты резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи от 14 дек. 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml. (дата обращения 28.11.2021).

3. Васильева, Ю.А. Современный подход к защите прав несовершеннолетних в гражданском процессуальном законодательстве / Ю.А. Васильева, А.А. Куриленко // Управление в социальных и экономических системах: м-лы XXX международной научно-практической конференции, г. Минск, 14 мая 2021 г. / редкол.: Н.В. Суша (предс.) и др.; Минский инновационный ун-т. Минск: Минский инновационный университет, 2021. С. 69–70.

4. Васильева, Ю.А. Ювенальная юстиция в Республике Беларусь / Ю.А. Васильева, А.А. Куриленко // Проблемы и перспективы современной науки: сб. ст. участников X Респ. науч.-практ. семинара молодых ученых, Минск, 18 декабря 2020 г. / редколл.: В.В. Гедранович [и др.] ; Минский инновационный ун-т. Минск: Минский инновационный ун-т, 2021. С. 81–83.

УДК 342

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гришин Виктор Викторович
аспирант кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, viktorgrishin1996@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ места и роли местного самоуправления в системе публичной власти России. Изучается состав системы публичной власти и раскрываются особенности функционирования местного самоуправления. Проводится анализ взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: государственная власть, местное самоуправление, публичная власть, Конституция Российской Федерации, российское законодательство.

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Grishin Viktor Viktorovich
Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Ogarev National Research Mordovian State University, viktorgrishin1996@yandex.ru

Summary. The article analyzes the place and role of local self-government in the system of public power in Russia. The composition of the public power system is studied and the peculiarities of the functioning of local self-government are revealed. The analysis of the relationship between state power and local self-government is carried out.

Keywords: state power, local self-government, public power, the Constitution of the Russian Federation, Russian legislation.

Согласно Конституции РФ, конституционный строй включает в себя местное самоуправление. Это значит, что местное самоуправление считается независимой управленческой системой и может самостоятельно решать управленческие задачи. В ст.12 Конституции РФ указано, что органы местного самоуправления не входят в систему государственных органов власти. Это значит, что эти органы являются независимыми, они имеют право на управленческую деятельность на местном уровне без вмешательства органов государственной власти.

Задачи местного самоуправления как конституционного института направлены на решение важных вопросов материального, идеологического и социального характера. Его роль в формировании общества огромна. И как конституционный институт местное самоуправление обладает своими собственными правомочиями, и его деятельность направлена на решение разного рода задач.

Принято считать, что Российская Федерация является демократическим государством. Поэтому местное самоуправление при данном государстве доказывает свободу и власть народа. Согласно основному закону РФ, оно в РФ представлена как одна из основ конституционного строя. По определениям, ранее отраженным в решениях Конституционного Суда РФ, а с 2020 г. в Конституции РФ, местное самоуправление – важная часть системы публичной власти в Российской Федерации [1].

Как известно, 20 января 2020 года в Госдуму официально поступил законопроект № 885214-7 под названием «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции

Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти»». 11 марта того же года данный закон был одобрен Госдумой и Советом Федерации.

Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [4] подписан Президентом РФ и опубликован на официальном портале правовой информации.

В этом же году 1 июля россияне участвовали в голосовании о поправке в Конституцию РФ по инициативе президента РФ. Более половины участвовавших россиян проголосовали за поправку в Конституцию РФ. Президент подписал указ [5] о введении этих поправок в действие, который официально опубликовали 4 июля. В этот день обновленный Основной закон РФ вступил в силу.

В ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [3] можно найти трактовку определению системы публичной власти России (ст. 2). Исходя из данного определения, система публичной власти России состоит из федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Главными задачами всех видов органов управления в управленческой деятельности является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечить социально-экономическое развитие (ЭСР) во всех сферах жизнедеятельности государства.

Кандидат юридических наук А.П. Осипов правильно сказал о местном самоуправлении: «Согласно Конституции РФ и иным действующим НПА государственное управление делится на две группы органов управления. К первой группе относятся органы федерального уровня: президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, федеральные суды. Ко второй группе относятся органы регионального уровня: главы субъектов, законодательные органы, администрации, правительства краев, областей, республик, мировые суды. Органы местного самоуправления обособлены от органов государственной власти. Согласно статье 12 главы 8 Конституции» [6, с. 74].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что современные российские законы и иные нормативно-правовые акты доказывают, что местное самоуправление является одним из подразделов системы публичной власти.

Организации успешного функционирования местного самоуправления уделяется первостепенное значение в политической деятельности публичной власти. Государство принимает активное участие в этом процессе. Главными направлениями государственных органов при содействии в деятельности органам местного самоуправления являются ресурсообеспеченность, кадровая и финансовая политика. Несмотря на то, что органы местное самоуправление считаются обособленными от органов государственной власти, они являются важной составляющей системы управления государства. Это говорит о значимой роли органов местного самоуправления в организации управленческой деятельности государства. Государство, в лице своих государственных органов, осуществляет активное участие в контроле за использованием выделяемых материальных и финансовых средств, а также исполнением правовых предписаний на муниципальном уровне.

Государство оказывает огромное содействие в организации и функционировании местного самоуправления, поэтому можно считать, что органы местного самоуправления являются неотъемлемой частью устройства государства. Однако в то же время органы государственной власти не мешают органам местного самоуправления решать свои узконаправленные задачи по разным видам деятельности. Дифференциация полномочий

органов местного самоуправления призвана обеспечить рациональное управление местной территорией и эффективно организовать народовластие.

Вопрос самостоятельности местного самоуправления и его обособленности от органов государственной власти в нынешнее время не сильно затрагивается. Данный факт подтверждают различные нормативно-правовые документы. Система прав и свобод человека и гражданина РФ не предусматривает отделение местного самоуправления от государства. Эффективная организация и успешное функционирование органов местного самоуправления напрямую зависит от наличия необходимых ресурсов для осуществления жизнедеятельности муниципальных образований.

Ученый А.Р. Еремин в своих трудах подчеркивал, что «Тема местного самоуправления применительно к реальным, а не утопическим ее аспектам не только берет в государственности свое начало, но развертывается целиком внутри государственности. И не случайно тема местного самоуправления не только во многих доктринально-теоретических и аналитико-прагматических работах, но и в собственно общественной практике совпадает с темой децентрализации государственного (или публичного) управления» [2, с. 22].

Местные власти решают различные задачи по разным направлениям, к примеру, осуществляют управленческую деятельность, определяют формирование муниципальных органов и так далее. Можно сказать, что они реализуют идентичную систему управления как государство, но на более низком уровне. Также необходимо добавить, что государство само устанавливает границы полномочий органов местного самоуправления согласно законодательству, а также с учетом необходимости передачи соответствующего объема ресурсов для обеспечения функционирования местного самоуправления.

Рассмотрим сущность местного самоуправления с позиции исторического контекста, а не с позиции муниципализации в той или иной стране, которая способна подвергаться воздействию значительного числа частных локальных факторов. В данном случае, мы можем утверждать, что все же в концептуальном и логическом ракурсах местное самоуправление хотя и является частью публичной власти, все же отлично от государственной власти. Если обратиться к историческим вехам развития местного самоуправления, то можно отметить, что его сущностная характеристика как части публичной системы власти характеризует его как власть низшего уровня, обладающей ограниченными полномочиями в управленческих процессах, что говорит о том, что местное самоуправление некогда не может конкурировать с властью государственной. Поэтому, можно констатировать, что местное самоуправление является муниципальной властью как часть публичной власти ограниченной властью государственной. Основное предназначение муниципальной власти является решение вопросов жизнеобеспечения на местном территориальном уровне.

Правомочия местного самоуправления можно рассмотреть с разных точек зрения. Органы местного самоуправления имеют право на независимость при решении управленческих вопросов. Однако в то же время местное самоуправление ограничивается законодательством. Иными словами, реализация местного самоуправления осуществляется в пределах норм права. Было бы ошибкой говорить о том, что органы местного власти являются полностью независимыми, их компетенции ограничены государством.

Российские правоведы в последнее время все чаще поднимают вопрос о взаимоотношениях органов государственного власти и органов местного самоуправления, которые реализуются в рамках системы публичной власти. Учеными ведется работа по разработке концепции и утверждений по взаимоотношению данных органов, а также рассматриваются варианты и гипотезы внедрения их в законодательство.

Процесс преобразования отношений данных групп управления включает в себя следующие мероприятия: изучение, корректировка прав, обязанностей и ответственности за выполнение сторонами публично-правовых отношений взятых на себя обязательств.

Полномочия вышеупомянутых органов дифференцируются на разных уровнях государственного управления: на государственном и региональном уровнях. В формировании взаимоотношений данных органов важную роль играет основной закон РФ, а также полномочия субъектов РФ в сфере регулирования местного самоуправления на региональном уровне.

Таким образом, формирование роли местного самоуправления в системе публичной власти зависит от следующих факторов: совокупность его правомочий, экономические показатели этих полномочий, а также степень вовлеченных местных граждан, формирующих эти органы, в осуществлении местного самоуправления.

Литература

1. Багмет, А.М. К вопросу о совершенствовании института представительного органа муниципального образования / А.М. Багмет, Е.И. Бычкова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 3. – С. 69-72.

2. Еремин, А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в Российской Федерации: конституционные вопросы / А.Р. Еремин / Под ред. В.Т. Кабышева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 280 с.

3. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Российская газета. – 2020. – 11 дек.

4. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

5. Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: Указ Президента РФ № 445 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 27. – Ст. 4196.

6. Осипов, А.П. Система публичной власти Российской Федерации / А.П. Осипов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 73-74.

УДК 281.93

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Джораева Светлана Викторовна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права, Оренбургский государственный университет,
joraevasv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается становление государственно-церковных отношений в постсоветской России в сфере образования, этапы формирования.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, свобода вероисповедания, свобода совести, религиозная организация, религиозное образование, религиоведческое образование.

ON THE ISSUE OF STATE-CHURCH RELATIONS IN THE FIELD OF EDUCATION

Joraeva Svetlana Viktorovna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Constitutional Law, Orenburg State University, joraevasv@mail.ru

Summary. The article examines the formation of state-church relations in post-Soviet Russia in the field of education, the stages of formation.

Key words: state-church relations, freedom of religion, freedom of conscience, religious organization, religious education, religious education.

Одной из важнейших сфер правового регулирования государством, выступает сфера государственно-церковных отношений. Процесс распада СССР, привел и к устранению механизмов государственного взаимодействия данной сферы. Государственная вертикаль (Совет по делам религий и его уполномоченные) была ликвидирована, и реализацией государственно-конфессиональной политики стали заниматься различные комитеты: Комитет Верховного Совета по вопросам свободы совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности РСФСР, Экспертно-консультативный совет при Комитете Верховного Совета РСФСР, Координационная комиссия при Правительстве РФ, Государственный советник по политическим вопросам.

С принятием конституции в декабре 1993 г. был окончательно заявлен определенный законом РСФСР 1990 г. «О свободе вероисповеданий», статус Российской Федерации как светского государства, базирующегося на принципах отделения церкви от государства, школы от церкви и равенства граждан вне зависимости от их отношений к религии, равенства религиозных организаций. Дальнейшее выстраивание государственно-церковных отношений отразилось в Конституции РФ, одобренной на референдуме 12 декабря 1993 г., и Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125 – ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». Статья 28 Основного закона гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, «включая права исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой». В ст. 14 провозглашалось светское государство, в силу этого «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В этой же статье также содержится положение об отделении религиозных объединений от государства и равенства их перед законом. Статья 28 подчеркивала, что в РФ «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания…». Рассматривая общий правовой статус, необходимо отметить, ч.4 ст.13 и ст.30 Конституции РФ, устанавливали право на создание объединений граждан и их равенство перед законом.

Этот период можно охарактеризовать высокой религиозной активностью во всех сферах жизни общества. Остановимся в частности, на сфере образования, где РПЦ проявила достаточную активность.

Русская Православная Церковь на Архиерейском Соборе в феврале 1997 года принимает постановление «О взаимоотношениях с государством и светским обществом» и «Об отдельных вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Церкви».[1] Архиерейский Собор обращался в Думу с просьбой при подготовке новой редакции Закона «О свободе вероисповеданий» учесть особое положение Церкви, принятый в 1997 году новый вариант закона «О свободе совести и религиозных объединениях» были включены ограничительные меры против иностранных миссионеров.

На Архиерейском Соборе, 13-16 августа 2000 года, «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», затрагивающие проблемы церкви на современном этапе развития.

В концепции высказывалось сожаление о некритическом заимствовании учебных стандартов, программ и принципов образования западных организаций, высказывалось и опасение проникновения в светскую школу оккультных, неязыческих деструктивных сект «под воздействием которых ребенок может быть потерян и для себя, и для семьи, и для общества» [1].

С православной точки зрения нужно, чтобы система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях. При этом, высказывались суждения, что необходимым и полезным будет проведение в светских школах уроков христианского вероучения, по желанию родителей и их детей, а также в высших учебных заведениях. С этой же целью, начинают создаваться православные общеобразовательные учебные заведения, ожидая поддержки со стороны государства.

Подобная активность дала определенные результаты: по данным Архиерейского Собора РПЦ на февраль 1997 г., в России существовало около 1500 воскресных и церковно-приходских школ, в которых обучалось 72 тысячи детей и 5 тысяч взрослых, функционировало 93 православных детских сада и группы в государственных детских садах 20 епархий, действуют 40 православных общеобразовательных школ, гимназий и лиц ев в 19 епархиях. Приступили к работе Российский православный университет во имя св. Иоанна Богослова и Царицинский православный университет, в стадии становления находилось и другие высшие православные учебные заведения [1].

На Архиерейском Соборе 2004 года принимается решение о создании группы «Молодежное служение и религиозное образование» [2]. Как следствие, были созданы две общественные организации: Всецерковное православное молодежное движение и братство православных следопытов.

В 2008 году на очередном Архиерейском Соборе принимаются «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Где одним из прав человека признается право на образование. Образование рассматривается не только, как средство для приобретения знаний, но и как воспитание личности в соответствии с замыслом Божьим. При этом учитывая принцип свободы совести, РПЦ уточнило свою позицию. Образование должно проходить с учетом культурных традиций общества и мировоззренческих позиций семьи и личности.

Закон «Об образовании в Российской Федерации» был внесен в Государственную думу правительством Российской Федерации. Разработчиком закона является Министерство образования и науки России, которое к тому времени уже активно сотрудничало с РПЦ.

В 2010 году была создана специальная рабочая группа, в которую вошли представители Министерства образования и различных религиозных организаций. В задачи группы входила разработка и согласование законодательных положений, касающихся религиозного образования и взаимодействия религиозных организаций с государственными образовательными организациями. В 2011 году данные положения законопроекта были одобрены Межрелигиозным советом России.

Однако уже на этапе подготовки законопроекта ко второму чтению в Государственной думе в декабре 2012 года предпринимались попытки их пересмотреть. Правозащитникам, не совсем были понятны нормы, касающихся взаимодействия религиозных организаций с государственной школой, что вступало в противоречие с конституционными нормами.

Принцип светского характера образования в государственной школе долгое время считался серьезным препятствием для преподавания религиозной культуры учащимся государственных и муниципальных школ.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 2 августа 2009 года № Пр-2009 в 2009–2011 годах в ряде субъектов Российской Федерации была осуществлена апробация комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), включающего основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики. С сентября 2012 года этот курс преподается в четвертом и пятом классах во всех государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях России.

Теперь практика преподавания ОРКСЭ закреплена на уровне федерального закона. Ст. 87 Закона «Об образовании» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ содержит нормы, касающиеся преподавания в рамках основных образовательных программ государственных образовательных организаций (в том числе на основе Федерального государственного образовательного стандарта) учебных курсов, направленных на получение учащимися знаний о нравственных принципах и традициях православия, а также иных мировых религий.

В 2010 году Патриархом Московским было утверждено «Положение о выдаче конфессионального представления Русской Православной Церкви и конфессиональной аттестации образовательных организаций», а в 2018 г. утверждается приказом Председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви за № 225.

В современном российском законодательстве в сфере образования вводится новелла о конфессиональной экспертизе программ по религиозной культуре и теологии (ч. 3 ст. 87, ч. 4 ст. 87). Данная экспертиза должна проводиться централизованными религиозными организациями в соответствии с их внутренними установлениями в порядке, определенном Министерством образования и науки России. Экспертиза должна определить степень соответствия содержания указанных программ конкретному вероучению. На общецерковном уровне ее будет проводить Синодальный отдел религиозного образования и катехизации.

Определяя особенности теологического образования в государственных и негосударственных вузах, законодатель предусмотрел конфессиональный подход не только к экспертизе программ, но и к педагогам: преподаватели теологии должны иметь рекомендацию централизованной религиозной организации. В противном случае они не будут допущены к преподаванию этого курса (предмета) (ч. 5 ст. 87).

Централизованные религиозные организации должны привлекаться к учебно-методическому обеспечению курсов по ОРКСЭ и теологии (ч. 6 ст. 87). Вместе с тем порядок и степень их участия в этом процессе законодательно не определены.

В январе 2015 принимается проект документа «Образовательная концепция Русской Православной Церкви», где прописывались особенности, задачи и принципы образовательной деятельности, организационно-правовые формы, координация и обеспечение.

В современном российском обществе практическая реализация религиозного образования приобретает системный характер, начиная с введения в 2012 году предметной области ОРКСЭ в общеобразовательной школе и переходя на уровень высшей школы и послевузовского образования с защитой диссертации по теологии как научной специальности ВАК.

На сегодняшний день, причин для острых дискуссий нет, однако назрела необходимость разграничения содержаний понятий «религиозное образование» или «религиоведческое». Наметившиеся тенденции росту православного влияния в системе образования дает основание для более пристального внимания к данной проблеме со стороны государственных органов власти, поскольку законами страны декларируются равные права всех религиозных объединений, провозглашается светскость государства, с одной стороны, с другой же - происходит негласное навязывание обществу и школе православных ценностных ориентиров в многоконфессиональной и многонациональной стране. Это является одним из серьезных методологических недостатков исследования проблем религиозного образования в светской школе в отрыве от анализа модели государственно-церковных отношений, внутри которых религиозное образование реализуется. Данные отношения находятся в стадии формирования и требуют более тщательных исследований с учетом моделей государственно-церковных отношений.

Многие ученые и политики высказывались зачастую против вмешательства церкви в систему государственного образования и рекомендовали РПЦ использовать факультативные формы работы и культурологическое направление в православном образовании, во избежание возникновения возможных осложнений [3], однако все эти рекомендации так и не были услышаны.

Литература

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (Москва, 13-16 августа 2000 г.). URL: http://www.patriarchia.ru/db/ text/419128.html

2. Архиерейский Собор РПЦ. Сообщение для органов информации18.02.1997.

3. Кудрина, Т.А. Религия и образование (по материалам круглого стола) / Т.А. Кудрина // Религия, церковь в России и за рубежом. Информ.бюллетень. − 1994. − № 2. − С.65-72.

4. Джораева, С.В. Особенности правового регулирования государственно-церковных отношений в 1990-е гг. – начало XXI в. / С.В. Джораева // Право и государство: теория и практика. − 2020. − №1 (181). – С.24-26.

УДК 349.3

ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Изварина Юлия Юрьевна
старший преподаватель кафедры трудового права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов; e-mail: caramelk@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о необходимости обеспечения социально справедливого перехода к более инклюзивному, справедливому, стабильному и устойчивому развитию, обсуждаются стратегии и меры, которые необходимо принять в этой связи. Подчеркивается значение цифровых технологий для социального развития и всеобщего благополучия, так как восстановление после пандемии COVID-19 открывает возможности для содействия социально справедливому переходу к устойчивому развитию, при котором экономический рост используется в качестве средства повышения уровня благополучия и расширения возможностей человека.

Ключевые слова: системы цифровой идентификации, пандемия, мировые системы социального обеспечения, социальная инклюзия.

VALUE OF DIGITAL TECHNOLOGIES FOR THE FURTHER SOCIAL DEVELOPMENT

Izvarina Yulia Yurievna
senior lecturer of the Labour Law Department of the Saratov State Law Academy
e-mail: caramelk@yandex.ru

Summary: In article the question on necessity of maintenance of socially fair transition to moreinclusive, fair is considered, stable and to a sustainable development, strategy and measures which are necessary for accepting thereupon are discussed. Value of digital technologies for social development and general well-being as restoration after pandemic COVID-19 opens possibilities for assistance to socially fair transition to a sustainable development at which economic growth is used as means of increase of level of well-being and expansion of possibilities of the person is underlined.

Keywords: systems of digital identification, a pandemic, world systems of social security, social inclusion

Цифровые технологии могут способствовать повышению производительности в сфере труда и увеличению числа способов, используемых для поиска работы отдельными людьми, для найма квалифицированных сотрудников компаниями, а также для производства и распространения товаров и услуг [1]. Они могут дать трудящимся возможность работать дистанционно и способствовать улучшению баланса между работой и личной жизнью, расширяя при этом возможности для заработка. Например, электронная торговля помогла некоторым сельским сообществам выбраться из нищеты, вдохнув новую жизнь в села за счет создания рабочих мест и повышения доходов домохозяйств. Однако многие возможности и преимущества, предоставляемые новыми технологиями в сфере труда, не являются гарантированными и не обеспечиваются автоматически. Для их реализации и обеспечения гарантированного соблюдения прав трудящихся и достойной работы необходима вспомогательная законодательная и нормативная база. Чтобы системы социальной защиты могли адекватно удовлетворять растущий спрос и реагировать на новые вызовы, их необходимо укрепить на основе принципов объединения рисков и справедливости в области финансирования и предоставления льгот [2].

Из-за пробелов в сфере труда и социальной защиты, например, при экономике свободного заработка и платформенной экономике, трудящиеся оказываются уязвимыми перед потрясениями, усугубляющими проблему нищеты и неравенства и ставящими под угрозу социальный договор. Обеспечение адекватной социальной защиты трудящихся во всех категориях занятости способствует не только защите трудящихся и их семей, но и созданию более равных условий для всех участников «старой» и «новой» экономики. Цифровые технологии могут также способствовать сокращению масштабов нищеты и неравенства, обеспечивая более рациональные с экономической точки зрения средства удовлетворения самых насущных и основных потребностей в продовольствии, чистой воде, жилье, образовании и здравоохранении, стоимость которых в развивающихся странах на текущий момент может доходить до 80 процентов дохода домохозяйства. Цифровые технологии могут способствовать социальной инклюзии, обеспечивая полноценное участие всех людей в жизни общества и их доступ к качественному образованию, здравоохранению, достойной работе, доступному жилью и социальной защите. Использование информационных технологий в области здравоохранения все

чаще рассматривается в качестве одного из важнейших компонентов обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения. На текущий момент более чем в половине государств — членов Всемирной организации здравоохранения разработаны стратегии использования информационных технологий в области здравоохранения. «Мобильное здравоохранение» способствует распространению информации, в том числе с помощью адресных кампаний в области здравоохранения. Телемедицина позволяет оказывать медицинские услуги напрямую с помощью мобильных устройств, решая тем самым проблему отсутствия инфраструктуры и нехватки медицинского персонала в отдаленных населенных пунктах и районах, недостаточно обеспеченных соответствующими услугами. Телемедицина доказала свою критически важную роль в период действия режима самоизоляции, введенного в связи с COVID-19. Кроме того, электронное обучение облегчает подготовку медицинских работников; использование электронных медицинских карт может обеспечить предоставление точной и своевременной информации о пациенте и повысить тем самым точность поставленного пациенту диагноза и улучшить его лечение; а искусственный интеллект может оказать ценную помощь в вынесении диагноза [3].

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, способствует ускорению внедрения инноваций во всем мире в поддержку непрерывности обучения с помощью средств дистанционного обучения. Во многих случаях, когда школы закрывались, уроки начали проводиться в онлайн-режиме. В регионах с ограниченными возможностями связи страны используют более традиционные каналы дистанционного обучения — как правило, сочетание телевидения, радио и печатных средств. Цифровые технологии лежат в основе усилий стран по совершенствованию и расширению дистанционного обучения и созданию более открытых, инклюзивных и гибких систем образования на период после пандемии. Цифровые технологии также используются для повышения эффективности систем переработки сельскохозяйственной продукции, что имеет принципиальное значение для продовольственной безопасности. Новые технологии, такие как 3D-печать, могут сделать строительство более экологичным и менее затратным и способствовать тем самым достижению целей в области устойчивого развития, касающихся доступного жилья и охраны окружающей среды. Около 1,6 миллиарда человек не имеют адекватных жилищных условий, при этом почти 1 миллиард из них живут в трущобах и неформальных поселениях [4]. Технологические достижения в жилищной сфере могут помочь в обеспечении достойного жилья. Инновации в области технологии материалов позволили увеличить объем поставок сборных домов для перемещенных лиц.

Цифровые технологии могут способствовать расширению прав и возможностей женщин и девочек, особенно живущих в сельских районах с ограниченным доступом к формальной занятости, образованию, здравоохранению и другим услугам. Интернет, цифровые платформы, мобильные телефоны и цифровые финансовые услуги открывают широчайшие возможности и способствуют расширению прав и возможностей женщин и девочек за счет повышения их уверенности в себе, наращивания их экономического потенциала и расширения их независимости и доступа к знаниям. Например, цифровые технологии могут помочь обеспечить женщинам более широкий доступ к финансовым услугам, информации об их законных правах на землю и наследование, а также к экономическими возможностям и возможностям в плане образования. Цифровые технологии могут способствовать расширению прав и возможностей маргинализированных или находящихся в неблагоприятном положении групп населения и их социальной инклюзии и участию в жизни общества. Если говорить об инвалидах, которые составляют 15 процентов населения мира, и пожилых людях (46 процентов из которых

также имеют ту или иную форму инвалидности), то цифровые технологии могут повысить качество их жизни, расширить их участие в жизни общества и сделать самостоятельную жизнь возможной [5]. Например, онлайн-платформы позволяют лицам, испытывающим трудности с передвижением, получить доступ как к государственным услугам, так и к рабочим местам; разработка электронных учебных материалов, адаптированных к потребностям учащихся с когнитивными нарушениями, способствует устранению препятствий для обучения; а благодаря цифровым устройствам и ассистивным технологиям обеспечивается инклюзия, участие и вовлечение пожилых людей и инвалидов в жизнь их местных сообществ. Что касается коренных народов, то им информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и Интернет могут помочь сохранить свою культуру и рассказать о ней, а также стать эффективным инструментом, позволяющим донести им свои мнения до окружающих и рассказать о своих интересах, а также помочь им решить проблему географической удаленности и тем самым обеспечить их более широкое участие во всех аспектах жизни общества.

Все больше национальных, местных и муниципальных органов власти осуществляют стратегии цифрового правительства, используя новые инструменты для интеграции многоканального оказания услуг в режиме онлайн и оффлайн и предоставления ряда цифровых услуг, включая регистрацию предприятий, уплату налогов и получение свидетельств о рождении и других удостоверений личности. Наличие таких услуг особенно ценно для населения сельских и отдаленных районов. Правительства вкладывают средства в сбор и использование данных для разработки политики и инновационное использование новых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн, с тем чтобы сделать государственные службы более доступными, подотчетными и эффективными. Информационные технологии приводят к изменению способов взаимодействия правительств с гражданами и проведения консультаций с ними. Онлайн-платформы для государственных закупок, включая процедуры устойчивых закупок, основанные на целях в области устойчивого развития, могут способствовать повышению транспарентности. Фундаментальные системы цифровой идентификации могут способствовать более справедливому и эффективному распределению социальных льгот. Цифровое правительство и цифровые услуги обладают огромным потенциалом в плане дальнейшего содействия социальному развитию, однако этого можно будет добиться лишь в том случае, если защита международных прав человека будет встроена в соответствующую институциональную архитектуру.

Литература

1. Доклад о мировом социальном положении 2020 года: неравенство в быстро меняющемся мире. − Издание 2. Организации Объединенных Наций, 2020. − С.13-17.

2. Доклад о социальной защите в мире в 2017–2019 гг.: обеспечение всеобщей социальной защиты для достижения Целей в области устойчивого развития. − Женева, Международное бюро труда, 2019. − С.23-34.

3. Anthony Shorrocks, James Davies and Rodrigo Lluberas Global wealth report 2020. Credit Suisse Research Institute, 2020. − P.134.

4. Richard Wilkinson and Kate Pickett The Inner Level: How More Equal Societies Reduce Stress, Restore Sanity and Improve Everyone's Well –being. New York, Penguin Press, 2019. − P.17-19.

5. Thomas Wiedmann and others, «Scientists' warning on affluence», Nature Communications, vol. 11, June 2020. − P.14-17.

УДК 342.921

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОКАЗЫВАНИЮ ВИНЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Кружилин Владимир Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры кафедры гражданского права и процесса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал, Kvs88nord@mail.ru

Аннотация: В статье содержится теоретико-правовая информация о том, что в современных условиях в РФ имеются отдельные недостатки организационно-управленческой деятельности и взаимодействия субъектов системы обеспечения безопасности дорожного движения, проблемы преодоления противодействия процессу доказывания вины правонарушителя по делам о правонарушениях в области дорожного движения. Автор указывает на повышение эффективности применяемых методов управления в правоохранительной и правозащитной деятельности.

Ключевые слова: административная юрисдикция, правонарушение, противодействие, доказывание, дорожное движение.

ON SOME ISSUES OF OVERCOMING COUNTERACTION TO PROVING OF GUILT IN PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC

Kruzhilin Vladimir Sergeevich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch, Kvs88nord@mail.ru

Annotation: The article contains theoretical and legal information that in modern conditions in the Russian Federation there are certain shortcomings in organizational and managerial activities and the interaction of subjects of the road safety system, the problem of overcoming opposition to the process of proving the guilt of the offender in cases of offenses in the field of road traffic. The author points to an increase in the effectiveness of the applied management methods in law enforcement and human rights activities.

Keywords: administrative jurisdiction, offense, opposition, proof, traffic.

Одной из основных задач современной России является совершенствование правового регулирования в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Согласно статистике ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают и получают ранения свыше 270 тыс. человек. Размер социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий и их последствий за 2010 - 2019 годы оценивается примерно в 8526,3 млрд. рублей.

В научном исследовании Д.В Горбунова приводятся данные о том, что ежегодно только сотрудниками ОВД выявляются около 40 млн правонарушений в области дорожного движения [1, с. 3]. Надо полагать, что примерно столько же правонарушений, в силу их латентности остаются без учета. Практически каждый человек в современных условиях, так, или иначе вовлечен в дорожно-транспортные отношения, и соответственно ежедневно рискует оказаться в роли потерпевшего от ДТП. Думается, что теоретикам

и практикам в области безопасности дорожного движения представляется важным исследовать ресурсы государственной власти, законопослушной части общества, и тех, кто им противостоит в столкновении при расследовании многочисленных дел об административных правонарушениях.

Как следует из опроса сотрудников ГИБДД, судей и самих участников дорожного движения, довольно часто правонарушители, пытаясь избежать ответственности, привлекают материальные ресурсы, квалифицированных юристов, а нередко и коррупционные связи в правоохранительных структурах.

Учитывая изложенное, хотелось бы рассмотреть ряд аспектов противодействия доказыванию в производстве делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Проблема противодействия доказыванию характерна не только для производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Совершенно очевидно, что в том или ином виде оно осуществляется делинквентами и в других сферах административно-юрисдикционной деятельности органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность. Но опасность оставления без внимания вопроса противодействия доказыванию в области дорожного движения заключается в том, что безнаказанный правонарушитель снова остается среди водителей, и, как установлено наблюдениями, с еще большей активностью игнорирует властные предписания, совершает новые правонарушения, возможно и содержащее признаки преступления (ст. 264 УК РФ), когда имеет место причинение тяжкого вреда здоровью, а в ряде случаев и смерть одного человека или двух и более лиц.

Для понимания сущности проблемы под противодействием доказыванию по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения предлагаем понимать избрание правонарушителем и солидарными с ним лицами определенной манеры поведения, активные действия, либо бездействие целью которых является создание различных препятствий для должностного лица, обладающего юрисдикционными полномочиями в собирании и использовании ими доказательств вины правонарушителя и установления истины по делу. Единственной целью противодействия является уклонение от административной и уголовной ответственности, недопущение вынесения решения о назначении наказания за противоправное деяние.

Назовем некоторые обстоятельства, при которых может иметь место противодействие в рассматриваемом виде производства.

Так, например, в одних случаях вопрос о возбуждении дела решается по инициативе инспектора ГИБДД, выявившего правонарушение, и здесь речь идет об административном усмотрении должностного лица, которое, в случае активного противодействия правонарушителя может нигде и не фиксироваться.

В других случаях событие административного правонарушения выявляется посредством автоматической фиксации специальными техническими средствами, при этом субъективная правовая квалификация деяния сводиться к минимуму. Однако у собственника автомобиля есть возможность оспорить принятое решение, и здесь также формируется пространство для противодействия сторон юрисдикционного конфликта.

В третьих, уклонение от ответственности может иметь место при рассмотрении определенных дел в судах. Так, учеными приводится статистика о том, что около 15% постановлений, вынесенных должностными лицами ГИБДД, отменяются судьями по результатам рассмотрения жалоб. В свою очередь, при вынесении судебного решения также встречаются многочисленные недочеты и откровенные процессуальные нарушения. На наш взгляд, отчасти это обусловлено и перегруженностью судов и недостаточной подготовкой судейского корпуса по такого рода делам, и откровенно коррупционными факторами [3, с. 182].

Полагаем, что всех участников дорожно-транспортного противостояния целесообразно классифицировать на следующие группы:

1) органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять контроль и надзор в области дорожного движения и наделенные законом соответствующими административно-юрисдикционными полномочиями.

2) участники дорожного движения, не являющиеся водителями автотранспортных средств (пешеходы и пассажиры).

3) водители автотранспортных средств, которых условно можно подразделить на две подгруппы: а) управляющие транспортом легально (т.е. получившие в установленном порядке водительское удостоверение и не лишенные права на управление транспортным средством); б) управляющие транспортом противоправно (например, - лица, заведомо не имеющие водительское удостоверение, либо лишенные права на управление транспортным средством).

Продолжая классификацию противодействия можно выделить ее правомерную и противоправную разновидности.

В первом случае подразумевается законное сопротивление административному доказыванию вины, которое зиждется не на состязательности сторон, а, в основном, на циничном извращении фактов, и призывах к игнорированию ответственности.

Во втором случае нормативные процессуальные действия вовсе не осуществляются, а оказывается банальное морально-физическое сопротивление законным действиям уполномоченных должностных лиц.

Опросы социологов свидетельствуют о том, что в России около 80% населения желают скорейшего наведения порядка в области дорожного движения. В то же время стало традицией оповещать помигиванием фар встречных водителей о присутствии на дороге поста ДПС или средств автоматической фиксации. Кроме того, у «рядовых» участников дорожного движения существуют претензии к «привилегированным», а именно к представителям силовых ведомств, органов власти, бизнеса, творческой элиты нашего общества.

В качестве индикатора состояния общества можно привести многочисленные факты нарушений правил дорожного движения т. н. блогерами, которые зачастую имеют по несколько десятков постановлений о назначении им наказания, но ни один из назначенных штрафов такими нарушителями не уплачен.

Приходится констатировать, что в современных условиях фактически мало срабатывает базисный для предупреждения правонарушений принцип неотвратимости наказания. Это влияет и на мотивацию сотрудников ГИБДД, которые порой сами затрудняются решительно и эффективно исполнять свои обязанности. Более того, ни для кого не секрет, что осуществляется настоящая идеологическая борьба за правосознание граждан. Средства массовой информации как будто соревнуются по скорости подачи и объему информации, дискредитирующей правоохранительные органы. Сайты в сети «Интернет», помимо статей негативного содержания переполнены агрессивными комментариями о сотрудниках ГИБДД и иных органов власти, обладающих юрисдикционными полномочиями. Справедливости ради отметим, что только лишь в 2021 году органами внутренних дел стали предприниматься действенные меры по пресечению деятельности лиц, игнорирующих законодательство, по привлечению к ответственности граждан, откровенно бросавших вызов правоохранительной системе государства.

Нельзя не согласиться с Калюжным Ю.Н., который в обосновании актуальности своей докторской диссертации отметил, что приоритетные цели, заложенные Стратегией безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы, а также ориентация на идеальную модель, выраженную в стремлении к нулевой смертности в

автоавариях к 2030 году, требуют совершенствования форм и методов обеспечения рассматриваемого вида безопасности; повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества в реализации основных направлений обеспечения безопасности дорожного движения; принятие апробированных мировой практикой мер правового, экономического, организационного, интеллектуально-технологического и иного характера, а также проведение научных разработок, направленных на разработку концептуальных организационно-правовых основ обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации [4, с. 2].

В завершение обозначим отдельные выводы и предложения, реализация которых, как нам представляется, могла бы повлиять на повышение эффективности деятельности государственных органов по нейтрализации либо минимизации противодействия доказыванию вины в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения:

1) на федеральном уровне должна быть разработана единая для всех субъектов РФ административно-деликтная политика, основной целью которой должно быть формирование позитивного отношения граждан к административно-юрисдикционному производству, как справедливому юридическому процессу по установлению истины по выявленному противоправному деянию, и объективного отношения к представителям правоохранительных органов, осуществляющих доказывание всеми допустимыми законом способами. В результате реализации таких масштабных мер должно стать формирование партнерских отношений между участниками дорожного движения и представителями власти, когда действия инспектора ГИБДД и суда начнут восприниматься не как сомнительное для правонарушителя возмездие государства, а как благо для всех, кто обеспечен защитой права. Добавим также, что наиболее энергично следует воспитывать современных несовершеннолетних (10-15 лет), которые уже через 5-10 лет станут основными субъектами дорожно-транспортных отношений.

2) в целях повышения оперативности и эффективности привлечения к ответственности за отдельные правонарушения в области дорожного движения (например, за проезд на запрещающий сигнал светофора или за запрещённый выезд на полосу встречного движения), предоставить полномочия по назначению наказания «лишение права на управление транспортным средством» наиболее компетентным, из числа руководства, должностным лицам Госавтоинспекции, с одновременным обеспечением надлежащего надзора и контроля за соблюдением дисциплины и законности органами прокуратуры, следственного комитета РФ и др., создав надлежащие условия по недопущению коррупции на этом направлении. Требуется усилить роль прокурорского реагирования по фактам бездействия сотрудников полиции по всем направлениям административно-юрисдикционной деятельности в тех случаях, когда имелись все законные основания для применения ими мер наказания, но их неприменение повлекло существенное нарушение прав и свобод человека или ухудшило правовое положение учреждения, предприятия независимо от их формы собственности;

3) органам законодательной и исполнительной власти (особенно, осуществляющим контроль и надзор) нужно предпринимать срочные эффективные меры по пресечению деятельности СМИ, дискредитирующих правоохранительную деятельность и органы ее осуществляющих на законной основе;

4) необходимо максимально упростить систему выявления правонарушителей, которые нарушив закон, уклоняются от исполнения назначенного наказания, тем самым обеспечить исполнение принципа неотвратимости наказания за административное правонарушение;

5) эффективная борьба с противодействием доказыванию в административной юрисдикции в области дорожного движения невозможна без адекватной борьбы с коррупцией. Помимо взяточников чиновников, необходимо активизировать привлечение к уголовной ответственности лиц, предлагающих взятки сотрудникам ДПС ГИБДД, тем более, что закон четко предписывает полицейскому немедленно сообщать о каждом факте дачи взятки;

6) необходимо разработать эффективные меры защиты участников производства по делам об административных правонарушениях (например, свидетелей по делу) от криминального воздействия делинквента, либо его сторонников. В законопослушного гражданина государство должно внедрить уверенность в том, что он, и его близкие не пострадают от рук правонарушителей, вину которых он помогает доказывать;

Литература

1 Горбунов, Д.В. Доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения: монография / Д.В. Горбунов. – М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2012. − 63 с.

2 Дуброва, В.А. Доказывание в делах об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения. / В.А. Дуброва / Закон и право. −№5.− 2021.− С. 205-209.

3 Дербина О.В., Филипова О.А. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях и уголовном процессе / О.В. Дербина, О.А. Филипова // Закон и право. − №3. − 2021. − С. 180-182.

4. Калюжный Ю.Н. Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: концептуальные организационно-правовые основы: автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.11 : 12.00.14 / Калюжный Юрий Николаевич.− М., 2020.−48с.

УДК 32, 342, 343

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Куликова Олеся Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, Смоленский филиал, olesya.kulikova.2012@list.ru
Поперекин Андрей Юрьевич,
студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленский филиал, natalipoperekina@gmail.com

Аннотация. Механизм противодействия коррупционных проявлений в Российской Федерации опирается на законодательство нашего государства и охватывает ряд комплексных мероприятий, имеющих антикоррупционное направление. Целью работы выступает рассмотрение соответствующих мер с позиций действующего законодательства и деятельности органов, его реализующих. Новизна материала отражает авторское видение приоритетных направлений, составляющих механизм противодействия коррупционных деяний в современной России.

Ключевые слова: противодействие коррупции, механизм противодействия коррупции, законодательство.

ANTI-CORRUPTION MECHANISMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kulikova Olesya Nikolaevna,
Associate Professor of the Smolensk Branch of the Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor, olesya.kulikova.2012@list.ru
Andrey Y. Pererekin, student of the Smolensk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
natalipoperekina@gmail.com

Annotation. The mechanism of countering corruption manifestations in the Russian Federation is based on the legislation of our state and covers a number of complex measures that have an anti-corruption direction. The purpose of the work is to consider appropriate measures from the standpoint of the current legislation and the activities of the bodies implementing it. The novelty of the material reflects the author's vision of the priority areas that make up the mechanism for countering corruption acts in modern Russia.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption mechanism, legislation.

Национальная безопасность охватывает все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством государства, включая государственную. Одним из важных сфер, подрывающих деятельность государственных органов следует признавать коррупционные проявления граждан. Такое поведение сопряжено, как с выполнением профессиональной, служебной деятельности государственными, муниципальными служащими, сотрудниками правоохранительных органов, военнослужащими государства, так и с неправомерным поведением гражданского населения страны.

Механизм противодействия коррупции в России – это комплекс мероприятий социально-правового, организационного, управленческого и нравственно-этического характера, обеспечиваемый государственными органами в целях препятствования коррупционных проявлений со стороны работников государственных органов и их должностных лиц.

Механизм противодействия коррупционных деяний, по нашему мнению, следует определить в следующих направлениях: 1) организационно-управленческие меры в виде деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества; 2) социально-правовые меры в виде действующего законодательства; 3) воспитательно-правовые меры для служащих в соответствующих органах власти, требованиям к их поведению и служебным обязанностям.

Рассмотрим указанные направления, первоочередным из которых выступает профилактика и противодействие коррупции в организациях независимо от их форм собственности, организационно-правовых форм, отраслевой принадлежности и иных обстоятельств. Оно направлено на формирование единого подхода по выполнению работы в этой сфере, информированию организаций, нормативно-правовому обеспечению, определению принципов деятельности, разработку и реализацию соответствующих мер. Для этого, например, разработаны методические рекомендации по принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции разработаны во исполнение подпункта «б» пункта 25 Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и в соответствии со статьей 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Организационно-управленческие меры в виде деятельности должностных лиц органов государственной власти базируются на следующих принципах: соответствия политики учреждения действующему в России законодательству, наличия личного примера со стороны руководства органов, вовлеченности работников в реализацию антикоррупционных процедур, соразмерности антикоррупционных процедур с коррупционными рисками, контроля и мониторинга, открытости бизнеса, ответственности.

В соответствии с действующим законодательством, под коррупцией следует понимать злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение перечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»). Противодействие коррупции - деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») [2]. Такая деятельность сопряжена с предупреждением и профилактикой коррупции, выявлением ее причин, борьбой с ней посредством раскрытия и расследования противоправных коррупционных проявлений, минимизацией последствий коррупции и их ликвидацией.

Деятельность органов государственной власти, службы в органах местного самоуправления включает обязанность по разработке и принятию мер по предупреждению коррупционных правонарушений, а также свидетельствует об установлении ответственности за их совершение юридическими и физическими лицами действующим российским законодательством.

В целях создания системы противодействия коррупции в Российской Федерации и устранения причин, ее порождающих, Указом Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» образован Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции [1]. При этом ст. 5 устанавливает, что основные направления государственной политики в области противодействия коррупции определяет глава государства. Противодействие коррупции в пределах своих полномочий призваны осуществлять Федеральное Собрание и Правительство РФ, Федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов России, органы местного самоуправления. Наряду с государственным уровнем, на примере регионов также обеспечивается создание соответствующих структур. Например, в Правовом Управлении Администрации г. Смоленска в 2012 г. создан отдел законности и правопорядка, в компетенцию которого входят вопросы противодействия коррупции.

К организационным управленческим направлениям государственной политики по противодействию коррупции следует отнести реформирование структур, штатные изменения в государственных органах и органах местного самоуправления, их реорганизацию. Создание новых подразделений, отделов, комитетов также способствует нейтрализации коррупционных деяний в чиновничьем аппарате.

Социально-правовые меры противодействия коррупции в органах государственной власти ориентированы на действующие в Российской Федерации законы. В свою очередь мы отмечаем три вида такого законодательства: 1) федеральное (на законодательном уровне), затрагивающее полномочия и в целом службу на государственных должностях, включая акты Президента России; 2) общее трудовое, определяющее полномочия и их пределы, основанные на федеральном, местном и трудовом законодательстве Российской Федерации, включая предоставление сведений о доходах служащего и иных лиц; 3) специальное, устанавливающее для нарушителей требований законодательства вопреки интересам государственной службы и службы в органах местного самоуправления юридические меры воздействия, в частности – административные и уголовные.

Российское трудовое законодательство предусматривает для работников государственных и иных компаний обязательное предоставление сведений о своих календарных доходах, включая иных членов семьи. Наряду с правовыми запретами, таким лицам запрещается получать материальное вознаграждение любом виде от физических и юридических лиц. Административное законодательство Российской Федерации предусматривает юридическую ответственность по ст.19.29 в нарушение отечественных антикоррупционных законов при привлечении служащих и работников государственных или муниципальных органов в процессе выполнения ими профессиональной деятельности. В уголовном кодексе Российской Федерации ответственность наступает в следующих случаях: взяткодачи и мелкого взяточничества должностному лицу, взяткополучения и посредничества в таком деянии.

Третьим направлением в механизме противодействия коррупционных проявлений выступают воспитательно-правовые меры для служащих в соответствующих органах власти в виде предъявляемых требований к их поведению и служебным обязанностям. Такое направление, по сути, по своей юридической природе вытекает из правовых мер, в частности из положений закона, регулирующего деятельность служащих лиц. Такими мерами следует признавать обязательное предоставление достоверных данных, отраженных в заполняемых декларациях о доходах, расходах работника государственной структуры, сведения о них супругов и детей. Устанавливаются морально-этические требования к поведению сотрудника, соблюдение при выполнении им должностных обязанностей делового стиля поведения, не допускающего асоциального поведения, обусловленного возникновением личной заинтересованности, карьеристских побуждений, конфликтной ситуацией.

Воспитательно-правовые меры противодействия коррупционному поведению должны охватывать не только предупредительно-профилактические мероприятия с сотрудниками государственных структур, чиновничьим аппаратом, но и в целом население страны. С гражданами необходимо проводить целенаправленную воспитательную работу, начиная с лиц подросткового возраста, ориентирующего молодежь на законопослушное поведение, соблюдение требований законов Российской Федерации. Рассматриваемые меры ориентированы на допустимое социально-правовое поведение лиц, как обычных граждан, так и должностных лиц государственных и иных органов.

Рассмотренные нами направления противодействия российской коррупции, образуют комплексный механизм, включающий организационно-управленческие, социально-правовые и воспитательно-правовые меры. Они обеспечиваются посредством деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, право-

охранительных органов, иных негосударственных органов, осуществляющих правоохранительные функции, образований и общественных организаций, институтов гражданского общества в соответствии с действующим российским законодательством.

Литература

1. Госслужба. О противодействии коррупции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gossluzhba.gov.ru/anticorruption/corruption-prevention. (Дата обращения 12.11. 2021 г.).

2. Методические рекомендации по противодействию коррупции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site/document_text/013/522/782/Rekomendatsii.pdf. (Дата обращения 12.11.2021 г.).

УДК 342

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Лядова Анжелика Сергеевна
младший научный сотрудник научного отдела, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Прикамский социальный институт (г. Пермь),
liadowa.an@yandex.ru

Аннтотация. Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 затронула механизмы реализации и защиты основных прав и свобод человека. Российская Федерация не стала исключением в этом случае: меры и ограничения по борьбе с распространением COVID-19 в некоторых случаях являются неоднозначными и спорными с точки зрения сферы прав человека. На примере Пермского края и введенных в нем ограничений в статье анализируется проблема нарушения конституционных прав граждан в период борьбы с эпидемией.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, права человека, ограничения, QR-код, вакцинация.

ON COMPLIANCE WITH THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE PANDEMIC COVID-19

Lyadova Anzhelika Sergeevna
Junior Researcher of the Scientific Department, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Prikamskiy Social Institute (Perm),
liadowa.an@yandex.ru

Summary. The pandemic of the new coronavirus infection COVID-19 has affected the mechanisms for the implementation and protection of fundamental human rights and freedoms. The Russian Federation is no exception in this case: measures and restrictions to combat the spread of COVID-19 in some cases are controversial and controversial from the point of view of human rights. Using the example of the Perm Territory and the restrictions introduced therein, the article illustrates the problem of violation of the constitutional rights of citizens during the period of the fight against the epidemic.

Keywords: pandemic, COVID-19, human rights, restrictions, QR code, vaccination.

Вопрос о верховенстве Конституции в системе нормативно-правовых актов государства достаточно хорошо изучен и не вызывает сложностей в понимании и толковании. Принцип приоритетности норм конституционного акта обусловлен высшей юридической силой, которой обладает данный документ. Однако меняющиеся условия современного мира заставляют более пристально присмотреться к соблюдению основополагающих принципов права в их практической реализации.

В 2020 и 2021 годах пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 подвергла испытаниям все человечество, затронув не только экономические и политические системы стран, но и механизмы реализации и защиты основных прав и свобод человека. Российская Федерация не стала исключением в этом случае: несмотря на особую значимость вводимых в рамках борьбы с распространением COVID-19 мер, их влияние на основные права человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации и международных актах, зачастую является неоднозначным и спорным. В последнее время наряду с новыми способами по противодействию коронавирусной инфекции всё активнее обсуждается тема ограничения конституционных прав и свобод граждан – в условиях чрезвычайных обстоятельств и в целом, правомерность подобных мер.

Представляется, что действия властей в данном направлении нередко создают условия роста социальной напряженности в обществе: люди недовольны ограничением своих прав, непоследовательной и местами нелогичной «антиковидной» политикой и видимым отсутствием результатов: заболеваемость в Российской Федерации, по данным на середину ноября 2021 года, все еще остается на довольно высоком уровне [10]. Последние же принятые меры, к которым относится введение QR-кодов для посещения публичных мест, отстранение от работы непривитых граждан (которое должны организовать работодатели), а также объявленная Президентом В. Путиным нерабочая неделя с 1 по 7 ноября 2021 года (в некоторых регионах – две и более недели) привели к волне протестных акций среди населения, череде обращений в суды и прокуратуру.

Так, председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин в своей статье «Под знаком Основного Закона» выражает мнение, что в условиях кризиса «у государственной власти возникает большой соблазн пойти по пути ограничения прав граждан ради общего блага, но этот путь не всегда правильный» [9]. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В. Зорькин отмечает, что данная формулировка является довольно пространной и широкой, что позволяет властям использовать ее для установления различных «чрезмерных ограничений» [9]. Согласны с данным заявлением и правозащитники – они указывают на то, что вводимые властями меры для борьбы с пандемией коронавируса не должны привести к нарушению конституционных прав и свобод граждан [8]. При этом стоит отметить, что связанные с пандемией COVID-19, нарушения прав человека в России начались еще весной 2020 года вместе с введением «нерабочих дней», ограничениями передвижения населения, расширением полномочий губернаторов регионов, которые являлись необоснованными.

Однако во всеобщее недовольство и активность населения это вылилось только сейчас. Сказать, что претензии граждан являются необъективными, нельзя. В качестве примера можно рассмотреть коллективное обращение в прокуратуру Пермского края жителей с просьбой провести проверку указа Губернатора Пермского края от 20 августа

2020 г. № 121 «О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае» (ред. от 22.10.2021 г.) [6] на предмет законности и соответствия Конституции РФ. В данном обращении жители Пермского края перечисляют те права и свободы, которые, по их мнению, были незаконно ограничены на период пандемии. Так, в одном из пунктов обращения присутствует требование об отмене ограничения на вход в организации общественного питания, учреждения образования, культуры и спортивные учреждения Пермского края, об отмене ограничений на оказание услуг, реализацию непродовольственных товаров в объектах розничной торговли непродовольственными товарами Пермского края, куда, согласно указу, могут быть допущены только привитые или переболевшие COVID-19 в последние полгода граждане, имеющие QR-код. Говоря о несоответствии данного требования Основному Закону государства, можно отметить, что гражданам России гарантируется равенство прав и свобод (ст. 18 Конституции РФ), а также запрещается сегрегация населения на какие-либо группы и классы по каким бы то ни было признакам (ст. 19 Конституции РФ) [1].

Кроме этого, можно отметить существование уголовной ответственности за нарушение данного конституционного принципа, которая закреплена в ст. 136 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] и предусматривает наказание за дискриминацию, т.е. нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. Таким нарушением (дискриминацией), безусловно, можно признать недопуск непривитой, непереоблевшей или не имеющей QR-кода части населения к различным социальным и культурным благам, за исключением покупки предметов первой необходимости и продовольственных товаров. Помимо данного грубого нарушения прав человека стоит также обратить внимание на то, что введение системы QR-кодов посягает на честь и достоинство граждан, их трудовые права (некоторые предприятия Пермского края ограничили не имеющим QR-кода сотрудникам доступ к рабочим местам и другие закрепленные Конституцией РФ права и свободы, в отношении которых нарушается принцип равенства прав граждан, а так же это влечет за собой разделение людей на группы: вакцинированные – не вакцинированные, с QR -кодом – без QR -кода. Помимо правовых, данное разделение населения несет за собой и негативные социальные последствия – люди все чаще вступают в конфликты между собой, выходят на протестные акции, на которых звучат термины «сегрегация» и «фашизм», характеризующие «антиковидную политику» местных властей. Основной вопрос протестующих к представителям власти: почему при всей добровольности (что не раз отмечал в своих выступлениях Президент РФ) вакцинации тех, кто от неё отказывается, лишают конституционных прав? Все это ведет к росту социальной напряженности, недоверия к властям и социальной разобщенности граждан.

Помимо вышеперечисленных нарушений указ Губернатора Пермского края от 20 августа 2020 г. № 121 «О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае» (ред. от 22.10.2021 г.) (далее – указ № 121) [6] содержит еще ряд сомнительных, с точки зрения соблюдения прав и свобод граждан, пункты. Так, пунктом 1.9. данного указа предусмотрено выполнение постановления Главного государственного санитарного врача по Пермскому краю от 13 июля 2021 г. № 206 «О проведении профилактических прививок

отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям» [7] в части организации проведения профилактических прививок против COVID-19. Пунктом 1 настоящего постановления предписана обязательная вакцинация граждан, работающих на основании трудового договора, гражданско-правового договора в организациях, у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере: торговли; бытовых услуг; работников салонов красоты, косметических, СПА-салонов, массажных салонов, соляриев, бань, саун, физкультурно-оздоровительных комплексов, фитнес-клубов, бассейнов; общественного питания; клиентских подразделений финансовых организаций, организаций, оказывающих услуги почтовой связи; многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг; транспорта общего пользования, такси; образования, здравоохранения, социальной защиты, социального обслуживания; жилищно-коммунального хозяйства и энергетики; культурных, выставочных, просветительских мероприятий (в том числе музеев, выставочных залов, библиотек, лекций, тренингов), за исключением официальных мероприятий, организуемых органами исполнительной власти; досуговых, развлекательных, зрелищных мероприятий (в том числе игровых мероприятий, мастер-классов); рекламных мероприятий; детских игровых комнат, детских развлекательных центров, детских лагерей дневного пребывания, иных мест проведения подобных мероприятий для несовершеннолетних в зданиях, сооружениях (помещениях в них), в том числе в парках культуры и отдыха, торгово-развлекательных центрах; театров, кинотеатров, концертных залов; массовых физкультурных, спортивных мероприятий; государственных гражданских служащих, замещающих должности государственной гражданской службы Российской Федерации, Пермского края, муниципальных служащих, замещающих должности муниципальной службы Пермского края, работников органов власти Пермского края и подведомственных им организаций.

Данное постановление существенно нарушает основополагающие права граждан, предусмотренные как международным правом, так и российскими нормативно-правовыми актами. При этом в самом п. 2.2 вышеназванного постановления сказано только о необходимости вакцинации 80 % сотрудников в указанных сферах. Кроме того, не указано, каким образом и из кого выбирать эти 80 %.

Кроме того, указ № 121 [6] обязывает граждан в возрасте старше 65 лет перейти на режим самоизоляции, за исключением тех граждан в возрасте старше 65 лет, которые имеют сертификат вакцинации от COVID-19 либо QR-код, подтверждающий вакцинацию против или перенесение данного заболевания в течение последних 6 месяцев. Все эти вышеуказанные меры прямо противоречат Конституции РФ, международным нормам и ряду федеральных законов.

Стоит обратить внимание и на требование обслуживать граждан в непродовольственных магазинах, зонах общественного питания и других публичных местах только после предъявления QR-кода, что нарушает право человека на медицинскую тайну, поскольку никто не обязан сообщать третьим лицам о перенесенных заболеваниях и проведенных медицинских манипуляциях [4]. Из этого следует, что даже в том случае, если человек привился от COVID-19 или перенес данную болезнь в течение последних 6 месяцев, но по личным причинам не желает обнародовать данную информацию, то он так же не имеет возможности воспользоваться различными социальными благами, что должно рассматриваться как нарушение конституционных прав.

Хотелось бы подчеркнуть, что вакцинация в нашем государстве является добровольной и, согласно ст. 5 Федерального закона от 17.09.1998 г. № 157-ФЗ «Об иммуно-

профилактике инфекционных болезней» [3] граждане при осуществлении иммунопрофилактики имеют право на отказ от профилактических прививок. Т.е. указанным законом провозглашен принцип добровольности вакцинирования, о котором неоднократно заявлялось и Президентом Российской Федерации, а отсюда можно сделать вывод, что и отстранение от работы непривитых граждан нарушает их права и не может применяться как мера по борьбе с эпидемией.

Сложившаяся эпидемиологическая ситуация не расценивается федеральными властями достаточно серьезной для введения чрезвычайной ситуации, из чего следует, что меры, принимаемые на данный момент, не могут выходить за рамки максимально допустимых до объявления или тем более при чрезвычайной ситуации. Поскольку согласно ст. 28 федерального конституционного закона от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [2] любые меры, применимые во время чрезвычайной ситуации, должны соответствовать международным обязательствам Российской Федерации, вытекающим из международных договоров Российской Федерации в области прав человека, и не должны повлечь за собой какую-либо дискриминацию отдельных лиц или групп населения исключительно по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по другим обстоятельствам, то все вышеперечисленные «антиковидные меры» могут быть признаны прямо нарушающими права человека и недопустимы для борьбы с пандемией.

Поскольку данные введённые ограничения рассматриваются в контексте Пермского края, необходимо также отметить имеющее место превышение полномочий Губернатора Пермского края, поскольку ограничения прав и свобод граждан могут быть введены только при особых условиях федеральными законами, а не указами и постановлениями глав регионов [1]. Из вышеизложенного следует, что ограничения, введенные на территории Пермского края для борьбы с COVID-19, противоречат Конституции РФ и ряду федеральных законов, а также не имеют под собой достаточной юридической обоснованности.

По всей стране, не только в Пермском крае, граждане столкнулись с ограничением своих прав и свобод как следствия неотработанной и нелогичной политики властей в части борьбы с эпидемией. Перечисленные проблемы являются лишь малой частью нарушений, наблюдающихся сегодня в правовом поле в связи с определёнными эпидемиологическими условиями. К особо беспокоящим граждан в данном вопросе проблем можно отнести и такие «антиковидные меры», как: перевод образовательных учреждений на дистанционный формат обучения, невозможность получить плановую медицинскую помощь, ограничение доступа к получению ряда социальных услуг, угроза свободному ведению предпринимательской деятельности.

Согласно Основному закону, Российская Федерация является правовым государством, в котором не допускается вольное трактование и применение по своему усмотрению Конституционного акта. Учитывая это, властям, реализующим, безусловно, необходимые и важные меры по борьбе с эпидемией, стоит опираться на принципы гуманности, целесообразности, соразмерности и разумности при их реализации, а также не допускать превышения полномочий должностных лиц и умаления прав, свобод и достоинства граждан. Обеспечивая безопасность и защиту здоровья граждан, необходимо усиливать информационно-разъяснительную, просветительскую деятельность и не допускать применения карательных и запугивающих население методов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2021).

2. О чрезвычайном положении: федер. конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. − 2001. − № 23. − Ст. 2277.

3. Об иммунопрофилактике инфекционных болезней: федеральный закон от 17 сентября 1998 года № 157-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Рос. газета. − 22.09.1998. − № 181.

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 18.11.2021).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собр. законодательства Рос. Федер. − 1996. − № 25. − Ст. 2954.

6. О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае: указ губернатора Пермского края от 20 августа 2020 г. № 121 (ред. от 22.10.2021 г.) (с изм. и доп., вступающими в силу с 08.11.2021) // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. − 24.08.2020. − № 34.

7. О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям [Электронный ресурс]: постановление Главного государственного санитарного врача по Пермскому краю от 13 июля 2021 г. № 206 (ред. от 25.10.2021). URL: http://59.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=d35de3d8-5ad2-4ab4-a63a-aae14c2a1f01&groupId=10156 (дата обращения: 12.11.2021).

8. Баланс и соразмерность: об опасности нарушения прав граждан в пандемию [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/society/3410079.html (дата обращения: 12.11.2021).

9. Зорькин, Валерий. Под знаком Основного Закона. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия [Электронный ресурс] // Рос. газета. Федер. выпуск. − 27.10.2021. − № 247 (8598). URL: https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html (дата обращения: 12.11.2021).

10. Стопкоронавирус.рф [Электронный ресурс]. URL: https://стопкоронавирус.рф (дата обращения: 12.11.2021).

УДК 342

ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ: К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Саблин Дмитрий Александрович
доцент кафедры теории государства и права и конституционного права,
Оренбургский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, внесенные в Основной закон России, касающиеся, в частности, конституционного судопроизводства. Также анализируются статистические данные проголосовавших граждан за внесенные изменения в Конституцию Российской Федерации. В настоящей статье обращается внимание на сокращение численного состава судей и признание Конституционного суда РФ высшим судебным органом конституционного контроля. Внесенные поправки расширяют возможности граждан Российской Федерации по обжалованию нормативных актов в суде.

Ключевые слова. конституционное судопроизводство, обжалование, запрос суда, законодательство, постановление, закон, правовой статус, власть, реформа, нормативно-правовой акт.

AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ON THE ISSUE OF THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AND CITIZEN

Sablin dmitry aleksandrovich
Associate Professor of the Department of State and Law and Constitutional Rights
of the Orenburg State University,

Annotation: The article discusses changes made to the basic law of Russia concerning, in particular, constitutional proceedings. Statistical data are also analyzed by citizens who have made changes to the Constitution of the Russian Federation. This article draws attention to the reduction of the numerical composition of the judges and the recognition of the Constitutional Court of the Russian Federation with the highest judicial authority of constitutional control. The amendments are expanding the possibilities of citizens of the Russian Federation to appeal the regulations in court.

Keywords: constitutional proceedings, appeal, court request, legislation, decree, law, legal status, power, reform, regulatory act.

Закон № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» о внесении поправок в Конституцию был принят 14 марта 2020 года [1]. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Основной закон России проводилось 01 июля 2020 года.

Безусловно, принятие указанного выше закона ознаменовало собой осуществление масштабной конституционной реформы страны. Так, одними из основных направлений реформы выступили закрепление в главном нормативно-правовом акте целого ряда фундаментальных норм, которые ранее были отражены в отдельных положениях законов, разграничение полномочий между органами государственной власти в соответствии с современными реалиями развития общества и государства в целом.

Между тем, видится необходимым отметить тот факт, что не все граждане одобрили вносимые изменения, как в целом, так и в частности. Например, при опросе, проводимом при финансировании добровольных взносов граждан России и в котором поучаствовало 1267 респондентов, свыше 82 % россиян проголосовали против изменений в Конституцию.

Однако при опросе по отдельным положениям Конституции, результаты разнятся. Так, за «обнуление» срока правления действующего президента проголосовали только 24 % опрашиваемых. А за необязательное исполнение международных договоров 64 % респондентов. Таким образом, допускается сделать вывод о том, что при голосовании не за весь пакет поправок в совокупности, за отдельные положения либо, как минимум, их блоки (социальная сфера, сфера управления и прочее), мнение россиян было бы проанализировано точнее, а, следовательно, сократилось бы, по нашему мнению, количество голосов «против» внесения поправок.

Говоря о поправках, стоит отметить, что проведенная реформа затронула и Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, были внесены изменения в статью 125 Конституции РФ, которая непосредственно регламентирует правовое положение, суть и предназначение конституционного судопроизводства. Считаем, что данные поправки в дальнейшем будут играть важное значение при осуществлении полномочий Конституционного Суда РФ по защите прав и свобод человека и гражданина.

Одними из самым очевидных изменений стали сокращение численного состава судей и признание Конституционного суда РФ высшим судебным органом конституционного контроля. Принимая во внимание специфику суда, и до вносимых изменений было очевидным положение данного суда в общей системе судов России, поэтому закрепление его статуса в статье Конституции РФ, полагаем, является не столько определяющим, новым и существенным, сколько декларативным.

Наиболее значимым изменением, на наш взгляд, является расширение перечня актов, подлежащих проверке на предмет их конституционности (п. 2 ст. 125), а также тот факт, что суд теперь проверяет конституционность актов по жалобам физических лиц, только если исчерпаны все предусмотренные в России способы защиты. То есть, как раньше, просто обратиться с жалобой на положения того или иного акта невозможно.

Указанное, как полагает А.О. Иванченко, нацелено на разгрузку Конституционного суда РФ, но на фоне его невысокой загруженности (за 2020 г. рассмотрено 3000 обращений и вынесено 41 постановление), данное положение только усугубляет и без того не простой процесс защиты своих прав со стороны граждан России [3, с. 85-89]. Теперь, полагаем, число запросов ожидаемо сократится.

Однако сам Конституционный Суд РФ комментирует указанное изменение следующим образом. Так, в своем заключении № 1-З от 16 марта 2020 года [4], судебный орган говорит о необходимости, как минимум, проведения апелляционного и конституционного обжалования судебных решений, которые должны предшествовать подаче жалобы в Конституционный Суд РФ. По нашему мнению, следует подчеркнуть что, данный аспект соответствует представлениям об институте конституционного правосудия, в целом, и жалобы, в частности, как достаточно необычном способе защиты прав и свобод, учитывая введение искусственного ограничения по возможности обжалования, к слову, ранее не существовавшего. Между тем, позиция суда такова, что данные нововведения позволят обеспечить согласованное функционирование судебных органов власти в государстве.

Между тем, справедливым было бы отметить, что все-таки существенно расширен предмет конституционной жалобы и запроса суда. Если ранее в порядке конкретного

нормоконтроля могли быть оспорены только нормы закона и лишь в отдельных случаях допускалось оспаривание подзаконных актов, но обладающих по факту юридической силой наравне с законом (допустим, постановление Госдумы об объявлении амнистии), то теперь изменения предполагают, что предметом жалобы и запроса могут выступать акты Президента РФ, палат Федерального Собрания и так далее.

Как видится, такое регулирование расширяет возможности граждан по обжалованию нормативных актов в суде. Однако не следует забывать о том, что действующее процессуальное законодательство также содержит правовые основания для оспаривания актов, которые находятся ступенью ниже федеральных законов, в порядке административного судопроизводства.

Также достаточно интересным для рассмотрения является то, что в новом изложении и статьи 125, а именно в части 4, условия допустимости жалобы сформулированы таким образом, что жалоба подается в отношении акта, примененного в конкретном деле. Такая же ситуация и с запросом суда: запрос подается на акт, который подлежит применению в конкретном, персональном деле.

Отметим, что частично рассмотренные изменения нашли свое отражение и в статье 3 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ от 21.07.1994 «О Конституционном Суде РФ».

Также важно указать, что Законом № 1 от 14 марта 2020 года было изменено содержание статьи 118 Конституции РФ. Так, посредством анализа части 3 исследуемой статьи установлено, что в перечень судебных органов по какой-то причине не вошли конституционные и уставные суда субъектов. Полагаем, что это очевидный и явный пробел. По сути своей, несмотря на отсутствие перечня в конституциях и уставах субъектов прав и свобод, отличных от описанных к Конституции РФ, данные суды призваны оценивать конституционность положений региональных актов.

Возможно, на решение законодателя повлияло то, что не во всех регионах созданы и функционируют такие суды, но это, на наш взгляд, не должно умалять значения действующих конституционных и уставных судов.

Между тем, какие бы мотивы не лежали в основе, факт отсутствия в перечне названных судов препятствует должному развитию конституционной региональной юстиции.

Таким образом, подводя итог всего вышеизложенного, стоит отметить еще раз, что ключевой реформой правового статуса Конституционного Суда РФ является конституционное закрепление его в качестве высшего судебного органа конституционного контроля в РФ. Однако проанализированные в настоящей статье недочеты и условности, к сожалению, могут негативно сказаться на реализации гражданами своего права на данный вид защиты.

Учитывая, что изменения были внесены относительно недавно, полагаем, что по прошествии времени процесс применения измененных конституционных положений будет, так или иначе, трактоваться в рамках судебных актов самого Конституционного Суда РФ.

Литература

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. – 2020. – № 55.

2. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о

поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // [Электронный ресурс] / URL:http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Instruction/Pages/Page33.aspx (дата обращения: 01.10.2021 г.).

3. Иванченко А.О. Конституционный Суд РФ в современных реалиях / А.О. Иванченко // Аллея науки. – 2020. – № 3 (6). – С. 85 – 89.

4. Официальный сайт Конституционного Суда РФ // [Электронный ресурс] / URL:http://www.ksrf.ru/ru/Petition /StatisticNew.aspx(дата обращения: 01.10.2021 г.).

УДК 342.9

ПРОЦЕДУРА ПРИЗНАНИЯ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Семашко Ирина Ивановна
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления, Барановичский государственный университет,
Барановичи, Республика Беларусь

Аннотация. Проблема семейного неблагополучия носит комплексный характер и является предметом научных исследований в области социологии, педагогики, психологии, юриспруденции. Особого внимания заслуживают правовые вопросы признания детей находящимися в социально опасном положении (далее – СОП).

Ключевые слова: социально опасное положение, ребенок, комиссии по делам несовершеннолетних, защита прав и законных интересов детей.

CHILD RECOGNITION PROCEDURE IN A SOCIALLY DANGEROUS POSITION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Semashko Irina Ivanovna
Senior Lecturer, Department of General Legal Disciplines and Public Administration, Baranovichi State University, Baranovichi, Republic of Belarus

Annotation. The problem of family trouble is complex and is the subject of scientific research in the field of sociology, pedagogy, psychology, and jurisprudence. Special attention should be paid to the legal issues of recognizing children as in a socially dangerous situation (hereinafter - SOP).

Key words: socially dangerous situation, child, commissions on minors' affairs, protection of the rights and legal interests of children.

Основополагающим нормативным правовым актом, заложившим основу для комплексного взаимодействия органов государственного управления с семьями и несовершеннолетними, находящимися в СОП, является Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1]. В этом акте «впервые на законодательном уровне была определена ответственность органов государственного управления за различные аспекты благополучия детей и профилактику попадания их в социально опасное положение» [2, с. 46].

Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее –

Декрет № 18) [3] составил правовую основу «беспрецедентных мер» в решении проблемы социального сиротства, «начиная с момента отобрания ребенка из неблагополучной семьи и помещения его на государственное обеспечение и заканчивая применением мер по ресоциализации ″горе-родителей″» [4, с. 42].

Вышеуказанные нормативные правовые акты послужили основанием для внесения изменений в законодательство о браке и семье, формирования системы взаимодействия органов государственного управления по выявлению детей, находящихся в СОП, и организации работы с семьями таких детей.

Министерству образования Республики Беларусь были вменены функции контроля по вопросам признания детей находящимися в СОП, их учета, а также координации деятельности органов управления образованием и учреждений образования системы данного министерства по взысканию расходов по содержанию детей (п. 28) [3]. В этой связи данным республиканским органом государственного управления утверждена Инструкция о порядке выявления несовершеннолетних, нуждающихся в государственной защите, наиболее значимым положением которой являлось то, что несовершеннолетние признавались находящимися в СОП учреждениями образования, в том числе социально-педагогическими центрами (п. 21) [5].

С 1 февраля 2019 г. вступило в силу постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2019 г. № 22, которым утверждено Положение о порядке признания детей находящимися в социально опасном положении (далее – Положение) [6], а также определены критерии и показатели СОП.

Ключевой новеллой Положения является возложение полномочий по принятию решений о признании детей находящимся в СОП на координационные советы (п. 15) [6], созданные местными исполнительными и распорядительными органами в соответствии с абз. 2 п. 28 Декрета № 18. Цель их функционирования – координация действий структурных подразделений местных исполнительных и распорядительных органов и иных организаций по реализации Декрета № 18, т.е. организация признания детей нуждающимся в государственной защите, создание условий по восстановлению их семей, а также взыскание с родителей расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, и трудоустройство данной категории родителей. Причем большинство положений Декрета № 18 посвящено двум последним направлениям деятельности местных исполнительных и распорядительных органов.

Из анализа норм Декрета № 18 следует, что координационные советы в порядке административной подчиненности формируются на двух уровнях в системе органов местного управления при: 1) областных (Минском горисполкоме) исполнительных комитетах; 2) городских, районных исполнительных комитетах и местных администрациях районов в городах. Они являются коллегиальными постоянно действующими органами. Положения о координационных советах утверждаются решениями местных исполнительных комитетов.

Следует отметить, что в науке административного права предусмотрена возможность создания координационного Совета – одного из видов структур программного управления – для управления реализацией программы и контроля за ходом ее выполнения [7, с. 261]. В Республике Беларусь, например, функционируют координационные советов по вопросам опеки и попечительства над совершеннолетними лицами, по образованию в интересах устойчивого развития при Министерстве образования Республики Беларусь и др.

Таким образом, координационные советы по реализации Декрета № 18 базового уровня выполняют, с одной стороны, функции общерегулятивного и координационного характера, а с другой – уполномочены принимать индивидуальные правовые акты управления о признании детей находящимися в СОП.

Однако, как справедливо указывает М.К. Чуприс, в системе органов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов ребенка, только комиссии по делам несовершеннолетних «относятся к специальным органам, ведущим работу с несовершеннолетними». Универсальность в их деятельности обусловлена тем, что на протяжении всего периода существования они формируются при органах управления общей компетенции, что создает дополнительные возможности для выполнения ими регулирующей, координирующей и контрольной функций [8, с. 295, 298]. Более того, данные органы осуществляют меры, предусмотренные законодательством, по координации деятельности органов, учреждений и иных организаций, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (ч. 1 ст. 12) [1], т.е. координируют деятельность государственных органов и иных организаций, которые взаимодействуют с семьями, находящимися в СОП. Кроме этого, комиссии по делам несовершеннолетних принимают решение об отобрании ребенка (п. 1) [3]; составы координационных советов и комиссий по делам несовершеннолетних базовых уровней по большей части совпадают.

Предлагаем возложить на комиссии по делам несовершеннолетних базового уровня решение вопросов о признании детей находящимися в СОП. Это позволит комиссиям по делам несовершеннолетних комплексно реализовывать свои полномочия по защите прав и законных интересов детей, координационным советам сосредоточить внимание на решение стратегических задач, а также исключить дублирование смежных функций, выполняемых данными органами.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Зайцева, И. Т. Программа защиты учащихся, находящихся в социально опасном положении / И. Т. Зайцева, Д. В. Павлюченкова // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2011. – № 10. – С. 46–54.

3. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Кустанович, О. Защита детей – общее дело / О. Кустанович // Юстыцыя Беларусі. – 2010. – № 5. – С. 42–46.

5. Инструкция о порядке выявления несовершеннолетних, нуждающихся в государственной защите [Электронный ресурс] : утв. постановлением Министерства образования Респ. Беларусь, 28 июля 2004 г., № 47 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Положение о порядке признания детей находящимися в социально опасном положении [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 15 янв. 2019 г., № 22 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

7. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс / Ю. А. Тихомиров. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Тихомиров М. Ю., 2008. – 696 с.

8. Чуприс, М. К. Историко-правовые аспекты правового положения комиссий по делам несовершеннолетних как специальных органов обеспечения прав и законных интересов детей в Республике Беларусь/ М. К. Чуприс // Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию юридического факультета и 50-летию Полоцкого гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т; Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2017. – Т. 3. – С. 295–298.

УДК 342

СУЩНОСТЬ И ИНСТРУМЕНТЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Чуносов Владистав Славович
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал, vlad. chunosov@mail.ru

Аннотация: вопросы в статье рассматриваются публичной власти и осуществление публичного управления в сочетании различных управленческих инструментов

Ключевые слова: управление, модернизация, партнерство, политика, правоприменение, публичность

THE ESSENCE AND TOOLS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Chunosov Vladistav Slavovich
Cand. the faculty of law. sciences, Russian Federation,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Lipetsk branch, vlad. chunosov@mail.ru

Annotatjon: the article deals with the issues of public power and the implementation of public administration in a combination of various management tools

Keywords: governance, modernization, partnership, policy, law enforcement, publicity

В науке конституционного права является устойчивым представление о публичной власти как широком явлении, основой которого является принадлежность всей полноты власти народу и ее осуществление в трех формах: государственная власть, общественная власть и власть местного самоуправления [1, с.7].

Понятие «публичное управление» представляет собой интегральную конструкцию, частями которой являются стратегические программные цели и приоритеты, нормативно-правовое регламентирование, проекты, осуществляемые за счет, как государственных органов, так и органов местного самоуправления. Для реализации этих стратегий и проектов государством, как на национальном, так и на местном уровнях вовлечены административные структуры и их персонал, ответственные за управление в конкретной сфере общественных отношений. Публичное управление содержит в себе элементы модернизации и администрирования кадровым потенциалом, финансовыми резервами, информационными технологиями, а также деятельность, сопряженную с оказанием публичных (государственных и муниципальных) услуг. Таким образом, пуб-

личное управление оказывает властное воздействие посредством определения и реализации основных направлений развития и функционирования общества организуемое субъектами управления, то есть органами государственной власти. При этом следует отметить, что в современном государстве осуществление государственно-властных прерогатив уже перестает быть исключительно монополией самого государства. Передача власти компетентным формам, аппаратам, осуществляющим власть в публичном секторе, составляет целевое назначение государственной власти [2, с.134].

В соответствии с документами Организации Объединенных Наций, публичное управление подразумевает реализацию экономических, политических и административных полномочий в процессе разрешения вопросов определенной страны, включает в себя комплекс механизмов и процедур, а также институтов, при помощи которых выражают интересы, реализуют свои права, исполняют обязанности и разрешают противоречия граждане и их группы.

18 сентября 2000 года резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/2 была принята Декларация Тысячелетия, которая формулирует шесть фундаментальных ценностей. В соответствии с этим документом внутренняя политика стран – членов ООН и международные отношения базируются на следующих принципах: свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, общая обязанность. Эта резолюция также устанавливает конкретный набор целей и в международном развитии, опосредованно в совершенствовании публичного управления стран мира [3, с.4].

Раздел III «Развитие и искоренение нищеты» пункта 20 Декларации Тысячелетия содержит основополагающие векторы развития публичного управления в государствах – участниках ООН. Необходимо выделить следующие направления:

1. подготовка и реализация проектов по трудоустройству молодого поколения;

2. взаимодействие институтов государственного управления и институтов гражданского общества с частным сектором для искоренения бедности;

3. формирование в обществе условий для возможности использования современных информационных и коммуникационных технологий.

Реализация обозначенных мероприятий модернизации конкретных направлений государственной политики, по нашему мнению, позволят достичь приоритетных целей социально-экономического и государственного развития.

Развитием базовых положений Декларации Тысячелетия в международных отношениях явилось внедрение идеи «устойчивого развития». Данная концепция опирается на Резолюцию A/RES/41/133 41 Сессии Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года «Право на развитие».

Среди прочих необходимо выделить следующие цели устойчивого развития (SDG):

1. Поддержание непрерывного, всеохватывающего и устойчивого экономического развития, социально-полезной и продуктивной занятости населения;

2. Организация устойчивой инфраструктуры, способствование всеобъемлющему и стабильному индустриальному развитию и инновациям;

3. Гарантирование защищенности общественных отношений и экологической безопасности территорий;

4. Безотлагательное решение вопросов касающихся противостоянию и борьбе с изменениями климата, как способом сохранения и поддержания мира на всей планете;

5. Укрепление инструментов реализации и стимулирования деятельности в процессе международного партнерства в целях устойчивого развития.

Данные цели в свою очередь подразделяются на 169 задач устойчивого развития, исполнение которых последовало с 1 января 2016 года.

Необходимо подчеркнуть, что система устойчивого развития распространяется и затрагивает все уровни управления: международный, национальный и региональный, продвигая эту доктрину публичного управления и на местный уровень управления.

Сложившиеся практики государственного управления получили конституционное оформление в ходе общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ 1 июля 2020 года. Установление категории «публичная власть» в новой редакции Конституции РФ представляется актуальным и своевременным шагом. Сформулированные положения о единстве публичной власти создают предпосылки для более эффективной, сбалансированной организации деятельности органов управления на различных уровнях (федеральном, региональном, местном) с учетом интересов населения.

Поправки к Конституции знаменуют собой новый этап развития политической системы государства. По мнению одного из членов рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию России, сенатора А.А. Клишас совершенствование принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов обусловлено укреплением представительных институтов в России [4].

В Заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии глав 1,2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации разъясняется терминология «единая система публичной власти» с учетом многочисленных властных отношений и взаимодействия соответствующих субъектов на различных уровнях. Вместе с тем указанный термин рассматривается посредством выяснения его производности от таких фундаментальных понятий, как «государственность» и «государство», вместе взятых «обозначающих политический союз многонационального российского народа» [5]. Как установлено в указанном Заключении Конституционного Суда РФ глава 1 российской Конституции закрепляет принцип осуществления власти в Российской Федерации многонациональным народом как непосредственно, так и посредством участия в организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (то есть через органы публичной власти или единой системы органов публичной власти). Именно эти пояснения и направлены на обоснование необходимости включения в текст Конституции термина «публичная власть».

Иерархичная система органов государственной власти во взаимодействии с общественными группами (общественными советами) и социальными институтами образует публичное управление, целью которого является достижение национальных целей развития Российской Федерации.

При этом к понятию «публичное управление», по мнению И. В. Понкина относится реализация публичного управления негосударственными-немуниципальными субъектами, которым государство (орган государственной власти) или орган местного самоуправления целенаправленно и ограниченно делегирует в установленном порядке отдельные публично-властные полномочия [6].

На современном этапе концепции стратегического публичного управления присущи:

- взаимосвязь приемов и способов устройства государственного механизма с приемами саморегулирования, с наличием обратных связей при принятии управленческих решений;

- функционирование субъектов публичного управления в режиме открытости и прозрачности;

- использование руководящих принципов, характерных многополярной системе хозяйствования.

Выделим основные принципы публичного управления:

1. Принцип законности – подразумевает осуществление публичной власти в пределах, установленных нормативными правовыми актами. Конституционное закрепление имеет принцип прямого действия на всей территории и высшей юридической силы Конституции РФ. Принимаемые законы и иные нормативные документы не должны противоречить Конституции.

2. Принцип гласности – основополагающий принцип, который гарантирует информационную прозрачность принятия решений и деятельности субъектов публичного управления.

3. Принцип самостоятельности и независимости органов публичной власти. Реализация данного принципа подразумевает разграничение компетенции между государственными и муниципальными органами власти при выполнении публично значимых функций, а также наличие прерогатив конкретных субъектов публичного управления. В то же время следствием взаимодействия органов государственной власти и муниципальных органов является гарантия сбалансированности институтов публичной власти.

4. Принцип единства системы публичной власти, основывающийся на общности целей деятельности. Результатом процесса целеполагания органов государственного управления являются ключевые ценностные установки. Единство системы управления обеспечивает возможность выполнения функций публичной власти.

5. Принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Указанный принцип содержится в статье 2 Конституции РФ, но воплощение данного положения требует конкретной нормативной регламентации, как прав граждан, так и соответствующих им обязательств органов публичной власти[7].

В то же время кроме методологических принципов стратегического публичного управления, большое значение придается таким составным элементам, как опыт, навыки, компетентность государственного аппарата. Правовые нормы создают необходимую основу государственного управления, однако не могут гарантировать успех, если субъекты их реализации не имеют необходимых навыков, а также не способны адекватно оценивать и принимать своевременные решения.

Именно способность государства к реформированию системы публичного управления по средствам цифровых технологий во взаимодействии с гражданами и институтами гражданского общества при этом, повышая качество представления государственных услуг, демонстрирует, насколько эффективно государство выполняет возложенные на него функции. При этом со стороны граждан и общественных институтов необходимой является готовность к использованию разнообразных технологичных ресурсов.

Востребованность публичного управления в действенных и оптимальных инструментах для достижения целей и выполнения функций государственного управления в определенных сферах соответствует принципу рациональности организации государственного устройства.

Публичное управление и национальная политика осуществляются с помощью широкого набора инструментариев, механизм воздействия которых соответствует стратегическим приоритетам государственного управления и конкретным направлениям деятельности. Официальная государственная политика подразумевает и демонстрирует отождествленную с определенным историческим периодом, деятельность государственных органов в интересах общества, отвечающую на публичные запросы и требования.

Государственная политика содержит совокупность претворяемых в жизнь государственным управлением административных решений и процедур, включающих широкий спектр правовых актов и иных нормативных документов, поступательно и всецело реализуемых органами государственной власти при помощи инструментов (механизмов), стратегий, проектов и ключевых направлений, способствующих решениям при отправлении публичного управления в конкретной сфере, источников финансового обеспечения осуществляемых решений и инструментов для их реализации.

В этой связи классификация групп инструментов публичного управления имеет различные основания. При этом необходимо отметить основные группы инструментов публичного управления:

- нормативно-правовые (административно-распорядительные, концептуальные);
- экономические и финансовые;
- социальные;
- политические;
- судебные;
-организационные и функциональные;
- информационные [8].

Набор нормативно-правовых инструментов включает комплекс юридических средств (установлений и форм правовой действительности в реальном функционировании), относящихся к юрисдикции органов публичной администрации для реализации ими своих полномочий для достижения целей в конкретной сфере деятельности.

Организационный механизм в области публичного управления предусматривает структурное взаимодействие юридически установленных методов и порядок должных или дозволительных организационно-распорядительных, директивных и иных администрирующих видов деятельности ответственных лиц органа публичного управления при осуществлении государственного управления.

Социальный инструментарий подразумевает выстраивание определенной модели отношений между обществом и органами публичного управления, а также осуществляемый в контексте этих отношений совокупность систематических действий, обеспечивающие возможность исполнения функций и выполнения задач публичного управления.

Институциональный механизм публичного управления подразумевает структурированный кластер органов публичного управления, а также классификатор должностей административного органа, при помощи которых происходит реализация властных полномочий и осуществляется управление.

При рассмотрении групп инструментов в публичном управлении их можно классифицировать:

- регуляторные инструменты;
- экономические и финансовые инструменты;
- контрольно-надзорные и санкционные инструменты.

При рассмотрении «типов инструментов публичного управления, их можно классифицировать на механизмы, меры и средства[6].

Качество управленческих решений и государственных услуг достигается с учетом прогнозирования последствий этих решений. Вместе с тем следует отметить и такой инструмент публичного управления как форсайт (форсайт-прогноз), сущность которого состоит в вовлечении различных заинтересованных сторон (местных жителей, органов государственного управления, представителей предпринимательского сообщества, ученых и экспертов) в подготовку долгосрочных прогнозов стратегического развития[10].

Характерными особенностями применяемых в настоящее время инструментов публичного управления являются:

- информационное обеспечение процесса принятия решений и разработки стратегических документов на различных уровнях, содержащих стандарты и рейтинги, содействующие осуществлению деятельности органов государственного управления и местного самоуправления и распространению наиболее эффективных методов управления;

- вовлечение в процедуры согласования всех заинтересованных сторон по средствам проведения публичных слушаний и экспертных дискуссий, что содействует принятию эффективных административных решений;

- обеспечение оценки эффективности деятельности вследствие контроля реализации решений, оптимизации расходования ресурсов, степени удовлетворения экономических потребностей всех заинтересованных сторон.

Как правило, осуществление публичного управления происходит в сочетании различных управленческих инструментов. При этом для выполнения поставленных задач и наиболее рационального расходования бюджетных ассигнований в существующих условиях, необходимы адаптация и использование новых управленческих механизмов. К таковым инструментам следует отнести проектное управление.

Проектную деятельность органов публичного управления можно определить, как основной инструмент повышения эффективности работы Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти.

Стратегия государственного публичного управления ориентированная на результат позволяет учитывать, внутреннюю и внешнюю оценку рисков и тенденций развития, в том числе сопряженных с новыми возможностями использования информационных и цифровых технологий, в соответствии с концепцией государственного управления ожиданиями [11].

Публичное управление не ограничивается лишь нормативно-правовым регулированием отношений в обществе. В то же время обязательный характер государственным стратегическим задачам признаваемыми гражданами как властные, придают именно нормативные акты.

Актуальной становится разработка единообразных принципов к представлению об эффективности публичного управления, имея ввиду именно результаты управления, а также степень участия в их достижении.

Основная характерная черта стратегий публичного управления заключается во взаимодействии государственного управления и внешних условий. В понимании граждан и общественном восприятии осуществление публичной власти является необходимым в реализации функций органов государства и гарантирует обеспечение личности, организаций и общества в целом публичными услугами. Публичные услуги являют собой результат деятельности и функционирования органов публичного управления [12, с.134].

Публичное управление – это сложная, динамичная система, изменяющая в пространстве и времени свои параметры, подверженная воздействиям внешней среды и оказывающая влияние на нее по принципу обратной связи. Соответственно, стратегическому планированию в публичном управлении как системе присущи объект, предмет, свойства и особенности [13, с.12].

Современность изменяет основные функциональные, структурные принципы организации государственного управления, предпринимая парадигмальный сдвиг в понимании его места и миссии в отношениях государство – рынок – гражданское общество [14, с.113].

Необходимо отметить тот факт, что отыскание лучших практик и эффективных моделей государственного управления в настоящее время вышел на глобальный уровень.

К основным составляющим современных трендов совершенствования системы публичного управления с целью повышения качества государственного управления относятся:

- совершенствование правоприменительной деятельности в органах исполнительной власти, существенно повысив качество управленческих функций, а также в большей степени упростив и ускорив осуществление, возложенных на них публичных правомочий, связанных с правоприменением;

- создание эффективных механизмов и условий для модернизации институтов гражданского общества, прежде всего за счет более активного использования инструментов местного самоуправления, партийных институтов и политической системы;

- совершенствование методов борьбы с коррупцией;

- оптимизация бюджетных расходов в системе государственного управления;

- расширение аналитических методов оценки результативности деятельности государственных служащих;

- развитие инновационных технологий в государственном управлении – внедрение технологичных решений в систему государственного управления должно послужить качественному изменению подходов в организации деятельности государственных органов с применением цифровых технологий и платформенных решений;

- цифровая трансформация управления - нацелена на организацию основ для технологической эволюции, формирование устойчивого роста во всех сферах жизнедеятельности;

- проведение федеральным центром более эффективной финансовой политики, прежде всего внедрение методов распределения бюджетных ресурсов, направленных на повышение финансовой дисциплины в бюджетных правоотношениях.

Литература

1. Авакьян, С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития /С.А. Авакьян // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018**.** – № 4. – С. 7-13.

2. Усманова, Р.М. О соотношении понятий «публичное регулирование», публичное управление» и «публичная власть /Р.М. Усманова // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 134-138.

3. Щукина, Т.В. Правовое регулирование новых стратегий публичного управления в Российской Федерации: учебник для магистратуры /Т.В. Щукина – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. – 256 с.

4. Клишас: поправки к Конституции позволят оптимизировать систему публичного управления // Парламентская газета. Официальный сайт. – 2021, 16 окт. [Электронный ресурс]: «Интернет» URL: http://www.pnp.ru/ (дата обращения 28 октября 2021 г.).

5. Старилов, Ю.Н. Действительно ли наступила эпоха ренессанса государственного управления в России? К юбилею профессора Льва Леонидовича Попова /Ю.Н. Старилов// Административное право и процесс. – 2020. – №7. – С.25-37.

6. Понкин, И.В. Понятия «управление» и «публичное управление» в общей теории публичного управления. [Электронный ресурс]: «Интернет» URL: http://www.ebox.nbu.bg/pa2015/16 Igor Ponkin_RUSIA.pdf/ (дата обращения 29 сентября 2021 г.).

7. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. (с изм. от 4 июля 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

8. Лукьяненко, О.Ю. Инструменты развития отечественной системы публичного управления» /О.Ю. Лукьяненко // Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономическое науки. – 2018. – № 1. – С. 14-20.

9. Южаков, В. Н. Государственное управление по результатам: модель для России /В.Н. Южаков // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016**. –** № 2. – С. 165-174.

10. Понкин, И. В. Понятие публичных услуг /И.В. Понкин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 1. – С. 134-138.

11. Полянин А.В., Лебедев В.М. Стратегическое планирование в публичном управлении /А.В. Полянин, В.М. Лебедев // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 5. –С. 11-15.

12. Купряшин, Г.Л. Публичное управление /Г.Л. Купряшин // Политическая наука. – 2016. – №2. –С. 101-131.

УДК 342.9

ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Шепелева Ольга Алексеевна
канд. биол. наук, заместитель начальника отдела государственного надзора и работы с обращениями граждан Управление экологии и природных ресурсов Липецкой области, eko-goscontrol@admlr.lipetsk.ru
Чепрасов Михаил Николаевич
канд. юрид. наук, доцент кафедры Гражданское право и процесс, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал, kaf-gpip@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос усовершенствования государственного регулирования в области охраны окружающей среды и природопользования, в частности в сфере обращения с отходами производства и потребления. В целях урегулирования правовой коллизии предлагается внести соответствующие изменения в виде поправок и дополнений в Градостроительный кодекс, Земельный кодекс и в действующие санитарные правила и нормы в части определения конкретного размера территории, прилегающей к земельному участку собственника, ответственного за удовлетворительное санитарное содержание территории, которые раскроют нормы природоохранного законодательства и конкретизируют положения обязательных к исполнению нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: отходы производства и потребления, благоустройство, федеральный закон, юридические лица, надлежащее состояние территории.

WAYS TO IMPROVE THE GOVERNANCE MECHANISM IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Shepeleva Olga Alekseevna
cand. biol. sciences', Deputy Head of the Department of State Supervision and Work with Citizens' Appeals at the Department of Ecology and Natural Resources of the Lipetsk Region, eko-goscontrol@admlr.lipetsk.ru
Cheprasov Mikhail Nikolaevich,
cand. jurid. sciences', Associate Professor of the Department of Civil Law and Process Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch, kaf-gpip@mail.ru

Annotation. The article discusses the issue of improving state regulation in the field of environmental protection and nature management, in particular in the field of production and consumption waste management. In order to resolve a legal conflict, it is proposed to make appropriate changes in the form of amendments and additions to the Urban Planning Code, the Land Code and the existing sanitary rules and regulations in terms of determining the specific size of the territory adjacent to the land plot of the owner responsible for the satisfactory sanitary maintenance of the territory, which will reveal the norms environmental legislation and concretize the provisions of mandatory regulatory legal acts.

Key words: production and consumption waste, landscaping, federal law, legal entities, proper condition of the territory.

В последнее время актуальность благоприятной экологической обстановки и качества окружающей среды приобретает все большее значение не только для органов власти, но и для гражданского общества и каждого человека. На пути предупреждения или минимизации потенциально опасных факторов воздействия на окружающую среду органам власти приходится искать правовые решения, не противоречащие одновременно нескольким нормам действующего законодательства.

Фундаментальными задачами государственного управления в области обеспечения экологической безопасности является не только контроль за состоянием компонентов окружающей среды, но и контроль за выполнением предусмотренных мероприятий, направленных на применение рациональных методов при использовании природных ресурсов. Охрана окружающей среды и природных ресурсов в субъекте Российской Федерации обеспечивается как системой органов государственной власти региона, так и распределением полномочий между ними. Одним из главных направлений обеспечения благоприятной экологической обстановки является деятельность по организации обращения с отходами производства и потребления. Законодательно предусмотрен контроль за обращением с отходами и определен алгоритм по ликвидации образующихся свалок, навалов отходов и приведение земельного участка в надлежащее состояние [5].

В сфере деятельности по обращению с отходами производства и потребления возникает следующая правовая коллизия. Нормами действующего законодательства установлено, что за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления предусмотрена административная ответственность (статья 8.2 КоАП РФ) [4]. Накопление отходов допускается только в местах (на площадках) накопления отходов, соответствующих требованиям законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и иного законодательства Российской Федерации [5]. Это императивные нормы, то есть обязательные для сторон правила, установленные законом и иными правовыми актами (п. 1 ст. 422 ГК РФ) [2].

При выявлении ненадлежащего содержания земельного участка, руководствуясь положениями статей 13, 42 Земельного кодекса Российской Федерации в части ответственности и обязанности собственника земельного участка, установленное виновное лицо привлекается к административной ответственности в соответствии с санкцией статьи 8.2 КоАП РФ, а также осуществляет мероприятия для приведения данного земельного участка в надлежащее состояние [3].

Наряду с этим, исходя из федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» юридические и физические лица обязаны выполнять требования санитарного законодательства, а также соблюдать санитарные правила [9]. С 01 марта 2021 года вступили в силу санитарные правила и нормы СанПин 2.1.3684-21,

которыми запрещен сброс отходов в местах, не предназначенных для обращения с отходами, а собранные листья деревьев, кустарников подлежат вывозу на объекты размещения, обезвреживания или утилизации отходов [11].

В соответствии со статьями 40- 42 Земельного кодекса Российской Федерации правом на использование земельных участков наделены собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков, на которых возложена обязанность соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов, в том числе и Правил благоустройства определенного муниципального образования [3].

Из анализа приведенных правовых норм в их системном единстве с Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», регулирующим отношения в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, статьями 37-39 Федерального закона «Об охране окружающей среды» следует, что федеральное законодательство не возлагает на граждан и юридических лиц обязанности по содержанию иных территорий, кроме земельных участков, находящихся в их собственности или владении [9, 6].

Возложение на собственников, владельцев, пользователей объектов недвижимости обязанности по содержанию территории, прилегающей к их земельным участкам, может быть осуществлено либо на основании федерального закона, либо на основании договора.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», допуская установление органами местного самоуправления порядка участия собственников зданий (помещений в них) и сооружений в благоустройстве прилегающих территорий, не предусматривает возложение на них обязанностей по содержанию таких территорий помимо их воли [7].

Для обеспечения реализации предоставленных полномочий в сфере благоустройства или в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления с 01 сентября 2021 года вступили в силу санитарные правила и нормы СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней». В соответствии с данными санитарными правилами юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане обязаны теперь обеспечить уход и удовлетворительное санитарное содержание территории, которое в том числе включает уборку листвы и сухой травы, сухостоя, хозяйственного и бытового мусора в радиусе 50-100 м вокруг принадлежащего им участка. При этом, территория считается благоустроенной при отсутствии павшей листвы и сухой травы, веток, валежника, сухостоя, хозяйственных и бытовых отходов. Указанные санитарные правила и нормы содержат в себе императивную норму, не дающую право выбора субъектам правоотношений, что противоречит принципу свободы договора, содержащемуся в п.1 ст.421 Гражданского кодекса [10, 2].

В данном случае наблюдается правовое неурегулирование. Дело в том, что статьей 210 Гражданского кодекса установлено, что собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. Статьей 42 Земельного кодекса установлено, что субъекты, владеющие земельными участками по различным юридическим основаниям и правовым статусам, обязаны использовать эти земли по их целевому назначению такими методами, которые не нанесут вред и земле и в целом окружающей среде [2, 3].

Конституцией Российской Федерации установлено, что права и свободы человека и гражданина имеют верховенство над иными правами и свободами. Все юридические

права и свободы должны соответствовать правам и свободам человека и гражданина [1]. Если случается правовая коллизия между нормативными актами и юридическими нормами права, то всегда будут действовать положения основного закона страны, то есть конституционные нормы, действующие на территории всей страны.

В определении Верховного суда РФ от 17 апреля 2018 г. установлено, что, руководствуясь статьей 210 Гражданского кодекса, случаи возложения бремени содержания имущества лицом, не являющимся его собственником, могут быть установлены лишь федеральными законами или договором [12].

Таким образом, обязанность по обеспечению ухода и удовлетворительного санитарного содержания территории, принадлежащей собственнику, с прилегающим к ней земельным участком должна быть установлена либо договором, либо федеральным законом.

Считаем, что определение размера прилегающей территории должно быть в соответствии с действующими в субъекте Российской Федерации архитектурными решениями и градостроительными нормами [8].

Возникшую правовую коллизию возможно урегулировать путем внесения дополнений в ст. 42 Земельного кодекса (либо внесения новой статьи в Земельный кодекс) в части обеспечения ухода и удовлетворительного санитарного содержания принадлежащего собственнику земельного участка и прилегающей к нему территории с учетом архитектурных особенностей и градостроительных норм [3].

В этой связи, необходимо также внести изменения в СанПиН 3.3686-21 и изложить пункт 1001 в следующей редакции «юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане обязаны обеспечить: уход и удовлетворительное санитарное содержание территории, в том числе включающее уборку листвы и сухой травы, сухостоя, хозяйственного и бытового мусора в радиусе до 50-100 м вокруг принадлежащего им участка с учетом архитектурных особенностей и градостроительных норм» [10].

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек.1993 г. (в ред. от 01 июля 2020 г.) // Рос. Газета. − 1993. − 25 дек.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. − 1994. № 32. − Ст. 3301.

3. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25.10.2001 №36-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. №4. Ст. 4147.

4. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Об отходах производства и потребления: федер. закон Рос. Федерации от 24.06.1998 № 89-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. №26. Ст. 3009.

6. Об охране окружающей среды: федер. закон Рос. Федерации от 10.01.2001 № 7-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №2. Ст. 133.

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 1.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 19.11.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. №40. Ст. 3822.

8. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 02 июля 2021 г.) [Электронный ресурс]: // Справочно-правовая система «Консультант». URL: http://base.consultant.ru/cons. (дата обращения: 20.07.2021).

9. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон Рос. Федерации от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 31 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]: // Справочно-правовая система «Консультант». URL: http://base.consultant.ru/cons. (дата обращения: 23.06.2021).

10. Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней»: постановл. Главного государственного санитарного врача Рос. Федерации от 28 января 2021 г. № 4 [Электронный ресурс]: // Справочно-правовая система «Консультант». URL: http://base.consultant.ru/cons. (дата обращения: 24.09.2021).

11. Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий»: постановл. Главного государственного санитарного врача Рос. Федерации от 28 января 2021 г. № 3 [Электронный ресурс]: // Справочно-правовая система «Консультант». URL: http://base.consultant.ru/cons. (дата обращения: 25.09.2021).

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ: определение Верховного суда Рос. Федерации от 17 апреля 2018 г. № 50-КГ18-7 [Электронный ресурс]: // Справочно-правовая система «Консультант». URL: http://base.consultant.ru/cons. (дата обращения: 20.11.2021).

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

УДК 347.472

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ДОГОВОРА ПОЖЕРТВОВАНИЯ

Абрамович Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин,
Барановичский государственный университет, Республика Беларусь,
kaf.giypd@barsu.by

Аннотация. В статье определен перечень субъектов, которые могут выступать в качестве жертвователя и получателя пожертвования (благополучателя). По итогам проведенного исследования автором обоснован вывод об ограничении принципа свободы договора при заключении договора пожертвования.

Ключевые слова: государство, жертвователь, коммерческая организация, пожертвование, получатель пожертвования, принцип свободы договора

TO THE QUESTION OF THE RESTRICTIONS OF THE SUBJECT COMPOSITION OF THE DONATION AGREEMENT

Abramovich Olga Alexandrovna
Senior Lecturer, department of civil and criminal law disciplines, Baranovichi State University, kaf.giypd@barsu.by

Annotation. The article defines a list of subjects that can act as a donor and recipient of a donation (beneficiary). Based on the results of the study, the author substantiated the conclusion about the limitation of the principle of freedom of contract when concluding a donation agreement.

Keywords: state, donor, commercial organization, donation, recipient of donation, principle of freedom of contract.

Сторонами договора пожертвования являются жертвователь и получатель пожертвования (благополучатель).

В соответствии со ст. 553 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) получателями пожертвований являются граждане, организации здравоохранения, учреждения образования, учреждения социального обслуживания, иные аналогичные организации, благотворительные, научные организации, фонды, организации культуры и иные организации, осуществляющие культурную деятельность, общественные, религиозные и иные некоммерческие организации, а также Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы [3].

Вместе с тем ГК Республики Беларусь не содержит каких-либо требований, предъявляемых к субъектному составу жертвователей. Таким образом, по общему правилу, в качестве жертвователей могут выступать любые субъекты, в частности, физические лица.

Однако законодательством установлены определенные ограничения и запреты в отношении совершения пожертвований физическими лицами в пользу определенных субъектов. Например, в соответствии со ст. 24 Закона Республики Беларусь от 5 октября 1994 г. № 3266-XII «О политических партиях» не могут выступать в качестве

жертвователей: иностранные граждане и лица без гражданства; граждане, не достигшие восемнадцатилетнего возраста (ограничение общей дееспособности) [9]. Избирательный кодекс Республики Беларусь (ст. 48^1) определяет перечень физических лиц, которые не вправе делать пожертвования в избирательные фонды кандидатов в Президенты Республики Беларусь, в депутаты. К ним относятся: 1) иностранные граждане и лица без гражданства; 2) граждане Республики Беларусь, не достигшие 18 лет [6].

Жертвователями могут быть также юридические лица. Несмотря на то, что правовая доктрина в целом негативно относятся к участию коммерческих организаций в договоре дарения, настаивая на необходимости установления запрета на совершение сделок дарения с участием даже одного коммерческого юридического лица, если оно выступает на стороне дарителя, в целях более эффективной и всесторонней защиты кредиторов коммерческих юридических лиц [5, с. 8], тем не менее, совершение пожертвований коммерческими организациями оценивается положительно.

Оказание коммерческими организациями на безвозмездной основе помощи гражданам, некоммерческим организациям в общеполезных целях, принято связывать с реализацией такого нового понятия для современного общества как социальная ответственность бизнеса – «концепция, предполагающая расходование средств компании на социальные и филантропические программы» [1]. Вместе с тем для отдельных юридических лиц ограничена возможность совершать пожертвования в пользу определенных субъектов. Например, жертвовать имущество политическим партиям не вправе: иностранные организации, международные организации; организации, учредителями (участниками, собственниками имущества) которых являются иностранные государства, иностранные организации, международные организации, иностранные граждане и лица без гражданства; организации, получавшие в течение года, предшествующего дню внесения пожертвования, иностранную безвозмездную помощь от иностранных государств, иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, а также от анонимных жертвователей, если полученная этими организациями иностранная безвозмездная помощь не была ими возвращена предоставившим ее иностранным государствам, иностранным организациям, международным организациям, иностранным гражданам и лицам без гражданства или в случае невозможности возврата не была перечислена (передана) в доход государства до дня внесения пожертвования политической партии; юридические лица, зарегистрированные в установленном порядке менее чем за один год до дня внесения пожертвования; религиозные организации, а также юридические лица, учрежденные религиозными организациями [9].

Запрещается вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов в Президенты Республики Беларусь, в депутаты: 1) иностранным организациям; 2) организациям, учредителями (участниками, собственниками имущества) которых являются иностранные государства, иностранные организации, международные организации, иностранные граждане и лица без гражданства; 3) организациям, получавшим в течение года, предшествующего дню внесения пожертвования, иностранную безвозмездную помощь от иностранных государств, иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, а также от анонимных жертвователей, если полученная этими организациями иностранная безвозмездная помощь не была ими возвращена предоставившим ее иностранным государствам, иностранным организациям, международным организациям, иностранным гражданам и лицам без гражданства или в случае невозможности возврата не была перечислена (передана) в доход государ-

ства до дня внесения пожертвования в избирательные фонды; 4) организациям, полностью или частично финансируемым из бюджета; 5) организациям, зарегистрированным в установленном порядке менее чем за один год до дня внесения пожертвования; 6) благотворительным и религиозным организациям [6].

Стоит согласиться с мнением Ф. И. Долгих, согласно которому «пристальное внимание законодателя к вопросам, связанным с получением политическими партиями пожертвований, обусловлено тем, что в первую очередь именно посредством данного источника финансирования открывается возможность воздействия на деятельность политических партий. При получении средств из внешних источников возникает угроза попадания партии в политическую и экономическую зависимость» [4].

Полагаем, что не исключена возможность совершения пожертвований государством и административно-территориальными единицами. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 10 мая 2019 г. № 169 «О распоряжении государственным имуществом» отчуждение находящихся в собственности Республики Беларусь недвижимого имущества, стоимость которого превышает 10 тысяч базовых величин, за исключением предприятий и имущества, включенного в перечень неиспользуемого и неэффективно используемого имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь; движимого имущества, стоимость которого превышает 30 тысяч базовых величин, осуществляется по решению Совета Министров Республики Беларусь.

По решению государственных органов и организаций возможно отчуждение движимого имущества, стоимость которого не превышает 30 тысяч базовых величин; недвижимого имущества, стоимость которого не превышает 10 тысяч базовых величин – по согласованию с Государственным комитетом по имуществу.

По решению территориальных органов, структурных подразделений местных исполнительных и распорядительных органов, республиканских юридических лиц, подчиненных государственным органам и организациям (входящих в их состав, систему), возможно отчуждение движимого имущества, стоимость которого не превышает 30 тысяч базовых величин [10].

Государственные органы и иные государственные организации не вправе финансировать политические партии, союзы.

Таким образом, при заключении договора пожертвования ограничивается один из основополагающих принципов гражданского права – принцип свободы договора, элементом которого является возможность, предоставляемая каждой стороне договора по своему усмотрению определять, вступать или не вступать в договорные отношения (свобода заключения договора); определять, с кем заключать договор (свобода выбора контрагента договора) [2, с. 145; 7, с. 90; 8, с. 143].

На наш взгляд, данное ограничение обусловлено наличием такого основополагающего признака договора пожертвования как достижение получателем пожертвования общеполезной цели, что, в свою очередь, ограничивает возможность участия в качестве получателей пожертвования коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей. Ограничение возможности выступать в качестве жертвователей связано с обеспечением прозрачности и беспристрастности финансирования определенных сфер [11, с. 61].

Литература

1. Абросимова, Е. Договор пожертвования между юридическими лицами [Электронный ресурс] / Е. Абросимова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

2. Годунов, В. Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Право и демократия: сборник научных трудов / учредитель Белорусский государственный университет. – Минск. – 2012. – Вып. 23. – С. 144–164.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Долгих, Ф. И. Пожертвования как источник финансирования политических партий [Электронный ресурс] / Ф. И. Долгих // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

5. Евангелевская, Л. В. Недействительность договора дарения в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л. В. Евангелевская ; Юж. федер. ун-т. – Ростов н/Д, 2012. – 30 с.

6. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 11 февр. 2000 г., № 370-З: принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

7. Кузнецова, Н. В. Свобода договора и проблемы классификации ее ограничений в гражданском праве Российской Федерации / Н. В. Кузнецова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2011. – Вып. 2. – С. 89–93.

8. Казанцев, М. Ф. Свобода гражданско-правового договорного регулирования как проявление свободы договора / М. Ф. Казанцев // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – № 1. – 142–144.

9. О политических партиях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 окт. 1994 г., № 3266-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

10. О распоряжении государственным имуществом: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2019 г., № 169 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

11. Шерардо, К. Незаконное финансирование политических партий: санкции и средства борьбы / К. Шерардо // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – 2007. – № 2. – С. 61–64.

УДК 349.2

ПЕРЕЗАГРУЗКА ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Голубева Татьяна Владимировна
старший преподаватель кафедры экономики и проектного менеджмента,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленский филиал, twg-27@mail.ru

Аннотация. Новшества в ТК РФ упростят жизнь как работникам, так и работодателям. Соискатели смогут на расстоянии подобрать работодателя из другого региона, кандидат сможет дистанционно пройти собеседование с работодателем и заключить трудовой договор. Уже работающим гражданам не придется оформлять дополнительные

командировки, если они трудятся в другом регионе. Работники смогут обойтись без визитов к кадровикам, чтобы подписать тот или иной документ электронной подписью. Согласно поправкам в законопроект о создании единой цифровой платформы занятости, дистанционный формат поиска работы будет использоваться наравне с очным приемом в центрах занятости. Повышена роль трехсторонних комиссий, т.е. роль социального диалога в сфере занятости. Рассматривается законопроект о продолжительности рабочего дня, а также поступило предложение увеличить отпуск некурящим россиянам.

Ключевые слова: трудовой договор, электронный документооборот, единая цифровая платформа занятости, продолжительность рабочего дня, правила расчета ежегодного оплачиваемого отпуска и его денежной компенсации, увеличение отпуска некурящим россиянам.

RELOADING OF LABOR LEGISLATION IN RUSSIA

Golubeva Tatiana Vladimirovna
Senior Lecturer, Department of Economics and Project Management
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Smolensk Branch, twg-27@mail.ru

Summary. Innovations in the Labor Code of the Russian Federation will make life easier for both employees and employers. Applicants will be able to remotely select an employer from another region, the candidate will be able to remotely interview the employer and conclude an employment contract. Citizens who are already working will not have to arrange additional business trips if they work in another region. Employees will be able to do without visits to personnel officers in order to sign this or that document with an electronic signature. According to the amendments to the bill on the creation of a unified digital employment platform, the remote job search format will be used on a par with face-to-face admission at employment centers. The role of tripartite commissions has been increased, i.e. the role of social dialogue in employment. A bill on the length of the working day is being considered, and there has also been a proposal to increase vacation time for nonsmoking Russians.

Keywords: an employment contract, electronic document management, a unified digital employment platform, working hours, rules for calculating annual paid leave and its monetary compensation, an increase in vacation for non-smoking Russians.

Скоро в России трудовой договор между сотрудником и работодателем можно будет заключать дистанционно. Кроме того, можно будет полностью перейти на электронный документооборот. Спикер Госдумы Вячеслав Володин подчеркнул, что такие новшества в Трудовом кодексе упростят жизнь как работникам, так и работодателям, сэкономят их время и силы. Так, соискатели смогут на расстоянии подобрать работодателя из другого региона, кандидат на должность сможет дистанционно пройти собеседование с работодателем, а также заключить таким образом трудовой договор. А уже работающим гражданам не придется оформлять дополнительные командировки, если они трудятся в другом регионе. [1] Кроме того, работники смогут обойтись без визитов к кадровикам, чтобы подписать тот или иной документ электронной подписью. Речь идет также о быстром получении разного вида услуг, где требуются данные от работодателей, - от банковских до государственных. Необходимые сведения будут предоставлены через информационную систему.

Госдума уточнила, что новые нормы применяются к документам, в отношении которых пока необходимо оформление на бумажном носителе или ознакомление сотрудника в письменной форме. Исключение будет сделано для трудовых книжек, актов о

несчастном случае на производстве, приказа об увольнении работника, инструктажей по охране труда.

В настоящий момент работодатели самостоятельно определяют форму ведения документооборота. При этом есть ряд документов, которые должны быть оформлены в письменном виде. Таким образом, до недавнего времени не было законных оснований для полного перехода на электронный документооборот. Новый закон разрешает использовать документы, связанные с рабочим процессом, в электронном виде - без дубликатов на бумажном носителе. О переходе на электронный кадровый документооборот работодатель уведомляет сотрудников, а те, в свою очередь, вправе отказаться.

В соответствии с законом глава 2 Трудового кодекса дополнится новыми статьями, определяющими понятия, общие принципы и правила ведения электронного документооборота в сфере трудовых правоотношений, а также особенности приема на работу и порядок взаимодействия работодателя и работника при использовании электронного документооборота. 15 ноября 2021 г. закончился срок проведения эксперимента по использованию электронных документов, который проводился с 5 мая 2020 года. В нем приняли участие 614 работодателей, а общая численность работников этих организаций составила 1 миллион 131 тысячу человек. Эксперимент показал, что электронный документооборот упрощает процедуру оформления трудовых отношений и сокращает издержки работодатели. Также для разработки документа ко второму чтению в Госдуме создали рабочую группу, которая продолжит работу и подведет в первом полугодии 2022 года предварительные итоги реализации закона. Потребуется проведение мониторинга реализации его положений, а также в дальнейшем внесение изменений в законодательство с целью установить нормативным актом правительства Российской Федерации минимальный перечень социально значимых документов, в отношении которых в обязательном порядке будет предусмотрено ведение электронного документооборота.

Депутаты уже не в первый раз одобряют законы в этом направлении. Ранее было принято решение о постепенной замене бумажных трудовых книжек электронными. Кроме того, вступили в силу изменения в Трудовой кодекс о дистанционной работе и поправки в отраслевой закон о создании единой цифровой платформы в сфере занятости.

В резонансный законопроект о создании в России единой цифровой платформы занятости ко второму чтению предложены 56 поправок. Такое решение принял Комитет Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов. Необходимость доработки законопроекта стала очевидна после обсуждения отзывов и предложений, поступивших из 70 регионов. Однако многие из них потребуют очень серьезной проработки.

Рабочая группа усилила положения документа о равенстве всех существующих методов работы - очной и дистанционной. Согласно поправкам, дистанционный формат поиска работы будет использоваться наравне с очным приемом в центрах занятости. Также повышена роль трехсторонних комиссий, то есть роль социального диалога в сфере занятости. Кроме того, для нескольких норм был добавлен переходный период. Так, многие регионы просили отсрочить переход на единую цифровую платформу из-за длительности процесса перестройки собственных платформ. Было решено, что эта норма вступит в силу с 1 января 2023 года. Обязанность работодателей публиковать вакансии будет действовать с 1 января 2022 года.

Также внесено несколько поправок, касающихся квотирования рабочих мест для инвалидов. Ответственными за этот процесс будут не органы соцзащиты, а органы занятости. Более того, они сами должны будут приходить к маломобильным инвалидам, чтобы помочь им с трудоустройством, а на начальный период работы назначить им наставника.

Законопроект был внесен в Госдуму в феврале 2021 года группой депутатов и сенаторов во главе с руководителями обеих палат парламента. Он направлен на цифровизацию системы занятости и позволит сделать доступной информацию о рынке труда.

Изменения предлагается внести в закон «О занятости населения в РФ». Предполагается, что на единой платформе будут размещены вакансии федеральных, региональных и местных органов власти, а также компаний, у которых в штате более 25 сотрудников. При этом работодателей обяжут публиковать такую информацию, что позволит значительно расширить банк вакансий. Авторы законопроекта ожидают, что его принятие создаст предпосылки для перехода от формального предоставления услуг к адресному индивидуальному подходу.

Ранее председатель Госдумы Вячеслав Володин отмечал, что создание единой цифровой платформы в сфере занятости расширит возможности трудоустройства для граждан, упростит для работодателей поиск персонала, а также позволит снять межрегиональные барьеры и максимально приблизит всю систему к нуждам людей. Помимо прочего, расширятся возможности для пенсионеров - они смогут проходить профессиональное обучение в системе службы занятости не только по месту жительства, но и по месту пребывания.

Также заслуживает внимания законопроект, подготовленный Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Продолжительность рабочего дня по Положению о восьмичасовом рабочем дне и правилам округления дней отпуска пропишут в Трудовом кодексе.

Сейчас продолжительность рабочего дня, правила расчета ежегодного оплачиваемого отпуска и его денежной компенсации при увольнении работника закреплены еще советскими нормативно-правовыми актами. На них по-прежнему ориентируются работодатели. В Трудовом кодексе установлены лишь ограничения для рабочей недели, длительность которой не может превышать сорока часов. Также в нем предусмотрена максимальная продолжительность трудового дня для отдельных категорий работников.

Например, несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет можно работать не более 7 часов в день, а для инвалидов рабочее время устанавливается в соответствии с медицинским заключением. Прописано и то, что для всех категорий работников трудовой день сокращается на один час перед праздниками. Минтруд предлагает закрепить в Трудовом кодексе общую нормальную продолжительность трудового дня, сохранив ее восьмичасовой. В законопроекте уточняются и особенности учета режима рабочего времени тех, кто занят на подземных работах.

Время, затраченное на спуск и подъем для таких работников, будет считаться рабочим. При этом работодатель обязан вести учет рабочего времени и времени отдыха каждого работника, который трудится под землей, по месяцам и за весь учетный период.

Также в Трудовом кодексе закрепят правила расчета отпусков. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что это позволит исключить различные методики подсчета дней к отпуску, которые используют работодатели. От их количества зависит сумма компенсации за отпуск.

По-прежнему, если работник отработал менее 11 месяцев, дни отпуска, за которые должна быть выплачена денежная компенсация, будут рассчитывать пропорционально отработанным месяцам. Чтобы рассчитать их количество, например, за 8 месяцев, нужно общее число дней отпуска в году разделить на 12 месяцев и умножить на 8 месяцев. Если работнику полагается 35 дней отпуска в году, то в месяц ему полагается 2,9 дня, а за 8 месяцев он должен отдыхать 23,2 дня.

По новым правилам, отработанный сотрудником период менее календарного месяца теперь должен будет округляться до полного месяца. В законопроекте говорится, что при исчислении стажа работы, дающего право на ежегодный оплачиваемый отпуск или на денежную компенсацию за неиспользованные дни отпуска при увольнении, остаток, составляющий менее календарного месяца, округляется до полного месяца".

Сейчас, если человек отработал менее половины месяца, то эти дни из расчета исключаются, а если больше - то они округляются до полного месяца.

Полную денежную компенсацию за отпуск будут получать не только работники, проработавшие более 11 месяцев, но и те, кто отработал более шести месяцев, но попал под сокращение, если трудовой договор был расторгнут в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем. Среди причин и сокращение численности работников предприятия, призыв работника на военную службу или направление его на заменяющую ее альтернативную гражданскую службу.

Продолжительность отпуска по Трудовому кодексу составляет 28 дней. Если он длится больше, то считается удлиненным. Например, несовершеннолетние могут отдыхать 31 день в году, инвалиды - не менее 30. Удлиненным считается отпуск учителя, который продолжается 56 календарный дней. У государственных гражданских служащих он длится 30 дней. Помимо основного отпуска, некоторым категориям работников полагается дополнительный, который тоже оплачивается. Общая продолжительность основного и дополнительного оплачиваемых отпусков не может быть больше 60 дней. Два месяца в году, например, могут отдыхать военные по контракту.

При этом право на дополнительный оплачиваемый отпуск получают граждане, если они заняты на вредной или опасной работе, трудятся за границей в загранучреждениях, районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к ним. За ненормированный график работы работникам полагаются три дополнительных оплачиваемых дня к отпуску. Условия такой работы должны быть прописаны в трудовом договоре. В некоторых случаях работник может получить денежную выплату за часть отпуска. Совсем отказаться от отпуска он не имеет права.

А некурящим россиянам предлагают увеличить ежегодный отпуск на десять дней. С таким предложением выступил член Общественной палаты Султан Хамзаев. По его мнению, курящие сотрудники тратят на свою привычку до 60 минут в сутки или около 20 рабочих дней в год, из-за чего работодатели и государство несут дополнительные издержки. Мотивировать курящих работников отказаться от вредной привычки можно с помощью положительного примера поощрения, считает Хамзаев [1].

Таким образом, трудовое законодательство требует постоянных дополнений, пересмотра и обновления ранее использовавшихся норм, нормативов, обоснований. Ситуация, обусловленная сложившейся эпидемиологической обстановкой нашей стране, обострила необходимость оперативного внесения различного рода изменений.

Литература

1. Российская газета: официальный сайт. – Москва, 2021. - URL: http://www.rg.ru (дата обращения 20.11.2021).

УДК 347

О ДОПУСТИМОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРАЖДАНИНА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СООТВЕТСТВИИ С П.3 СТ.213.28 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)»

Дегоева Олеся Алексеевна
преподаватель кафедры гражданского права и процесса Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал,
a36.odegoeva@mail.ru

Аннотация. В работе раскрывается понятие и значение освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства. Исследуются условия применения механизма освобождения гражданина от обязательств, а также признаки недобросовестности в поведении гражданина и их влияние на возможность освобождения его от обязательств. На основе анализа судебной практики делаются выводы о недостатках и преимуществах действующего законодательства в части соблюдения данной процедуры.

Ключевые слова. Несостоятельность, банкротство граждан, реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина, освобождение гражданина от обязательств, добросовестность, злоупотребление правом, мошенничество.

ON THE PERMISSIBILITY OF RELEASING A CITIZEN FROM FULFILLING OBLIGATIONS IN ACCORDANCE WITH Clause 3 Article 213.28 OF THE FEDERAL LAW "ON INSOLVENANCE (BANKRUPTCY)"

Degoeva Olesya Alekseevna
Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch, a36.odegoeva@mail.ru

Annotation. The work reveals the concept and meaning of the release of a debtor citizen from obligations as a result of his bankruptcy. The conditions for the application of the mechanism for releasing a citizen from obligations, as well as signs of dishonesty in the behavior of a citizen and their impact on the possibility of releasing him from obligations are investigated.

Based on the analysis of judicial practice, conclusions are drawn about the disadvantages and advantages of the current legislation in terms of compliance with this procedure.**Keywords**. Insolvency, bankruptcy of citizens, restructuring of a citizen's debts, sale of a citizen's property, release of a citizen from obligations, good faith, abuse of law, fraud.

Институт несостоятельности (банкротства) граждан Российской Федерации (далее – институт банкротства граждан) является важным инструментом в обеспечении стабильности финансово-хозяйственной и социально-экономической жизни нашего общества.

Банкротство гражданина существенным образом отличается от правовой конструкции банкротства юридических лиц. При этом одной из важнейших задач института банкротства граждан, является социальная реабилитация лиц, попавших в тяжелую финансовую ситуацию, обеспечение конституционных прав на достойную жизнь, охрану достоинства личности (ч.1 ст. 7 и ст. 21 Конституции РФ) [1].

Мировой опыт показывает, что фактически институт банкротства гражданина предназначен для оказания помощи гражданину-должнику, неспособному в силу ряда обстоятельств оплачивать свои долги, так называемая концепция «нового старта» (frech start).

Концепция «нового старта» (frech start) лежит в основе списания долгов для добросовестных должников, попавших в тяжелую финансовую ситуацию, в целях оказания им помощи, используется как допускаемый законом легальный способ выхода из долговой зависимости [2].

Данная концепция (frech start) показала свою эффективность не только на примере института потребительского банкротства в США, но и в странах континентальной системы права (Германия – Закон о банкротстве 1994 г., Швеция – Закон о банкротстве 1987 г. и принятый к нему Акт об освобождении от долгов 1994 г.).

Российский институт банкротства граждан позволяет освободить должника, признанного судом банкротом, от исполнения части требований кредиторов, как заявленных, так и не заявленных в процедурах банкротства (п. 3 ст. 213.28 Закона «О несостоятельности (банкротстве)[2].

Законодательно закрепленный способ освобождения от долгов при доступности правосудия и низкой стоимости проведения процедуры банкротства является весьма привлекательным для граждан, не обремененных высокими моральными принципами. В связи с чем возникает угроза использования данного способа в противоправных целях.

Поэтому арбитражный суд при рассмотрении дел о банкротстве граждан особое внимание уделяет выяснению всех обстоятельств, повлекших неспособность должника рассчитаться со своими кредиторами, а также оценке его поведения. Для этого в российском законодательстве закреплены такие понятия, как «добросовестность», «злоупотребление правом» и «мошенничество».

Выявление признаков недобросовестности в поведении гражданина-должника является одним из важнейших элементов правового механизма освобождения гражданина от обязательств, поскольку все сомнения в добросовестности поведения лица, признанного банкротом, противоречат цели института банкротства граждан.

Вследствие этого к гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования. Перечень признаков недобросовестности определен в пункте 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, а именно:

- гражданин не должен быть привлечен вступившим в законную силу судебным актом к уголовной или административной ответственности за нарушения законодательства о банкротстве в деле о его банкротстве;

- если гражданин не предоставил необходимые сведения или предоставил заведомо недостоверные сведения финансовому управляющему или арбитражному суду, рассматривающему дело о банкротстве гражданина, и это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом, принятым при рассмотрении дела о банкротстве гражданина;

- если имеются основания полагать, что гражданин действовал незаконно при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество [2].

Требования кредиторов, в отношении которых должник проявил недобросовестность, сохраняют силу и могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве.

По общему правилу пункта 5 статьи 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное [3].

Анализ правоприменительной практики показывает, что не все ситуации, возникающие при рассмотрении данной категории, урегулированы нормами действующего законодательства. И в этих случаях арбитражные суды руководствуются своим внутренним правосознанием и правовыми позициями, выработанными Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации.

Верховным Судом Российской Федерации высказана правовая позиция о том, что банки, являясь профессиональными участниками кредитного рынка, имеют широкие возможности для оценки кредитоспособности гражданина, в том числе посредством разработки стандартных форм кредитных анкет-заявок для заполнения их потенциальным заемщиком на стадии обращения в кредитную организацию с указанием сведений о его имущественном и социальном положении, ликвидности предлагаемого обеспечения и т.п., а также проверки предоставленного им необходимого для получения кредита пакета документов [4]. Одновременно банки вправе запрашивать информацию о кредитной истории обратившегося к ним лица на основании Федерального закона от 30.12.2004 N 218-ФЗ "О кредитных историях" в соответствующих бюро [5]. По результатам проверок в каждом конкретном случае кредитная организация принимает решение по вопросу о выдаче денежных средств.

В случае положительного решения о выдаче кредита, основанного на достоверной информации, предоставленной гражданином, последующая ссылка банка на неразумные действия заемщика, взявшего на себя чрезмерные обязательства в отсутствие соответствующего источника погашения кредита, не может быть принята во внимание для целей применения положений пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

При этом по смыслу названной нормы принятие на себя непосильных долговых обязательств ввиду необъективной оценки собственных финансовых возможностей и жизненных обстоятельств не может являться основанием для не освобождения от долгов.

В отличие от недобросовестности неразумность поведения физического лица сама по себе таким препятствием не является (п. 24 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3(2019), утвержденного Президиумом 27.11.2019 (определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2019 N 305-ЭС18-26429) [4].

Между тем, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2019 N 305-ЭС18-26429 также указано, что последовательное наращивание гражданином кредиторской задолженности путем получения денежных средств в различных кредитных организациях может быть квалифицировано как его недобросовестное поведение, влекущее отказ в освобождении гражданина от обязательств, в случае сокрытия им необходимых сведений (размер дохода, место работы, кредитные обязательства в других кредитных организациях и т.п.) либо предоставления заведомо недостоверной информации [6].

Так, суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции, указав на то, что в рассматриваемом случае гражданин Щинкин А.Г. представлял заведомо недостоверные сведения о размере доходов, что является основанием для отказа в освобождении гражданина от обязательств (Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 3 марта 2020 г. по делу N А05-13888/2018) [7].

Исходя также из сложившейся судебной практики, суд вправе отказать в применении положений абзаца третьего пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве лишь в том случае, если будет установлено, что нарушение, заключающееся в нераскрытии необходимой информации, являлось малозначительным либо совершено вследствие добросовестного заблуждения гражданина-должника. Бремя доказывания указанных обстоятельств лежит на самом должнике (статья 65 Арбитражного процессуального

кодекса Российской Федерации) [8].

При рассмотрении дела N А79-4119/2018 арбитражный суд правомерно признал необоснованным довод должника о возложении бремени доказывания на КБ "Объединенный банк Республики" (ООО) в спорной ситуации. В данном случае, Васильева Е.В. соответствующие обстоятельства не подтвердила [9].

Суд указал, что малозначительным является такое не предоставление информации, которое не создает угрозы причинения вреда имущественным интересам кредиторов. Однако поведение Васильевой Е.В. не было обусловлено ошибкой, совершенной при добросовестном заблуждении. Из представленных в дело доказательств и фактических обстоятельств усматривается, что должник умышленно представил кредитной организации недостоверные сведения о своем доходе для получения кредита (Постановление Первого Арбитражного Апелляционного Суда от 22 мая 2020 г. по делу N А79-4119/2018) [9].

Системное толкование абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве и пункта 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что перечень ситуаций, когда действия должника считаются незаконными при возникновении или исполнении соответствующего обязательства, не является исчерпывающим [2; 3].

В судебной практике встречаются случаи, когда кредиторы в ходе рассмотрения дел о банкротстве гражданина указывают на наличие в действиях должника недобросовестного поведения (злоупотребления правом), выразившееся в целенаправленном не трудоустройстве, отсутствии официальных способов получения дохода, то есть непринятие никаких мер, направленных на частичное погашение задолженности.

Суд, отклоняя вышеуказанные доводы кредитора, указал, что вывод о недобросовестности поведения должника, влекущее отказ в освобождении гражданина от обязательств, может быть постановлен лишь в случае сокрытия им необходимых сведений. Однако наличие таких обстоятельств в рамках рассматриваемого дела судом не установлено (постановление Третьего Арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2020 г. по делу N А33-21790/2018) [10].

Вместе с тем, заключение кредитных договоров в короткий промежуток времени при отсутствии дохода, достаточного для исполнения взятых на себя обязательств, не представление сведений о расходовании денежных средств, по мнению судов, свидетельствует о недобросовестности действий должника.

Определением Арбитражного суда Липецкой области по делу №А36-7440/2017 завершена процедура банкротства реализация имущества гражданина, в отношении должника не применены правила об освобождении от исполнения обязательств. В рамках рассматриваемого дела судом установлено, что доход должника с учетом налоговых обязательств (НДФЛ), обязательств по оплате коммунальных платежей, по содержанию несовершеннолетнего ребенка, необходимого прожиточного минимума, не позволял ему своевременно рассчитываться по кредитным обязательствам. Заключая кредитные договоры с несколькими банками в короткий промежуток времени на значительные суммы, должник принял на себя заведомо неисполнимые обязательства [10].

Исходя из установленных по делу обстоятельств, учитывая отсутствие должного обоснования, на какие цели были использованы заемные денежные средства и каким образом должник планировал производить погашение возникших обязательств, принимая во внимание вывод финансового управляющего о наличии у должника признаков преднамеренного банкротства, суд пришел к выводу о недобросовестности действий должника при получении кредитов. Установив обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении должником своими правами (статья 10 ГК РФ), учитывая недобросовестность

его действий при получении кредитов в нескольких банках, практически одновременно, при отсутствии при этом какого-либо имущества для расчета с кредиторами, суд не усмотрел оснований для применения в отношении должника правил об освобождении от исполнения обязательств, предусмотренных пунктом 3 статьи 213.28. Закона о банкротстве [3; 10].

Следует также отметить, что сам факт подачи гражданином заявления о собственном банкротстве при наличии признаков неплатежеспособности нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности.

Арбитражный суд Липецкой области при рассмотрении дела №А36-5600/2018 установил, что должником не представлено документов, обосновывающих невозможность исполнения решения суда о взыскании с него в пользу Банка задолженности по кредитному договору в размере 4 млн. руб. в рамках исполнительного производства. В связи с чем, суд пришел к выводу, что должник не обладает признаками несостоятельности (банкротства) и усмотрел в его действиях признаки злоупотребления права. В результате, суд отказал в удовлетворении заявления должника о признании несостоятельным банкротом. При этом суд исходил из того, что заявление должника направлено на уклонение от исполнения решения суда, удовлетворение требований Банка в рамках исполнительного производства, являющегося единственным кредитором должника, не повлечет нарушение имущественных прав иных кредиторов, не сделает невозможным расчеты перед ними [11].

Суд апелляционной инстанции решение суда отменил, указав, что материалами дела подтверждается отсутствие доходов должника для исполнения имеющегося обязательства, а также имущества, что свидетельствует о наличии у него признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов, в связи с чем в соответствии с пунктом 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве, должник вправе обратиться в суд с заявлением о признании его банкротом [11].

По мнению суда апелляционной инстанции, факт подачи гражданином заявления о собственном банкротстве нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности [12].

Таким образом, отказ в освобождении должника от обязательств должен быть обусловлен недобросовестным поведением должника, направленным на причинение вреда кредиторам. Тем самым, устанавливается баланс между реабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении его ограничений, установленных статьей 213.30 Закона о банкротстве, и необходимостью защиты интересов кредиторов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации с поправками от 14.03.2020 /Электронный ресурс, - Консультант Плюс. URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 16.11.2021).

2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) / Рос. Газета. 2002. 2 ноября.

3. Гражданский Кодекс Российской (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ /Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3(2019), утв. Президиумом ВС РФ 27.11.2019 / "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 4, апрель, 2020.

5. Федеральный закон РФ от 30.12.2004 N 218-ФЗ "О кредитных историях" /"Собрание законодательства РФ", 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 44.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2019 N 305-ЭС18-26429 /Электронный ресурс, - Консультант Плюс (дата обращения: 16.11.2021).
7. Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 3 марта 2020 г. по делу N А05-13888/2018 /Электронный ресурс, - Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2021).
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021) /Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
9. Постановление Первого Арбитражного Апелляционного Суда от 22 мая 2020 г. по делу N А79-4119/2018 /Картотека арбитражных дел: http://1aas.arbitr.ru (дата обращения: 10.03.2021).
10. Постановление Третьего Арбитражного Апелляционного Суда от 26 февраля 2020 г. по делу N А33-21790/2018 /Картотека арбитражных дел: http://3aas.arbitr.ru (дата обращения: 10.03.2021).
11. Постановление Девятнадцатого Апелляционного Суда от 27.09.2018 по делу № А36-5600/2018 /Картотека арбитражных дел: http://1aas.arbitr.ru (дата обращения: 10.03.2021).

УДК 346.1

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Королёва Екатерина Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал, katysha-lip@mail.ru

Аннотация. В статье уделено внимание отдельным вопросам теории предпринимательского права. В частности, ставиться вопрос о месте и значении предпринимательского права в системе права России. Кроме того, в статье уделяется внимание вопросам понимания источников предпринимательского права.

Ключевые слова: предпринимательское право, дуализм права, предмет предпринимательского права, источники предпринимательского права.

INDIVIDUAL ISSUES OF THE THEORY OF BUSINESS LAW

Korolyova Ekaterina Vyacheslavovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, katysha-lip@mail.ru

Summary. The article pays attention to certain issues of the theory of business law. In particular, the question is raised about the place and importance of business law in the Russian legal system. In addition, the article pays attention to the issues of understanding the sources of business law.

Keywords: business law, dualism of law, subject of business law, sources of business law.

В научной литературе принято говорить о дуализме права и дуализме частного права. Под дуализмом права принято понимать его деление на частное и публичное, которое характерно, в том числе, и для российской правовой системы. Под дуализмом

частного права понимают деление частного права на гражданское и торговое. В связи наличием дуализма права в правовой системе в ряде государств наряду с Гражданскими кодексами принимаются также Торговые или Коммерческие кодексы. Такая система частного законодательства принята во Франции, Германии, Японии и других государствах.

Следует отметить, что в ряде стран отсутствуют Гражданские кодексы и сложилась система предпринимательского законодательства, в некоторых странах даже приняты Предпринимательские кодексы. Подобная система законодательства характерна для стран англо-саксонской правовой системы.

В России отсутствует деление частного права на гражданское и коммерческое (предпринимательское). Предпринимательские отношения в нашей стране регламентируются в рамках гражданского законодательства, в связи с чем в научной литературе возникают споры о самостоятельности предпринимательского права: одни авторы высказывают мнение о его самостоятельности, другие считают, что оно является подотраслью гражданского права.

В качестве предмета предпринимательского права принято выделять предпринимательские отношения и иные тесно связанные с ними отношения, в частности, отношения по созданию субъекта предпринимательского права, отношения по контролю за деятельностью предпринимателей. Тем не менее, основным блоком являются именно предпринимательские отношения.

Легальное понятие предпринимательской деятельности содержится в статье 2 ГК РФ [1]. Согласно данной норме права под предпринимательской деятельностью понимается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в качестве предпринимателей в установленном законом порядке» (ст. 2 ГК РФ) [1].

Из приведенного определения принято выделять несколько признаков предпринимательской деятельности:

1) систематичность, которая предполагает, что предпринимательская деятельность носит не разовый, а постоянный характер;

2) самостоятельность. Можно выделить два вида самостоятельности предпринимателей: организационную и экономическую. Отдельные авторы указывают, что данный признак в полной мере может относиться только к индивидуальным предпринимателям;

3) рисковый характер. В российском законодательстве понятие риска разработано, в первую очередь, в рамках страхового законодательства. Как правило, под рисковым характером предпринимательской деятельности понимают возможность наступления неблагоприятных последствий, прежде всего, в финансово-экономической сфере;

4) направленность на систематическое получение прибыли;

5) легальность.

Однако подобный набор признаков предпринимательской деятельности не является универсальным и общепринятым. В частности подвергается критике такой признак, как систематичность получения прибыли без определения критериев данного понятия. Различным видам предпринимательской деятельности будет присуща различная периодичность «поступления финансовых средств», кроме того, на определенных этапах предпринимательская деятельность может носить убыточный характер. Неоднократно в научной литературе поднимался вопрос о необходимости принятия Хозяйственного кодекса, был разработан проект данного акта, однако в настоящее время он не принят, и предпринимательские отношения в настоящее время регламентируются в рамках гражданского законодательства.

Особое место в системе источников предпринимательской деятельности занимают обычаи. Согласно статье 5 ГК РФ обычаем признается «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». [1] В сфере предпринимательской деятельности чаще применяется термин «обычаи делового оборота».

Судебная практика не является источником права в России, тем не менее она оказывает существенное влияние на применение норм права. В области применения норм о предпринимательской деятельности важное значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [3].

Следует помнить, в научной литературе существует точка зрения, согласно которой для отдельных подотраслей предпринимательского права характерны особые, специальные источники. В частности, в рамках корпоративного права все большее значение приобретают корпоративные акты.

Следует отметить, что в рамках регламентации предпринимательских отношений большое значение будут иметь внутриорганизационные акты, принятые на уровняе конкретного субъекта предпринимательского права. Для обозначения актов в литературе употребляются различные термины: внутриорганизационные, локальные, корпоративные, автономные. Однако понятию, видам и признакам данного вида актов в литературе не уделяется должного внимание и не существует единого подхода к их пониманию.

В некоторых государствах наряду с Гражданскими кодексами принимаются также Торговые или Коммерческие кодексы. Такая система частного законодательства принята во Франции, Германии, Японии и других государствах.

Следует отметить, что в ряде стран отсутствуют Гражданские кодексы и сложилась система предпринимательского законодательства, в некоторых странах даже приняты Предпринимательские кодексы. Подобная система законодательства характерна для стран англо-саксонской правовой системы.

В России отсутствует деление частного права на гражданское и коммерческое (предпринимательское). Предпринимательские отношения в нашей стране регламентируются в рамках гражданского законодательства, в связи с чем в научной литературе возникают споры о самостоятельности предпринимательского права: одни авторы высказывают мнение о его самостоятельности, другие считают, что оно является подотраслью гражданского права.

В качестве предмета предпринимательского права принято выделять предпринимательские отношения и иные тесно связанные с ними отношения, в частности, отношения по созданию субъекта предпринимательского права, отношения по контролю за деятельностью предпринимателей. Тем не менее, основным блоком являются именно предпринимательские отношения.

Легальное понятие предпринимательской деятельности содержится в статье 2 ГК РФ [1]. Согласно данной норме права под предпринимательской деятельностью понимается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в качестве предпринимателей в установленном законом порядке» (ст. 2 ГК РФ) [1].

Из приведенного определения принято выделять несколько признаков предпринимательской деятельности:

1) систематичность, которая предполагает, что предпринимательская деятельность носит не разовый, а постоянный характер;

2) самостоятельность. Можно выделить два вида самостоятельности предпринимателей: организационную и экономическую. Отдельные авторы указывают, что данный признак в полной мере может относиться только к индивидуальным предпринимателям;

3) рисковый характер. В российском законодательстве понятие риска разработано, в первую очередь, в рамках страхового законодательства. Как правило, под рисковым характером предпринимательской деятельности понимают возможность наступления неблагоприятных последствий, прежде всего, в финансово-экономической сфере;

4) направленность на систематическое получение прибыли;

5) легальность.

Однако подобный набор признаков предпринимательской деятельности не является универсальным и общепринятым. В частности подвергается критике такой признак, как систематичность получения прибыли без определения критериев данного понятия. Различным видам предпринимательской деятельности будет присуща различная периодичность «поступления финансовых средств», кроме того, на определенных этапах предпринимательская деятельность может носить убыточный характер.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // СПС КонсультантПлюс. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

3. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 // СПС КонсультантПлюс./ ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

УДК 347.232.4

ДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА КУЛЬТОВОЕ ЗДАНИЕ

Крутько Руслан Викторович
старший преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин,
Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь

Аннотация. На официальном сайте Уполномоченного по делам религий и национальностей приводятся сведения о количестве зарегистрированных религиозных общин в Республике Беларусь, а также о количестве культовых зданий религиозных общин. По состоянию на 1 января 2021 года в Республике Беларусь по официальным данным насчитывалось 3395 религиозных общин [1], которые имели 2783 культовых здания и еще 205 строили [2]. Произведя несложные вычисления, приходим к выводу, что 407 религиозных общин не имеют и не строят культовых зданий. Для регистрации религиозной общины необходимо не менее двадцати граждан Республики Беларусь. Таким

образом, минимум 8140 граждан формально не имеют возможности собраться в определенном месте для совместного исповедания религии. Однако, на практике, для совместного исповедания религии верующие используют здания и сооружения, которые не всегда принадлежат им на праве собственности или другом законном владении, не являются культовыми. Добросовестное владение зданием, признанным культовым, является одним из оснований для признания и регистрации права собственности за религиозной организацией.

Ключевые слова: религиозные общины, религиозные организации, культовые здания, право собственности

FAIR OWNERSHIP AS A BASIS FOR ACQUISITION CULTURAL BUILDING OWNERSHIP

Ruslan Krutko
Senior Lecturer, Department of Civil and Criminal Law Disciplines, Baranovichi State University, Baranovichi, Republic of Belarus

Annotation. The official website of the Commissioner for Religious and Ethnic Affairs provides information on the number of registered religious communities in the Republic of Belarus, as well as on the number of religious buildings of religious communities. As of January 1, 2021, according to official data, there were 3395 religious communities in the Republic of Belarus [1], which had 2783 religious buildings and another 205 were built [2]. Making simple calculations, we come to the conclusion that 407 religious communities do not have and do not build religious buildings. To register a religious community, at least twenty citizens of the Republic of Belarus are required. Thus, at least 8,140 citizens formally do not have the opportunity to gather in a certain place to practice their religion together. However, in practice, for the joint confession of religion, believers use buildings and structures that do not always belong to them on the basis of property rights or other legal possession, and are not religious. Fair ownership of a building recognized as a cult building is one of the grounds for recognizing and registering ownership of a religious organization.

Keywords: religious communities, religious organizations, religious buildings, property rights

Постановлением Комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете министров Республики Беларусь от 5 июля 2004 года № 33 утверждена Единая классификация назначения объектов недвижимого имущества. Отметим следующие объекты: земельный участок для размещения объектов религиозного (культового) назначения, здание специализированное религиозного (культового) назначения, сооружение специализированное религиозного (культового) назначения.

В примечании к классификации указано, что при определении назначения здания или сооружения используется его основное назначение, которое устанавливается исходя из назначения расположенных в нем помещений, занимающих большую площадь в здании или сооружении.

Практическое значение регистрации недвижимого имущества в качестве культового состоит в том, что религиозные организации, зарегистрированные в установленном порядке, имеющие культовые капитальные строения (здания, сооружения), их части, не уплачивают налог на недвижимость на эти здания, сооружения (ст. 227 Налогового кодекса Республики Беларусь).

В соответствии с п. 1 ст. 235 Гражданского кодекса Республики Беларусь юридическое лицо, в собственности которого не находится имущество, но которое добросовестно,

открыто и непрерывно владеет им как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность).

В п. 4 ст. 235 ГК указано, что течение срока приобретательной давности в отношении вещей, которые могли быть истребованы собственником из чужого незаконного владения, начинается со дня, следующего за днем истечения срока исковой давности по соответствующим требованиям.

Общий срок исковой давности составляет три года. Таким образом, лицо, добросовестно, открыто и непрерывно владевшее недвижимым имуществом как своим собственным, может приобрести право собственности на это имущество лишь по истечение восемнадцати лет.

В соответствии с абзацем 4 ст. 55 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 года № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» основанием для государственной регистрации возникновения, перехода, прекращения прав и ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество являются, в том числе судебные постановления, устанавливающие права на недвижимое имущество.

В качестве примера из судебной практики приведем решение экономического суда Гродненской области от 11 января 2021 г. по делу № 155-8/2020 [3].

Экономический суд Гродненской области рассмотрел в открытом судебном заседании материалы дела по заявлению Прихода храма Святой преподобной Марфы г. Гродно епархии Белорусской Православной Церкви об установлении факта добросовестного, открытого и непрерывного владения как своим собственным в отношении часовни Воскресения Христова, назначение — здание специализированное религиозное (культовое), площадь застройки — 74 кв. м.

В ходе рассмотрения дела было установлено, что заявитель, обосновывая заявленное требование, указал что с конца декабря 1992 года добросовестно, открыто и непрерывно владеет недвижимым имуществом – часовней Воскресения Христова, которое является зданием специализированным религиозного (культового) назначения, 1890 года постройки.

Согласно справке о балансовой принадлежности и стоимости здания часовни Воскресения Христова, расположенной по адресу: г. Гродно, ул. Пригородная, д. 1, строение часовни находится на балансе Прихода храма Святой преподобной Марфы г. Гродно епархии Белорусской Православной Церкви с конца декабря 1992 года.

На средства Прихода храма Святой преподобной Марфы г. Гродно на протяжении 28 лет производятся текущие и капитальные ремонты кладбищенской часовни.

РУП «Агентство по государственной регистрации и земельному кадастру» в 2014 году была осуществлена техническая инвентаризация капитального строения — часовни Воскресения Христова, назначение — здание специализированное религиозного (культового) назначения. По результатам выполненных работ по технической инвентаризации Приходу храма Святой преподобной Марфы г. Гродно был выдан технический паспорт по состоянию на 21.03.2014 на здание специализированного религиозного (культового) назначения — часовню Воскресения Христова.

При обращении заявителя в РУП «Агентство по государственной регистрации и земельному кадастру» за государственной регистрацией создания эксплуатируемого капитального строения и возникновения прав на него на основании приобретательной давности регистратором недвижимости был выдан отказ от 03.12.2020 в приеме документов, представленных для совершения регистрационного действия на основании

подпункта 5.5 пункта 5 ст. 34 Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (представлены не все документы, необходимые для осуществления государственной регистрации, в том числе не предоставлено судебное постановление об установлении факта приобретательной давности).

Сведений об иных претендентах на капитальное строение – часовню Воскресения Христова, у лиц, участвующих в деле, не имеется. Спор о праве в отношении указанного капитального строения отсутствует.

Рассмотрев дело, экономический суд Гродненской области решил: установить факт добросовестного, открытого и непрерывного владения Приходом храма Святой преподобной Марфы г. Гродно епархии Белорусской Православной Церкви как своим собственным имуществом — часовней Воскресения Христова, и возникновении права собственности на часовню Воскресения Христова у Белорусской Православной Церкви (Белорусского Экзархата Московского Патриархата) [3].

В указанном решении обращает на себя внимание тот факт, что часовня Воскресения Христова была построена еще в 1890 году как культовое здание и через 130 лет официально обрела законного владельца.

Отметим, что строение часовни находилось на балансе Прихода храма Святой преподобной Марфы г. Гродно епархии Белорусской Православной Церкви с конца декабря 1992 года и лишь через 28 лет Белорусская Православная Церковь получила возможность установить факт возникновения права собственности на имущество, которое принадлежало Православной Церкви с 1890 года.

Такое положение обусловлено тем, что в период с 1918 по 1990 год на территории СССР религиозные организации были лишены права владеть собственностью, а также были лишены прав юридического лица.

Полагаем, что в Республике Беларусь, по аналогии с Российской Федерацией, в которой отношения по передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения регулируется федеральным законом от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», необходима разработка закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной собственности». Полагаем возможным в данном законе предусмотреть упрощенный порядок передачи религиозного имущества и оформления правоустанавливающих документов на такое имущество.

Литература

1. Религиозные общины в Республике Беларусь (на 1 января 2021 г.) [Электронный ресурс]. − Режим доступа https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus. − Дата доступа: 21.04.2021.

2. Сведения о культовых зданиях религиозных общин в Республике Беларусь (на 1 января 2021 г.) [Электронный ресурс]. − Режим доступа https://belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kultovyh-zdaniyah-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus. −Дата доступа: 21.04.2021.

3. Решение экономического суда Гродненской области от 11 января 2021 г., дело № 155-8/2020 [Электронный ресурс] : // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. − Минск, 2021.

УДК 347.1

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ОХРАНА ПРАВА» И «ЗАЩИТА ПРАВА» ВЛИЯЮТ НА СОДЕРЖАНИЕ САМООХРАНЫ И САМОЗАЩИТЫ ПРАВА

Лаврова Светлана Васильевна
старший преподаватель кафедры Гражданского права и процесса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал, kaf_itdp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «охрана права» и «защита права» и влияние на содержание самоохраны и самозащиты права. Обосновывается необходимость разделения действия в зависимости от характера обеспечения осуществления гражданских прав на защитные действия и действия, направленные на сохранение «status quo». Предлагаются внесения изменений в статью 1 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: охрана, защита, самоохрана, самозащита, беспрепятственное осуществление, обеспечение.

RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS OF "PROTECTION OF THE LAW" AND "PROTECTION OF THE RIGHT" AFFECT THE CONTENT OF SELF-PROTECTION AND SELF-DEFENSE OF THE RIGHT

Lavrova Svetlana Vasilievna
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch, kaf_itdp@mail.ru

Summary. The article examines the relationship between the concepts of "protection of law" and "protection of law" and the impact on the content of self-protection and self-defense of law. The necessity of separating actions depending on the nature of ensuring the implementation of civil rights for protective actions and actions aimed at maintaining the "status quo" is substantiated. Amendments to Article 1 of the Civil Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: security, protection, self-protection, self-defense, unhindered implementation, ensuring

Развитие механизма нормативно-правового регулирования реализации гражданских прав представляется недостаточным без совершенствования средств и способов защиты и самозащиты субъективных гражданских прав, это связано с тем, что все больше внимание отводится частным интересам различных субъектов права. Развитие гражданско-правовых средств защиты и самозащиты способно обеспечить надёжную реализацию не только субъективных прав, но и охраняемых законом интересов, а также декларируемых гражданским законодательством принципов, таких, например, как свобода выбора, добросовестность и запрет на злоупотребление правом. При этом повсеместно признаётся, что наряду с судебной или административной защитой значительную роль в реализации гражданских прав строго в соответствие с интересами правообладателей играет самозащита.

Традиционно считается, что институт самозащиты призван обеспечить наиболее оперативную реакцию правообладателей на нарушение субъективного гражданского права, поскольку позволяет управомоченному лицу действовать без обращения к компетентным органам, самостоятельно, что в силу диспозитивного характера гражданско-

правового регулирования обеспечивает стабильность и предсказуемость гражданского оборота, а также позволяет участникам моментально реагировать на угрозу нарушения принадлежащих им прав и не допускать правонарушений.

Самозащита, которая включена законодателем в качестве способа самозащиты, является одновременно, и охраной гражданских прав, и их защитой, что приводит к трудностям правового регулирования, поскольку затрудняет определение правовой природы самозащиты. Говоря о правовой природе самозащиты А.А. Газаева отмечает, что «несомненно особенности правовой природы самозащиты накладывают существенный отпечаток на процесс смыслового содержания. В широком смысле право на самозащиту следует понимать как свободу выбора средств и методов защиты. Можно утверждать, что выбор интерпретационного подхода будет зависеть от оценки юридического факта и правовых отношений, а, следовательно, от обоснованности допустимости выбранных средств самозащиты, что крайне важно для адресата правовое воздействие» [1, с. 235].

Относительно термина «охрана» Т.И. Илларионова отмечает, что «по направлению и функциональной роли норм система прав в свою очередь разграничивается на две наиболее общих подсистемы (системы иного уровня) регулирующую и охранительную. Соответственно и единая регулирующая функциональная система права в целом подсистемах существует в относительно самостоятельных формах – собственно регулятивной и охранительной» [2, с. 5-6]. Не возражая относительно функционального предназначения регулятивных и охранительных норм в гражданском праве, всё же следует признать, что рассмотрение употребляемого законодателем термина «охрана» в качестве единого посыла для функции и регулятивных и охранительных норм приводило бы к понятийной путанице. Причем, понимание охраны в таком ключе не приводит к разведению этих понятий и уяснению особенностей, присущих каждой отдельной категории. Поэтому, учитывая некую определенную синонимичность понятий охрана и защита прав, а также законодательно устоявшуюся традицию по использованию термина «защита» в качестве общей категории, всё же под защитой прав следует понимать, во-первых, обеспечение осуществления гражданских прав, а во-вторых, возможности их восстановления в случае нарушения. Охрана права на второе не рассчитана, она функционирует превентивно. Самозащита же обеспечивает осуществления гражданских прав, пресекая нарушения, а в случае нарушения - их восстановление. Как отмечает Н.В. Южанин: «охрана права существует постоянно и функционально направлена на обеспечение его осуществления, не допустимость его нарушения. Даже в случае нарушения права продолжает действовать охрана права, но появляется возможность применить и меры защиты. Следовательно, понятие «защиты» прав уже понятия «охраны» прав»» [6, с. 88] и эти понятия не тождественные. С этим следует согласиться.

Если исходить из позиции того, что охрана прав и защита прав не тождественные понятия, а самозащита применяться как до нарушения права, так и во время совершения правонарушения, то ее следует одновременно признавать и охраной гражданских прав, и их защитой. Это приводит к трудности теоретического понимания самозащиты и как следствие нарушению в практическом применении. Поскольку существуют действия по самостоятельной охране прав используемые до совершения нарушения права, а также действия по самостоятельной защите совершаемые при нарушении права или угрозе его нарушения. То действия, совершаемые самостоятельно в защиту права или законных интересов, следует признавать либо самоохраной, либо самозащитой субъективных гражданских прав или охраняемых законом интересов. И в зависимости от соотношения понятий «охрана права» и «защита права» меняется содержание самоохраны и самозащиты права.

В статье 1 ГК РФ установлено, что гражданское законодательство ориентировано на регулирование общественных отношений и их беспрепятственное осуществление (регулятивная функция). «Главное предназначение гражданского права состоит в регулировании действий физических и юридических лиц по удовлетворению их потребностей в сфере имущественных и неимущественных интересов» [5, с. 82]. Поскольку «не подлежит сомнению, что законные интересы лица страдают при нарушении субъективных гражданских прав» [3, с. 332].

Посредством регулирования общественных отношений обеспечивается беспрепятственное осуществление гражданских прав. «В случае если этого не происходит, и «действия субъектов не соответствуют нормативно заданным параметрами юридической мере, сущность гражданско-правового регулирования меняется – «включаются» правила и приемы, рассчитанные на выполнение функции восстановления нарушенных прав и защиты «пошатнувшихся» интересов»» [5, с. 83]. В связи с этим, правильнее было бы в статье 1 ГК РФ указывать, что гражданское законодательство основывается не на необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, а на обеспечении беспрепятственного осуществления гражданских прав, поскольку регулятивная функция не создает необходимость такого осуществления, а обеспечивает его за счет своего воздействующего потенциала.

Тем самым, пока происходит беспрепятственное осуществление гражданских прав, и исполняются надлежащим образом обязанности, право выполняет свою регулятивную функцию, юридически обеспечивая участникам гражданских правоотношений совершение определённых действий в заранее установленных правовых рамках. Право содержит средства, применение которых гарантирует заинтересованным субъектам, что действия будут совершены. Эти средства могут обеспечивать различного рода действия по осуществлению собственного интереса управомоченного лица. К примеру, если интерес вызван потреблением присвоенного материального блага либо извлечением из него полезного эффекта, то объективное право предусматривает особого рода средства, которые позволяют обеспечить такое удовлетворение интереса, а в случае невозможности такого удовлетворения свободно, принудительно обеспечить их. Если же интерес управомоченного лица заключен в совершении действий другим (другими) лицом, то на этот случай в законе также предусмотрены средства обеспечения осуществления данного интереса за счет возможности понуждения обязанного лица совершить указанные действия. В связи с этим и функционирует статья 1 ГК РФ, где указывается, что гражданское законодательство обеспечивает восстановление нарушенных прав и их защиту, в случаях если возникают препятствия осуществления гражданских прав или их нарушения.

В свою очередь, предоставленная возможность понуждать к действию в порядке самозащиты или возможность требования исполнения по суду путем присуждения совершить определенного рода действия, либо защита прав в виде требования о прекращении действий, которые создают угрозу нарушения прав и законных интересов, а также восстановление нарушенных прав и интересов, могут быть реализованы лишь действиями самого управомоченного лица направленные на устранение последствий нарушения его правовой или имущественной сфер.

Рассматривая самозащиту Э.Л. Страунинг отмечает, что она «может рассматриваться как любые действия лица, связанные с защитой лица своих прав от нарушения, которые противопоставляются действиям, исходящим от государственных и иных компетентных органов» [4, с. 8]. Отсюда логичным является вывод, что действия, совершаемые лицом для восстановления нарушенного права, либо в целях недопущения

совершения правонарушения являются действиями, обеспечивающими осуществление субъективных гражданских прав.

В свою очередь, нетрудно заметить, что характер совершаемых действий различен. Одни действия направлены на предотвращение нарушений прав или их недопущение, а другие, направлены на восстановление положения лица, чьи права и интересы пострадали вследствие уже совершенного правонарушения. Поэтому, различия понятий «защита» и «охрана», следует искать не в понятийных особенности указанных категорий, а в различии форм совершаемых действий, их целевой направленности на достижение правового, заранее определенного результата.

В связи с чем, действия в зависимости от характера обеспечения осуществления гражданских прав следует разделить на: защитные действия, целью которых является восстановление нарушенных прав, т. е. когда правонарушение уже совершено и требуется привести положение лица, чьи права нарушены совершенным правонарушением в такое состояние, при котором у этого лица снова появится возможность осуществлять свои права и удовлетворять свой субъективный интерес в тех объемах, в которых оно первоначально существовало и охранные действия, цель совершения которых заключается, либо в недопущении совершения правонарушений влекущих невозможность осуществления субъективного гражданского права, либо устранения угрозы их нарушения; также действия направленные на сохранение «status quo» (в переводе с латинского языка означает: «существующее положение вещей». Другими словами, в данном случае сохранение «status quo» означает: сохранение существующего правового положения; положения, которое существовало до оспаривания принадлежащего управомоченному лицу права) при оспаривании права, например, в судебном порядке.

И поскольку, и восстановление нарушенных прав, и их защита, включая самозащиту, а также предупреждение совершения действий, могущих повлечь нарушение гражданских прав, являются понятиями объединёнными единым термином защита, то в пункт 1 статьи 1 ГК РФ необходимо вместо слов «необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты», указать: «обеспечения беспрепятственного осуществления гражданских прав, и их защиты (самозащиты) и восстановления».

Также следует отметить, что вне зависимости от того, какие действия совершаются, их целевая направленность заключается в том, чтобы устранить существующие затруднения реализации субъективного гражданского права. Следовательно, вне зависимости от вида действий, обеспечивающих осуществление субъективных гражданских прав, их функциональное предназначение заключается либо в возвращении поведения лица в ту модель поведения, которая обеспечивает беспрепятственное осуществление гражданских прав, либо в сохранении этой изначально установленной модели поведения, и недопущении каких-либо отклонений. Тем самым, целью совершения действий, обеспечивающих осуществление субъективных прав, является моделирование поведения лиц. В свою очередь, и охранные и защитные действия совершаются не просто так, а имеют своё юридическое основание. Другими словами, для осуществления действий по защите права, в том числе и по самозащите права должны быть правовые основания их применения.

Литература

5. Газаева, А.А. Особенности правовой природы самозащиты как конституционного и субъективного права и механизм влияния на практику применения /А.А. Газеева // Вестник КГУ. − 2017. − №1. − С. 234-237.

6. Илларионова, Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: учебное пособие / Т.И. Илларионова. − Свердловск: Ур. ГУ, 1980. – 76 с.

7. Сахно, С.В. О защите и самозащите гражданских прав и законных интересов /С.В. Сахно // Евразийский юридический журнал. − 2016. − № 2. − С.332-334.

8. Страунинг, Э.Л. Теория самозащиты гражданских прав / Э.Л. Страунинг. − М.: Типография ООО «Документ системы», 2007. – 146 с.

9. Чеговадзе, Л.А. О формальной определённости действий субъектов гражданского права / Л.А. Чеговадзе. // Законы России: опыт, анализ, практика. − 2012.− № 11. − С. 82-88.

10. Южанин, Н.В. Односторонние правозащитные меры в механизме гражданско-правового регулирования: диссертация … канд. юр. наук: 12.00.03 / Южанин Николай Вячеславович. − М., 2017. – 512 с.

УДК 347

ОБЫЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Резникова Екатерина Андреевна
преподаватель Банковского колледжа Среднерусского института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел

Аннотация. Обычай, как источник гражданского права, используется для регулирования гражданско-правовых отношений, в том числе, вещно-правовых. Значение обычая важно не только в плане теоретической разработки проблем гражданского права, но и крайне необходимо для правоприменителей. Применение обычая в регулировании гражданско-правовых отношений имеет определенные особенности, также особенности применения обычая можно выделить и в регулировании вещно-правовых отношений.

Ключевые слова: гражданско-правовые отношения, обычай, источник права, правовое регулирование, вещно-правовые отношения и др.

CONVENTIONAL LEGAL REGULATION OF REAL AND LEGAL RELATIONS

Reznikova Ekaterina Andreevna
Lecturer, Banking College, Central Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel

Annotation. Custom, as a source of civil law, is used to regulate civil law relations, including property law. The importance of custom is important not only in terms of the theoretical development of problems of civil law, but also extremely necessary for law enforcement officers. The use of custom in the regulation of civil law relations has certain peculiarities, and the peculiarities of the use of custom can also be distinguished in the regulation of property relations.

Key words: civil law relations, custom, source of law, legal regulation, property law relations, etc.

Вопрос о применении обычая в качестве источника вещного права в науке гражданского права является малоисследованным. Вместе с тем о возможности применения обычаев при регулировании вещно-правовых отношений в конце XIX в. писал известный российский цивилист С.В. Пахман. В своей работе «Обычное гражданское право в России» данной тематике он посвятил главу первую «Владение и собственность» [6].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что обычай может регулировать любой вид деятельности, в том числе определение гражданами порядка пользования общим имуществом. Применяя при разрешении гражданско-правового спора обычай, суды руководствуются его пониманием в соответствии со ст. 5 ГК РФ.

Можно указать следующие особенности применения обычаев при регулировании вещных отношений.

Во-первых, обычаи используются при определении пределов (границ) осуществления вещных прав. В соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц...» [1]. Пункт 1 ст. 9 ГК РФ гласит: «Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права».

Согласно распространенному в гражданско-правовой науке мнению, субъективное право является мерой свободы действий субъекта, направленных к осуществлению его интереса [2, с.341]. Осуществление субъективного гражданского права является реализацией его субъектом (управомоченным лицом) возможностей (правомочий), заключенных в его содержании [3, с. 460]. Согласно господствующему мнению и действующему ГК РФ содержание субъективного права собственности состоит из триады правомочий - владения, пользования, распоряжения. Собственник как обладатель субъективного вещного права может реализовать указанную возможность различными путями. По мнению В.П. Камышанского, «усмотрение собственника представляет собой правомерную, властную, интеллектуально-волевую деятельность по выбору оптимального варианта реализации предоставленных правомочий в отношении имущественных благ, соответствующего интересам собственника, с учетом прав и законных интересов третьих лиц и общества в целом» [4, с. 90]. В качестве критериев классификации усмотрения в праве собственности он называет субъектов гражданского права, форму собственности, а также объект права собственности. Исходя из смысла ст. 1, 9, 10, 209 ГК РФ в их взаимосвязи пределы осуществления прав собственника могут устанавливаться в целях защиты публичных и частных интересов. В.П. Камышанский выделяет «усмотрение в пределах права» и «усмотрение за пределами права» [4, с.90]. Статья 10 ГК РФ устанавливает пределы осуществления гражданских прав, в том числе и вещных. В силу данной статьи не допускаются шикана (осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу); действия в обход закона с противоправной целью; иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав; использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. Согласно высказанному В.П. Камышанским мнению «усмотрение при реализации правомочий собственника вне правового поля лишено регулятивного воздействия права, а собственник вправе осуществлять усмотрение, применяя обычай делового оборота, аналогию закона либо аналогию права, допускаемую в гражданском праве (ст. 5, 6 ГК РФ)» [4, с.90].

Применяя обычай при регулировании общественных отношений при условии соблюдения п. 2 ст. 5 ГК РФ, обладатель вещного права не выходит за пределы правового поля, поскольку обычай является источником права.

Одной из распространенных областей применения обычая в правовом регулировании вещных отношений является сложившийся порядок пользования вещью. Сложившийся порядок пользования вещью может распространяться на гражданское правоотношения, участниками которого является два субъекта, а может распространяться на неограниченный круг лиц.

Обычаи могут регулировать отношения по защите субъективного права собственности. Согласно ст. 12 ГК РФ одним из способов защиты гражданских прав является самозащита. Как неюрисдикционная форма защиты самозащита права собственности, регулируемая обычно-правовыми нормами, на наш взгляд, может проявляться, например, в установлении пределов осуществления прав собственника. Можно привести следующий пример, когда в целях защиты права собственности на свое имущество (земельный участок, жилой дом и т.д.) собственник возводит забор по периметру участка. Нормативные правовые акты не упоминают именно такого способа реализации собственником участка своих правомочий по владению и пользованию имуществом, а также ограничению доступа третьих лиц на свой участок.

В содержание правоотношения собственности наряду с субъективными правами входят и субъективные обязанности. Обычно-правовыми нормами могут устанавливаться обязанности как активного, так и пассивного типа. В частности, к обязанностям активного типа можно отнести бремя содержания имущества собственником. Например, проходящие по границе двух смежных земельных участков объекты (стены, изгороди, заборы, овраги, рвы и т.д.) не только имеют функцию межевания, но и приносят выгоду для обоих собственников (заборы ограничивают обзор с одного участка на другой, рвы собирают дождевую и талую воду, не допуская подтопления участка и т.д.). В связи с этим зачастую ставится вопрос о распределении обязанностей (издержек) по их строительству и эксплуатации. Так, местными обычаями может регулироваться порядок возведения ограждений между участками: с правой или левой боковой стороны либо в зависимости от того, четная или нечетная сторона улицы, например на нечетной стороне - слева, на четной - справа; на участках, находящихся в начале и в конце улицы, собственник ставит ограждение с двух сторон [5].

Обязанности пассивного типа вытекают из гражданско-правовых запретов, а формой их исполнения является соблюдение запретов обязанными лицами. С функциональной точки зрения обязанности пассивного типа устанавливают пределы осуществления прав. При этом обязанности пассивного типа могут иметь как собственник либо иной обладатель вещного права, так и иные лица. Поскольку вещное право является абсолютным, носителю вещного права противостоит неопределенный круг лиц обязанных, обязанность которых является обязанностью пассивного типа, т.е. они должны воздержаться от совершения действий, которые могут причинить вред собственнику либо иному управомоченному лицу. Полагаем, что обязанности пассивного типа устанавливаются запретительными обычно-правовыми нормами и предписывают воздерживаться от нарушения прав других лиц.

Обычаями могут регулироваться основания приобретения и прекращения права собственности, в частности, обращение в собственность общедоступных для сбора вещей (ст. 221 ГК РФ), отказ от права собственности (ст. 236 ГК РФ), отчуждение собственником своего имущества другим лицам при наследовании и в иных случаях, предусмотренных законом (ст. 235 ГК РФ).

В качестве вывода хотелось бы отметить следующие особенности применения обычаев при регулировании вещно-правовых отношений:

1) обычаи могут определять содержание субъективного права собственности (прежде всего правомочие пользования);

2) обычаи оказывают влияние на формирование усмотрения собственника;

3) обычаи могут устанавливать пределы осуществления права собственности;

4) обычаи регулируют вопросы защиты права собственности, а именно неюрисдикционную форму (самозащиту);

5) обычаями регулируются основаниями приобретения и прекращения права собственности;

6) особая роль при регулировании вещных правоотношений отводится местным обычаям;

7) обычаи не могут противоречить императивным нормам закона и потому не могут определять виды вещных прав;

8) обычаи чаще применяются при регулировании вещных правовых отношений, основанных на частной форме собственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. - Ст. 3301; 2021. - № 27 (Ч. 1). - Ст. 5053

2. Афанасьева, Е.Г., Белицкая, А.В., Вайпан, В.А. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. - М.: Юстицинформ, 2019. – 664 с.

3. Гражданское право: учеб.: в 4-х т. / отв. ред. - Е. А. Суханов. − Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2006. – 464 с.

4. Камышанский, В.П. Право собственности: пределы и ограничения. / В.П. Камышинский. − М.: Закон и право; Юнити-Дана, 2000. − 219с.

5. Караваева, Я.Н. Обычай как источник правового регулирования отношений собственности в Российской Федерации / Я.Н. Караваева // Актуальные проблемы российского права. − 2021. − № 6. − С. 114-122.

6. Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России / под ред. В.А. Томсинова. − М.: Зерцало, 2013. − С. 9-49.

УДК 347.93

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ: ОБЗОР ПОЗИЦИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Рубцова Любовь Владимировна
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Челябинский филиал, lady-x261182@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике основных проблем применения положений гражданского законодательства об исковой давности. Автор анализирует такие аспекты проблемы как легальное понятие исковой давности, ее виды, приостановление и перерыв срока исковой давности, порядок исчисления срока, порядок восстановления пропущенного срока. Выявлены недостатки легальной дефиниции исковой давности в ГК РФ и предложена ее альтернативная формулировка. Также указывается на излишнее многообразие специальных сроков исковой давности, что значительным образом усложняет правоприменительную практику. Кроме того, выражается мнение о нарушении принципа юридического равенства в части возможности восстановления пропущенных сроков исковой давности. По мнению автора нуждается в более детальной регламентации также процедура заявления о восстановлении пропущенного срока.

Ключевые слова: исковая давность, общий срок, специальный срок, восстановление пропущенного срока, уважительные причины, приостановление срока исковой давности, перерыв срока исковой давности.

SOME ASPECTS OF THE LAW ENFORCEMENT PROBLEM CONCERNING THE LIMITATION OF ACTION: OVERVIEW OF RESEARCHERS' POSITIONS

Rubtsova Liubov Vladimirovna
Senior lecturer of the Chair of Civil Law
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch, lady-x261182@mail.ru

Summary: The article deals with the characteristics of the main law enforcement problems concerning limitation of the action in the Civil Law. The author analyzes such aspects of the problem as the legal concept of the limitation period, its types, suspension and interruption of the limitation period, the procedure for calculating the limitation period, the procedure for restoring the missed limitation period. The shortcomings of the legal definition of the limitation period in the Civil Code of the Russian Federation are revealed and its alternative formulation is proposed. It is also pointed out that there is an excessive variety of special limitation periods, which significantly complicates law enforcement practice. In addition, the opinion is expressed about the violation of the principle of legal equality in terms of the possibility of restoring the missed limitation periods. According to the author, the procedure of the restoration of the missed deadline also needs more detailed regulation.

Key words: limitation of action, general limitation period, special limitation period, restoration of the missed limitation period, valid reasons, suspension of the limitation period, interruption of the limitation period.

Благополучие и процветание общества зависит от стабильности гражданских правоотношений и дисциплинированности их участников, которые призван обеспечить, в том числе, правовой институт исковой давности. В ходе происходящего в последние

годы реформирования гражданского законодательства России нормы об исковой давности подверглись некоторому уточнению и пересмотру. Так, рядом федеральных законов 2013 [4,5] и 2015 годов [6] были внесены фрагментарные изменения в отдельные статьи главы 12 ГК РФ «Исковая давность». Кроме того, появились новые разъяснения ВС РФ о порядке применения судами норм об исковой давности: на смену постановлению Пленума ВС РФ от 12.11.2001 г. № 15, Пленума ВАС РФ от 15.11. 2001 г. № 18, пришло постановление Пленума ВС РФ от 29.09.2015 г. № 43 [8].

Однако и на данный момент остаётся ряд проблем в правоприменительной практике.

Согласно ст. 196 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено [1]. Такая формулировка, по мнению ряда исследователей, позволяет сделать вывод, что защита права за пределами этого срока невозможна. Вместе с тем, п. 1 ст. 199 ГК РФ определяет, что иски о защите прав принимаются судом независимо от истечения исковой давности. Следовательно, защита права по иску не исключена и за пределами исковой давности. Кроме того, нельзя забывать о том, что правила об исковой давности подлежат применению только по соответствующему заявлению ответчика, которое должно быть сделано до вынесения судом решения. Таким образом, защита права судом чаще всего зависит не от истечения давностного срока, от обоснованности заявленных истцом требований, а, кроме того, судебная защита, как отмечено ранее, может быть предоставлена заявителю и по истечению срока исковой давности [15, с. 105-106]. С учетом выявленных терминологических неточностей, наиболее точной представляется следующая формулировка: «Исковая давность есть императивный закрепленный законом срок, пропуск которого порождает у лица, нарушившего право или охраняемый законом интерес, право заявить суду о невозможности применения к нему мер государственного принуждения» [15, с.107].

ГК РФ выделяет общие (три года) и специальные сроки исковой давности, которые в любом случае не должны превышать десять лет [1]. Что касается специальных сроков, то таковые предусмотрены для широкого разнообразия споров в суде и существуют в достаточно широком перечне правовых отношений.

Так, например, в трудовом праве существуют специальные сроки для обращения работника в районный суд с требованиями о выплате в полном размере заработной платы и других выплат, а также компенсации морального вреда, которые регламентированы в ч. 2 и 3 ст. 392 ТК РФ [3]. Специальные сроки исковой давности предусмотрены также по некоторым категориям споров в семейных правоотношениях [12, с. 49]: в отношении оспаривания сделок, где согласие супруга не было нотариально заверено (1 год; п. 5 ст. 35 СК РФ); о признании брака недействительным в случае, если один из супругов скрыл от другого супруга наличие венерического заболевания (1 год; п. 3 ст. 15 СК РФ) [2]. Специальные сроки исковой давности предусмотрены также для признания недействительными оспоримых сделок (1 год; ст. 181 ГК РФ). Широкое разнообразие специальных сроков существует в корпоративных правоотношениях. Так, например, для оспаривания решений общих собраний ООО и АО срок исковой давности составляет два и три месяца соответственно (ч. 4 ст. 43 Закона об ООО и п.2 ч. 7 ст. 49 Закона об АО). Среди исследователей существует мнение, что данное разнообразие не диктуется объективными причинами, и что, в свою очередь, порождает существенные проблемы в правоприменительной практике.

Важнейшей особенностью сроков исковой давности является их императивный характер, что означает невозможность по соглашению спорящих сторон каким-либо образом повлиять на такие сроки: устранить, изменить, в том числе сократить или увеличить, установить исковую давность в правоотношениях, на которые она не распространяется.

В науке высказывается мнение о том, что потребности гражданского оборота свидетельствуют о необходимости продления общего срока исковой давности до пяти лет. Кроме того, судебная практика указывает, что существует объективная потребность продления специальных сроков исковой давности за пределы десяти лет, это поможет предотвратить нарушение прав отдельных категорий граждан, в частности несовершеннолетних [14, с. 108]

В соответствии со ст. 200 ГК РФ течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Б.А. Булаевский обращает внимание на то, что необходимо учитывать оба эти обстоятельства в совокупности. Если кто-либо знает (либо должен знать) о нарушении своего права, но не имеет информации о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите данного права, то срок исковой давности течь не начинает. Данное правило применяется с 1 сентября 2013 г. со вступлением в силу федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ. До указанного момента течение срока исковой давности начиналось со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. При этом указание на информированность о надлежащем ответчике в законе отсутствовало [10, с. 37].

Пропущенный по уважительным причинам срок исковой давности может быть восстановлен судом. Закон не содержит исчерпывающего перечня уважительных причин, зато указывает, что сама возможность восстановления существует только в отношении физических лиц и непременно должна быть связана с их личностью. Кроме того, существует официальная позиция ВС РФ по этому поводу, где также уточняется, что организации и индивидуальные предприниматели лишены такой возможности (Постановление Пленума ВС РФ от 29.09.2015 г. № 43).

По общему правилу срок исковой давности течет непрерывно, но в некоторых случаях по основаниям, предусмотренным законом, он может быть приостановлен, а затем, после отпадения указанных обстоятельств, - продолжиться, а также быть продлен судом до шести месяцев, если после приостановления он составит меньше указанного периода.

Особенно востребованным в связи с пандемией новой короновирусной инфекции оказалось такое основание приостановления срока исковой давности как «непреодолимая сила» (пп.1 п. 1 ст. 204 ГК РФ). Весной 2020 года ВС РФ издал разъяснения, согласно которым решать вопрос о признании «карантинных» мер непреодолимой силой в целях приостановления срока исковой давности суды будут исходя из характера конкретного спора [9].Тем не менее, по мнению экспертов, доказать, что введенные ограничения препятствовали предъявлению иска, будет достаточно трудно.

Кроме того, в течение срока исковой давности может быть объявлен перерыв также по основаниям, предусмотренным законом. После отпадения указанных оснований срок исковой давности начинает течь заново.

Проблемным аспектом в случае виндикации является то, что ГК РФ не предусматривает основания для восстановления срока исковой давности при переходе фактического владения к другому лицу, даже если это владение является незаконным. Кроме того, сформулирована официальная позиция ВАС РФ [7] по этому поводу. Согласимся с точкой зрения О.А. Семеновой о том, что данная правовая позиция представляется не вполне обоснованной, поскольку «отказ в удовлетворении требований по мотиву пропуска исковой давности не легитимирует владение ответчика, которое остается незаконным» [13, с. 85]. Поэтому для подобных случаев нужно дополнительно закрепить в законе момент начала течения срока исковой давности.

ГК РФ предусматривает открытый перечень требований, на которые не распространяется срок исковой давности, в том числе на требование о выдаче банковских вкладов. По мнению Б.М. Гонгало включение данного пункта в перечень является излишним, поскольку само существо данных требований говорит о том, что они бессрочные [11, с. 120].

Таким образом, в результате анализа правовых норм и обобщения позиций исследователей по данному вопросу для дальнейшего развития норм гражданского законодательстве об исковой давности:

- предлагается изменить легальную формулировку понятия «исковая давность» в соответствии с формулировкой, представленной в исследовании (ст. 195 ГК РФ);

- увеличить общий срок исковой давности до пяти лет, а в отношении специальных сроков предусмотреть возможность продления их за пределы десяти лет в случае угрозы нарушения прав отдельных категорий граждан, в частности несовершеннолетних (ст. 196 ГК РФ);

- исключить из гражданского законодательства нормы о специальных сроках исковой давности, существование которых не вызывается объективной необходимостью и затрудняет правоприменительную практику, порождая судебные ошибки;

- закрепить правило о письменной форме заявления стороны в споре о применении правил о пропуске срока исковой давности (ст. 199 ГК РФ);

- предоставить возможность восстановления срока исковой давности при наличии уважительных причин организациям и индивидуальным предпринимателям (ст. 205 ГК РФ), с одновременным установлением перечня этих уважительных причин;

- исключить из перечня требований, на которые не распространяется исковая давность, требование о выдаче вкладов, поскольку оно не связано с нарушением права и по существу является бессрочным (ст. 208 ГК РФ).

Представляется, что реализация данных предложений будет способствовать повышению эффективности применения института исковой давности в судебных спорах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. – Ст. 196.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 02 июля 2021 г.) // Российская газета. – 27.01.1996. – № 17.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 02 июля 2021 г.) // Российская газета. – 31.12.2001. – № 256.

4. Федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.) // Российская газета. – 13.05.2013. – № 99.

5. Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 06.11.2013. – № 249.

6. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 13.03.2015. – № 52.

7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым

вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // СПС Консультант Плюс.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. − № 12.

9. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. − № 5.

10. Булаевский, Б.А. К вопросу о новеллах в правилах о сроках исковой давности / Б.А. Булаевский // Вектор юридической науки: Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2016. − № 10. − С. 36-43.

11. Гонгало, Б.М. Признаки исковой давности и их отражение в законе / Б.М. Гонгало // Ex jure. 2021.− № 3. − С. 120–129.

12. Мантулина, О.О. К вопросу о сроках исковой давности по алиментным платежам / О.О. Мантулина // Инновации в науке. – 2017. - № 13(74). – С. 48-51.

13. Семенова, О.А. Проблема применения исковой давности при виндикации недвижимости / О.А. Семенова // Имущественные отношения в РФ. − 2015. − № 7(166). – С. 84-92.

14. Титов, Г.Г. Нарушение имущественных прав несовершеннолетних при существующем порядке исчисления сроков исковой давности / Г.Г.Титов // Постсоветский материк. – 2019. − № 4(24). – С. 108-109.

15. Шевчук, С.С., Петров Н.В., Петрова, И.В. Основные направления совершенствования института исковой давности в российском гражданском праве // Проблемы экономики и юридической практики. - 2018. − № 2. – С. 105-108.

УДК 347

ИЗОБРЕТЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Рутман Елена Яковлевна
старший преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин,
Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь

Аннотация. Изобретение как объект права промышленной собственности заслуживает к себе пристального внимания, что обусловлено набирающими силу тенденциями повышения роли и значения продуктов интеллектуальной деятельности в развитии человеческой цивилизации. Успех правообладателя в большой степени зависит от эффективного вовлечения в хозяйственную деятельность созданного объекта изобретения в области промышленной собственности.

Ключевые слова: изобретение как объект права промышленной собственности, биотехнологические продукты как объекты изобретения

THE INVENTION AS INDUSTRIAL PROPERTY

Rutman Elena Yakovlevna
Senior Lecturer at the Department of Civil and Criminal Law Disciplines,
Baranovichi State University, Baranovichi, Republic of Belarus.

Annotation. The invention as an object of industrial property law deserves close attention, which is due to the growing tendencies to increase the role and significance of the products of intellectual activity in the development of human civilization. The success of the copyright holder depends to a large extent on the effective involvement of the created subject of invention in the field of industrial property in the economic activity.

Key words: invention as an object of industrial property rights, biotechnological products as objects of invention

Залогом успешного развития и обновления всех сфер деятельности государства становится использование результатов интеллектуальной изобретательской деятельности. Эти результаты составляют важнейшие инновационные ресурсы нашей страны. Повышение эффективности инновационной деятельности является приоритетным направлением государственной политики. Создание эффективного механизма управления интеллектуальной собственностью – важнейшее звено в реализации этой политики. В современных условиях Беларусь должна быть ориентирована на использование научно-технических достижений от изобретений. В связи с этим первостепенное значение приобретает правовая охрана имеющегося и создаваемого научно-технического потенциала, где одну из ключевых позиций занимают изобретения.

Парижская конвенция по охране промышленной собственности к объектам промышленной собственности относит изобретения во всех сферах человеческой деятельности [1].

Белорусское законодательство воплотило последние достижения мировой системы охраны прав на объекты промышленной собственности и положения международных договоров, оно конкретизирует признаки изобретения, порядок правового использования его объектов. В соответствии с положениями Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее - ГК) и Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее – Закон) изобретения относятся к объектам промышленной собственности [2; 3].

Право на изобретение охраняется государством и удостоверяется патентом (ст. 999 ГК) [2]. Изобретению в любой области техники предоставляется правовая охрана, если оно относится к продукту или способу, является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо. Требования, предъявляемые к изобретению, при которых возникает право на получение патента, и порядок его выдачи патентным органом устанавливаются законодательством (ст.1000 ГК) [2]. Патентообладателю принадлежит исключительное право на использование запатентованного изобретения.

В соответствии с Законом (ст.2) изобретению в любой области техники также предоставляется правовая охрана, если оно относится к продукту или способу, является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо [3]. Закон устанавливает юридически значимые действия по приему и рассмотрению заявок на изобретения, определяет права авторов и патентообладателей, устанавливает критерии патентоспособности, правила и процедуры экспертизы, публикации и выдачи патента [3].

Изобретение – в общем смысле новое решение технической проблемы. Как правило, в законодательствах стран мира, касающихся промышленной собственности, определения изобретения не дается.

Сущность изобретения выражается в совокупности существенных признаков, достаточных для достижения технического результата, обеспечиваемого изобретением. Признаки могут быть отнесены к существенным, если они влияют на достигаемый технический результат. Приводятся все существенные признаки, характеризующие изобретение, выделяются признаки, отличительные от наиболее близкого аналога [4, с. 34].

В соответствии с Законом объектом изобретения является: продукт, т. е. предмет как результат человеческого труда, способ – процесс, прием или метод выполнения взаимосвязанных действий над объектом, применение процесса, приема, метода или продукта по определенному назначению. Продукт как объект изобретения может быть представлен в виде устройства (например, машина, прибор, инструмент, деталь и др.), вещества (сплав, смесь, раствор, химическое соединение и др.), биотехнологического объекта [3].

Исходя из комплексной природы изучаемого института понятийный аппарат играет весьма важную роль в изучении сущности изобретения. Как было указано, действующее отечественное законодательство в области права промышленной собственности оперирует термином «изобретение», не давая его определения, а лишь указывая, что признается таковым. Однако именно от подхода к определению изобретения зависит его реальное наполнение.

Комплексное рассмотрение изобретения позволило установить, что оно обладает наибольшим своеобразием по сравнению с иными объектами права промышленной собственности и отличается от них не только своей сущностью, но и критериями патентоспособности.

Таким образом, на основании анализа специальной литературы по обозначенной проблематике можно сделать вывод о необходимости уточнения понятия изобретения как самостоятельного объекта права промышленной собственности. В связи с изложенным представляется обоснованным пункт 2 статьи 1000 ГК и пункт 1 статьи 2 Закона изложить в новой редакции: «Изобретению в любой сфере техники и технологии предоставляется правовая охрана, если оно относится к продукту (устройство, вещество, штамм микроорганизма, культуры клеток растений и животных) или способу, является новым, не известным ранее решением технической и технологической проблемы, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо».

По нашему мнению, особого внимания в связи с пандемией Covid-19 заслуживают биотехнологические продукты как объекты изобретения, а именно продукты, выделенные из их природного окружения или полученные иными способами: живые объекты, в частности растения, животные, штаммы микроорганизмов, культур клеток растений и животных; неживые объекты, в частности гормоны, цитоксины, ферменты, антигены, антитела, последовательности нуклеиновых кислот, плазмиды, векторы, выделенные из растений, животных или микроорганизмов или полученные иными способами.

Обсуждение медицинских патентов в настоящее время не могло не коснуться вакцин. Эксперты называют их особенными объектами патентного права, которые можно рассматривать с разных точек зрения (в том числе с биотехнологической). Закон не описывает отдельно, можно ли патентовать вакцину как объект изобретения и как это делать, но есть более широкие категории, внутри которых вакцины отлично вписываются. Объектами патентных прав для вакцины могут стать как ее компоненты (рекомбинантный белок-антиген, вектор или плазмиды для его производства), так и способ выделения и получения, композиция с белком или антигеном и даже само применение антигена или композиции для получения иммунного ответа или лечения. Для оригинальных вакцин часто патентуют антиген, для вакцин-аналогов остается все остальное [5].

Обладая широким содержанием, изобретение как самостоятельная категория препятствует существованию единого подхода к оценке патентоспособности входящих в его состав объектов.

В результате выявления и анализа критериев патентоспособности изобретения на предмет достаточности и допустимости их применения к изобретению как объекту права промышленной собственности, можно сформулировать требования к новизне,

изобретательскому уровню и промышленной применимости, которые предлагается включить в содержание статьи 999.1 и закрепить ее в ГК в следующей редакции:

«1. Сущность изобретения выражается в совокупности существенных признаков (критериев патентоспособности), достаточных для достижения технического и технологического результата, обеспечиваемого изобретением

2. Техническое и технологическое решение достигается совокупностью всех признаков изобретения. Отсутствие одного признака из общей массы заявленных признаков не обеспечивает получение технического и технологического результата.

3. Техническое и технологическое решение представляет собой характеристику технического и технологического эффекта, который может быть получен при осуществлении (изготовлении) или использовании продукта или способа, воплощающего изобретение.

4. Изобретение признается новым, если он не является частью известного уровня техники или технологии.

5. Изобретение имеет изобретательский уровень, если оно для специалиста явным образом не следует из уровня техники и технологии, в частности, в том случае, когда не выявлены решения, имеющие признаки, совпадающие с его отличительными признаками, или такое решение выявлено, но не подтверждена известность влияния отличительных признаков на указанный заявителем технический и технологический результат.

6. Изобретение признается промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и иных сферах деятельности».

Итак, патентоспособность – это качество изобретения, позволяющее получить на него патент. Для этого оно должно быть оригинальным, должны отсутствовать патенты на подобные технические решения. Важным условием патентоспособности является его коммерческая полезность.

Изобретение должно иметь или выражаться формулой. Формула изобретения – словесная формулировка сущности изобретения, на основании которой определяется объем исключительных прав патентообладателя. При проверке патентоспособности заявленного изобретения устанавливается соответствие изобретения трем условиям: новизны; изобретательского уровня; промышленной применимости.

Наиболее важной с точки зрения экономики и права и получившей распространение в мире является патентная форма охраны изобретения как объекта промышленной собственности. Патент – это выдаваемый патентным органом от имени государства документ, который удостоверяет авторство, приоритет на объект промышленной собственности и исключительное право на его использование. Патент на изобретение имеет территориальное действие и действует в течение 20 лет. Указанный срок может быть продлен по ходатайству патентообладателя, но не более чем на пять лет. Срок действия патента исчисляется с даты подачи заявки в патентное ведомство.

Таким образом, правовой статус изобретения как объекта права промышленной собственности определяется тем, что оно является частью промышленной собственности и, следовательно, обладает всеми признаками иных объектов промышленной собственности. Кроме того, оно является по своим параметрам очень близким к интеллектуальной собственности в силу того, что является также результатом творческого труда, интеллектуальной деятельности. В силу своей новизны и значимости оно подлежит обязательной правовой охране.

Обозначенные в работе проблемные вопросы и предложения по их разрешению способны оказать влияние на развитие законодательства в сфере права интеллектуальной

собственности и достижение единообразия в практике его применения в исследуемой области.

Литература

1. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г. и измененная 2 октября 1979 г.: Действующее международное право. – М.: Междунар. отношения, 2006. – 911 с.

2. Гражданский кодекс [Электронный ресурс]: Принят Палатой Представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г., с изм. и доп.: текст по сост. на 29 июня 2021 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 12 дек. 2002 г. № 160-З., с изм. и доп. : текст по сост. на 18.12.2019 г., № 275-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Бромберг, Г. В. Интеллектуальная собственность. Основной курс: учеб. пособие / Г.В. Бромберг. – М.: Интерпресс, 2004. – 490 с.

5. В интересах короны: патентные правила и исключения в эпоху пандемии [Электронный ресурс] : Официальный сайт. – Режим доступа : https://indicator.ru/medicine/v-interesakh-korony.htm. – Дата доступа : 25.04.2021.

УДК 347.9

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Чепрасов Михаил Николаевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал, kaf-gpip@mail.ru
Шатурина Наталья Алексеевна
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, anica6@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу медиации как разновидности примирительных процедур и ее правовому регулированию; выявляются особенности процедуры медиации; приводится статистика внедрения в практику данного вида примирительных процедур судами Липецкой области за 6 месяцев 2021 г.

Ключевые слова: альтернативные варианты урегулирования споров, медиация, медиатор, примирительные процедуры, гражданский процесс.

THE USE OF MEDIATION TECHNOLOGIES IN CIVIL PROCEEDINGS: LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Cheprasov Mikhail Nikolaevich
candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk branch, kaf-gpip@mail.ru
Shaturina Natalia Alekseevna
senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, anica6@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of mediation as a type of conciliation procedures and its legal regulation; the features of the mediation procedure are revealed; the statistics of the introduction of this type of conciliation procedures by the courts of the Lipetsk region for 6 months of 2021 are given.

Keywords: alternative dispute resolution options, mediation, mediator, conciliation procedures, civil process.

Среди альтернативных вариантов урегулирования споров (далее - АРС) можно назвать следующие: обращение в третейский суд (арбитраж), заключение мирового соглашения, переговоры, медиация, посредничество и другие примирительные процедуры, если их проведение не противоречит федеральному закону [4, с. 18]. Термин alternative dispute resolution (ADR), означающий в буквальном толковании всякое внесудебное разрешение споров, заимствован из английского языка. В литературе встречается мнение об относительной некорректности употребления термина «альтернативное». С начала XXI в. можно встретить перевод данного термина не столько «альтернативное», сколько «подходящее».

Зарубежная практика применения примирительных процедур гораздо многообразнее, нежели российская. Мировой опыт демонстрирует возможности не только такого вида судебного примирения, но и в ряде иностранных государств предусмотрена возможность примирения, осуществляемого самим судьей, рассматривающим дело.

Медиативные технологии, таким образом, – это особый социально-правовой механизм, способ предупреждения и разрешения конфликтов внесудебным путем при помощи независимого посредника. Медиатор в этом случае – не арбитр и не «третья сторона», наделенная правом выносить решения. Он – лишь своего рода нейтральный наблюдатель, помогающий оппонентам увидеть конфликт «со стороны» и найти такой вариант решения, который будет исполняемым и хотя бы частично удовлетворит интересы каждого из спорящих.

В настоящее время медиативные примирительные технологии используются в рамках весьма широкого круга правоотношений: от семейных и трудовых конфликтов, споров по наследованию, авторскому праву до урегулирования конфликтов, возникающих в сфере ЖКХ, предоставления медицинских услуг, разрешения конфликтных ситуаций с участием несовершеннолетних и многих других. Например, в отношениях между хозяйствующими субъектами до 80% споров, переданных в службу примирения, заканчиваются подписанием медиативного соглашения отсутствуют [5, с. 39-40]. Применяются медиативные технологии и в системе нотариата, в педагогической деятельности, в разрешении межэтнических конфликтов, в сфере противодействия коррупции.

К обязательным условиям осуществления процедуры медиации закон относит (ст. ст. 3, 7 Федерального закона РФ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1].

1) непосредственно выраженное (в письменной форме) волеизъявление сторон на проведение процедуры медиации;

2) самостоятельный выбор сторонами посредника − беспристрастного лица, способного оказать помощь в достижении взаимоприемлемого результата;

3) правовое равенство и самостоятельность сторон, а равно независимость медиатора при проведении процедуры;

4) готовность сторон исполнить условия заключенного соглашения.

Нормы, регулирующие прекращение дела примирением, с 25.10.2019 г. в ГПК РФ сконцентрированы в главе 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение». Законодатель указал лишь два основных вида примирительных процедур: переговоры и посредничество, разновидностями которого являются медиация и судебное примирение (ст. 153.3 ГПК РФ).

Юридические цели мирового соглашения – урегулирование возникшего гражданско-правового спора, прекращение возбужденного искового производства и приобретение соглашением исполнительной силы – в полном объеме будут достигнуты только в процессе проверки судом условий мирового соглашения, его утверждения; если соглашение заключается во внесудебном порядке, оно при возникновении спора является одним из обстоятельств спорного дела, подлежащего исследованию и оценке судом, и не имеет юридической силы мирового соглашения, утвержденного судом[6].

Положения ст. 153.8 и 153.9 ГПК РФ и ст. 139, 140 АПК РФ закрепляют необходимое количество экземпляров мирового соглашения, заключаемого сторонами; определяют возможность сторон включить в мировое соглашение вопросы, прямо не относящиеся к предмету судебного разбирательства, но имеющие значение для достижения сторонами мирного урегулирования диспута; законодательно решен вопрос об участии в мировом соглашении третьих лиц и основаниях такого участия.

В соответствии с ФЗ № 197-ФЗ судья становится более активным в стимулировании к примирению: так, в частности, в определении о принятии искового заявления к производству судья должен будет указать действия, которые необходимо совершить лицам, участвующим в деле, для примирения, и сроки их совершения. В соответствии со ст. 150 ГПК РФ (в новой редакции) в ходе подготовки дела к судебному разбирательству судья содействует примирению сторон. Такое содействие должно проходить с соблюдением принципов гражданского процесса и заключается в разъяснении возможности использования сторонами примирительных процедур на любой стадии процесса, а также их преимуществ с учетом того, что примирение осуществляется добровольно на основе принципов сотрудничества сторон, их равноправия и конфиденциальности.

Урегулирование споров как способ прекращения правового конфликта обладает многими достоинствами.

Во-первых, он позволяет решить проблему без обращения к государству в лице его специального органа - суда. Судебные разбирательства - длительная, подчас дорогостоящая и непредсказуемая с точки зрения результата процедура. Разрешая спор, судья не заинтересован в сохранении добрососедских, деловых, просто нормальных отношений между спорящими сторонами. У него другая задача - разрешить материально-правовой конфликт по существу, иными словами, определить «правых» и «виноватых». Кто будет чувствовать себя комфортнее - работник, восстановленный в должности по решению суда после незаконного увольнения, или работник, принятый обратно после

процедуры переговоров, объяснений с работодателем или заседания комиссии по трудовым спорам на родном предприятии?

Во-вторых, суды перегружены гражданскими делами. Судьи вынуждены наращивать темпы их рассмотрения, чтобы не нарушить процессуальные сроки. В результате многие аспекты могут быть упущены, а рассмотрение некоторых вопросов превращается в формализм. Судьи скороговоркой зачитывают сторонам их права и обязанности, забывая о том, что процессуальное законодательство требует «разъяснить» их.

В-третьих, гражданско-правовые конфликты в большинстве своем затрагивают права и обязанности исключительно их сторон. По большому счету государству безразлично, какая арендная плата будет установлена в договоре аренды жилого помещения, заключенном между гражданами, какое авторское вознаграждение журнал выплатит автору статьи и проч. Суд как орган государственной власти должен защищать и ограждать прежде всего публичные интересы[7].

Таким образом, урегулирование гражданско-правового спора предпочтительно и для сторон правового конфликта, и для государства.

Согласно Постановлению Президиума Липецкого областного суда по отчету об итогах работы судебной коллегии по гражданским делам за 6 мес. 2021 г., общее количество дел, по которым стороны изъявили желание пойти на информационную встречу с медиатором, составило в районных судах 153 и у мировых судей – 83, а всего - 236, что на 34 дела меньше, чем в первом полугодии 2020 года. После первой информационной встречи по 186 делам истцы отказались от своих требований, ответчики признали иски или стороны заключили мировые соглашения, либо заявления были оставлены без рассмотрения. В 112 случаях стороны заключили соглашение о проведении процедуры медиации. 95 медиативных процедур завершились успехом, из них 65 медиативных соглашений заключено по делам, находящимся в производстве районных судов, а 30 соглашений – по делам мировых судей. По 17 делам стороны вышли из процедуры медиации.

Для сравнения, в первом полугодии 2020 года на информационную встречу с медиатором были направлены стороны по 270 гражданским делам (по 170 делам в районных судах и по 100 делам у мировых судей), урегулировано добровольно на данной стадии 230 споров. В 127 случаях стороны заключили соглашение о проведении процедуры медиации, по результатам которой в 86 случаях заключены медиативные соглашения, по 41 делу стороны вышли из процедуры медиации.

Таким образом, количество гражданских дел, рассмотренных в первом полугодии 2021 года судами области и мировыми судьями с применением процедуры медиации, по сравнению с аналогичным периодом 2020 года снизилось.

Анализ статистических данных свидетельствует о недостаточно активной работе судов по развитию процедуры медиации при рассмотрении гражданских дел [2].

Исходя из содержания ст. 138.6 АПК РФ и ст. 153.7 ГПК РФ, стороны в ходе использования примирительных процедур могут урегулировать спор путем признания иска, полного или частичного отказа от исковых требований. Однако достижение подобных результатов нельзя ставить в заслугу именно процедур медиации или судебного примирения, поскольку стороны не связаны необходимостью вступления в указанные процедуры с целью реализации своих специальных (распорядительных) полномочий в цивилистическом процессе. Право стороны в споре признать иск или отказаться от него было известно и включено в процессуальные нормы задолго до введения института примирительных процедур [8].

Поэтому, как правило, когда речь идет о медиации или же судебном примирении, подразумевается возможность достижения и заключения сторонами по делу какого-либо соглашения (в том числе и мирового), регулирующего спорные вопросы и влекущего прекращение производства по делу.

Однако законодательство о медиации не содержит реальных механизмов исполнения таких соглашений. В случае недобросовестного поведения стороны такого соглашения другая сторона будет вынуждена либо вернуться к судебным процедурам (в части просьбы о выдаче исполнительного листа на исполнение мирового соглашения), либо инициировать таковые (если медиация была проведена в досудебном порядке) в целях судебного понуждения к исполнению заключенного соглашения. Ввиду приведенных обстоятельств финал истории будет одинаков - судебное производство и обращение в службу судебных приставов [8].

Единственное исключение составляют случаи, когда медиативное соглашение удостоверено нотариусом. В соответствии с ч. 5 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» нотариально удостоверенное медиативное соглашение имеет силу исполнительного документа. При этом нотариус удостоверяет медиативное соглашение с обязательным участием медиатора (или медиаторов), а медиативное соглашение должно содержать их подписи (ст. 59.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате).

Если стороны после обращения в суд, используя процедуру медиации, заключили медиативное соглашение, нотариально удостоверили (силу исполнительного документа будут иметь и засвидетельствованные копии медиативного соглашения), то и в суде дело не подлежит дальнейшему рассмотрению. При заявлении ими соответствующего ходатайства об утверждении соглашения в качестве мирового процесс прекращается. Если стороны не явились по вторичному вызову, суд оставит заявление без рассмотрения.

Приведем пример из судебной практики.

Иванова Я.В., Иванов А.С. обратились в суд иском к Соломенцеву А.А., Соломенцеву В.А., указав, что в ходе выполнения кадастровых работ с уточнением местоположения границ и площади земельного участка с к/н № расположенного по адресу: <адрес>, кадастровым инженером выявлено несоответствие сведениям, содержащимся в ЕГРН, местоположения границ земельного участка с к/н №, расположенного по адресу: <адрес> Выявленное несоответствие является реестровой ошибкой, наличие которой препятствует истцам в осуществлении кадастрового учета земельного участка. Истцы просили исключить из ЕГРН сведения об описании местоположения границ земельного участка ответчиков.

Истцы Иванова Я.В., Иванов А.С., ответчики Соломенцев А.А., Соломенцев В.А. в судебное заседание не явились, о времени и месте рассмотрения дела извещены надлежащим образом.

В судебном заседании до перерыва представитель ответчиков по доверенности Торопцев К.Н., представитель истцов по доверенности Рубина А.А., действующая также в качестве третьего лица по делу, выразили намерение пройти процедуру медиации. После перерыва в судебное заседание не явились, представили письменные заявления с просьбами утвердить мировое соглашение, заключенное по результатам процедуры медиации, на основании ст.ст. 35, 39, 173 ГПК РФ, и на основании ст. 220 ГПК РФ прекратить производство по делу. Последствия прекращения производства по делу в связи с заключением мирового соглашения, предусмотренные в ст. 221 ГПК РФ, им

разъяснены и понятны. На основании ч. 3 ст. 153.10 ГПК РФ просили рассмотреть дело в их отсутствие.

Из представленных суду медиативного и мирового соглашений следует, что стороны приняли решение урегулировать спор на следующих условиях:

«…3.1 Соломенцев А.А., Соломенцев В.А. признают наличие реестровой ошибки в сведениях ЕГРН сведения об описании местоположения границ земельного участка с к/н №, расположенного по адресу: <адрес>, и не возражают относительно исключения из ЕГРН сведения об описании местоположения границ данного земельного участка;

3.2. Иванова Я.В., Иванов А.С. принимают на себя обязательство при подготовке межевого плана в связи с уточнением местоположения границы и площади земельного участка с к/н №, расположенного по адресу: <адрес> от границ земельных участков, принадлежащих на праве собственности Соломенцеву А.А., Соломенцеву В.А., с к/н №, расположенного по адресу: <адрес>, и с к/н №, расположенного по адресу: <адрес>, обозначенных на местности бетонной отмосткой, проходящей по тыльной (задней) стороне гаража, отступить 3 (три) метра для предоставления возможности Соломенцеву А.А., Соломенцеву В.А. организовать проезд к земельному участку с к/н №, расположенному по адресу: <адрес>….

6. Расходы, понесенные Сторонами в связи с рассмотрением данного дела в суде остаются на сторонах…».

В ходе рассмотрения спора судом, по результатам проведения процедуры медиации, стороны выразили намерение заключить мировое соглашение на вышеприведенных условиях.

На основании ч. 1 ст. 153.5 ГПК РФ стороны вправе урегулировать спор путем проведения процедуры медиации в порядке, установленном настоящим Кодексом и федеральным законом.

Согласно ч. 3 ст. 12 Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ 2Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством или законодательством о третейских судах, законодательством о международном коммерческом арбитраже.

В соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 39 ГПК РФ стороны могут окончить дело мировым соглашением. Суд не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

В соответствии со ст. 220 ГПК РФ суд прекращает производство по делу в случае, если: стороны заключили мировое соглашение и оно утверждено судом.

В силу ч. 3 ст. 173 ГПК РФ при утверждении мирового соглашения сторон суд выносит определение, которым одновременно прекращается производство по делу.

Учитывая просьбу сторон об утверждении мирового соглашения, а так же то, что мировое соглашение на условиях, предложенных сторонами, не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц, суд полагает возможным утвердить мировое соглашение.

При таких обстоятельствах производство по делу подлежит прекращению в соответствии со ст. 220 ГПК РФ.

Суд определил утвердить мировое соглашение по результатам проведения процедуры медиации по гражданскому делу по иску Ивановой Яны Викторовны, Иванова Алексея Сергеевича к Соломенцеву Андрею Анатольевичу, Соломенцеву Владимиру

Анатольевичу об исключении из Единого государственного реестра недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка на следующих условиях:

Определение об утверждении мирового соглашения подлежит немедленному исполнению и может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного месяца со дня вынесения такого определения [3].

Вместе с тем, в деле востребованности альтернативных способов урегулирования конфликтов, правда, есть сложности, связанные с пока ещё низкой информированностью общества о процедурах примирения и невысокой популярностью такого способа разрешения межличностных конфликтов, как обращение к медиатору.

Во многом причина кроется в юридической безграмотности населения, низком уровне правовой культуры и правосознания огромной массы россиян. Есть и социально-психологические причины: боязнь осуждения со стороны соседей, родственников и коллег за «вынесение сора из избы»; недоверие к возможностям специалистов-посредников или сомнение в их беспристрастности; нежелание потратить свои скудные сбережения на оплату труда медиаторов при непонимании, что судебные издержки или обострение конфликта обойдутся куда дороже.

Ощущается и недостаток в хорошо подготовленных (не только юридически подкованных, но и психологически готовых к чуткой и деликатной работе с людьми) кадров медиаторов.

Конечно, работа по устранению этих причин одно время велась достаточно активно. С 2010 г. осуществляется целенаправленная подготовка медиаторов, с 2008 г. издавался профессиональный журнал для медиаторов – «Медиация и право. Посредничество и примирение» (всего вышло 45 его номеров). Регулярно проводятся научные и научно-практические конференции международного, всероссийского, межрегионального и регионального уровней, хотя в настоящее время поддержка института медиации со стороны российских властей активностью не отличается.

Ведётся и планомерная работа по правовому обучению школьников на уроках права и обществознания, студентов в рамках преподавания курсов правоведения на всех направлениях подготовки.

В заключение отметим, что имеющийся опыт применения примирительных процедур свидетельствует о значимости данного института для современного российского общества, а также определяет перспективные направления для совершенствования законодательства, для того чтобы медиативная практика постепенно становилась частью повседневной культуры урегулирования спора.

Литература

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. − 2010. − № 31. − Ст. 4162.

2. Постановление Президиума Липецкого областного суда по отчету об итогах работы судебной коллегии по гражданским делам за 6 мес. 2021 г. // URL: http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=3198 (дата обращения 20.10.2021).

3. Определение Грязинского городского суда Липецкой области по делу № 2-1465/2021 от 15 октября 2021 г. // URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/63190224 9дата обращения 20.10.2021).

4. Дьяконова О.Г. Перспективы использования альтернативных способов урегулирования споров (медиации) в исполнительном производстве / О.Г. Дьяконова // Российский судья. − 2013. − № 10. − С. 18-21.

5. Калинина, Е.В. Становление и развитие медиации в России (на примере Липецкой области) / Е.В. Калинина // Теоретико-правовые аспекты государственного строительства и особенности их реализации в Российском государстве. Липецк, 2014. С. 39-40.

6. Жирков, В.Н. Мировое соглашение как способ урегулирования гражданско-правовых споров в гражданском судопроизводстве / В.Н. Жирков // Российский юридический журнал. − 2010. − № 2. − С. 72 – 79.

7. Михайлова Е.В. Урегулирование споров в системе защиты гражданских прав / Е.В. Михайлова // Нотариальный вестник. − 2021. − № 6. − С. 28 – 37.

8. Романов А.А. О некоторых актуальных вопросах медиации и судебного представительства в гражданском и арбитражном процессах / А.А. Романов // Арбитражный и гражданский процесс. − 2021. − № 2. − С. 51 – 54.

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

УДК 341

ДОГОВОРНАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Мансуров Умед Абдуфаттохович
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
и сравнительного правоведения, Российско-Таджикский (Славянский) университет,
Душанбе, Республика Таджикистан, e-mail: oumed_74@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с договорной правоспособностью Республики Таджикистан. Автор ставит своей целью общие и специфические качеств договорной правоспособности Республики Таджикистан. В процессе исследования использованы общенаучные (диалектика, абстрагирование, анализ и синтез) и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, формально-юридический и технико-юридический). Обосновывается что договорная правоспособность является неотъемлемым элементом международной правосубъектности государств; определены понятия и виды международных договоров, участником которых является Республика Таджикистан. **Выводы:** Республика Таджикистан обладает договорной правоспособностью, иными словами, обладает правом на заключение международных договоров, на участие в процессе создания международно-правовых норм в качестве субъекта международного права. По международному договору приобретает права и принимает на себя обязательства.

Ключевые слова: договорная правоспособность; международный договор; международная правосубъектность; Республика Таджикистан.

THE CAPACITY OF REPUBLIC OF TAJIKISTAN TO CONCLUDE TREATIES

U.A.Mansurov
PhD in law, associate Professor, Vice-rector of International relations of RTSU,
Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025, e-mail: oumed_74@mail.ru

Introduction: the article considers the issues related to the capacity of the Republic of Tajikistan to conclude treaties. **Goal:** research of general and specific features of the capacity of the Republic of Tajikistan to conclude treaties. **Methods:** general scientific (dialectics, abstraction, analysis and synthesis) and private scientific research methods (comparative legal, formal legal and technical legal). **Results:** was substantiated the thesis that the capacity of states to conclude treaties is an integral element of the international legal personality of states; were defined the concepts and types of international agreements where the Republic of Tajikistan is a participant. **Conclusion:** The Republic of Tajikistan has the capacity to conclude treaties, in other words, it has the right to conclude international treaties, to participate in the process of creating international legal norms as a subject of international law, to acquire rights and assume obligations under an international treaty.

Key words: the capacity to conclude treaty; international agreement; international legal personality; Republic of Tajikistan.

Договорная правоспособность является важнейшим элементом международной правосубъектности государства. Юридическая способность заключать договоры является неотъемлемым свойством (качеством) суверенного государства.

Договорная правоспособность государств – право государств заключать международные договоры, т. е. участвовать в процессе создания международно-правовых норм в качестве субъекта международного права, приобретать права и принимать на себя обязательства по договору.

В современном мире роль договоров постоянно возрастает, они обладают преимуществом писаного права (jus scriptum), что соответствует требованиям укрепления международных отношений. Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 года признала «все возрастающее значение договоров как источника международного права и как средства развития мирного сотрудничества между нациями, независимо от различий в их государственном и общественном строе…» [1]. В. М. Профессор Шуршалов отмечал, что «международный договор может содействовать развитию плодотворного экономического, политического и культурного сотрудничества между государствами и, таким образом, играть прогрессивную роль»[13, с.5].

Международный договор — достигнутое в итоге переговоров явно выраженное соглашение между двумя или несколькими субъектами международного права, прежде всего между государствами, призванное регулировать их взаимоотношения путем создания (установления) взаимных прав и обязанностей. Международный договор имеет самые различные наименования: договор, соглашение, конвенция, пакт, устав, статут, хартия, коммюнике, протокол и др. Независимо от своего конкретного наименования все договоры имеют одинаковую юридическую силу.

В связи с большим значением международных договоров во взаимоотношениях между государствами их заключение относится к числу основных прав государства. Государство, чтобы стать полноправным участником международного общения, должен обладать способностью заключать договоры с другими субъектами международного права, ибо, как отмечает М.В. Кучин, «отношения между субъектами современного международного права базируются на договоре» [9, с.6]. Именно сотрудничество, выраженное в договорах, определяет взаимодействие субъектов международного права.

Право заключать международные договоры принадлежит всем суверенным государствам. Это положение зафиксировано в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года: «Каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры» (ст. 6) [1]. Способность заключать договоры является неотъемлемым атрибутом суверенитета государства, от которого государство не может отказаться, кроме как на основе равенства государств и взаимности [7, p.104]. Известный российский юрист-международник профессор И.И Лукашук подчеркивает, что «все государства являются равно суверенными, обладают одинаковыми суверенными правами и соответствующей договорной правоспособностью» [10, с.104].

Все государства обладают равным правом участвовать в решении международных проблем, в которых они законно заинтересованы. В Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. говорится: «Все государства юридически равноправны и как равноправные члены международного сообщества имеют право полностью и эффективно участвовать в международном процессе принятия решений...» [6].

Государство в силу своего суверенитета вправе участвовать в любом правомерном договоре. В соответствии с принципом суверенного равенства все государства «имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера» [2, с.10].

Таджикистан обладает неотъемлемым правом заключать международные договоры, соответствующие его интересам, поскольку является суверенным государством,

полноправным субъектом международного права и наделен определенными международными правами и обязанностями, а также способен их самостоятельно осуществлять. Еще в 1990 году в Декларации о государственном суверенитете Республика Таджикистан провозгласила, что «являясь самостоятельным субъектом международного права, устанавливает дипломатические, консульские, торговые и иные связи с иностранными государствами, обменивается с ними полномочными представителями, заключает международные договоры» [3].

С начала 90-х гг. XX века Республика Таджикистан выступает активным членом мирового сообщества, осуществляя свою внешнюю политику на основе многостороннего и двустороннего сотрудничества. Молодое суверенное государство осуществляет масштабную международно-договорную деятельность. За годы независимости накоплен весьма важный опыт, международная договорно-правовая деятельность стала одним из основных направлений внешней политики страны. Согласно данным договорно-правового управления МИД РТ, по состоянию на май 2020 года Таджикистан является участником 2637 международных договоров.

Внешняя политика Республики Таджикистан исходит из принципа признания и приверженности страны межгосударственным договорам и общепризнанным нормам международного права [4].

В ст. 11 Конституции провозглашено: «Таджикистан определяет свою внешнюю политику на основе международных норм». Здесь, скорее всего, под международной нормой подразумевается норма международного права, которая определяется как формально определенное, юридически обязательное к исполнению правило поведения государств и других субъектов международного права, устанавливающее для них права и обязанности, соблюдение которого обеспечивается специальным юридическим механизмом (добровольное соблюдение или с помощью особого вида принуждения, сложившегося в современной межгосударственной системе) [11, с.46].

Законодательство Республики Таджикистан о международных договорах основывается на Конституции Республики Таджикистан 1994 года и состоит из Закона о международных договорах Республика Таджикистан 2016 года, других нормативных правовых актов Республики Таджикистан, а также международных правовых актов, признанных Таджикистаном, прежде всего Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, к которой РТ присоединилась 11 марта 1996 г.

Одну из характерных черт субъекта международного права составляет его способность к выработке норм международного права. Республика Таджикистан активно участвует в международном нормотворческом процессе. Это находит свое выражение в участии делегаций Таджикистана на международных конференциях по выработке положений международных договоров, в присоединении нашего государства к действующим многосторонним международным договорам, в подготовке и подписании двусторонних договоров. Договорной процесс дает возможность Таджикистану участвовать в создании норм международного права, обсуждать затрагиваемые проблемы, согласовывать позиции, находить баланс интересов. Например, Республика Таджикистан, являясь активным участником мирового сообщества в решении водных проблем, предлагает на специальной конференции ООН выработать и принять Международную Конвенцию по воде с целью определения принципов международного водного права, обеспечивающих интересы всех государств-потребителей [8].

Таджикистан, при заключении договоров, придает приоритетное значения международным договорам, которые позволяют обеспечить устойчивое развитие и безопасность страны, ее стабильность, содействуют вхождению страны в мировую экономическую

систему. Интеграция Таджикистана в мировую экономику основывается на признании экономической взаимозависимости государств в современном мире, развитии партнерских внешнеэкономических отношений на взаимовыгодной основе, широком международном сотрудничестве в целях доступа к опыту, технологиям, инвестициям развитых государств, формировании благоприятных условий для международной торговли.

В зависимости от количества сторон международные договора принято делить на двусторонние и многосторонние (универсальные).

Основную массу составляют двусторонние договоры, их количество можно измерять десятками тысяч. Республика Таджикистан является участником двусторонних договоров, она заключила более 2273 двусторонних договоров. Например, один из поздних договоров - это Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации о строительстве и материально-техническом оснащении образовательных учреждений в городах Душанбе, Куляб, Худжанд, Бохтар и Турсунзаде, осуществляющих обучение на русском языке.

Среди многосторонних договоров различают договоры с ограниченным числом участников и общие (универсальные) договоры. Примером ограниченных многосторонних договоров, участником которых является Таджикистан, могут служить Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, Устав СНГ от 22 января 1993 года и др.

Общие многосторонние (универсальные) договоры представляют собой договоры, которые касаются кодификации и прогрессивного развития международного права или объект и цель которых представляют интерес для международного сообщества в целом. Примерами многосторонних договоров (универсальных) являются Устав ООН, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года, Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года, Международные пакты о правах человека 1966 года и другие.

Таджикистан является участником 364 многосторонних договоров. В 90-х годах прошлого столетия Таджикистан присоединился к целому ряду многосторонних договоров, в том числе к Венским конвенциям о дипломатических сношениях 1961 года, о консульских сношениях 1963 года, к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года.

Сфера международной договорной практики Таджикистана расширяется, охватывая все стороны международной жизни: политику, экономику, культуру, гуманитарную и правовую сферу. Обычно 1/4 часть всех заключаемых государством договоров приходится на политические, 2/4 часть на торгово-экономические, ¼ часть по специальным вопросам (наука, образование, культура, правовые вопросы и др.).

К политическим договорам относятся договоры о ненападении, об установлении дипломатических и консульских отношений, договоры по территориальным вопросам и другие. Примером политических договоров Таджикистана являются:

- Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией от 25 мая 1993 г.,
- Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Таджикистан и Республикой Казахстан от 14 сентября 2015 года,
- Договор о вечной дружбе между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан 15 июня 2000 года.
- Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Республики Беларусь 5 апреля 2000 года,
- Совместное заявление о дружбе и сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Японией 16 мая 2001 года.

• Совместная декларация между Республикой Таджикистан и Республикой Индия о дружбе и сотрудничестве от 14 ноября 2003 года и др.

К категории договоров по экономическим вопросам относятся соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, о поставках товаров и товарообороте, о платежах, расчетно-кредитные договоры, о защите промышленной собственности, договоры во избежание двойного налогообложения и другие. К экономическим договорам Республики Таджикистан можно отнести:

• Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве между Правительством Республики Таджикистан и Швейцарским Федеральным Советом от 15 июля 2011 года,

• Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Корея об экономическом и научно-техническом сотрудничестве от 12 апреля 2015 года,

• Соглашение о техническом сотрудничестве между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Японии от 15 февраля 2005 года,

• Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Федеративной Республики Германия о техническом сотрудничестве от 27 марта 2003 года

• Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством США о сооружении моста между Республикой Таджикистан и Исламским Государством Афганистан от 31 декабря 2003 года

• Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации о прядке и условиях долевого участия Российской Федерации в строительстве Сангтудинской ГЭС-1 от 16 октября 2004 года и др.

Международные договоры по специальным вопросам заключаются в области транспорта, сельского хозяйства, образования, науки и культуры, здравоохранения, о правовой помощи, заключаются консульские конвенции. Республика Таджикистан является участником следующих международных договоров по специальным вопросам:

• Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области культуры и искусства от 15 июня 1996 года,

• Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством США о сотрудничестве в сфере контроля за наркотиками и сотрудничестве в сфере правоохранительных органов от 27 января 2003 года,

• Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Индия о сотрудничестве в области туризма от 14 ноября 2003 года

• Договор между РТ и РФ об урегулировании вопросов двойного гражданства 7 сентября 1995 года.

• Соглашение между правительствами РТ и РФ об условиях учреждения и деятельности в г. Душанбе Российско-Таджикского (Славянского) университета 10 июня 1997 года и др.

В теории международного права договоры по срокам действия делятся на срочные, без указания срока действия, бессрочные. Многие договоры Таджикистана с иностранными государствами содержат положение о сроках действия. Вместе с тем в них предусмотрен механизм продления срока действия (пролонгация). Так, Соглашение между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией о статусе и условиях пребывании российской военной базы на территории Республики Таджикистан заключен на срок

42 года и автоматически продлевается на последующие 5-летние периоды, «если ни одна из Сторон не позднее, чем за один год до истечения первоначального или любого последующего периода его действия не направит другой Стороне письменное уведомление о своем намерении прекратить его действие» [5].

В зависимости от уровня, на котором заключен международный договор, различаются договоры:

- межгосударственные (Договор о дружбе и взаимной помощи между РТ и РФ 1993 г.)
- межправительственные (Соглашение между правительствами РТ и РФ об условиях учреждения и деятельности в г. Душанбе Российско-Таджикского (Славянского) университета)
- межведомственные (Меморандум об итогах переговоров между министерством экономики и торговли Республики Таджикистан и Министерством промышленности и торговли Чешской Республики о сотрудничестве в области энергетики 2004 г.)

Как правило, заключению договора предшествует договорная инициатива, т.е. предложение одного государства или группы государств заключить определенный договор с одновременным представлением проекта текста договора. Такие действия облегчают процесс заключения договора, прежде всего работу над самим текстом. Выдвижение договорной инициативы – это акт волеизъявления государства, выражение его позиции относительно целесообразности договорного урегулирования определенной проблемы международных отношений [12, с.15]. Так, по инициативе Таджикистана в рамках ШОС на Ташкентском саммите 17 июня 2004 г. государствами-членами было подписано Соглашение о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Тем самым Таджикистан реализовал свое право выступить с инициативой о заключении многостороннего договора в международной организации.

На основе проведенного исследования можно сделать следующий вывод. Республика Таджикистан обладает договорной правоспособностью, иными словами, обладает правом на заключение международных договоров, на участие в процессе создания международно-правовых норм в качестве субъекта международного права, приобретает права и принимает на себя обязательства по международному договору. Республика Таджикистан выступает за неукоснительное соблюдение договорно**-**правовых норм международного права, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права - принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Литература

1. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. // Международное право в документах. Душанбе: Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан, 2011. URL: https://www.un.org/ru/documents/ shtml (дата обращения 15.10.2021).

2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. // Международное право в документах. Душанбе: Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан, 2011. URL: https://www.un.org/ru/documents/ shtml (дата обращения 15.10.2021).

3. Декларация о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики (в редакции постановления Верховного Совета РТ от 09.09.1991г.№391) // Информационно-правовая система «Адлия».

4. Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 года // Официальный сайт МИД РТ. Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan (дата обращения 18.06.2021).

5. Соглашение между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией о статусе и условиях пребывании российской военной базы на территории Республики Таджикистан // Информационно-правовая система «Адлия».

6. Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 Официальный сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.sht.

7. Dörr O. The Vienna Convention on the Law of Treaties Commentary. −2018. −1423 p.

8. Выступление Э. Рахмона на первом Азиатско-тихоокеанском водном саммите. Режим доступа: http: // www.president.tj/rus/novostee_031207.htm.

9. Кучин М.В. Договорная правоспособность Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Кучин, Михаил Викторович. − Казань,1994. – 16 с.

10. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. − Т. II. − М.: Волтерс Клувер, 2006. – 496 с.

11. Международное право: учебник / под. общ. ред. А.Я Капустина. − М.: Гардарики, 2008. − 617 с.

12. Ульянова Н.Н. Договорные инициативы СССР - важный фактор укрепления мира. / Ульянова Н.Н. - М.: Междунар. отношения, 1983. - 72 с.

13. Шуршалов В. М. Основные вопросы теории международного договора: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук.12.00.10 / Шуршалов, Владимир Михайлович. − М., 1958. − 35 с.

УДК 341

ДОГОВОРНАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ТАДЖИКСКОЙ ССР В СОСТАВЕ СССР

Мансуров Умед Абдуфаттохович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. Настоящая статья посвящена договорной правоспособности субъекта федерации на примере Таджикской ССР – бывшей союзной республики СССР. III Чрезвычайный съезд Советов СССР 16 октября 1929 г. утвердил Декларацию о преобразовании Таджикской Автономной ССР в Таджикскую ССР. Таджикская ССР стала седьмой союзной республикой в составе СССР. Территория Таджикской ССР составила 142,5 тыс. км, население 1 млн. 150 тыс. человек, 72% населения которого составляли таджики.

Ключевые слова: международная правосубъектность, правосубъектность союзной республики, международный договор.

CONTRACT LEGAL CAPACITY OF THE TAJIK SSR IN THE USSR

Mansurov Umed Abdufattokhovich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law and Comparative Law, Russian-Tajik (Slavonic) University, Republic of Tajikistan

Annotation. This article is devoted to the contractual legal capacity of a constituent entity of the federation on the example of the Tajik SSR - the former union republic of the USSR. The III Extraordinary Congress of Soviets of the USSR on October 16, 1929 approved the Declaration on the Transformation of the Tajik Autonomous SSR into the Tajik SSR. The Tajik SSR became the seventh union republic within the USSR. The territory of the Tajik SSR was 142.5 thousand km, the population was 1 million 150 thousand people, 72% of the population of which were Tajiks.

Key words: international legal personality, legal personality of a union republic, international treaty.

Вопрос о наличии у субъектов федераций международной правосубъектности в науке конституционного, международного и общей теории права остаётся дискуссионным и требует отдельного исследования. Ряд ученых считают, что субъекты СССР обладали международной правосубъектностью, другие считают, что их правосубъектность была ограничена или носила декларативный характер [9; 14; 15; 18; 19; 5].

Как известно, государство является полноправным субъектом международного права, если оно обладает определенным кругом внешнеполитических полномочий или группами полномочий по установлению непосредственных контактов с иностранными государствами, заключению международных договоров, обмену дипломатическими и консульскими представителями, участию в деятельности международных организаций.

Все вышеперечисленные группы внешнеполитических полномочий можно назвать элементами международной правосубъектности союзной республики. Рассмотрим элемент, который имеет отношение к теме настоящего исследования – заключение международных договоров.

Договорная правоспособность государств в данном случае понимается, как право государств заключать международные договоры, т. е. участвовать в процессе создания международно-правовых норм в качестве субъекта международного права, приобретать права и принимать на себя обязательства по договору.

Субъектами международных договоров могут быть как унитарные, так и федеративные государства. Унитарное государство, например, современный Таджикистан участвует в международных отношениях как единое государство, и вопроса о международной правосубъектности его составных частей, т.е. административно-территориальных подразделений не возникает. Государства — члены федерации могут обладать правоспособностью заключать международные договоры, если такая правоспособность признается федеральной конституцией, и в пределах, ею установленных. Это является внутренним делом государств. Во всяком случае, современное международное право не знает нормы, которая бы ограничивала договорную правоспособность членов федерации. Дискуссия, которая имела место по этому вопросу в Комиссии международного права и на Венской конференции ООН по праву договоров, подтвердила это, и ст. 6 Венской конвенции была принята именно в таком понимании.

В ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года говорится, что «Каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры» [3]. Способность заключать договоры является неотъемлемым атрибутом суверенитета

государства, от которого государство не может отказаться, кроме как на основе равенства государств и взаимности [1, P/143].

Общее правило относительно участия членов федерации в международных договорах было сформулировано Комиссией международного права ООН в проекте статей о праве договоров. В ст. 5 говорилось: «Государства — члены федеративного союза могут обладать правоспособностью заключать договоры, если такая правоспособность допускается федеративной конституцией и в пределах ею установленных». По мнению Комиссии, не существует нормы международного права, которая препятствовала бы наделению государств, образовавших федерацию, полномочиями заключать договоры с третьими государствами. Из-за оппозиции ряда (в том числе и федеративных) государств предложенная Комиссией статья не собрала необходимого для принятия большинства голосов на Венской конференции по праву договоров 1968 — 1969 гг. Тем не менее предложенное Комиссией положение является на сегодняшний день наиболее авторитетным правилом относительно участия членов федерации в международных договорах.

В целом, международное право не регулируют вопросы международной правоспособности субъектов федеративных государств, а лишь ссылается на внутригосударственное законодательство как источник такого регулирования. Так, в соответствии с заключением Комиссии международного права ООН государства члены федерации могут обладать способностью заключать международные договоры, если такая способность допускается федеральной Конституцией в установленных ею пределах. Следовательно, международное право установило общее правило, дав возможность решать эти вопросы в рамках национального законодательства.

Действительно, в большой степени, все вопросы, касающиеся правового регулирования участия субъектов федерации в международной деятельности, осуществляется в рамках внутригосударственного законодательства. Распределение и установление полномочий субъектов федерации на участие международных и внешнеэкономических связях, как правило, определяется основным законом федеративного государства, то есть федеральной конституцией, и конкретизируется федеральным законодательством, а в некоторых случаях и определяется по специальной договорённости между центральной властью и субъектами федерациями. Тем не менее, объём предоставляемых таких прав и обязанностей на осуществление международной деятельности в федеративных государствах неоднородный.

По общему правилу, во всех федерациях внешнеполитическая функция находится в ведении федерального правительства. По отдельным вопросам Конституции федеративных государств предоставляют возможность заключать международные соглашения, участвовать в деятельности международных и региональных организаций, а также открывать свои представительства на территории иностранных государств [11, с. 104].

Вместе с тем, практика большинства государств показывает, что члены федерации не обладают договорной правоспособностью. Так, Конституция США, перечисляя права, которых лишены штаты, называет прежде всего право заключать международные договоры (ст. I). Это положение является общепризнанным и в американской правовой теории. В других федеративных государствах (Аргентине, Бразилии, Мексике, Канаде, Австралии, Индии, Пакистане и т.д.) члены федерации по конституции также не обладают никакими правами в области международных отношений, в том числе и правом заключать международные договоры. Все полномочия по заключению и даже осуществлению международных договоров целиком находятся в руках федерации. И федерация как таковая здесь выступает субъектом международных договоров. Исключение составляют федерации — Швейцария и Федеративная Республика Германии,

конституции которых (ст. 9 и 32 соответственно) предоставляют право кантонам и землям заключать договоры по некоторым вопросам.

Советских юристы-международники утверждали, что Советский Союз — федерация иного рода, что Конституция СССР 1977 года отражала особенности устройства СССР как единого союзного многонационального государства, образованного на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных советских социалистических республик (ст. 70). В Советском Союзе суверенными являлись как федерация в целом (Союз ССР), так и входящие в его состав союзные республики.

Разграничение полномочий между органами Союза ССР и союзных республик в области внешних сношений определялся Конституцией СССР. Так, согласно ее ст. 73, в компетенцию Союза ССР входило, в частности, представительство СССР в международных отношениях; связи СССР с иностранными государствами и международными организациями; установление общего порядка и координация отношений союзных республик с иностранными государствами и международными организациями; внешняя торговля и другие виды внешнеэкономической деятельности на основе государственной монополии.

Согласно ст. 80 Конституции СССР 1977 года, каждая союзная республика имела право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций. Вне пределов компетенции Союза ССР союзная республика самостоятельно определяла конкретное содержание и формы своей международной деятельности, руководствуясь целями, задачами и принципами внешней политики, определенными Конституцией СССР.

Таким образом, советская доктрина международного права исходила из того, что и Союз ССР в целом, и каждая входящая в его состав союзная республика являлись субъектами международного права [10, с.168].

Советские ученые полагали, что права советских союзных республик на участие в договорных отношениях были наиболее широки. В соответствии с конституционным правом СССР союзные республики — суверенные советские социалистические государства, добровольно, на основе свободного самоопределения народов и равноправия объединившиеся в Союз ССР. Союзные республики обладали всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов полномочий, переданных ими в ведение Союза. Они имели право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами, осуществлять внешнеэкономические связи и участвовать в деятельности международных организаций. Однако осуществление этого права не могло противоречить законам СССР и его международным обязательствам. СССР устанавливал общий порядок взаимоотношений союзных республик с иностранными государствами и международными организациями, осуществлял общее руководство внешнеэкономической деятельностью.

Как свидетельствует опыт, только Украинская ССР и Белорусская ССР активно участвовали в работе международных организаций системы ООН и являлись сторонами в заключаемых под ее эгидой договорах. Международные связи других республик были менее развиты.

Практике некоторых федераций известны соглашения, заключаемые ее членами друг с другом и самой федерацией. Такие соглашения действуют в рамках национальных правовых систем. В той мере, в какой их действие не урегулировано национальным

правом, к ним могут применяться правила, содержащиеся в нормах права международных договоров. Однако в данном случае речь идет о применении норм иной правовой системы по аналогии, а не как таковых. К такому выводу пришла и Комиссия международного права [10, с.19-20].

Примером участия членов федерации в международных договорах может служить СССР. Союзные республики, согласно Конституции СССР, являлись суверенными советскими социалистическими государствами (ст. 76), следовательно, полноправными субъектами международного права, а Союз ССР есть результат «свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (ст. 70).

Союзные республики эти полномочия имели. Они их имели уже в соответствии с Конституцией СССР 1977 г. и конституциями союзных республик, которые модифицировали формулировки о внешнеполитических полномочиях, привели в юридическое соответствие фактическое участие союзных республик в деятельности международных организаций в период до 1977 г. (ст. 75 Конституции Таджикской ССР 1978 г).

По мнению Сарсембаева М.А., в федеративном Союзе полномочия по заключению международных договоров практически в полном объеме принадлежали Союзу: если Союз ССР по состоянию на 1991 год подписал более 15000 договоров и соглашений, то республики Средней Азии и Казахстан заключили примерно 50 соглашений, или 0,03 % от общего числа договоров СССР, причем значительная часть международных договоров была подписана республиками в год перестройки и к тому же часто вопреки желанию Центра [16, с.28].

Конституционной гарантией суверенитета союзных республик было положение о том, что вне пределов, обозначенных в ст. 73 Конституции СССР, союзная республика государственную власть на своей территории осуществляла самостоятельно. Согласно ст. 81 Конституции СССР, Союз ССР охранял суверенные права союзных республик. Гарантией суверенных прав союзных республик является право их свободного выхода из Союза (ст. 69 Конституции Таджикской ССР 1978 года, а также Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г.). К гарантиям суверенитета союзных республик относилось и право союзной республики участвовать в решении вопросов, которые были отнесены к ведению Союза ССР.

Включение в текст Конституции 1977 г. и конституций союзных республик специальных глав, посвященных внешнеполитической деятельности советского государства в целом и каждой республики в отдельности, должно было показывать стремление СССР и союзных республик действовать на международной арене в соответствии с принципами современного международного права, которые сформулированы в главе о внешней политике СССР.

Так же как Союз ССР, каждая союзная республика строила свои отношения с другими государствами на основе нашедших отражение в ст. 29 Конституции СССР международно-правовых принципов суверенного равенства, взаимного отказа от применения силы или угрозы сил, нерушимости границ, территориальной целостности государства, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничества между государствами, добросовестного выполнения договорных обязательств.

Определенного внимания заслуживает Соглашение между СССР и Афганистаном о приграничной торговле от 3 апреля 1981 г., которое стало правовой основой для подписания протоколов о взаимном обмене товаров приграничных с Афганистаном

среднеазиатских республик. На основе данного соглашение, взаимный обмен товарами народного потребления и хозяйственного назначения производились на основе контрактов, заключаемых между потребительскими союзами Узбекской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР с советской стороны и соответствующими уполномоченными хозяйственными организациями с афганской стороны. К примеру, оборот приграничной торговли Таджикистана с Афганистаном по данным на 1982-1983 гг. составил почти 3 млн. долларов; по состоянию на 1 января 1984 г. - 3,5 млн. долларов. Это стало возможным благодаря подписанному в сентябре 1982 г. Протоколу об организации приграничной торговли между Таджикпотребсоюзом и «Дусти» (торгово-оптовой организацией Афганистана). С начала 80-х годов Таджикская ССР осуществляла товарный оборот с Афганистаном по несколько миллионов долларов ежегодно [16, с.145].

Приграничные торговые отношения были разновидностью прямых связей республик региона с сопредельными странами. Это торговое сотрудничество было взаимовыгодным, оно расширяло ассортимент товаров розничной торговой сети союзных республик региона, способствовало нормализации отношений между странами.

Таджикская ССР принимала активное участие в перестройке внешнеэкономических связей, в осуществлении прямых связей с зарубежными партнерами, в создании совместных предприятий, в законотворчестве по внешнеэкономической деятельности республики. Осуществлялись научно-технические связи республики с зарубежными странами. Международные научные связи осуществлялись в форме заключения двусторонних межведомственных соглашений между министерствами, академиями наук и установления договорных связей о научном сотрудничестве между вузами и научно-исследовательскими институтами. Расширялись международные связи в области туризма и спорта.

С созданием Союза ССР ему было добровольно передано ведение всех международных сношений. Этим, как отмечали В. М. Корецкий, И. И. Лукашук и другие советские юристы-международники, не прекращалась международная правосубъектность союзных республик. Передавалось лишь осуществление связанных с субъектностью прав и обязанностей, а также предусматривалась возможность заключения Союзом ССР договоров от имени союзной республики. Заключенные ранее союзными республиками международные договоры сохраняли на их территории прежнюю силу, с тем чтобы дальнейшее проведение их в жизнь передавалось Союзу ССР.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов побудила внести некоторые изменения в порядок ведения международных сношений союзных республик. Уже в ходе войны внешнеполитические задачи потребовали непосредственного участия союзных республик в осуществлении внешней политики СССР. В этих целях законом от 1 февраля 1944 г., содержание которого было воспроизведено в Конституции СССР 1936 г. (ст. 18-а и 60, п. «д»), а также в конституциях союзных республик, было установлено, что каждая союзная республика «имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями» [7].

Основной закон советского государства 1977 г., конституции союзных республик 1978 г. подтвердили внешнеполитические полномочия союзных республик, осуществляемые ими непосредственно, и несколько расширили объем внешнеполитической компетенции республик. Так, ст. 75 Конституции Таджикской ССР 1978 года гласила, что республика «имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций» [8].

Таджикская ССР не обладала полноценными возможностями являться членом международных организаций в силу ее ограниченной правоспособности на заключение договоров. Советские союзные республики фактически не обладали качественной международной правосубъектностью в силу имеющегося «несовершенного суверенитета» у союзных республик и с учетом того, что в Конституции СССР отсутствовало подробное разъяснение политико-юридических свойств суверенитета союзных республик в контексте предоставления союзным республикам полномочий во внешних сношениях.

Противоположно мнение Т.Б. Акбарова, который считал, что поскольку государственный суверенитет представляет собой важнейшую основу международной правосубъектности, которая вытекает не из факта международного признания, а из наличия суверенных прав, совершенно очевидно, что наличие таких прав определяет и решение вопроса о международно-правовом статусе советской союзной республики [2, с.310].

Коллизии при образовании ООН послужили мощным катализатором изменений во внешнеполитических структурах Советского Союза. На 10-й сессии Верховного Совета Союза ССР 1 февраля 1944 г. был принят Закон СССР «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский» [13]. Согласно положениям данного Закона, республики должны были получить право самостоятельно выступать в международных отношениях.

Еще одним интересным и на наш взгляд очень важным признаком суверенитета явился то, что Таджикская ССР, а также другие советские республики могли вступить в непосредственное сношение с иностранными государствами, заключать с ними соглашения, обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Это право было закреплено законом СССР от 1 февраля 1944 года. Также Таджикская ССР имела право приема в гражданство. Но поскольку Таджикская ССР являлась субъектом СССР, каждый гражданин Таджикской ССР одновременно являлся гражданином СССР [6, .13].

1 февраля 1944 г. был принят Закон СССР «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный комиссариат».

В связи с принятием Закона в действовавшие Конституцию СССР 1936 г. и конституции союзных республик были внесены соответствующие изменения. Конституции союзных республик гласили, что они имеют право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Аналогичные положения о праве непосредственных внешних сношений союзных республик были закреплены в ст. 16-а Конституции Таджикской ССР 1937.

Политико-правовое значение закона СССР от 1 февраля 1944 г. состояло в том, что с его принятием у каждой союзной республики появилась возможность реализации международной правосубъектности не только через общесоюзные органы, но и в непосредственной форме.

Непосредственная международная правосубъектность союзных республик, в том числе Таджикской ССР, возникла благодаря Закону СССР от 1 февраля 1944 года «О представлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат». Принятие данного закона было связано с необходимостью обеспечения представительства союзных республик в ООН.

Когда Закон был принят, непосредственные внешнеполитические права республик были включены в тексты Конституций СССР и республик (1936 и 1937 гг.). Но неизменной оставалась статья 15 Конституции СССР 1936 года и после 1944 года, которая утверждала, что вне пределов статьи 14 этой же Конституции союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. Но поскольку в статье 14 оставались «представительство Союза в международных отношениях», «заключение и ратификация договоров с другими государствами», «вопросы войны и мира», «внешняя торговля на основе государственной монополии», «заключение и предоставление займов», то внешнеполитические права республик практически оставались на бумаге. Некоторый либерализм присутствовал в статье 73 Конституции СССР 1977 года, которая зафиксировала наряду с другими правами право СССР «на установление общего порядка и координацию отношений с иностранными государствами и международными организациями». Но следует подчеркнуть, что при всей жесткой централизации управления международными делами республик, в том числе Таджикской ССР, Закон СССР 1944 года, ст. 80 Конституции СССР 1977 года послужили определенной правовой основой осуществления непосредственной международной правосубъектности республик хотя бы в исполнительских формах, а также в создании министерств иностранных дел республик, целого ряда общественных организаций, специально занимавшихся теми или иными видами международной деятельности. Так, 12 мая 1944 г. Верховный Совет Таджикской ССР принял Закон об образовании союзно-республиканского Народного комиссариата иностранных дел Таджикской ССР [4].

Согласно положениям данного Закона республики, должны были получить право самостоятельно выступать в международных отношениях. Так, п. 1 гласил: «Установить, что союзные республики могут вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения»; в п. 3 было записано: «Преобразовать Народный комиссариат иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский». В соответствии с подпунктами «б» — «д» п. 2 Закона действовавшая Конституция СССР 1936 г. была дополнена ст. 18, п. «а»: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения», и п. «д» ст. 60 (о полномочиях республик): «…устанавливает представительство союзной республики в международных сношениях». Позднее эти нормы оставлены и в Конституции СССР 1977 г. (ст. 80) [9]. Изложенные конституционные нормы служили главным доказательством обоснования доктрины о самостоятельности союзных республик в международных отношениях.

С 1944 г. союзные республики начали участвовать в международной деятельности в непосредственной форме. После Великой Отечественной войны СССР возобновил прерванные войной экономические и культурные отношения со многими иностранными государствами.

Однако, в реальной действительности дело обстояло совсем иначе. Вышеуказанный закон содержал и другую принципиально важную норму о внесении дополнений в Конституцию СССР: «установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами». Этот «общий порядок» был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О порядке сношений государственных учреждений и должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств» [12]. В целях «введения единообразного порядка в сношениях» с иностранными государствами и их должностными лицами устанавливалось, что все сношения производятся через МИД СССР (п.1). Всякий иной порядок сношений был возможен по особому разрешению МИД СССР (п. 1 ч. 3).

Данный указ не был отменен и действовал вплоть до прекращения СССР в декабре 1991 г. Это означало, что реализация декларированной в союзной и республиканской конституциях нормы о праве на внешние сношения союзных республик зависела не от воли республик, а от особого разрешения МИД СССР.

Просуществовав четыре года в качестве полноправного внешнеполитического ведомства, МИД Таджикской ССР в 1948 г. свернул свою деятельность до минимума, став, по сути дела, протокольно-консульским учреждением. Достаточно сказать, что в штате было 5-7 сотрудников [17, с.113].

С середины 50-х годов XX века в политике Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) наметились некоторые либеральные тенденции, которые сказались и во внешнеполитической сфере. В этой связи в послевоенное время союзные республики, в том числе Таджикская ССР, начали вступать в непосредственные контакты с зарубежными странами в сфере культуры и экономики, участвовали в выработке и осуществлении внешнеполитического и внешнеэкономического курса Союза ССР. Хотя, как отмечает профессор Сарсембаев М.А., «это участие могло бы быть более углубленным, более демократичным, без жесткого диктата Центра» [16, с.28].

Он же отмечает, что в годы политики перестройки и наметившейся демократизации республики Средней Азии надеялись, что их суверенитет и международная правосубъектность, провозглашенные в официальных текстах Конституций СССР и республик и обоснованные в советской теории международного права, будут более широко претворены в практику. К сожалению, этого не произошло. Наоборот, и на словах, и на деле предпринимались попытки ущемления суверенитета и международной правосубъектности республик на общесоюзном уровне и в общесоюзном законодательстве, сводившем к минимуму самостоятельность республик во внутренних и внешнеполитических делах [16, с.28].

Союзные республики, в том числе Таджикская ССР, вступали в непосредственные культурные и экономические контакты с зарубежными странами. Имея право на заключение международных договоров, республики в лице своих центральных потребительских обществ подписали несколько экономических соглашений. Наибольшее число договоров республик пришлось на годы перестройки. Особенностью договорной практики второй половины 80-х годов XX века было заключение межреспубликанских договоров международно-правового характера. Например, 27 августа 1990 года было заключено Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничества Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР.

Самостоятельность или независимость в международных отношениях тождественна понятию внешней стороны государственного суверенитета, т. е. отсутствию для какого-либо государства зависимости от иных субъектов (государств или государственных образований) в международном общении. В основном это касается самостоятельного осуществления субъектом трех полномочий: 1) заключение международных соглашений публично-правового характера (договорная правоспособность); 2) установление дипломатических, консульских и иных официальных отношений с другими странами; 3) участие в деятельности международных (межгосударственных) организаций и международных конференций. Указанные аспекты относятся к главным признакам международной правосубъектности государств. В этой связи на основе анализа конституционного права советского периода и международного права обосновывается, что Таджикская ССР в действительности не обладала самостоятельностью в международных отношениях. Закрепленные в конституционных нормах полномочия Таджикской ССР во внешних сношениях фактически носили декларативный характер.

Литература

1. Dörr O. The Vienna Convention on the Law of Treaties Commentary. 2018. 1423 p.
2. Акбаров, Т.Б. Из опыта осуществления международных связей Таджикской ССР/ Т.Б. Акбаров // Советский ежегодник международного права. 1969. М.:Наука, 1970. − С. 309-314.
3. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/ shtml (дата обращения 15.10.2021).
4. Об образовании союзно-республиканского Народного Комиссариата Иностранных Дел Таджикской ССР: Закон // Дипломатия Таджикистана. Информационный бюллетень. − Душанбе, 1994. − Спец. вып. − 296 с.
5. Игнатенко Г. В. Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации / Г.В. Игнатенко // Рос. юрид. журн. − 1995. − № 1. − С. 3–20.
6. Класс, А.А. Исторический опыт конституционного строительства в Таджикистане: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Класс Анна Абдурахимовна; [Место защиты: Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ]. − Душанбе, 2015. − 141 с.
7. Конституция СССР 1936 г. // Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936. (дата обращения 15.10.2021).
8. Конституция Таджикской ССР 1978 года // https://nodussr.ru/konstituciya-tadzhikskoj-ssr (дата обращения 15.10.2021).
9. Кремнев П. П. К вопросу о самостоятельности советских союзных республик в международных отношениях / П.П. Кремнев // Конституционное и муниципальное право. − 2009. − № 9. − С. 31-37.
10. Курс международного права [Текст] : в 7 т. / АН СССР, Институт государства и права ; редкол.: В. Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др. − Москва : Наука, 1989 − Т. 1: Понятие, предмет и система международного права / [Ю. А. Баскин, Д. Б. Левин, Д. И. Фельдман и др.] ; отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. − 1989. − 358 с.
11. Манукян, Г.А. Особенности международной деятельности субъектов современных федераций /А.Г. Манукян// Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности: материалы междунар. науч. – практ. конф. преподавателей и студентов (Владимир, 3–4 декабря 2015 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Владим. гос. ун-т им. имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Юрид. ин-т ; [редкол.: О. Д. Третьякова и др.]. – Владимир: Шерлок-пресс, 2016. – С.112-115.
12. О порядке сношений государственных учреждений и должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. // Сборник законов СССР. М.,1948. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_16.12.1947_о_порядке_сношений_государственных_учреждений_СССР_и_их_должностных_лиц_.../Исходная_редакция (дата обращения 15.10.2021).
13. О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский: Закон СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. − 1944. −№ 8.
14. Пустогаров, В. В. Члены федерации как субъекты международного права / В.В. Пустогаров // Советское государство и право. − 1992. − № 1. − С. 43–53;

15. Пустогаров В.В. Субъекты федерации. Правовые проблемы международной деятельности / В.В. Пустогаров. − Уфа: Вост. ун-т, 1995. − 42 с.
16. Сарсембаев М.А., Сарсембаев К.М. Международное право. Общая и Особенная части: Учебник. − Алма-Ата: Aha mili, 1991. −151с.
17. Таджикистан-ООН: история взаимоотношений: Новый взгляд : К 50-летию создания ООН / Р. Алимов, М. Лебедев, Э. Касымов. − М.: Знак, 1995. – 127с.
18. Толстых, В.Л. Конституционно-правовые основы международной деятельности субъектов Российской Федерации / В.Л. Толстых. − Новосибирск, 1997. −127 с.
19. Фарукшин М. Х. Субъекты федераций в международных отношениях / М.Х. Фарукшин // Полис. − 1995. − № 6. − С. 109-118.

УДК 341

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВА НА ЖИЗНЬ И ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Резникова Елена Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел

Аннотация. Исследуются современные тенденции в развитии права на жизнь человека, их влияние на изменения в законодательном закреплении права на жизнь в основных международно-правовых источниках, а также в национальном законодательстве. Изучается практика функционирования института защиты прав человека, формирования действенного механизма обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в современном мире с огромным количеством природных, техногенных и гуманитарных его угроз.

Ключевые слова: право на жизнь, естественное право, личные права, международные гарантии защиты, права человека и гражданина и др.

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RIGHT TO LIFE AND ITS REGISTRATION IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LEGISLATION

Reznikova Elena
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol

Annotation. The article examines modern trends in the development of the right to life of a person, their influence on changes in the legislative consolidation of the right to life in the main international legal sources, as well as in national legislation. The practice of the functioning of the institution for the protection of human rights, the formation of an effective mechanism for ensuring and protecting the rights and freedoms of man and citizen in the modern world with a huge number of natural, man-made and humanitarian threats is studied.

Key words: the right to life, natural law, personal rights, international guarantees of protection, human and civil rights, etc.

Во всем мире к правам человека возрастает теоретический и практический интерес. По мере своего развития данные права наполняются новым содержанием, ориентируемым на состояние общества и определенный уровень человеческих потребностей.

С развитием права на жизнь связано углубление, развитие содержания сформулированных прав и свобод личности, в том числе права на жизнь, посредством принятия федеральных законов и внесения поправок и изменений в действующие федеральные законы. Например, конституционное содержание права на жизнь сводится к ограничению применения смертной казни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (ст. 21 Конституции РФ).

В Российской Федерации на основе Конституции РФ и конкретизирующих ее правовых актов смертная казнь как наказание уже длительное время не назначается и не исполняется. В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни, элементом правовой основы которого является Постановление КС РФ[8] во взаимосвязи с другими его решениями, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого - с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, - происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания.

На современном этапе развития государства и международного сообщество невозможно не уделить внимания такому направлению развития права на жизнь как борьба с терроризмом. Терроризм является наиболее грубым нарушением права на жизнь. Он «стал не просто антигосударственным, а приобрел антицивилизационные черты» [9, с.108].

На международном уровне принят ряд нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по борьбе с терроризмом. Терроризм превратился в одну из самых опасных проблем человечества, представляющий опасность как для существования государства и общества, так и для жизни человека. Таким образом, обязанность государства обеспечивать право на жизнь влечет обязанность осуществлять комплекс мер направленных на борьбу с терроризмом.

В нашей стране правовую основу борьбы с терроризмом, помимо Конституции РФ и Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», образуют Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральные законы от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», а также отдельные указы Президента РФ и постановления Правительства РФ.

Актуальной тенденцией является развитие права на жизнь в условиях пандемии. Вызов, брошенный COVID-19, в силу угрозы жизни и физической неприкосновенности, несомненно, может потенциально затрагивать позитивные обязательства государств в отношении права на жизнь, предусмотренного ст. 2. Несомненно, государство и международное сообщество должны принять все необходимые меры, направленные на соблюдение и реализацию права на жизнь, которое в условиях пандемии подвержена реальной угрозе, при принятие превентивных мер не должно привести к нарушению позитивного обязательства принимать меры, необходимые для защиты жизни.

Пандемия несомненно повлияла на реализацию прав и свобод человека и гражданина, что не могло не найти отражение в деятельности институтов, работающих в указанной сфере. Введенные государствами ограничения во многом естественны и призваны защитить жизнь и здоровье людей, но очевидно, что вынужденные отступления от стандартов в области прав человека должны быть соразмерны угрозе распространения вируса и ограничены во времени [9, с.108].

Такая позиция высказана и в докладе Совета Европы «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в период кризиса» [9] ряд мер, принимаемых властями в условиях COVID-19, «неизбежно посягнет на права и свободы

граждан». Ограничения допустимы лишь в том случае, если они "строго необходимы" для борьбы с пандемией и не приводят к произволу на местах. Некоторые права не могут ограничиваться даже в чрезвычайных ситуациях - например, право на жизнь и здоровье, на справедливое судебное разбирательство.

Всемирная Организация Здравоохранения приняла ряд Руководств, касающихся чрезвычайной готовности. Так, согласно Временному руководству ВОЗ «Чрезвычайная готовность, подготовленность и ответные действия на COVID-19» от 16.03.2020 г. странам следует подготовиться к реагированию на различные сценарии развития событий. Каждая страна должна самостоятельно для себя оценить возможные риски от COVID-19 и быстро принять необходимые меры, позволяющие уменьшить как передачу COVID-19, так и экономические, общественные и социальные последствия. Как отмечено в Инструментарии для государств - членов Совета Европы.

Как и во всем мире, в Российской Федерации в оперативном порядке вводились меры реагирования на ситуацию, вызванную пандемией. Так, во всех субъектах Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [2] был введен режим повышенной готовности для органов управления и сил системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также в целях реализации режима повышенной готовности принимались иные нормативные правовые акты. Вместе с тем, вопросы законности и соразмерности некоторых принимаемых мер неоднократно обсуждались в юридических и правозащитных сообществах, высказывались различные мнения по вопросам, связанным с ограничением конституционных прав и свобод человека.

Так, в докладе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека было указано, что «избранная модель регулирования представляется адекватной возникшим угрозам, поскольку она обладает меньшим негативным воздействием на экономику, чем режим ЧС» [3].

Под правом на жизнь понимаются закрепленные в законодательстве государства нормы, соответствующие международным стандартам, обеспечивающие не только физическое существование индивида, как биологического вида, но и обеспечивающие возможность его индивидуальной жизнедеятельности путем саморегулирования, исключающие вмешательство в жизнь субъекта права каких-либо лиц, органов, организаций, исключение составляют случаи прямо предусмотренные законом в целях обеспечения охраны права на жизнь человека, и провозглашающие и обеспечивающие запрет на произвольное лишение жизни. Являясь динамично развивающимся международное сообщество, национальные государства реагирует на происходящие изменения в сфере социально-политических, экономических отношений, вызнанные в том числе глобализаций, на изменение экологической, эпидемиологической обстановки в мире и государстве, что, несомненно, оказывает влияние на реализацию права на жизнь, на содержание права на жизнь, не затрагивая его базовых основ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. − 1994. − № 35.− Ст. 3648.

3. Доклад Совета Европы «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в период кризиса: [Электронный ресурс]. – 2021. − Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/na_mezhdunarodnoj_konferencii_obsudili_zashhitu_prav_cheloveka_v_period_pandemii/. Дата доступа: 06.09.2021.

4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Московской области в 2020 году //Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Московской области : [Электронный ресурс]. – 2021. − Режим доступа: http://upch.mosreg.ru /. Дата доступа: 06.09.2021.

5. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Электронный ресурс]. – 2021. − Режим доступа: http://president-sovet.ru/docs/recommendations/doklad_uroki_epidemii_s_tochki_zreniya_soblyudeniya_prav_i_svobod_cheloveka_i_grazhdanina/ Дата доступа: 06.09.2021.

6. Определение КС РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. − 2010. − № 1.

7. Постановление КС РФ от 02.02.1999 № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. − 1999. − № 3.

8. Тюменева, Н.В., Дураев, Т.А. Аксиологическая природа права на жизнь: теоретико-правовой аспект / Н.В. Тюменева, Т.А. Дураев // Известия СГУ. Серия Экономика. Управление. Право. − Выпуск 1. − 2018. − С. 107-111.

УДК 34.05

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИНДУССКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Соловьёва Виктория Викторовна
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал,
viktoriya-solove@list.ru

Аннотация. Статья раскрывает основные характеристики индусской правовой системы и ее соотношение с современным индийским национальным правом.

Ключевые слова: индусское право, религиозная правовая семья, смешанная правовая семья

TO THE QUESTION ABOUT THE CHARACTERISTIC OF THE HINDUS LEGAL SYSTEM

Solovyova Victoria Viktorovna
Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch,
viktoriya-solove@list.ru

Annotation. The article reveals the main characteristics of the Hindu legal system and its relationship with modern Indian national law.

Keywords: Hindu law, religious legal family, mixed legal family

Республика Индия занимает особое место среди стран, которые освободились от колониальной зависимости. Будучи независимым государством, Индия демонстрирует

миру собственный путь развития демократического общества, развития экономики и укрепления собственных позиций в мире. Существование определенных демократических традиций в обществе, соблюдение взвешенных принципов во внешнеполитической деятельности и успехи в проведении экономических реформ способствовали тому, что сегодня Индия – не только признанный лидер в Южноазиатском регионе, но и один из ключевых игроков на геополитической карте мира, и эта позиция укрепляется далее. Однако Индия до сих пор остается во многом загадочной и непонятной, в частности, европейцам, привыкшим к другой системе ценностных ориентиров. Трудно понять феномен современной Индии – сочетание самых передовых новаций с традиционными цивилизационными особенностями. На современном этапе Индия пытается изменить свои законы для проведения экономических реформ и удовлетворения интересов инвесторов. Анализ правовой системы Индии показывает, как глобализация может изменить национальные правовые системы во всем мире.

Индусское право – это право верующих, большинство которых проживает в Республике Индия, вместе с тем, оно является экстерриториальным, поскольку индусская община широко представлена в таких странах, как: Пакистан, Бирма, Сингапур, Малайзия, Танзания, Уганда, Кения.

Вывести четкую формулировку индусского права весьма проблематично, ввиду многочисленных исторических изменений в нем. Рассматривать его нужно с точки зрения исторической ретроспективы, выделив три основных периода: ведический, брахманский и индуистский. Однако бесспорным является тот факт, что особенностью данной правовой системы и в тоже время её основой является религия индуизм, в фундамент которого заложены религиозные и философские идеи брахманизма (карма, сансара, реинкарнация). Индуизм – это система религиозных вероучений, установок, догм, поддерживающихся государством. Для индуизма как религии характерно многобожие, веротерпимость по отношению к людям, придерживающихся иных взглядов, наличие самостоятельных религиозных направлений (буддизм, джайнизм, сикхизм), отсутствие единой религиозной организации. Индусское право является составной частью индуизма. В судебной практике Индии утвердилось правило, согласно которому, индусское право не распространяется на людей, которые перешли в веру, несовместимую с индуизмом, и обратно, возврат человека к вере, влечет за собой и возобновление действия индусского права.

Непосредственным порождением индуизма является кастовый строй Индии, который принято называть «хиндуизм», что означает принадлежность к касте, под которой традиционно понимают сообщество или группу людей, объединенных специфическими занятиями или профессиями, подчиняющихся правилам, регулирующим их поведение между собой и в отношении представителей других каст. Эти группы являются закрытыми для посторонних. Именно от того к какой касте принадлежит человек, зависит его положение в обществе. Считается, что человек несет искупление своих грехов за предыдущую жизнь в зависимости от того, в какой касте он пребывает.

С древнейших времен в Индии сохранились 4 касты (брахманов, кшатриев, вайшья и шудр). Вне этого деления находится каста «неприкасаемых», которые до недавнего времени были лишены элементарных человеческих прав (пользоваться водой из общих источников, транспортом и т.д.). Сегодня в Индии насчитывается около 3000 подкаст, 100 из которых являются наиболее многочисленными и насчитывают до одного миллиарда человек. Нормы, регулирующие чистоту касты сохранялись в Индии до 1950 года, до принятия Конституции, которая их отменила. Они предусматривали запреты браков между представителями разных каст, переход из одной касты в другую, нарушение круга

занятий, производственной специализации, профессий. Но и по сей день 80% населения придерживаются кастового устройства. Оценка поведения земной жизни индуса осуществляется по критериям чествования верховных богов (Вишны, Шивы) или их телесных воплощений, сурового выполнения бытовых правил касты.

Еще одной характерной особенностью индусского права является наличие религиозных источников права, к которым относятся: смрити (вероучения о религиозных обрядах), дхармасутры (книги, содержащие нормы, регулирующие отношения к кастам, правителям, родителям, родственникам), дхармашастры (юридические правила, созданные путем перемещения религиозных норм в праве), нибандхазы (комментарии к дхармашастрам с целью их толкования, для устранения коллизий. Нибандхазы складывались в промежутке между XI веком и концом XVII века. Некоторые авторы извлекали из старых текстов и систематизировали соответствующие отрывки, которые можно было применить в современных им условиях. Таким образом было «модернизировано» немало норм, а много устаревшего юридического материала вовсе изъято из правового оборота.). Нормативный правовой акт в виде закона в индусском праве не применяется, поскольку в соответствии с индуизмом имеет меняющийся характер и не может служить стабильным источником права.

В индусском праве существуют две основные школы: Митакшара и Дайябхага, сформировавшиеся в XI-XII вв. Эти школы связаны с определенными географическими районами, хотя личный статус индивидов и не зависит от того, где они проживают. Школа Дайябхага распространена в Бенгалии и Ассаме, Митакшара – в других регионах Индии и Пакистана.

В VII в. началось вторжение мусульман в Индию, которое привело к их окончательному укреплению в XVI в. и упадку права индусского, заменой его мусульманским. Однако споры между индусами рассматривали не суды, а уважаемые люди села или касты. Поскольку большинство населения составляли индусы, параллельно с мусульманским продолжало действовать и индусское право. Суды применяли нормы мусульманского права, индусам же разрешались только панчаяты (сборы каст) для решения внутриобщинных проблем, что существенно сузило сферу действия индусского права.

До вторжения англичан Индия представляла собой конгломерат многочисленных княжеств, каждое из которых имело свою систему управления, с монархической формой правления. В период английской колониальной экспансии XVII-XIX вв., индусское право претерпело ряд изменений, что выражалось в смешении норм индусского и английского права. В праве собственности и обязательственном праве нормы традиционного индусского права были заменены нормами английского общего права. Спорные вопросы между кастами, брачно-семейные отношения регулировались нормами индусского права. Авторитет индусского права, был настолько высок, что британские суды решали споры с привлечением образованных индусов, закрепленных за судами, от которых получали информацию по тому или иному вопросу. Такая практика продолжалась до 1864 г., пока не были переведены местные правовые трактаты на английский язык и не накоплено необходимое количество судебных решений, которые стали использоваться судами в качестве прецедентов. Благодаря английскому праву, право Индии было усовершенствовано, в частности, введено использование нормативного правового акта, ликвидированы многие коллизионные нормы и пробелы.

Современное право Республики Индия представляет собой отдельную индийскую правовую систему, но производную от индусского права. Если индусское право – это право общины, исповедующую индуизм, то право Индии – это национальная правовая система, действие которой распространяется на территорию всего государства, на всех

граждан независимо от их национальности и принадлежности к определенной религиозной общине. В настоящее время в Индии одновременно действует несколько правовых систем –индусское право, мусульманское право и национальная правовая система Индии. Индийское право (или, как его называет Р. Давид, территориальное) сложилось в период, когда страна находилась под колониальным управлением Великобритании. Создание такого права было наилучшим способом регулирования отношений между людьми, принадлежащими к разным религиозным общинам. Кроме того, и мусульманское, и индусское право оставляли вне сферы своего регулирования очень важные слои населения Индии –национальные меньшинства: христиан, евреев, парсов, а также лиц, принадлежность которых к той или иной религиозной общине вызывала сомнение. Территориальное право учитывало эту часть населения, ставшую многочисленной особенно с того времени, когда в 1833 Индия стала открытой для европейцев и когда под влиянием различных факторов барьеры между разными религиозными общинами стали менее суровыми. И мусульманское, и индусское право фактически имели существенные пробелы, хотя теоретически они могли регулировать любые виды отношений. Бурное развитие Индии требовало, чтобы для регулирования новых отношений было создано территориальное право общее как для мусульман и индусов, так и для населения, исповедующего другие религии.

Основными характеристиками современного индийского права являются: уменьшение сфер действия обычаев; расширение действия закона и прецедента. Процессы, характеризующие секуляризм, светский характер государства отражены Актом о 42 поправке (1976 г.) к Конституции, в соответствии с которым Индия стала называться Суверенной Социалистической Светской Демократической Республикой. Превращение Индии в независимое государство не означало отказа от укорененных правовых концепций и принятого в колониальный период законодательства В Конституции содержится подтверждение того, что созданное ранее право продолжает действовать. В то же время Верховный суд страны определил, что британские акты применяются, если они не противоречат национальному суверенитету. В 1960 году был принят Закон о британских актах, предназначенных для применения в Индии, которым были упразднены 258 британских статутов.

Следует отметить, что основные положения индусского права стали предметом многочисленных законопроектов. В 1955 году вступил в силу закон о браке индусов, унифицировавший нормы семейного права, а в 1956 году были приняты три новых закона - акт о несовершеннолетних детях и опеке, о наследственных правах и закон об усыновлении, что говорит о влиянии континентального права на право Индии. С их вступлением в силу большая часть индусского права была кодифицирована. Таким образом, ныне индийские судьи и адвокаты, прежде всего руководствуются нормами этих законов и решениями судов, принятых на их основе.

Правовые трактаты индусского права могут использовать в случае, если они не противоречат законодательству, однако суды ссылаются на них крайне редко.

В современной Индии индусское право напрямую используется при рассмотрении таких вопросов, как: регламент личного статуса, включая брак и развод, несовершеннолетие и опекунство, родство, усыновление, семейная собственность, алиментные обязательства, наследование, религиозные институты, общая собственность, элементы договорного права, кастовое право и отлучение от религии. Для применения этого права были созданы отдельные суды панчаятов - судей, которые выбираются населением из своей среды и выполняют обязанности на общественных началах. Суды панчаятов во всех штатах являются начальной инстанцией по гражданским делам. Однако

их компетенция значительно ограничена – они рассматривают любые бытовые споры между членами общины, соседями (повреждение растений, скота, утвари, устранение препятствий в пользовании имуществом, пашни), имущественные споры на сумму не более 1 тыс. рупий, порядок пользования общим или общественным имуществом и некоторые другие юридически простые споры, применяя при этом в основном нормы традиционного права.

Таким образом, модернизация общественной и государственной жизни привела и к модернизации традиционного права Индии. Индийская правовая система является наиболее благоприятной для построения гражданского общества, нежели индусское право. Современное индийское право полисистемно, поскольку содержит элементы трех правовых систем: индусского, английского и континентального права, что позволяет отнести индийскую правовую систему к смешанным правовым системам.

УДК 341.4

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ, ИМЕЮЩИМИ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сысоева Анастасия Сергеевна
адъюнкт адъюнктуры,
Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
sysoewa.nastia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы закрепления института отсрочки отбывания наказания и смежных с ним институтов в уголовном законодательстве зарубежных стран, в частности, в отношении беременных женщин и женщин, имеющих несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания, исполнение наказаний, женщины, зарубежный опыт, уголовно-исполнительная система.

INSTITUTE OF DELAY OF SERVICE OF PUNISHMENT FOR PREGNANT WOMEN AND WOMEN WITH YOUNG CHILDREN: EXPERIENCE ABROAD

Sysoeva Anastasiya Sergeevna
adjunct of postgraduate courses

Summary. The article discusses the issues of consolidating the institution of deferral of serving a sentence and related institutions in the criminal legislation of foreign countries, in particular, in relation to pregnant women and women with minor children.

Keywords: deferral of serving a sentence, execution of sentences, women, foreign experience, penal system.

Вопрос отсрочки отбывания наказания является прямым отражением гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Такая повсеместная гуманизация является одним из приоритетных направлений деятельности государства в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний. Так, в Российской Федерации на сегодняшний день активно применяется институт отсрочки отбывания наказания, в частности, в отношении беременных женщин и женщин, имеющих ребенка в возрасте до 14 лет (статья 82 УК РФ [1]). Кроме того, в 2021 году были утверждены основные

направления развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 года. Одним из таких направлений является «расширение возможности применения института отсрочки отбывания наказания в отношении беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет» [2]. Таким образом, государство сегодня уделяет повышенное внимание данному институту и предполагает его всестороннее расширение и активное применение. В рамках настоящей статьи хотелось бы более подробно рассмотреть институт отсрочки отбывания наказания в законодательстве некоторых зарубежных стран. Рассмотрение зарубежного опыта позволяет нам выявить наиболее эффективные механизмы, которые уже активно применяются в практике зарубежных стран, а также рассмотреть возможность адаптации таких механизмов для российской действительности.

Актуальность изучения вопросов, связанных с отсрочкой отбывания наказания женщинами, связана со значительным ростом числа заключенных-женщин во многих странах мира. Так, в Англии за последние 30 лет число женщин в местах лишения свободы увеличилось вдвое, а в США количество женщин в тюрьмах составляет треть от всех заключенных женщин мира [3]. Такая ситуация характерна также для многих других государств, в том числе: Кипр, Финляндия, Греция, Нидерланды [4]. Однако нельзя отрицать значительного негативного влияния нахождения женщин в местах лишения свободы на ее репродуктивное здоровье, социальный статус, дальнейшую адаптацию и ресоциализацию, а также отрыв женщины от семьи и детей на время отбывания наказания. Тюремное заключение женщины закономерно отражается на ее детях, понижая их социальный статус с самого детства, а также во многом вынуждая их самих приобщаться к «тюремной субкультуре». Это также идет вразрез с основополагающими принципами ООН, которая провозгласила, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания» [5]. В этой связи, сокращение числа заключенных женщин и возможность применения иных видов наказаний или отсрочки отбывания наказания является приоритетом не только для конкретной женщины в конкретной ситуации, но и для всего государства в целом.

Изучая зарубежный опыт института отсрочки, нами выделены две основные разновидности, которые имеют место в законодательстве зарубежных стран: 1) отсрочка исполнения наказания; 2) отсрочка назначения наказания. При таких законодательных формулировках наиболее близким по значению российской «отсрочке отбывания наказания» является институт отсрочки исполнения наказания. Такие нормы содержатся в уголовном законодательстве, например, Швейцарии, Дании, Румынии. Отсрочка исполнения наказания может быть «простой» [6] или предполагать наличие испытательного срока.

Наиболее часто отсрочка исполнения наказания сопровождается наложением определенных обязанностей и испытательного срока. В законодательстве зарубежных стран такая отсрочка может иметь иные названия, например, пробация, приостановление наказания с испытанием и т.д. [7, С. 310-311] Если проводить аналогию с российским уголовным законодательством, то такой вид отсрочки по своей сущности более близок к российскому институту условного осуждения, чем к отсрочке отбывания наказания. Отсрочка исполнения наказания данного вида предполагает наложение на время испытательного срока определенных обязанностей. В Германии такие обязанности носят название «указания о поведении», например, осуществление какой-либо деятельности, запрет на смену места жительства или обязательное уведомление об этом, возложение обязанностей по воспитанию и содержанию детей и т.д. [8]. На время испытательного

срока за осужденными также устанавливается особый контроль. Исследование зарубежного опыта позволило выявить ряд особенностей в законодательстве Франции по данному вопросу. В данной стране для женщин, которым исполнение наказания отсрочено, организуется специальная социальная помощь со стороны службы пробации и всего государства. Таким образом, во Франции правительство заинтересовано в адаптации женщин к ограничительным условиям, они занимаются контролем за исполнением женщинами своих обязанностей по воспитанию детей. Аналогичный институт существует в Болгарии, где суд может наложить обязанность по заботе об осужденном на общественную организацию или трудовой коллектив [9].

Вторым видом отсрочки, который был выделен нами в результате анализа зарубежного законодательства, является отсрочка назначения наказания. Данный институт в меньшей мере распространен в законодательстве зарубежных стран. Отсрочка назначения наказания состоит в том, что суд, признав подсудимого виновным, не назначает наказание, а выносит особое постановление о том, что вопрос о назначении наказания будет решен позднее [10, С. 101]. Такой вид отсрочки в изученных нами странах имеется лишь во Франции и в Англии. На время, когда назначение наказания отложено, учитывается поведение виновного, факт заглаживания им причиненного вреда, а также иные обстоятельства, которые свидетельствуют об исправлении осужденного. В данных условиях суд вправе назначить более мягкое наказание на свое усмотрение. В Российской Федерации подобного или схожего института на сегодняшний день не существует.

Тем не менее, необходимо отметить, что представленные институты, которые близки к российскому пониманию отсрочки отбывания наказания, могут применяться в отношении всех лиц, независимо от их половой принадлежности или наличия несовершеннолетних детей. Вопросы отсрочки отбывания наказания именно беременными женщинами и женщинами, имеющими детей, регламентированы лишь уголовными законами стран постсоветского пространства. Такая тенденция заслуживает особого внимания. Например, по российскому уголовному закону до 2010 года вовсе не предусматривалась возможность отсрочки отбывания наказания мужчинами [11]. Иными словами, если законодательство зарубежных стран в равной степени рассматривает возможность отсрочки исполнения наказания для всех лиц, то в странах постсоветского пространства, в частности в России, большее внимание уделяется такой категории, как беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет. Аналогичную норму содержит уголовное законодательство Азербайджанской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Беларусь и др. Существенное различие наблюдается в сроке такой отсрочки. Если в России он составляет до 14 лет, то в Азербайджане, Туркменистане, Армении, Республике Беларусь и ряде других стран – до 3 лет; В Казахстане и Кыргызстане – до 14 лет. В Украине предусмотрена возможность отсрочки отбывания наказания женщинами, имеющими детей в возрасте до 7 лет с наложением испытательного срока.

Анализ зарубежного опыта законодательного закрепления института отсрочки отбывания наказания позволяет сделать следующие основные выводы.

1) институт отсрочки в законодательстве зарубежных стран представлен, во-первых, отсрочкой исполнения наказания, во-вторых, отсрочкой назначения наказания. Отсрочка исполнения наказания может осуществляться в форме простой отсрочки, либо с назначением ограничительных мер и испытательного срока. Данные нормы зарубежного законодательства в наибольшей степени соотносятся с российским инсти-

тутом условного осуждения. Отсрочка назначения наказания в российском законодательстве отсутствует, хотя представляет определенный интерес для дальнейшего исследования и применения в России в отношении отдельных категорий осужденных.

2) в зарубежном уголовном законодательстве отсутствует единая терминология при регламентации отдельных сторон отсрочки отбывания наказания. Нами обнаружены такие законодательные формулировки, как «отсрочка исполнения наказания», «отсрочка приговора по исполнению наказания», «условная отсрочка», «пробация» и т.д.

3) в зарубежном законодательстве институт отсрочки отбывания наказания применим для всех категорий лиц, при этом отдельные группы осужденных по половому признаку или по признаку наличия несовершеннолетних детей отдельно не выделяются. Для применения отсрочки используются такие критерии, как тяжесть и общественная опасность совершенного преступления, срок или размер наказания, личность виновного.

4) законодательное закрепление отсрочки для беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, обнаружено нами в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства. В данных странах наблюдается разница в сроке предоставления такой отсрочки.

5) при несоблюдении условий и запретов в период отсрочки отбывания наказания законодательство всех стран предусматривает возможность отмены такой отсрочки и назначения наказания, связанного с реальным лишением свободы.

Таким образом, анализ зарубежного опыта по вопросам отсрочки отбывания наказания позволил нам выявить ряд существенных моментов. По нашему мнению, особого внимания заслуживает опыт Франции в части формирования специальных государственных органов, которые оказывают помощь лицам, к которым применена отсрочка. По отношению к беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей такая помощь может осуществляться в форме психологической помощи, групповых занятий по воспитанию и развитию малолетних детей, мероприятий, направленных на совместную деятельность женщин с их детьми.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. −1996. −№ 25.− Ст. 2954.

2. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ. − 2021. − № 20.− Ст. 3397.

3. Women in prison U.S. Prison Population vs the world. [Электронный ресурс]. // URL: https://backgroundchecks.org/us-prison-population-vs-the-world.html (дата обращения: 15.11.2021).

4. Gang Lee, S. Fernando Rodriguez, Theodore Curry Gender Differences in Criminal Sentencing: Do Effects Vary Across Violent, Property, and Drug Offenses? ReseachGate. University of Texas at EI Paso. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.researchgate.net/publication/4790924_Gender_Differences_in_Criminal_Sentencing_Do_Effects_Vary_Across_Violent_Property_and_Drug_Offenses (дата обращения: 15.11.2021).

5. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР, М., 1993, Выпуск XLVI.

6. Уголовный кодекс Франции. Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subtext (дата обращения: 16.11.2021).

7. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право. / А. Э. Жалинский ; Гос. ун-т - высш. шк. экономики. − М. : Проспект, 2004.− 560 с.

8. Уголовный кодекс Германии. Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.law.edu.ru/norm/norm (дата обращения: 16.11.2021).

9. Уголовный кодекс Болгарии. Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. [Электронный ресурс]. // URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID (дата обращения: 16.11.2021).

10. Трефилов, А.А. Новейшие тенденции развития института наказания в уголовном праве зарубежных стран / А.А. Трефилов // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. – С. 100-104.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21.02.2010 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. − 2010. − № 8. − Ст. 780.

СЕКЦИЯ 5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО, ПОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 343

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ

Беденко Алексей Владимирович
старший преподаватель кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация: В уголовном праве России существует два института, которые отвечают за гуманизацию действующего уголовного законодательства: амнистия и помилования. Для того, чтобы уяснить суть данных институтов необходимо провести между ними разграничение. И амнистия, и помилование направлены на снижение количества осужденных лиц, и как следствие снижение уровня применения уголовно-правовых репрессий. В условиях развития политики гуманизации, рассматриваемые уголовно-правовые институты имеют большое значение для современной политической системы. Амнистию и помилование можно отнести к институтам «поощрения вины». Прощение государством лиц, совершивших преступления и признанных виновными по приговору суда, есть акт гуманизма, свидетельствующий о готовности социума (в лице представителей государственной власти) к примирению с человеком, виновным в совершении преступления, однако раскаявшимся в содеянном и стремящимся к восстановлению статуса полноправного законопослушного гражданина.

Ключевые слова: амнистия, помилование, гуманизация уголовного законодательства

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTE OF AMNESTY AND PARDON

Bedenko Aleksey Vladimirovich
senior lecturer of the Department Criminal law, process and criminalistics
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk

Summary: In the criminal law of Russia, there are two institutions that are responsible for the humanization of the current criminal legislation: amnesty and pardon. In order to understand the essence of these institutions, it is necessary to draw a distinction between them. Both amnesty and pardon are aimed at reducing the number of convicted persons, and, as a consequence, reducing the level of the use of criminal law repressions. In the context of the development of the policy of humanization, the considered criminal and legal institutions are of great importance for the modern political system. Amnesty and pardon can be classified as "guilt reward" institutions. Forgiveness by the state of persons who have committed crimes and are found guilty by a court verdict is an act of humanism, testifying to the readiness of society (represented by representatives of state authorities) to reconcile with a person guilty of a crime, but who repented of what he had done and strives to restore the status of a full-fledged law-abiding citizen

Keywords: amnesty, pardon, humanization of criminal legislation

В ст. 84 УК РФ указывается: «Амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении индивидуально не определенного круга лиц. Актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть

освобождены от уголовной ответственности. Лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания. С лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость». [3]

Безусловно, акт амнистии - специфический правовой документ, и его особенности в первую очередь связаны с порядком действия во времени. Действие акта амнистии распространяется на деяния, совершенные до его издания. Такой принцип, в общем-то, не свойственен уголовным законам. Более того, действие акта амнистии ограничено небольшими временными границами. Это, по сути, «разовый» акт. Вместе с тем названные черты непосредственно связаны с характером и целями самой амнистии, в основе которой лежит идея прощения уже совершенных преступлений.

Любая амнистия представляет собой акт массового милосердия государства, которое проявляется по отношению к преступникам с небольшими провинностями перед обществом. Обычно речь идет о лицах определенного возраста, совершивших нетяжкие правонарушения первый раз и, соответственно, имеющих непродолжительный срок тюремного заключения.

Амнистия проводится преимущественно для лиц, которые уже находятся в местах отбывания наказания, то есть за преступления, совершенные ранее того, как будет принято постановление, и оно вступит в действие. Помилование может применяться к одному человеку, а массовый акт гуманизма в России проводится по уголовным делам и по случаю торжественной даты.

В ст. 85 УК РФ законодатель пишет о помиловании: «Помилование осуществляется Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица. Актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость».

Акт помилования обладает индивидуальным характером, так как в отличие от амнистии применяется к конкретному лицу или конкретным лицам. Он служит юридическим основанием для освобождения осужденного от отбывания наказания, замены наказания другим, более мягким, и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что помилование нельзя понимать, как ревизию, пересмотр приговора, поэтому встречавшиеся ранее в представлявшихся Президенту Российской Федерации просьбах о помиловании ссылки на «чрезмерно строгое наказание осужденного» неправомерны.

И амнистия, и помилование относятся к основанию освобождения от отбывания наказания. Уголовно-исполнительный кодекс РФ фиксирует: «Досрочное освобождение от отбывания наказания производится в день поступления, соответствующих постановления суда, определения суда, акта о помиловании либо утвержденного в установленном порядке решения о применении к осужденному акта об амнистии». [4]

Так же необходимо отметить, что амнистия – акт, издаваемый Государственной Думой, в то время как помилование – акт воли Президента. Исходя из практики применения нормы о помиловании можно сделать вывод, что Президент крайне редко прибегают к своему праву освобождения от уголовного наказания. Так, в 2019 г. В.В. Путин помилован осужденного за шпионаж норвежца Фруде Берга и передали его властям Норвегии. А в 2020 г. Президент помиловал осужденную за наркотики гражданку Израиля Нааму Иссахар.

Практика амнистии тоже не столь велика. Так, последняя амнистия была объявлена в 2015 году, к 70-летию Победы. Существовавшие проекты акта амнистии в 2020 г. приуроченной к 75-летию Победы в Великой отечественной войне не были реализованы. В итоге, за счет того, что рассматриваемые проекты акта амнистии не были тщательным образом проработаны, Государственная дума отказалась от проведения амнистии в 2020 г. Как правило, амнистии проводят раз в пять лет, в честь юбилеев Победы в Великой отечественной войне. Но, что радует, в этот раз, к этому вопросу отнеслись особенно серьезно, не делая из амнистии шанс избавить от уголовного наказания, а делая его действительно поощрительной мерой.

Возникают споры касательно значения амнистии и помилования в современном обществе. Любое преступление представляет собой акт, оказывающий то или иное пагубное (негативное) воздействие на общество, и поэтому само общество стремится оградить себя от различного рода преступных посягательств путем установления необходимых санкций и наказаний.

Применение амнистии и помилования всегда таит в себе потенциальную опасность для государства: неудачно проведенная амнистия или помилование могут подорвать доверие граждан к институту государственной власти, повысить уровень рецидивной преступности, и, следовательно, лишь высшие органы государственной власти должны быть полномочны принимать решения об амнистии или помиловании. По этой же причине государство изначально должно ограничивать масштабы проводимой амнистии или помилования, четко регламентировать основания и порядок их применения. В противном случае амнистия и помилование рискуют быть поставлены на поток, что уже в среднесрочной перспективе может оказать негативное влияние на криминальную обстановку в стране.

Литература

1. Максимова, В. Г. Отличие помилования и амнистии / В.Г. Максимова. – М.: Право, 2006 − 141 с.

2. Рахманько, В. А. Некоторые проблемы реализации института амнистии в России / В. А. Рахманько. – М., 2020. – 22 с.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. Закона от 05.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 18 декабря 2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноя. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г.: в ред. Федер. Закона от 05.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

5. Шавалдина, А. С. Институт амнистии в уголовном праве / А.С. Шаваллина. – М.., 2016. – 277 с.

УДК 343

ФАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ

Бошаева Лариса Лонгиевна
аспирант ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова»

Аннотация: Фактическая ошибка является субъективной ошибкой, так как ее появление связано с заблуждением лица в отношении деяния, последствий, обстоятельств их наступления последствий, социальной значимости и других составляющих совершенного преступления.

Ключевые слова: уголовное право, фактическая ошибка

FATAL ERRORS IN CRIMINAL LAW: PROBLEMS OF DEFINITION AND CLASSIFICATION

Boshaeva Larisa Longievna
post-graduate student of FSBEI HE "Chechen State University. A. A. Kadyrov»

Annotation: A factual error is a subjective error, since its appearance is associated with the delusion of a person in relation to the act, the consequences, the circumstances of their occurrence, the social significance and other components of the crime committed.

Keywords: criminal law, factual error

Фактической ошибкой может быть заблуждение лица в объекте преступления, заблуждение относительно предмета и характера совершаемого деяния, а также заблуждение относительно последствий, причинной связи, иных обстоятельствах. Ошибкой в объекте преступления считается заблуждение виновного в совершении преступления лица относительно сущности, как социальной, так и юридической, объекта посягательства.

Различаются два вида ошибки в объекте. Первая ошибка – лицо осуществляет преступное посягательство на иной, а не планируемый объект. В юридической литературе такая ошибка называется подмена объекта посягательств [4]. Например, К. и Б. в целях завладения принадлежащими Д. и М. денежными средствами в сумме не менее, чем 2 миллиона рублей подготовили и почтой направили М. письмо о наличии у них информации об обстоятельствах лишения жизни В. с указанием номера телефона для связи, о чем М. сообщил родственникам погибшего - В. и Д. После получения от последних сообщения о заинтересованности в этой информации между Д., К. и другими участниками нападения осуществлялась переписка, в результате которой участники нападения получили согласие Д. на передачу требуемой суммы в обмен на интересующую их информацию. Затем Б. и К. определении место для установки взрывного устройства. После чего отправили сообщение Д. о встрече для передачи интересующих сведений в вышеуказанном месте. Вместо Д. в рамках ОРМ на место встречи прибыли два сотрудника полиции Б. и Л. При приближении к данному месту сотрудников правоохранительных органов Л. и Б. произошел взрыв установленного там взрывного устройства, в результате которого Б. был причинен вред здоровью средней тяжести, а здоровью Л. - тяжкий вред. По независящим от К., Б. обстоятельствам смерть Л. и Б. не наступила, а М. и Д. не приехали к месту установки взрывного устройства.

Согласно вердикту умыслом осужденных охватывалось нападение на тех лиц, которые прибудут на место встречи, с целью причинения им смерти и завладения

принадлежащими им денежными средствами. Не подозревая о произведенной замене, К. и Б. с целью завладения денежными средствами совершили нападение Б. и Л., совершив все необходимые действия, направленные на лишение их жизни, однако смерть последних не наступила по независящим от осужденных обстоятельствам.

Таким образом, поскольку К. и Б. ошибочно приняли за Д. сотрудников полиции их действия, связанные с разбойным нападением и покушением на убийство следует оценивать, как совершенные в отношении Б. и Л. Не влияет на квалификацию и тот факт, что в результате преступных действий пострадали сотрудники полиции, поскольку участникам нападения было не известно о произведенной замене, их умыслом не охватывалось совершение преступных действий с другим объектом преступного посягательства, в частности, против порядка управления [2].

Правило о квалификации преступлений, совершенных с ошибкой в объекте рассмотренного вида, применяется только при конкретизированном умысле.

Вторая ошибка в объекте - незнание обстоятельств, влекущих изменение социальной и юридической оценки объекта в законе. Так, С. осужден за то, что он совершил убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку С.Г., женщины, заведомо находящейся в состоянии беременности, с особой жестокостью. В кассационной жалобе осужденный С. указывает, что с приговором суда в отношении него не согласен, так как не знал о нахождении С. в состоянии беременности. Оценив собранные по делу доказательства, правильно установив фактические обстоятельства дела, суд обоснованно пришел к выводу, что С. совершил убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку С.Г., женщины, заведомо находящейся в состоянии беременности, с особой жестокостью. Об умысле С., направленном на убийство потерпевшей С.Г. свидетельствуют его фактические действия. Так он, С., нанося удары С.Г. ножом в жизненно важные органы шею, грудь сознавал, что в результате его действий наступит смерть потерпевшей, желал и сознательно допускал ее наступления, при этом совершая убийство С.Г. на глазах ее мужа С.Е., сознавал, что своими действиями причиняет особые страдания и мучения С.Е., зная, что С.Г. беременна. Суд обоснованно пришел к выводу о доказанности вины С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 2 п. п. "г", "д" УК РФ [3].

Кроме ошибки в объекте выделяется ошибка в предмете посягательства и в личности потерпевшего. Такие ошибки не оказывают влияние на форму вины, на квалификацию преступления.

Следующий вид фактической ошибки - ошибка в характере совершаемого действия (или бездействия). Лицо неправильно оценивает свои действия как общественно опасные, тогда как они не обладают этим свойством. Влияние ошибки в характере совершаемого деяния на форму вины отсутствует, так как деяние остается умышленным, но ответственность наступает не за оконченное преступление, а за покушение на него, поскольку преступное намерение не было реализовано. К ошибке в характере совершаемого действия относится заблуждение лица о правомерности своих действий. При совершении данной ошибки отсутствует умысел, что исключает и уголовную ответственность. Если же деяние признается преступным и при неосторожной форме вины, то ответственность за неосторожное преступление наступает только при условии, что лицо должно было и могло осознавать общественную опасность своего деяния, т.е. при виновной ошибке. Например, О. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ О. признан виновным и осужден за незаконное хранение боеприпасов, а именно за то, что в период ****, не имея специального разрешения, выданного специализированным органом, незаконно хранил по месту своего жительства, по адресу: <адрес>,приобретенные в период с ***

по **** спортивно-охотничьи патроны калибра. N, предназначенные для стрельбы из нарезного огнестрельного оружия, в количестве 260 штук. О. пояснял, что патроны он приобрел в ДД.ММ.ГГГГ годах, когда проживал в городе <адрес>, занимался спортивной стрельбой, часто участвовал в спортивных соревнованиях, имел третий разряд по спортивной стрельбе; тогда же им была приобретена винтовка "N", калибра N разрешение на ношение которой было выдано в милиции; патроны к данной винтовке продавались свободно, приобретал их в универмаге без какого-либо специального разрешения. В ДД.ММ.ГГГГ им было получено свидетельство о прохождении курса подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием, но о том, что хранить данные патроны нельзя, он не знал, на учебе это не разъясняли, инструктажа относительно хранения данного вида патронов и разъяснения уголовной ответственности за нарушение хранения указанных боеприпасов не проходило. Суд посчитал доводы О. о неумышленном характере действий О., который не осознавал незаконность хранения боеприпасов, суд апелляционной инстанции, так же, как и суд первой инстанции, признает несостоятельными [1].

Если к объективной стороне преступления такие признаки как способ, место, обстановка или время совершения деяния, то ошибка относительно этих признаков означает разновидность ошибки в характере совершаемого деяния. При этом квалификация преступления определяется содержанием и направленностью умысла виновного. Ошибка относительно общественно опасных последствий может касаться либо качественной, либо количественной характеристики этого объективного признака.

Ошибка относительно качества, т.е. характера общественно опасных последствий, может состоять в предвидении таких последствий, которые в действительности не наступили, либо в непредвидении таких последствий, которые фактически наступили. Такая ошибка исключает ответственность за умышленное причинение фактически наступивших последствий, но может влечь ответственность за их причинение по неосторожности, если таковая предусмотрена законом. Деяние, повлекшее не те последствия, которые охватывались умыслом субъекта, квалифицируется как покушение на причинение последствий, предвиденных виновным, и, кроме того, как неосторожное причинение фактически наступивших последствий.

Ошибка относительно тяжести общественно опасных последствий означает заблуждение в их количественной характеристике. При этом фактически причиненные последствия могут оказаться либо более, либо менее тяжкими по сравнению с предполагаемыми.

Общее правило квалификации при фактической ошибке состоит в том, что она влияет на квалификацию. Наиболее распространены два возможных варианта квалификации: 1) совершенное деяние квалифицируется как покушение и по совокупности - неосторожное преступление; 2) совершенное деяние квалифицируется только как покушение на преступление. Этот постулат определяется тем, что заблуждение касается непосредственно деяния и условий его совершения, и ошибка всегда связана с измененными представлениями виновного о социальной значимости деяния и, следовательно, характере и степени общественной опасности, что не может не отразиться на квалификации, в основе которой всегда характер и степень опасности деяния.

Таким образом, к фактической ошибке относится заблуждение субъекта преступного посягательства относительно фактических обстоятельствах, составляющих объективные признаки преступления, влияющие на характер и общественную опасность преступления. Практическое значение имеет лишь существенная фактическая ошибка, т.е. та, которая касается обстоятельств, имеющих значение признака состава преступления и в

этом качестве влияющих на содержание вины, ее форму и пределы уголовно-правового воздействия.

В зависимости от содержания неправильных представлений, т.е. от предмета неверных восприятий и оценок, принято различать следующие виды фактической ошибки: в объекте посягательства, в характере действия или бездействия, в тяжести последствий, в развитии причинной связи, в обстоятельствах, отягчающих ответственность.

Литература

1. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 10.11.2020 по делу N 22-2276/2020 // СПС

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2020 N 32-УД20-29сп-А4 // СПС Консультант Плюс

3. Определение Верховного Суда РФ от 08.08.2002 N 81-о01-219 // СПС Консультант Плюс.

4. Колосовский В.В. Ошибки при квалификации по объекту и предмету преступления // Вестник Челябинского государственного университета.2003. Т. 9. № 1. С. 22-27.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Брусенцева Василина Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация: в настоящее время уголовный закон содержит несколько статей, позволяющих привлекать лиц к уголовной ответственности за нарушение закона в сфере обращения с животными. Анализ объективных признаков преступлений и правонарушений, формально закрепленных законодателем в исследуемых в данной составах, будет способствовать выявлению преступлений и их пресечению

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, преступление, незаконная охота, уголовный закон

FEATURES OF DIFFERENTIATION OF CRUELTY TO ANIMALS WITH RELATED ELEMENTS OF CRIME

Brusentseva Vasilina Anatolievna
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch

Summary: at present, the criminal law contains several articles that make it possible to prosecute persons for violation of the law in the field of the treatment of animals. Analysis of the objective signs of crimes and offenses, formally enshrined by the legislator in the investigated in this composition, will contribute to the identification of crimes and their suppression

Keywords: animal cruelty, crime, illegal hunting, criminal law

В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации [7] закреплено несколько статей, позволяющих привлекать лиц к уголовной ответственности за нарушение закона в сфере обращения с животными. Эти статьи закреплены в главах 25 и 26 УК РФ – ст. 245 УК РФ и ст. 258 УК РФ. Чтобы предотвратить такие деяния необходимо наличие определенного правового опыта в данной сфере.

Анализ объективных признаков преступлений и правонарушений, формально закрепленных законодателем в следующих составах, будет способствовать выявлению их общих и отличительных признаков:

- ст. 245 и ст. 258 УК РФ;
- ст. 258 УК РФ и ч. 1 ст. 8. 37 КоАП РФ;
- ст. 245 УК РФ и идентичные административные правонарушения в области жестокого обращения с животными, нормы которых предусмотрены в законах субъектах РФ.

Объектом ст. 245 УК РФ является общественная нравственность в сфере гуманного отношения к животным. В свою очередь, объектом ст. 258 УК РФ, по мнению Абдулмуталибов М.Г., являются «правоотношения, возникающие на основе федерального законодательства в сфере рационального использования, сохранения и обеспечения необходимой численности диких зверей и птиц, находящихся в состоянии естественной свободы» [1, С. 106].

Предметом данных составов преступлений являются животные. Однако определение «животные» в рассматриваемых составах рознятся. Так, предметом в ст. 245 УК РФ являются как домашние животные, так и дикие, а также пресмыкающиеся, земноводные и рыбы. Предметом в ст. 258 УК РФ, по мнению Ляпунова Ю.И., являются только дикие животные, которые обитают в окружающей среде [3, С. 76]. Таким образом, предмет ст. 245 УК РФ включает в себя содержание предмета ст. 258 УК РФ.

При анализе объективной стороны данных составов наблюдаются сходства. Под жестоким обращением в ст. 245 УК РФ понимают совершение деяний, противоречащих общепринятому обращению и сознательно приводящих к переживанию животными неоправданных мучений.

В соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8] принципом правового регулирования в данной сфере является «использование охотничьих ресурсов с применением орудий охоты и способов охоты, соответствующих требованиям гуманности и предотвращения жестокого обращения с животными». Следовательно, признаки незаконной охоты хоть и раскрываются через признаки жестокого обращения, но не содержат общих черт, так как согласно вышеуказанному закону орудия и способы охоты не должны допускать жестокого обращения с животными. Однако конститутивные признаки в п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ допускают возможность совершения незаконной охоты с использованием жестоких средств и способов умерщвления животных (применение взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей).

На основе таких противоречий возникает ещё один вопрос, а именно, как квалифицировать деяния незаконной охоты, совершенной с использованием средств и способов жестокого обращения с животными.

В юридической литературе не сложилось единого мнения по данному вопросу. Так, ряд ученых – криминалистов предлагают квалифицировать данные деяния по совокупности только в том случае, если жестокое обращение с животными (применение механического транспортного средства, взрывчатых веществ, газа) являлось способом незаконной охоты.

Яцеленко Б.В. наоборот считает, что если незаконная охота была совершена с использованием взрывчатых веществ, газа и других способов массового уничтожения, то деяние необходимо квалифицировать исключительно по п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ [6, С. 99].

Таким образом, проявление жестокости по отношению к животным в результате незаконной охоты полностью охватывается п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ. А деяния ст. 245 УК РФ и ст. 258 УК РФ необходимо квалифицировать по совокупности только в том случае, если противоправные действия при незаконной охоте совершаются в присутствии малолетнего лица, который осознаёт общественную опасность совершаемых действий.

В законодательстве РФ помимо уголовной ответственности за жестокое обращение с животными существует и административная ответственность. В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [5] указаны признаки, которые отличают ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» и ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ «Нарушение правил охоты»:

1) причинение крупного ущерба;

2) применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей;

3) совершение деяния в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена;

4) совершение деяния в отношении птиц и зверей на особо охраняемой природной территории, в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

Отсутствие четких критерий разграничения ч. 1.2 ст. 8.37 КоАП и ст. 258 УК РФ создаёт трудности при квалификации действий, которые сопряжены с жестоким обращением с животными, а также создаёт проблему для разграничения данных преступлений в законах некоторых субъектов РФ.

Так, в законодательстве Москвы нормы ответственности за противоправные действия с животными закреплены следующим образом. В Кодексе города Москвы об административных правонарушениях, а именно в статьях 5 и 7, предусмотрена ответственность за совершение жестоких действий в отношении животных [2]. В указанном выше документе отличительным признаком административной и уголовной ответственности за рассматриваемое деяние является отсутствие в данном деянии признаков преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Другим примером является Закон Ленинградской области «Об административных правонарушениях» [4], где устанавливается ответственность за «жестокое обращение с животными, повлекшее гибель или увечье, а равно истязание животных при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности».

Так как признаки жестокого обращения с животными идентичны для административного правонарушения, то на практике очень часто возникает вопрос о том, как квалифицировать содеянное виновным.

Таким образом, ответственность за жестокое обращение с животными предусмотрена не только УК РФ, но и КоАП РФ. В законодательных актах не содержится четких критерий для разграничения ст. 258 УК РФ и ст. 8.7 КоАП, то на основе анализа мнений ученых, для решения этой проблемы необходимо закрепить в диспозиции ст. 245 УК РФ административную преюдицию. Вопрос об отграничении жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений смежных с ним составов, требует дальнейшей разработки и принятия незамедлительных законодательных мер к его разрешению.

Литература

1. Абдулмуталибов, М.Г. К вопросу о понятии объекта незаконной охоты в уголовном праве России / М.Г. Абдулмуталибов // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. − 2015. − № 2(25). − С. 104-109.

2. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях: Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 22 мая 2019 г.) // Ведомости Московской городской Думы. − 2008. − № 12. − Ст. 251.

3. Иногамова-Хегай Л.В., Клепицкий И.А., Авдеев В.А. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров. − М.: Проспект, 2017. − 558 с.

4. Об административных правонарушениях: Областной закон Ленинградской области от 2 июля 2003 г. № 47-оз (ред. от 23 июля 2021) // Вестник Правительства Ленинградской области. − 2003. − № 15.

5. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. − 2012. − № 12.

6. Рарог, А. И. Уголовное право в вопросах и ответах: учебное пособие /А.И. Рарог М.: Проспект, 2016. −201 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. − 2001. − № 23. − Ст. 2954.

8. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (в ред. от 11 июля 2021 г.) // СЗ РФ. − 2009. − № 30. − Ст. 3735.

УДК 343

КРИМИНАЛЬНЫЕ БАНКРОТСТВА: ОТДЕЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Быстрова Юлия Викторовна
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Аннотация. В данной статье рассмотрен объект преступного посягательства и его виды в сфере криминальных банкротств. Уделено внимание детерминантом рассматриваемых преступлений, среди которых выделяют: причины, условия, корреляты.

Ключевые слова: экономические преступления, банкротства, криминальные банкротства, детерминанты.

CRIMINAL BANKRUPTCY: SEPARATE CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS

Bystrova Yulia Viktorovna
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Oryol State University named after I.S.Turgenev

Annotation. This article examines the object of criminal encroachment and its types in the field of criminal bankruptcies. Attention is paid to the determinants of the crimes under consideration, among which are: causes, conditions, correlates.

Key words: economic crimes, bankruptcies, criminal bankruptcies, determinants.

Уголовный кодекс Российской Федерации не закрепляет понятие объекта преступления, однако определяет перечень общественных отношений охраняемых уголовным законом.

В перечне объектов уголовно-правовой охраны отражена иерархия ценностей, являющаяся логическим следствием положения, содержащегося в ст. 2 Конституции РФ. Закрепленная в статье последовательность охраняемых благ служит основой структуры построения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [3].

Так содержание главы 22 УК РФ имеет важную цель, а именно сориентировать в многообразии экономических преступлений, определить место каждого из них в общей системе, понять содержание, выяснить характер внутренних взаимосвязей между нормами Особенной части УК РФ, правильно определить совокупность благ и интересов.

Предложенные учеными классификации, различаются как количеством выделяемых в результате группировки элементов, так и по виду различных критериев, положенных в основу такого деления [2, с. 32; 3, с.13].

В связи с этим представляется необходимым исследование, общепринятой доктриной уголовного права классификации объектов преступного посягательства.

Согласно данной классификации объектов преступлений они делятся по вертикали и горизонтали. По вертикали они делятся на: общий, родовой, видовой объекты преступных посягательств; по горизонтали: на основной, дополнительный и факультативный объекты.

Общий объект представляет собой систему, образуемую объектами всех без исключения общественно опасных посягательств, предусмотренных уголовным законом, его содержанием являются все социальные блага, которые в конкретный исторический период и в конкретном обществе признаются наиболее значимыми.

В качестве родового объекта преступлений предусмотренных главой 22 УК РФ, в том числе и криминальных банкротств, называют совокупность общественных отношений, на нарушение которых направлены преступные деяния, ответственность за которые предусмотрена в одной главе Особенной части УК РФ; то есть как совокупность общественных отношений, возникающих по поводу охраны установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, куда входит производство, распределение, обмен и потребление материальных и нематериальных благ и услуг [1].

Видовой объект представляет часть однородных ценностей, составляющих часть родового объекта.

Классификация по горизонтали относится в первую очередь к сложным преступлениям, конструкция которых включает в себя два и более объектов преступления.

Экономические преступления ввиду обозначенного объекта преступления, имеют определенную специфику, которая обуславливается экономической сферой деятельности, а также личностью преступника.

Указанный вопрос, в рамках изучения проблематики расследования криминальных банкротств, является особенно интересным. Это связано с тем, что криминологическая характеристика экономических преступлений, а в частности преступлений в сфере банкротства позволяет разработать меры по противодействию указанной категории

преступности, а также позволяет определить социально-криминологические показатели эффективности данных мер.

Для более детального исследования преступлений в сфере банкротства необходимо определить причины и условия экономической преступности, а затем выделить отличительные особенности преступлений в сфере банкротства.

Как известно в основе определения условий преступности находятся детерминанты (от лат. Determinare — «определять»), которые представляют комплекс социальных явлений, взаимодействие которых порождает преступность.

В криминологической науке сегодня можно выделить три вида детерминантов: причины, условия, корреляты.

Причины преступности представляют собой систему негативных общественных явлений в различных областях жизнедеятельности человека, которые в следствии порождают преступность.

К общим причинам преступности относятся, те причины, которые напрямую не вызывают преступность, а создают лишь возможность индивидуального преступного поведения на уровне социального слоя (группы).

К указанной категории причин можно отнести следующие обстоятельства:

1) проведение неудачной экономической политики, которая заключается в неспособности государства обеспечить конструктивное реформирование экономических отношений;

2) низкий уровень правового регулирования экономических отношений со стороны государства;

3) правовой нигилизм в обществе;

4) низкая эффективность работы контролирующих органов;

К причинам отдельных групп преступлений (организованные, неосторожные, преступления совершенные несовершеннолетними, несовершеннолетних лиц, экономические преступления) относят такие как, психологическая сформированность определенной группы населения (например в отношении несовершеннолетних), политическая обстановка, технические возможность совершения преступлений и т.д.

Предметом исследования становится непосредственно личность преступника, его окружение, семейное положение, уровень психологического и физиологического развития, а также обстановка совершения преступления, мотивы и т.д.

По содержанию различают - политические, экономические, идеологические, социально-психологические, организационно-управленческие детерминанты преступности.

Следующей категорией детерминантов выступают условия преступности. Условия преступности – это явления или процессы, которые сами по себе не могут породить непосредственно данное следствие (преступление), но, сопутствуя причинам в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения следствия (совокупность деяний нарушающих уголовный закон).

Последней категорией детерминантов являются корреляты. Корреляты представляют собой многофакторную детерминацию в массовидных системах (преступности и ее детерминантах), при которой изменения в одном ряду факторов в сторону возрастания или уменьшения вызывают соответствующие изменения в другом ряду факторов, Это связь соответствия, более или менее полной синхронной взаимозависимости нескольких явлений друг от друга [6, с.97].

Применительно к преступлениям содержащихся в главе 22 УК РФ необходимо отметить общность мотивации (корысть) и совершаются в сфере экономических отношений.

Стоит отметить что, экономическая преступность и корыстная преступность являются разными категориями.

Корыстная преступность имеет цель удовлетворение потребностей за счет преступных действий, главным определяющим признаком которой выступает «корыстный мотив»https://studme.org/55710/pravo/kriminologicheskaya_harakteristika_prestupleniy_sfere_ekonomicheskoy_deyatelnosti - gads_btm. Вместе с тем корыстный мотив присущ и экономическим преступлениям.

К основным причинам экономической преступности в современной России можно отнести:

- отсутствие предпринимательской этики, что подтверждается заимствование во многих сферах бизнеса элементов теневой экономики;

- снижение трудовой мотивации, больше части трудового населения страны. Указанная позиция объясняется тем, что в условиях развивающего рынка сохраняются барьеры препятствующие осуществлению бизнеса в стране.

-резкое снижение инвестиционной активности. Указанная причина вытекает вследствие ненадежности инвестиций в Российскую экономику. Российская Федерация оказалась на 31 месте по уровню инвестиций в мире [5].

- недостатки правовой системы регулирования рыночных отношений, следствием чего является создание благоприятных условиях, для совершения экономических преступлений.

Несомненно, криминальная обстановка в любой сфере действия уголовного законодательства не является статичной и меняется под воздействием множества объективных и субъективных факторов.

Для выявления основных тенденций изменения криминологической ситуации в сфере незаконного банкротства кредитных организаций основным фактором является нормативно-правовое регулирование института несостоятельности (банкротства).

Безусловно, любая преступность, в том числе преступность, связанная с преднамеренным и фиктивным банкротством субъектов экономической деятельности, детерминируется рядом факторов, в числе которых основным является наличие противоречий, а именно: в экономической сфере, между различными отраслями права, противоречия между законодательством о хозяйственной деятельности организаций и практикой такой деятельности.

На основании полученных результатов на указанном этапе исследования, справедливо утверждать, что на современном этапе развития рынка, для предотвращения совершения преступлений указанной категории необходимы законодательные изменения, отвечающие современным требованиям общества и государства.

Литература

1. Кубанцев С.П. Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений в сфере банкротства / С.П. Кубанцев // Журнал российского права. − 2015. − № 7. − С. 92-96.

2. Кузнецов А.П., Бокова И. Н., Маршакова Н. Н. Проблемы классификации преступлений, совершаемых в сфере экономики // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. − № 1.-2. − 2006. − С.29-38.

3. Кругликов, Л.Л. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания) / Л. Л. Кругликов, Н. О. Дулатбеков. – Ярославль: Ярославл. гос. ун-т, 2001. – 158 с.

4. Рарог А.И., Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Рарог А.И. − М.: Проспект, 2017. − 912 с.

5. Рейтинг стран мира по уровню инвестиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info. - Дата доступа: 01.10.2021.
6. Савельева, О.Ю. Криминология: электронное учеб.-метод. пособие / О.Ю. Савельева.−Тольятти: Изд-во ТГУ, 2019.− 236 с.

УДК 343.97

ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ

Ворошкевич Станислав Анатольевич
старший преподаватель кафедры права и экономики,
Минский инновационный университет, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: stas.voroshkevich.120@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные причины и факторы, влияющие на рост преступлений среди несовершеннолетних. Ввиду отсутствия единого подхода к определению причин совершения преступлений несовершеннолетними, анализируются мнения некоторых ученых, статистические данные, зарубежный опыт. Кроме того, сформулированы отдельные теоретические выводы и предлагаются пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, преступление, дифференциация возраста уголовной ответственности, профилактика.

REASONS, CONDITIONS AND FACTORS OF COMMISSION OF CRIMES BY MINORS

Voroshkevich Stanislav Anatolevich
Minsk Innovation University, e-mail: stas.voroshkevich.120@mail.ru

Summary. This article examines the main reasons and factors influencing the growth of juvenile crime. Due to the lack of a unified approach to determining the reasons for committing crimes by minors, the opinions of some scientists, statistical data, and foreign experience are analyzed. In addition, some theoretical conclusions are formulated and ways of improving the current legislation are proposed.

Keywords: minors, criminal responsibility, crime, differentiation of the age of criminal responsibility, prevention.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что борьба с преступностью несовершеннолетних является одной из основных задач в искоренении преступности в государстве в целом. Как справедливо полагает А. Н. Кульгавик, «существует немало факторов, под действием которых коэффициент преступности несовершеннолетних стремительно начинает расти» [1, с. 251]. Так, белорусские ученые к факторам, влияющим на подростковую преступность относят следующие:

1) низкий материальный уровень, который приводит к росту психоэмоциональных перегрузок и усилению кризиса в семейных отношениях. В свою очередь, указанные обстоятельства способствуют возрождению детской безнадзорности как социального явления;

2) идейно-нравственный кризис. В молодежной среде культивируются негативные стереотипы поведения, получают все большее распространение алкоголизм и наркомания, укореняется эгоистическая и иждивенческая психология [2, с. 14].

При этом белорусский законодатель уделяет особое внимание преступности несовершеннолетних. Подтверждением данного факта является наличие в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) отдельного раздела, регулирующего особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет.

Известно, что общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Однако следует отметить, что за преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 27 УК, ответственность наступает с 14 лет. В частности, к подобным преступлениям относятся: убийство (ст. 139 УК), изнасилование (ст. 166 УК), похищение человека (ст. 182 УК), кража (ст. 205 УК) и ряд других преступлений. Подчеркнем, что в самом законе отсутствует точное определение возраста, а установлены лишь возрастные границы привлечения лица к уголовной ответственности. По нашему мнению, основополагающим критерием при установлении составов преступлений, за которые ответственность наступает с 14 лет, законодатель установил не категории преступлений по степени их общественной опасности, а те деяния, общественную опасность которых лицо, достигшее 14-летнего возраста, может осознать.

М. В. Малинина отмечает, что «в ряде стран минимальный возраст субъекта преступления не установлен. Например, в странах с развитой правовой системой, таких как Франция, Бельгия, Швеция, законодательство в течение долгого времени не указывало на конкретный минимальный возраст уголовной ответственности, «предоставляя суду в каждом случае решать вопрос об основаниях для «вменения». В тех государствах, где возраст регламентирован, в этом плане также имеются значительные различия» [3, с.124].

На наш взгляд, не представляется возможным выделить в УК в качестве субъекта преступления несовершеннолетнего, хотя формально не достигшего законодательно установленного возраста привлечения к уголовной ответственности, но фактически обладающего качествами, достаточными для определения вменяемости. Введение однозначного положения в действующем уголовном законодательстве вызвало бы сложности на практике, связанные с проведением судебно-психологической экспертизы. В этой связи законодателем абсолютно правильно установлены возрастные границы привлечения лиц к уголовной ответственности.

В марте 2020 года на заседании Комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров заместитель премьер-министра Республики Беларусь И. В. Петришенко сообщил, что в январе-феврале 2020 года преступность несовершеннолетних в сравнении с аналогичным периодом 2019 года снизилась на 17,8 % [4]. Это свидетельствует о том, что меры профилактики, проводимые различными органами в отношении несовершеннолетних, приводят к положительным результатам. Вместе с тем анализ демографической ситуации показывает, что количество несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, то есть потенциальных субъектов преступлений, за последнее десятилетие сократились почти в 2 раза [5, с. 139].

Ввиду отсутствия единого подхода к определению причин совершения преступлений несовершеннолетними, проанализируем некоторые мнения ученых. Например, белорусский криминолог Д. А. Плетенева считает, что «несовершеннолетние преступники принимают криминальные формы поведения как уголовную романтику и не видят ее изнанки. Преступление для них – это просто акт смелости, в котором реализуется стремление самоутвердиться, показать себя взрослым, «настоящим мужчиной», покрасоваться перед сверстниками, знакомыми девушками» [6, с. 174]. В свою очередь, по мнению российского ученого-криминолога А. И. Долговой, «механизм становления

несовершеннолетнего на преступный путь служит как взаимодействие следующих трех основных обстоятельств: нахождение в семье, которая не желает, не умеет либо не может воспитывать ребенка; неудачи в учебном заведении, конфликты с педагогами либо с детским коллективом; переориентация на досуговые связи, сближение с лицами, характеризующимися аморальным или криминальным поведением» [7, с. 711].

Интересной и весьма актуальной точки зрения придерживается белорусский специалист в области уголовного права и криминологии В. А. Беспалов, по мнению которого «одной из причин преступности несовершеннолетних является неорганизованность досуга» [8, с. 52]. Полагаем, что отдельные вопросы вызывает нежелание подростков заниматься различными видами спорта, что является существенной проблемой и способствует развитию преступности среди рассматриваемой категории лиц.

Еще одним существенным вопросом в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних является недостаточное сотрудничество школ с правоохранительными органами. По нашему мнению, большое внимание необходимо уделить подготовке и подбору сотрудников, которые непосредственно занимаются организацией и проведением мероприятий, направленных на снижение уровня подростковой преступности [9, с. 215].

Подчеркнем, что в структуре преступного поведения несовершеннолетних имеются отличия от общей структуры преступности. С. А. Максименя указывает, что «по правовым объективным и субъективным основаниям несовершеннолетние реально тяготеют к относительно ограниченному числу отдельных видов преступлений» [10, с. 43]. К сожалению, несовершеннолетние нередко совершают такие преступления, как кражи, грабежи, разбои, хулиганство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и др.

Необходимо подчеркнуть, что правосудие в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь осуществляется судами общей юрисдикции. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» в целях строгого соблюдения норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих судебное производство по делам о преступлениях несовершеннолетних, всестороннего и объективного разбирательства, с учетом особенностей личности несовершеннолетнего обвиняемого дела данной категории рассматриваются под председательством судей, имеющих специальную подготовку. Данная подготовка предусматривает необходимость повышения квалификации не только по вопросам права, но и педагогики, социологии, психологии.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать отдельные теоретические выводы:

1) отклоняющееся поведение несовершеннолетних в значительной степени определяется их нравственно-психологическим состоянием и средой пребывания, а также недостаточным уровнем сознания, ориентированности в различных ситуациях, отсутствием социального опыта, что указывает на усиление меры борьбы с преступностью несовершеннолетних со стороны государственных органов, социальных педагогов, психологов путем нахождения внутреннего контакта и регулярного проведения профилактических бесед с проблемными подростками;

2) в целях совершенствования профилактики и предупреждения преступлений несовершеннолетних, на наш взгляд, Министерству образования Республики Беларусь совместно с Министерством внутренних дел Республики Беларусь важно предусмотреть в системе учебных заведений специальные курсы по подготовке специалистов в сфере криминологической профилактики среди несовершеннолетних, ориентируя их на превентивную педагогику, а также профилактику преступлений молодежи;

осуществление всего комплекса мер по профилактике и предупреждению преступлений молодежи требует как значительного кадрового и материально-ресурсного обеспечения, так и изменения психологии тех профессионалов, которые занимаются данными проблемами.

Литература

1. Кульгавик, А. Н. Уголовная ответственность несовершеннолетних в Беларуси и зарубежных странах. Причины подростковой преступности / А. Н. Кульгавик // Молодость. Интеллект. Инициатива: матер. VIIМежд. науч.-практ. конф. студ. и магистр., Витебск, 18 апр. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. С. 251–253.
2. Бутримова, Ю. С. Профилактика преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский анализ / Ю. С. Бутримова // Актуальные вопросы теории и практики исполнения законодательства о профилактике преступлений и иных правонарушений и надзора за деятельностью органов дознания: материалы региональной научно-практической конференции сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, студентов, Витебск, 1–2 декабря 2015 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А. П. Петров (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. С. 13–16.
3. Малинина, М. С. Несовершеннолетний как субъект уголовной ответственности / М. С. Малинина // Лучшая студенческая статья 2017: сб. статей победителей Vмежд. науч.-практ. конкурса / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2017. С. 265–268.
4. В Беларуси отмечается снижение подростковой преступности [Электронный ресурс] // БЕЛТА, 1999 – 2020. Режим доступа: https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-otmechaetsja-snizhenie-podrostkovoj-prestupnosti-petrishenko-384995-2020/. (дата обращения: 26.12.2020).
5. Шкаплеров, Ю. П. Преступность несовершеннолетних в Республике Беларусь: статистика и перспективы / Ю. П. Шкаплеров // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2020. № 1. С. 137–140.
6. Плетенева Д. А. Криминология: курс лекций / Д. А. Плетенева. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. 200 с.
7. Долгова А. И. Криминология. Учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
8. Беспалов, В. А. Криминологическая обусловленность специфических правовых условий уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет / В. А. Беспалов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2020. № 1 (47). С. 50–55.
9. Зорин, Р. Г. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь / Р. Г. Зорин, С. А. Ворошкевич // Современные вопросы государства, права, юридического образования : сборник научных трудов по материалам XIII Международной научно-практической конференции. 22 декабря 2017 г. / М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина», ТРО ООО «Ассоциация юристов России» ; отв. ред. О. В. Белянская.Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018. 344 с.
10. Максименя, С. А. Современная криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в общей системе преступности / С. А. Максименя // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 40–45.

УДК 343.8

КОНЦЕПЦИЯ УИС 2030 – ДОКТРИНАЛЬНЫЙ НПА

Дмитриев Андрей Леонидович
старший преподаватель кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация. Данная статья посвящена анализу принятой Концепции 2030, в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также внесенные изменения в отношении лиц, освобожденных из МПС.

Авторы также уделили внимание основополагающему принципу УИС, а именно, переход исполнения уголовных наказаний в ИУ с мультирежимной формой, что позволит более эффективно исполнять решения судебных органов. Утвержденная Концепция 2030 включила в работу УИС все современные принципы необходимой достаточности, непротиворечивости, преемственности, комплексности и общественной значимости.

Авторы акцентируют внимание на том факте, что Концепция является дорожной картой, которая раскрывает потенциал в соответствии с вызовами, стоящими перед УИС РФ, выстраивая цели и вектор ее развития на указанный период в соответствии с законодательством, а также с учетом международных норм и стандартов.

Ключевые слова: Концепция 2030, ужесточение положений отбытия наказания, мультирежимные исправительные учреждения, принципы Концепции, рекомендаций европейских правозащитных структур.

UIS 2030 CONCEPT - DOCTRINAL RLA

Dmitriev Andrey Leonidovich
Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch

Annotation. This article is devoted to the analysis of the adopted Concept 2030, in the field of the execution of criminal sentences in relation to persons serving a sentence of imprisonment, as well as the changes made in relation to persons released from the Ministry of Railways. The authors also paid attention to the fundamental principle of the penal system, namely, the transfer of the execution of criminal punishments to the penitentiary institution with a multi-mode form, which will allow for more efficient execution of decisions of the judicial authorities. The approved Concept 2030 included in the work of the UIS all modern principles of the necessary sufficiency, consistency, continuity, complexity and social significance. The authors focus on the fact that the Concept is a planning document that determines, in accordance with the challenges facing the penal system of the Russian Federation, the goals and priority areas of its development for the specified period in accordance with the legislation, as well as taking into account international norms and standards.

Keywords: Concept 2030, tougher provisions for serving sentences, multi-regime correctional institutions; principles of the Concept, recommendations of European human rights structures.

Современный мир очень быстро меняется, локомотивом являются сферы IT технологий и достижения четвертой научной революции, где искусственный интеллект все

будет решать за человека. При этом достижения в научной сфере накладывают отпечаток на все остальные правоотношения, не остались в стороне отношения по защите прав человека, что непосредственно затрагивает защиту прав и законных интересов осужденных отбывающих наказание в местах принудительного содержания.

Российская Федерация на протяжении последних 20-ти лет неуклонно следует современным принципам, гуманизма, равенства осужденных перед законом, законности и демократизма в национальной уголовно-исполнительной политике, придерживаясь основных тенденций международных положений в области защиты прав и законных интересов осужденных. [2]

Несмотря на очень сложную ситуацию, в связи с ковид-19, ФСИН не прекращало работу по обсуждению и принятию Концепции УИС до 2030 года.

Концепция развития УИС на период 2010 - 2020 года определявшая вектор развития отечественной уголовно-исполнительной системы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р утратила свою силу.

Сегодня стало очевидным, что все положительные изменения в системе ФСИН РФ не смотря на голоса скептиков произошли в соответствии с разработанной концепцией на целое десятилетие с 2010 по 2020 год.

Положительный аспект пенитенциарной политики показывает анализ поступивших жалоб из мест лишения свободы, которые постоянно сокращаются начиная с 2017 года. Можно предположить, что Концепция не только стала теоретическим планом, которых принимается достаточно и многие из них не реализуются на практике, то данный документ задав вектор совершенствования, во многом уже внес в работу УИС необходимые коррективы, часть которых была реализована, что оказало положительные изменения условий содержания осужденных, но главное был заложен фундамент для дальнейшего реформирования. [1]

Учитывая, что не только государство, общество, но также и ФСИН РФ в первую очередь проявляет заинтересованность в разработке и принятии Концепции УИС 2030, обсуждение которой началось в 2018 году.

Важно подчеркнуть, что на этапе подготовки основная задача, состояла в проведение анализа итогов проделанной работы за прошедшее десятилетие, решение вопросов, которые являлись наиболее сложными и пока остались не решенными, а также выработки эффективных способов и мер решения назревших проблем. [6]

Не остался без дискуссии даже такой вопрос, как спор о названии подобного рода документов, например, почему концепция, а не доктрина или стратегия? При том, что существует ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.08.2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 31.07.2020), в котором дана характеристика документам стратегического планирования в государственной и муниципальной деятельности.

После долгих обсуждений и обмена мнениями, внесенных предложениях Концепция развития УИС до 2030 г. была подписана в конце апреля 2021 года. Основная работа сосредоточена в области создания учреждений объединенного типа, что даст возможность комплексно проводить решение суда по вынесенным приговорам.

Очевидно, что в основе этих и других (смежных) вопросов будет находиться триединый и взаимосвязанный аспект:

1) пространственное развитие;

2) законодательство;

3) правоприменение. [6]

В основе стратегического развития лежит идея учреждение УИС объединенного (комбинированного) типа. Данная форма не противоречит эффективной практики применения режима исполнения уголовных наказаний в МПС, а носит мультирежимный характер.

Сегодня существуют исправительные учреждения, которые объединяют несколько режимов на одной территории, например, Т-2 и ИК-6 УФСИН по Липецкой области, что позволило использовать камеры Т-2 г. Ельца под СИЗО для обвиняемых и подозреваемых. Данный аспект не противоречит ни отечественным, а также и международным НПА в сфере исполнения уголовных наказаний.

Принятие Концепции 2030 года было пронизано современными изменениями, которые не только учли данные позитивные изменения в области принудительного содержания осужденных, но главное, что они нашли отражение в принятой Концепции. Так новая Концепция приобрела три новых подраздела, например, об оказании медицинской помощи, капитальном строительстве и научно-техническом обеспечении.

Концепция обрела более четкие задачи, которых предусмотрено 7, что на 5 меньше предыдущей, что является качественным показателем, во-первых, поставленные задачи имеют конкретные цели, на них выделены бюджетные средства, во-вторых, некоторые уже не только в процессе, но главное эффективно решены по итогам прямых разговоров, круглых столов и мнения экспертов.

Уголовная политика в области наказания за преступления XX века ставила СССР на второе место в мире по количеству осужденных содержащихся в МПС, Концепция 2020 положило начало реформирования, что послужило отправной точкой в череде поправок и принятия Законов, Постановлений, Указов, которые снизили количество заключенных в МПС.

С учетом данных ФСИН РФ на отчетный период 1 октября 2021 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 469 385 чел. (-13 447 чел. к 01.01.2021). [6]

Для сравнения в 1992-2002 гг. на 100 тыс. населения в России в среднем насчитывалось 647 заключенных, а в США 626.

Таким образом, Концепция 2030 документ нового формата, который закладывает вектор на перспективную и эффективную работу системы в целом. Основная идея с мультирежимными исправительными учреждениями в стадии формирования, но ресоциализация осужденных как показал опыт УИС эффективно применяется и остается таковым в исправительных колониях как основного вида ИУ.

Важно учитывать региональный фактор, например, г. Москва, Санкт-Петербург перегружены по числу обвиняемых и подозреваемых в СИЗО, а также осужденных к лишению свободы. При этом сегодня УФСИН по Липецкой области имеет недокомплект от максимального размещения спецконтингента, что привело к закрытию ИК-5 на территории г. Липецка и открытия на его базе центра исправительных работ.

Однако, кроме смягчения, Концепция 2030 вносит и положение, согласно которому появляется возможность применять меры, например, незачет в срок отбывания наказания времени, проведенного осужденным в ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ.

Происшествия в МПС, которые становятся регулярными, например, 2020 год: апрель Ангарск, июнь Ульяновская область, 2021 год: февраль Самарская область, март Канеск-Уральский, октябрь Владикавказ и т.д., что подтверждает гипотезу об ухудшении криминогенного состава осужденных.

После внесения поправок в УК, УИК, приговор в виде лишения свободы выносится за преступления тяжких и особо тяжких преступлений, следовательно, в МПС отбывают наказание злостные преступники.

Таким образом, меры воспитательного воздействия на данный спецконтингент становятся малоэффективными, что в первую очередь отражается на осужденных, которые впервые совершили преступление, например, по статье 264, 228 и другие УК РФ, учитывая, что средний возраст по данным видам преступлений составляет 25 лет, а средний срок лишения свободы 7 лет. Вопрос не праздный о введении уголовной ответственности отдельных категорий осужденных, которые оказывают злостное неповиновение законным требованиям администрации ИУ либо иное противодействие.

Опыт и практика исполнения наказаний с учетом мнения Уткина В.А., который положил начало исследованию системы наказаний, его идея состояла в следующем: «Необходимо изучать и обсуждать вопрос о возможности продления судом срока содержания в ИУ в отношении лиц, упорно демонстрирующих нежелание принять нормы и принципы общества и государства». Кроме того, сегодня можно найти пример данного принципа в ФРГ [9, с. 130].

Другой спорный вопрос изменение режима, например, УДО, перевод из одного режима в другой и замена неотбытой части наказания другим видом наказания страдает односторонней оценкой, которая строится на показателях, которые не имеют точных критериев, можно сказать применяются «на глаз» с большой долей вероятности, кому поверят. Данное обстоятельство необходимо отрегулировать, разработать критерии и внести их в перечень документов для судебного разбирательства.

В Концепции 2030 предусмотрено положение о разработке критериев определения степени исправления осужденных и их оценочных показателей.

Современный УК и УИК не предоставляет такой возможности, но дает полную свободу судебным органам. Общество и адвокатский корпус в первую очередь ждут решения вопросов относительно критериев определения степени исправления осужденных и их оценочных показателей.

Новое направление получило развитие в Концепции 2030 – это УДО, которое по замыслам разработчиков необходимо разделить, во-первых, институт досрочного освобождения, применяемый к лицам, доказавшим свое исправление, во-вторых, институт условного освобождения, применяемый к лицам, дальнейшее отбывание наказания которых возможно без лишения свободы. Необходимо внести ясность, что мера, как условное освобождение, применяемая к лицам, дальнейшее отбывание наказания которых возможно без лишения свободы, видимо, подразумевает дальнейшее развитие применения наказания в виде обязательных, исправительных и принудительных работ.

Согласно данным УИС РФ на начало 2020 действовало 15 исправительных центров и 67 изолированных участков ИУ, функционирующих как исправительные центры. Ждет открытие в Липецке ИК-5, которая скоро будет действовать как центр исправительных работ, что снимет напряженность в ЦФО. Необходимо принимать во внимание тот факт, что сегодня не менее 200 тыс. осужденных имеют формальные основания подать ходатайства на замену лишения свободы принудительными работами.

Дискуссионный вопрос Концепции 2030 развития гибридных (мультирежимных) учреждений, который на повестке еще с предыдущей Концепции 2020 остался не решенным. Положительным моментом здесь выступает сокращение (ликвидация, консервация) ИУ, что положительно скажется на установлении социально полезных связей осужденными с родственниками, что отражено в законе «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» № 96-ФЗ, следовательно, необходимо осуществить «переход» на современные ИУ.

Кроме того, особенно важно предусмотреть ряд положений в свете внедрения рекомендаций европейских правозащитных структур о содержании подозреваемых и

обвиняемых в СИЗО, а также отбытии наказания в ИУ трансвеститов, транссексуалов, трансгендеров, а также лиц, которые не считают себя ни мужчинами, ни женщинами, либо не относят себя к обоим этим гендерам, либо (как считают) находятся «между» ними или «вне» их (небинарные и квир-идентичности).

В условия развития IT технологий и обеспечения безопасности данных о личности человека, усиливается тенденция гендерной идентичности личности. Вопрос крайне сложный, что касается учреждений исполнения уголовных наказаний тем более, где акцент должен быть направлен на определение мест и особенностей отбывания наказания и содержания под стражей, а также обеспечение личной безопасности, доступное медицинское обеспечение и прочие законные интересы осужденных.

Сегодня, основываясь на началах гуманизма исполнения уголовных наказаний, получил развитие институт обязательных, исправительных и принудительных работ. Учитывая данные по количеству вынесенных приговоров, то данный вид уголовного наказания лидирует по приговорам посредством лишения свободы, что является эффективной мерой исправления осужденных, небольшой и средней тяжести. Однако, нет бочки меда без ложки дёгтя. Необходимо сослаться на ст. 80 УИК РФ, в которой предусмотрено содержание осужденных раздельно, отдельно и изолированно. Институт всех видов работ как замена лишению свободы этого не предусматривает, т.к. по решению суда там пребывают самые разные категории осужденных.

Кроме того, вопрос о гражданах (гражданские жены/мужья) пребывающие на длительное свидание остается в правовом поле начальника ИУ, что часто вызывает вопросы по принятию решения, а также о статусе данных граждан, которые на период длительного свидания ограничиваются, «лишаются» свободы, например, сотовых телефонов и свободу передвижения.

Таким образом, Концепция 2030 после долгих обсуждений принята, однако, необходимо постоянно корректировать и своевременно вносить необходимые поправки в НПА, которые необходимы для эффективной работы УИС в сфере достижения главной цели перевоспитание осужденных и снижение рецидивной преступности.

Необходимо подчеркнуть, что усилия в реализации Концепции 2020 дали свои положительные результаты, что легло в основу Концепции 2030, которая после согласования с разными институтами общества, отразила все требования и приняла окончательных вид.

Литература

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской газеты. URL: https://rg.ru/2021/04/01/rg-publikuet-doklad-o-deiatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-za-2020-god.html (дата обращения: 08.11.2021).

2. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.11.2021).

3. Понятие и цели наказания // Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. 590 с.

4. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.11.2021).

5. Проект ведомственного акта Минюста России «Об утверждении типовых структур и типовых штатных расписаний исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений и следственных изоляторов, подведомственных территориальным органам Федеральной службы исполнения наказаний» [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: офиц. сайт. URL: https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#departments=57&npa=116724 (дата обращения: 21.10.2021).

6. Концептуальные идеи развития УИС РФ до 2030 года [Электронный ресурс] // официальный сайт УФСИН России по Самарской области. URL: https://63.fsin.gov.ru/news/detail.php?month=4&year=2019&ELEMENT_ID=499980 (дата обращения: 08.11.2021).

7. Статистические данные ФСИН РФ [Электронный ресурс] // официальный сайт ФСИН России. URL: https: //fsin.gov.ru (дата обращения: 08.11.2021).

8. Селиверстов В. И. О будущей концепции развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в свете воззрения профессора А. И. Зубкова // Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития: материалы межвузовской научно-практической конференции посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова, Дню российской науки, 140-летию УИС и 85-летию Академии ФСИН России. (Рязань, 8 февраля 2019 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 259-266.

9. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций / В.А. Уткин. − Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. − 240 с.

УДК 343

УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН РФ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РОССИИ

Егоров Вадим Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация. В данной статье автор провел анализ одному из основополагающих положений уголовного законодательства, которое предусматривает наказание за преступления, совершенные в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации. Авторы сделали акцент на том факте, что национальной уголовное законодательство подвержено влиянию международных договоров в этой области отношений.

Ключевые слова: лицо без гражданства, преступление вне пределов страны, ответственность, международный договор, толкование закона.

LIABILITY CONDITIONS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION WHO COMMIT CRIMES OUTSIDE RUSSIA

Egorov Vadim Alekseevich
Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch

Annotation. In this article, the author analyzed one of the fundamental provisions of the criminal legislation, which provides for punishment for crimes committed against persons who have committed a crime outside the Russian Federation. The authors emphasized the fact that national criminal legislation is influenced by international treaties in this area of relations.

Key words: stateless person, crime outside the country, responsibility, international treaty, interpretation of the law.

Преступность в наступившем веке перешагнула традиционные границы между государствами, что оказывает большое влияние на формы, методы привлечения лиц, совершивших преступление за пределами своего государства.

Однако, необходимо сделать акцент, что Российская Федерация уделяет данному вопросу первостепенное значение, что выражено в ст. 12 УК РФ принятого в 1996 году, после принятия Конституции РФ 1993 года.

Данный факт послужил отправной точкой в решение вопроса по принципам действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 2 УК РФ, граждане совершившие преступления за пределами границ РФ, подлежат уголовной ответственности в государстве, чьими гражданами они являются, при условии, что судом другого государства не вынесло судебного решения в отношении совершенного преступления. Решение судебного органа, приговор, не может превышать верхнего предела предусмотренного статьей УК иностранного государства, т.е. предусмотренной нормой уголовного закона того государства, где было совершено преступление [2].

Отечественная уголовная политика придерживаясь мировых трендов в отношении лиц, совершивших преступления, а также исходя из гуманных побуждений и принципа справедливости, которых отражен в ст. 50 Конституции РФ и ст. 6 УК РФ, гласит, «что граждане РФ не несут уголовную ответственность дважды за одно преступление, т.е. в стране, где оно было совершено, и в России. Это положение в буквальном переводе с языка римского права гласит: «Не дважды за одно и то же» [2].

Однако, граждане и лица, проживающие на территории, имеют некоторые особенности в соответствии со ст. 12 УК РФ.

Европейский суд по правам человека принимает данную формулировку с оговоркой, что сегодня после распада Советского Союза многие граждане бывшего СССР, которые остались на территории иностранных государств, например, Украины, Армении и т.д. Однако, после прекращения гражданства СССР, данные граждане не вступили в гражданство Российской Федерации, а также не приобрели гражданство государства, в котором проживают.

По условиям международных договоров, граждане РФ совершившие преступления вне территории государства, должны быть осуждены и отбывать наказание в своей стране в соответствии с нормами, указанными в ст. 2 УК РФ. При этом необходимо учитывать тот факт, что ключевым моментом в данном случае является не проживание, т.е. лицо на постоянной основе проживает на территории РФ, но при этом не является гражданином, следовательно, будут привлечены по нормам в соответствии с международными договоренностями.

Военнослужащие воинских частей РФ, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления против интересов, охраняемых ст. 2 УК РФ, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по УК РФ.

Помимо вышесказанного, категория граждан без получения гражданства, в соответствии с международными НПА несет ответственность по законодательству государства (страны), в котором произошло задержание, с условием, что данное государство ратифицировало международные соглашения в этой области.» [8]. Этот момент распространяется и на Российскую Федерацию, что предоставляет ей право наказывать за совершенные преступления [5]. Принципиальным по факту будет необходимость состоять в гражданстве РФ и вторым фактом, совершение преступления вне пределов России.

Однако, как и кто будет привлечен к ответственности, если место преступление квартира в Санкт-Петербурге, где хакер, гражданин Российской Федерации разработал программу и запустил её в действие, но сервер находится за пределами государства, например, на острове Крит, Греция, а банк получатель денежных средств находится в Швейцарии. В этом случае, если кресло и компьютер находится в РФ, то действие ст. 12 УК РФ к данному гражданину не применимо. Отечественная правоприменительная практика не содержит конкретной привязки места совершения преступления, данная статья дает комментарий по месту его физического нахождения в момент причинения вреда либо иного преступного действия [6].

Лица без гражданства и иностранцы привлекаются к уголовной ответственности в России за преступления, совершенные ими за пределами нашей страны в двух случаях [4].

Учитывая важность самого процесса привлечения к уголовной ответственности, то во-первых, санкция предусматривает преступления безопасности мира и призывы к терроризму и экстремизму. Во-вторых, санкцию по отношению к совершенным действиям в соответствии с международным договором, ратифицированным РФ.

Кроме того, один из основополагающих факторов – это нормы международного права, которые привлекают к ответственности за преступления, предусмотренные нормами международного права, захвату заложников, пиратству, незаконному обороту наркотиков и др. При этом главным является принцип, «двойное» наказание исключается не зависимо от гражданства.

Итогом может быть альтернатива, когда заинтересованное государство для того чтобы привлечь лицо, за совершение преступления, вынуждено задержать его в нейтральной стране и этапировать для судебных действий.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

1. Владимир Маркин: по событиям на Украине в СК расследуется шесть уголовных дел // ТАСС. Информационное агентство России: [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/opinions/interviews/1599698/ (дата обращения: 15.10.2021).

2. Волеводз А. Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? / А.Г. Волеводз // Криминология: вчера, сегодня, завтра. − 2014. − № 3. − С. 45-51.

3. Возбуждены еще два уголовных дела в связи с событиями на юго-востоке Украины // Следственный комитет РФ: [Электронный ресурс]. URL: http://sledcom.ru/news/item/1065642/ (дата обращения: 15.10.2021).

4. Возбуждены уголовные дела по фактам воспрепятствования украинскими радикалами проведению выборов в Госдуму РФ // Следственный комитет РФ: [Электронный ресурс]. URL: http://sledcom.ru/news/item/1068297/ (дата обращения: 15.10.2021).

5. Жукова Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан

в досудебных стадиях в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. / Жукова, Наталья Алексеевна. − СПб., 2003. − 18 с.

6. Королев Г. А. Проблемы применения универсальной юрисдикции in absentia / Г.А. Королев // Журнал российского права. − 2017. − № 10. − С. 78-83.

7. Королев Г. А. Универсальная юрисдикция государств в отношении серьёзных нарушений норм международного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Королёв, Георгий Александрович. − М., 2010. − 21 с.

8. Московский комсомолец: «Бастрыкин рассказал о кассетных бомбах и числе жертв на Украине» // Следственный комитет РФ: [Электронный ресурс]. URL: http://sledcom.ru/press/smi/item/964167/ (дата обращения: 15.10.2021).

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИИ В СФЕРЕ ПОДДЕЛКИ, ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЛИ ОБОРОТА ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, БЛАНКОВ, ШТАМПОВ И ПЕЧАТЕЙ

Карлин Владимир Александрович
старший преподаватель кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация: Уголовно-правовая природа преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ заключается в том, что с ростом документооборота растёт рост преступности в этой сфере. Поддельные документы позволяют совершать и иные преступления в связи с чем рассматриваемый состав является крайне опасным для поддержания уровня преступности на должном уровне. За счет этого, рассматриваемый состав преступления, и проблемы, которые с ним связаны не теряют актуальности на сегодняшний день

Ключевые слова: подделка документа, преступность, преступления в сфере подделку штампов и печатей

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF A CRIME IN THE FIELD OF FORGERY, MANUFACTURE OR CIRCULATION OF FORGED DOCUMENTS, FORMS, STAMPS AND SEALS

Karlin Vladimir Alexandrovich
senior lecturer of the Department Criminal law, process and criminalistics
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk

Summary: The criminal-legal nature of the crime provided for in Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation lies in the fact that with the growth of document circulation, the growth of crime in this area is growing. Forged documents allow committing other crimes, and therefore the considered composition is extremely dangerous for maintaining the level of crime at the proper level. Due to this, the considered corpus delicti and the problems associated with it do not lose their relevance today.

Keywords: document forgery, crime, crimes in the field of forgery of stamps and seals

В ст. 327 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение ряда преступлений, которые прежде всего разнятся в объекте посягательства. Так, в ч. 1 говорится о

документах, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также о государственных наградах РФ, РСФСР, СССР, штампов, печатей или бланков, а именно их изготовление. В ч. 2 этой же статьи речь идет о паспорте гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей. А вот в ч. 3 говорится именно об использовании указанных поддельных документов, т. е. законодатель выделяет еще один состав преступления, при этом не указывая, что он имеет ввиду под термином «использование поддельных документов».

Иные части нормы относятся к числу квалифицированных составов и содержат признаки, отягчающие вину по указанным выше преступлениям.

Для нормальной работы органов управления необходимо, чтобы в обороте находились только подлинные документы, удостоверяющие действительные факты. Поэтому уголовный закон предусматривает ответственность за подделку документов и некоторые другие неправомерные действия с ними. Данный состав отличается от рассмотренных ранее по предмету: в нем речь идет о поддельных документах (наградах, штампах, печатях, бланках), имитирующих или искажающих подлинные. По предмету рассматриваемое деяние отличается также от изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, незаконной выдачи или подделки рецептов, или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ. Предметом преступления, предусмотренного ст. 380, являются только удостоверения или официальные документы, которые предоставляют права или освобождают от обязанностей. [1, с. 190.] Подделка иных (неофициальных) документов не образует анализируемого состава и может влечь административную ответственность.

Переходя к анализу, отметим, что, исходя из представленных законодателем норм и формулировок следует, что те документы, штампы, бланки, которые не влекут предоставления прав или освобождения от обязанностей не могут рассматриваться как объект рассматриваемого уголовного деяния.

При этом, любой документ (будь то договор или доверенность, акт приемки-передачи или акт сверки, счет или счет-фактура, и т. п.) может быть предметом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ если он содержит: ложные сведения (полностью подложный документ) или исправления (частично подложный документ) искажающие его действительное содержания.

Из-за неопределённой объективной стороны преступления, сложности возникают при квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ. В теории уголовного права отмечается, что использование подложного документа представляет собой его предъявление или представление с целью получения какого-либо права, или освобождения от обязанностей.

Следствие и суды сталкиваются с проблемой определения вышеуказанной цели у виновного лица, или наоборот ее отсутствия. Сложность возникла за счет того, что все еще по данному вопросу нет четких пояснений и руководства от Верховного суда РФ.

При этом, говоря об использовании подложных документов при наличии цели, мы говорим о прямом умысле субъекта. Такой субъект умышленно использует его для получения прав или и освобождения от обязанностей, но если с изготовлением таких документов ситуация ясна, то в случае с использованием сложно установить заведомость, т. к. порой лицо не знает о подложном характере документа.

При подделке (изготовлении) обязательным признаком является цель использования, которая либо имеется у самого подделывателя, либо он осознает, что эту цель преследует другое лицо, для которого изготавливается подложный документ или другой предмет. Однако данного состава нет, если подделка совершается в иных целях: для

коллекционирования, демонстрации своего мастерства либо, когда, например, документ о возрасте подделывается, чтобы не считаться старше (иногда наоборот, моложе) своих друзей или подруг. Цель использования документа позволяет провести отличия между его подделкой и повреждением. Любое изменение документа повреждает его, однако состав повреждения имеется, когда оно совершается для приведения документа в негодность, а при подделке виновный желает использовать измененный документ для получения прав или освобождения от обязанностей.

Спорная ситуация возникает и при внесении изменений в официальный документ. При привлечении к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ в данном случае необходимо определять лицо, которое внесло изменения, определить в какое время и при каких обстоятельствах имело место внесение изменений в официальный документ, после чего он может считаться подложным. В случае непризнания вины обвиняемым доказать данные действия не представляется возможным, поскольку, если лицо не установлено и сам обвиняемый дает показания, о том, что не знает, кто именно и когда внес изменения или подделал документ.

Таким образом, существующие проблемы в области привлечения к уголовной ответственности за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, бланков, штампов и печатей, имеет существенные сложности, которые формируют квалификационные проблемы и сложности. В особенности это касается ч. 3 ст. 327 УК РФ, которая с точки зрения теории и практики является проблемной и требующей внимания, а также качественного изменения.

Литература

1. Агаев, Г. А. Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков: проблемные аспекты квалификации: монография / Г.А. Агаев. – М.: Закон, 2018. – 202 с.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. Закона от 05.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

УДК 343

УЧЕТ СУДИМОСТИ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПРЕПЯТСТВУЮЩЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЮ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ

Климов Андрей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация: В статье проанализированы проблемные вопросы уголовно-правового законодательства, предусматривающего учет судимости, как обстоятельство, препятствующее освобождению от уголовной ответственности и наказания.

Ключевые слова: судимость, уголовная ответственность, наказание, обстоятельства, исключающего возможность освобождения лица от уголовной ответственности или наказания.

TAKING INTO ACCOUNT FOR JUDGMENT AS A CIRCUMSTANCY PROTECTING EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT

Klimov Andrey Sergeevich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department Criminal law, process and criminalistics, Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk

Summary: The article analyzes the problematic issues of criminal law, which provides for the registration of a criminal record as a circumstance that prevents release from criminal liability and punishment.

Keywords: conviction, criminal liability, punishment, circumstances precluding the possibility of releasing a person from criminal liability or punishment.

Судимость может выступать в качестве обстоятельства, исключающего возможность освобождения лица от уголовной ответственности или наказания. Так, в действующем уголовном законодательстве институт освобождения от уголовной ответственности предусматривает следующие виды освобождения от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ, ч. 2 ст. 75 и соответствующие примечания к конкретным статьям Особенной части УК РФ); в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ); по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ); в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ); в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ); в связи с изданием акта об амнистии (ч. 2 ст. 84 УК РФ); в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия к совершеннолетним (ч. 1 ст. 90 УК РФ). Однако ограничения применения института освобождения от уголовной ответственности, связанные с наличием судимости можно обнаружить только в ст. ст. 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ, так как одним из условий освобождения является совершение преступления лицом впервые.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» в ст. ст. 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ, впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении, которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении, которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Далее отмечается, что при освобождении от уголовной ответственности лиц по основаниям, предусмотренным статьей 76.1 УК РФ, необходимо также учитывать при-

мечания к соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Исходя из этого, судам следует иметь в виду, что для целей статьи 76.1 УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается.

Судимость, в ряде случаев, ограничивает возможность применения к лицу различных оснований освобождения от наказания. Основания освобождения от наказания закреплены в различных главах УК РФ, но в целом, к ним можно отнести: ст. 73 УК РФ (условное осуждение), ст. 79 УК РФ (условно-досрочное освобождение от наказания), ст. 80 УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания), ст. 80.1 УК РФ (освобождение от наказания в связи с изменением обстановки), ст. 81 УК РФ (освобождение от наказания в связи с болезнью), ст. 82 УК РФ (отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей), ст. 83 УК РФ (освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда), ст. 84 УК РФ (амнистия), ст. 85 УК РФ (помилование), ст. 92 УК РФ (освобождение от наказания несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия), а также специальное основание освобождения от наказания можно обнаружить в примечании 1 к ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». Однако ограничения, связанные с применением института освобождения, можно обнаружить только в ст. 73 УК (условное осуждение), ст. 80.1 УК РФ (освобождение от наказания в связи с изменением обстановки), ст. 82.1 УК РФ (отсрочка отбывания наказания больным наркоманией), ст. 84 УК РФ (амнистия) и специальное основание, закрепленное в примечании 1 к ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

В соответствии со ст. 73 УК РФ суд может условно назначить исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, если придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Но в то же время в данной статье содержится ряд ограничений, при наличии которых условное осуждение не назначается, в их числе п. «в» ч. 1 ст. 73 УК - при опасном или особо опасном рецидиве [2, с. 81].

В соответствии со ст. 80.1 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки — это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. В данном случае наличие судимости также препятствует применению данной нормы [1, 251].

В соответствии с ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, отсрочка может быть применена к осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ, изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию, но не более чем на пять лет. Следует обратить внимание, что в данном случае речь идет только о наличие судимостей за совершение конкретных преступлений, а именно, предусмотренных ч. 1 ст. 228 – «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере»; ч. 1 ст. 231 – «Незаконное

культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»; ст. 233 – «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ».

Конституция РФ предусматривает возможность амнистирования лиц, совершивших преступления, и относит объявление амнистии к ведению Государственной Думы (ч. 1 ст. 103). Содержание амнистии в Конституции не раскрыто. Это сделано законодателем в ст. 84 УК РФ. В соответствии с ее положениями, амнистия есть правовой акт, объявляемый Госдумой в отношении индивидуально не определенного круга лиц, которые по усмотрению Госдумы могут быть наделены следующими преференциями: 1) освобождение их от уголовной ответственности; 2) сокращение назначенного им наказания; 3) замена назначенного им наказания более мягким видом наказания; 4) освобождение их от дополнительного вида наказания; 5) снятие с них судимости (если наказание отбыто).

Таким образом, амнистия может являться основанием освобождения от наказания. В то же время достаточно часто одним из условий освобождения является отсутствие судимости за предыдущее преступление.

В Особенной части Уголовного кодекса РФ содержится единственное основание освобождения от наказания. Так, в ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» содержится примечание 1. В соответствии с ним лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Следует отметить, что ч. 1 ст. 134 УК предусматривает ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. В качестве ограничения освобождения здесь следует указание на лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК, таким образом, лица, имеющие судимость за данное преступление, не подлежат освобождению. Интересно, что в данном случае законодатель в качестве ограничения освобождения от наказания указывает только на ч. 1 ст. 134 УК, игнорируя другие части этой статьи, а также иные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы.

Таким образом, правоприменитель ограничивает возможность освобождения от уголовной ответственности при наличии вступившего в законную силу приговора суда и, как следствия, судимости, такое же влияние оказывает судимость на возможность освобождения от наказания. Однако, по нашему мнению, судимость, как погашенная, так и непогашенная, должна играть более существенное значение при изучении возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также применении условного осуждения.

Литература

1. Готчина, А.В., Никуленко, А.В., Никонович С.Л. Уголовное право (Общая часть): курс лекций: учебно-методическое пособие / под ред. Л. В. Готчиной, А. В. Никуленко, С. Л. Никоновича. – Тамбов - Санкт-Петербург − Липецк: Изд-во Першина Р. В. − 2015. – 342с.

2. Климов, А. С., Хорьяков, С. Н. Актуальные проблемы определения сроков погашения судимости по действующему уголовному законодательству / А.С. Климов, С.Н. Хорьяков // Библиотека уголовного права и криминологии. − 2017. − № 6 (24). − С. 156-163.

3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. − 2013. − № 8.

УДК 343

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРОВОКАЦИИ И ЗАКОННЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Корнев Александр Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Кузнецов Виталий Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал

Аннотация: Вопрос провокации в оперативно-розыскной деятельности наиболее часто возникает при проведении таких оперативно-розыскных мероприятий как проверочная закупка и оперативный эксперимент. Данная проблема является достаточно старой, однако ежегодно возникают все новые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые признаются как провокация. Анализируя судебную практику преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также преступлений коррупционной направленности следует отметить, что актуальность данной проблемы остается по-прежнему высокой. Исходя из этого, сохраняется необходимость в постоянном изучении и совершенствовании нормативно-правовой базы и правоприменительной практики проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: провокация, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, проверочная закупка, оперативный эксперимент.

DISTINCTION OF PROVOCATION AND LEGAL FORMS AND METHODS OF OPERATIONAL INSPECTION ACTIVITIES

Kornev Alexander Sergeevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, process and criminalistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk,
Vitaly Kuznetsov,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, process and criminalistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk

Summary: The issue of provocation in operational-search activities most often arises when conducting such operational-search activities as test purchases and operational experiments. This problem is quite old, but every year there are new aspects of the conduct of operational-search measures, which are recognized as a provocation. Analyzing the judicial practice of crimes related to drug trafficking, as well as crimes of corruption, it should be noted that the urgency of this problem remains high. Proceeding from this, there remains a

need for constant study and improvement of the regulatory framework and law enforcement practice of conducting operational-search activities.

Keywords: provocation, operational-search activity, operational-search activities, test purchase, operational experiment.

Термин «провокация» применительно к оперативно-розыскной (сыскной) деятельности появился в обиходе оперативных подразделений России в начале XX века. Первые упоминания о полицейских провокациях содержались в секретной инструкции Департамента полиции России 1907 г. об организации политического розыска, однако направленность лиц, осуществлявших провокации, отличалась от современного понимания провокации как запрещенного действия в оперативно-розыскной деятельности.

С 1991 г. по настоящее время происходит закрепление структуры оперативных подразделений вначале милиции, а затем полиции; производится законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности; уточняются полномочия сотрудников оперативных подразделений. Принимаются Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года [1], Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее также - Федеральный закон об ОРД), получающий статус базового нормативно-правового акта, регулирующего основы и содержание ОРД [2].

УК Российской Федерации вновь закрепляет понятие провокации применительно к различным действиям, связанным с искусственным созданием доказательств преступления. Так, в статье 304 УК Российской Федерации устанавливается ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг.

Требования ч. 8 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», запрещающие органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокации). [3]

В современно зарубежном мире отношение к провокациям существенно изменилось. Например, в США провокация делится на два вида: правомерную и неправомерную. Правомерной провокацией признается оперативное поведение, которое характеризуется отсутствием применения методов убеждения или побуждения лица к совершению преступления. Такой метод раскрытия преступлений признан законным и применяется всеми подразделениями силовых структур США, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В отношении же неправомерной провокации установлен строгий уголовно-правовой запрет, содержащийся в уголовном законодательстве США. Например, в статье 40 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк указывается, что уголовно наказуемым является «вовлечение в ловушку», при котором в результате активного побуждения или подстрекательства гражданин совершает преступление, не имея перед этим намерения и не склонным его совершать. Если лицу просто предоставляется возможность совершить посягательство, то такие действия не являются «вовлечением в ловушку. [4, с. 148.]

Уголовно-правовые нормы, посвященные отдельным видам провокации, содержатся и в уголовных законах стран СНГ: Белоруссии, Украины, Казахстана и других независимых государств. Сущность явления провокации обозначается законодателями стран СНГ довольно схожим образом.

Как указывалось, выше современное понимание оперативно-розыскной провокации состоит в том, что сотрудник оперативного подразделения различными методами

склоняет лицо к совершению преступления, при этом без подстрекательства, то есть активного, непосредственного участия оперативного сотрудника, у лица не возник бы умысел на совершение преступного деяния и не произошла бы его реализация.

Провокация как метод борьбы с преступностью известна очень давно и активно используется не только в современной России, но и в других странах мира, в том числе и европейского континента. Но в России она приобретает свое «особое» звучание не только в силу субъективных факторов, связанных с правоприменением вообще, но также и из-за слабого законодательного регулирования деятельности правоохранителей при проведении оперативного эксперимента, проверочной закупки и других оперативно-розыскных мероприятий; отсутствия надлежащей ответственности за провокационную деятельность должностных лиц государства и адекватного механизма отношения государства к лицам, которые попали в поле зрения оперативных сотрудников, совершили или покушались на совершение общественно опасного деяния с ведома и (или) под контролем субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Судебная практика содержит немало случаев, когда действия оперативных сотрудников признавались провокационными. Следует отметить, что данный факт влечет различные негативные последствия – от признания доказательств, полученных в результате проведенного ОРМ, недопустимыми и отмены приговора, до осуждения сотрудников оперативных подразделений.

Несомненно, деятельность оперативных подразделений основывается, прежде всего, на сочетании гласных и негласных методов работы и проведению различных оперативно-розыскных мероприятий, в том числе – связанных с наблюдением за преступной деятельностью без попыток ее пресечь. Однако данное наблюдение должно служить только целям документирования, сбора доказательств виновности, и впоследствии заканчивается пресечением преступной деятельности.

Ряд вопросов возникает при разграничении провокации и негласных методов ОРД, к которым относится внедрение в организованные преступные группы сотрудников оперативных подразделений; вербовка участников преступных сообществ с целью предоставления информации об их деятельности; оперативная разработка подозреваемых в следственных изоляторах; получение информации о личности и действиях преступников посредством использования негласных методов и ряд других.

В этой связи следует указать, что при осуществлении негласных методов ОРД следует руководствоваться тем же правилом, а именно - соблюдать запрет подстрекательства на совершение преступления либо продолжения преступной деятельности без намерения ее пресечь.

В большинстве случаев, проведение ОРМ на примере - проверочной закупки и оперативного эксперимента предопределяет наличие следующих проблем:

1 Сложность в подготовке значительного количества документов, требующих ведомственного и судебного санкционирования в кротчайшие сроки. Зачастую именно быстрое и своевременное решение на проведение мероприятий в рамках проверочной закупки и оперативного эксперимента предопределяет успех в поставленных целях.

2 Прогрессирующая динамика появления ранее не известных обстоятельств, способных изменить ход проведения оперативно-розыскных мероприятий. В рамках оперативного эксперимента и проверочной закупки сотрудники должны проявлять повышенную осторожность в своих действиях, чтобы избежать возможность отказа лиц, в отношении которых проводятся мероприятия, завершить противоправные действия.

3 Привлечения значительного количества сотрудников полиции. Провести оперативный эксперимент и проверочную закупку одному оперативному сотруднику не

представляется возможным, так как при проведении данных мероприятий необходимо контролировать обширный пласт действий разрабатываемого лица. Начиная с первоначальной проверки и заканчивая задержанием.

Правовая основа оперативно-розыскной деятельности включает в себя международные нормативные правовые акты и законодательство Российской Федерации. Учитывая юридическую иерархию, следует провести деление на две группы: международные и национальные. [5, с. 221.]

Международные акты включают в себя:

Нормативные правовые акты, утвержденные, ратифицированные Российской Федерацией:

1 Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., которая определяет надлежащих к исполнению круг прав и свобод человека, основывается на принципе сотрудничества [6];

2 Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, который также нацелен на соблюдение неотъемлемых прав человека [7].

3 Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года [8], в которой закреплены нормы, неотъемлемо влияющие на законодательство Российской Федерации.

Ключевую роль при рассмотрении вопроса о провокации в оперативно-розыскной деятельности играют п. 1 ст. 6 и ст. 8 Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Пункт 1 ст. 6 предусматривает, что каждый человек, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

Анализ решений Европейским Судом по правам человека показывает, что нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции связано с тем, что суды не осуществляют эффективной проверки доводов послуживших основанием проведения оперативно-розыскного мероприятия. Так, при рассмотрении уголовного дела и вынесении приговора в отношении Волчкова С.А., судом небыли рассмотрены доводы о провокации при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» результаты которого использованы в качестве доказательства при обосновании его виновности в покушении на сбыт наркотических средств, что послужило основанием для отмены, уголовного дела и передачи на новое судебное рассмотрение [9].

Статья 8 Конвенции содержит два аспекта правового регулирования, которые должны соблюдаться правоохранительными органами при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Первый заключается в наличии у каждого лица права на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Второй в наличии запрета на вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности

и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц.

Положения данной статьи в контексте «предусмотрено законом» подразумевает требование правового закрепления проводимого мероприятия, открытость данной нормы, т.е. ее официальное опубликование, что означает недопустимость закрепления данных положений в нормативных актах, носящих гриф секретности и «предсказуемость» проведения негласных мероприятий. При этом предсказуемость не означает, что лицо должно иметь возможность предвидеть, когда власти могут провести ОРМ, так чтобы оно могло соответственно адаптировать свое поведение, а предполагает четкое, подробное и ясное законодательное закрепление обстоятельств и условий при которых оперативные подразделений имеют право проводить такие мероприятия, а также правил их проведения, особенно когда они осуществляются негласно. Отсутствие в российской правовой системе ясной и предсказуемой процедуры санкционирования признано структурной проблемой, которая не позволяет национальным судам проводить эффективное рассмотрение жалоб на провокации со стороны сотрудников полиции. Ссылаясь на правовые позиции относительно нарушений, связанных с процедурой разрешения и проведения оперативно-розыскных мероприятий, Европейский Суд по правам человека систематически приходит к выводу о том, что рассмотрение уголовного дела в отношении разрабатываемых лиц не соответствовало понятию справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, с позиции ЕСПЧ оперативно-розыскные мероприятия не сопряженные с ограничением конституционных прав личности, не подпадают под действие процессуальных гарантий, описанных в ст. 8 Закона об ОРД (наличие судебного разрешения), не имеют иных положений законодательства, регулирующие сферу применения и продолжительность мероприятий, процедуры контроля за разрешением и осуществлением таких мероприятий или правила использования различных методов или устройств при их проведении, что может привести к произволу со стороны правоохранительных органов, а также принятию незаконных, необоснованных или несправедливых судебных решений.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что компетенция нормативно правовой базы Российской федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности, а именно в рамках оперативно-розыскных мероприятий является недостаточно законодательно урегулирована, на что Европейский суд по правам человека также, неоднократно уделяет внимание.

Национальное законодательство включает в себя:

1 Конституция Российской Федерации, которая является важнейшей правовой основой оперативно розыскной деятельности и имеет непосредственное отношение к защите прав и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств. На конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина опираются все нормы ФЗ об ОРД и строится содержание оперативно-розыскной деятельности, что засвидетельствовано решениями Конституционного Суда Российской Федерации [10].

2 Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995г. № 144-ФЗ – это нормативный правовой акт, непосредственно устанавливающий и регулирующий исходные положения об оперативно-розыскной деятельности. В указанном выше Федеральном законе раскрывается понятие оперативно-розыскной деятельности, перечислены и раскрыты основания, задачи и принципы производства оперативно-

розыскных мероприятий, зафиксированы правила документирования и использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Также стоит отметить, что непосредственно в ст. 5 данного федерального закона закреплено краткое понятие термина «провокация». Толкование раскрыто следующим образом – подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий является провокацией. В данном нормативном правовом акте также перечислены органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, их права и обязанности [2].

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [1] – это нормативный правовой акт нормы, которого непосредственно регулируют оперативно-розыскную деятельность, он включает в себя ряд статей, подразумевающих предметы и вещества, реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен на территории Российской Федерации. В ст. 2 приведены основные задачи, которые решает оперативно-розыскная деятельность, это охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Также необходимо отметь то, что в данном нормативном правовом акте присутствует термин, «провокация» который закреплен в ст. 304. Данная стать трактуется следующим образом – провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

4 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ – это нормативный правовой акт, нормы которого закрепляют правильность использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Это свидетельствует о том, что доказательства о причастности лица к готовящемуся, совершаемому либо совершенному преступлению возможно приобщить к уголовному делу только при соблюдении процессуальных требований, а именно: постановление о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Также необходимо отметить, что в ч. 4, п. 1, ст. 38 УПК Российской Федерации прописано, что следователь вправе дать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий [11].

Также стоит отметить, что проблемным вопросом в сфере реализации решения в рамках пересмотра приговора по уголовным делам, где проводились оперативно-розыскные мероприятия оперативный эксперимент и проверочная закупка, остается открытым. Так, по данной проблеме в 2016 году Верховный Суд Российской Федерации опубликовал обширный обзор, в котором изложил правовые позиции Европейского Суда в отношении дел, по которым было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с осуждением заявителей в результате провокации со стороны сотрудников полиции. После этого он издал ряд аналогичных разъяснений прецедентной практики Европейского Суда по данному вопросу. Кроме того, в соответствии с частью пятой статьи 415 УПК Российской Федерации Президиум Верховного Суда Российской Федерации регулярно санкционировал возобновление производства по уголовному делу ввиду установления Европейским Судом нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку суды Российской Федерации не провели эффективную проверку доводов обвиняемых о том, что уголовное преступление было совершено в результате провокации со стороны сотрудников полиции [12].

В частности, в упомянутом выше деле Европейский Суд установил, что при проведении пересмотра дел заявителей внутригосударственные суды просто повторили

доводы судов первой инстанции в отношении первого эпизода и постановили, что только оставшиеся эпизоды, связанные с оборотом наркотиков, составляли провокацию, поскольку при этом не преследовались законные цели, такие, как выявление и предупреждение преступлений.

Проблема заключается в том, что Российские суды не рассмотрели должным образом основной вопрос, поднятый в жалобах заявителей, а именно то, что сотрудники не имели достаточных оснований на проведение каких-либо негласных мероприятий и что они неправомерно провоцировали заявителей продавать наркотики. Суды не требовали каких-либо доказательств о наличии противоправной деятельности и просто принимали неподтвержденные заявления сотрудников на этот счет [13].

5 Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» – это нормативный правовой акт, который непосредственно регулирует действия оперативных сотрудников в осложнившихся ситуациях по применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также о проведении таких мер государственного принуждения как задержание и вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории [14].

6 Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» – это нормативный правовой акт, в котором отражены особенности проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка, а также закреплено его определение:

– проверочная закупка – оперативно-розыскное мероприятие, в ходе которого с разрешения и под контролем органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, допускается покупка (приобретение) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов или оборудования.

7 Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» – это нормативно правовой акт, в котором содержаться толкования основных понятий, используемых в оперативно-розыскной деятельности при проведении оперативно-розыскных мероприятий «коррупция» и «противодействие коррупции». Под коррупцией подразумевается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Термин противодействие коррупции несет следующее толкование – деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

– по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

– по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

– по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [14].

Таким образом, данный нормативно правовой акт позволяет сотрудникам иметь четкое понимание противоправных деяний, тем самым ликвидирует проявление возможных коллизий.

8 Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». Данная инструкция определяет порядок предоставления оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Учитывая, что из Конституции Российской Федерации непосредственно не вытекает необходимость вынесении судебного решения в качестве обязательного условия проведения оперативно-разыскных мероприятий, не связанных с ограничением указанных конституционных прав граждан, решение данного вопроса будет наиболее целесообразным путем санкционирования проверочной закупки уполномоченными прокурорами. Проект с соответствующими изменениями в ФЗ «Об ОРД» был внесен в Государственную Думу [15].

После вынесения Постановления Европейского Суда от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против Российской Федерации» были внесены изменения в ст. 5 ФЗ об ОРД, согласно которым провокация при осуществлении оперативно-розыскной деятельности была признана незаконной и недопустимой. При этом было определено, что под провокацией понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

Начиная с момента вынесения постановления от 2 октября 2012 г. по делу «Веселов и другие против Российской Федерации» Европейский Суд подчеркивает недостаточную правовую определенность понятия «провокация» в ФЗ об ОРД, а также указывает, что простое запрещение провокации не способно обеспечить предотвращение ее на практике. При этом в своих решениях Европейский Суд указывает отдельные критерии, свидетельствующие о признаках провокации при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, в частности, отсутствие доказательств проведения мероприятия в основном пассивным способом, исключение любого поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, а именно:

– инициативный контакт с заявителем;
– повторное предложение после первоначального отказа;
– настоятельные требования;
– повышение цены по сравнению с обычной;
– обращение к состраданию заявителя с упоминанием абстинентного синдрома и т.д. [19]

Рассмотрев изложенный выше материал, можно сделать вывод о том, что подстрекающие, побуждающие, склоняющие конкретное лицо к предоставлению им услуг, товаров либо совершению иных действий в интересах оперативного сотрудника будут являться провокацией.

Следует отметить, что данное решение достаточно дискуссионное. Простое перечисление трех синонимов слова «провокация», как это указано в законе, с акцентированием внимания на ее формы, с нашей точки зрения, не является определением и не

вносит ясности в понимание сущности провокационных действий при проведении оперативно-розыскного мероприятия. Учитывая, что судебный прецедент является основой англо-саксонской правовой системы, а в Российской Федерации с ее континентальной правовой системой прецедент официально источником права не является, а соответственно, разъяснения судов не могут рассматриваться как правовое основание деятельности оперативных подразделений.

Таким образом, определение провокации должно быть сформулировано на законодательном уровне в достаточно понятных выражениях и давать адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых оперативные подразделения МВД имеют право проводить оперативно-розыскное мероприятие.

Сущность провокации при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия заключается в том, что лица, проводящие оперативно-розыскное мероприятие или участвующие в его проведении в качестве закупщика своими действиями вызывают или пробуждают у объекта проверочной закупки желание совершить действия по осуществлению сделки купли-продажи средства, предмета или вещества, в том числе оборот которых запрещен или ограничен из-за желания материальной выгоды, сострадания либо иных мотивов. Таким образом, провокационными являются те действия субъектов мероприятия, при которых лицо, выступающее непосредственным объектом, в отношении, которого осуществляется проверочная закупка, соглашается на осуществление сделки только благодаря подстрекательству и провокации со стороны сотрудников полиции либо содействующих им лиц, а не вследствие собственного преступного умысла.

Анализируя судебную практику, становится очевидно, что проблема с проведением оперативно-розыскного мероприятия становится все более актуальной.

Таким образом, проверочная закупка будет считаться правомерной только в том случае, когда оперативный сотрудник либо лицо, содействующие гласно либо на конфиденциальной основе, привлеченное в качестве закупщика непосредственно решает вопрос о покупке товара с торговцем без уговоров, просьб, угроз, а только по инициативе, выдвинутой самим торговцем, который заинтересован в получении выгоды посредством продажи предметов и веществ, запрещенных либо ограниченных в обороте, а также полученных в результате совершения преступления.

В силу того, что открытое озвучивание истинных мотивов сделки лицами, совершающими преступления, в оперативно-розыскной деятельности практически не встречается, это требует от оперативных сотрудников проведение дополнительных оперативно-розыскных мероприятий, носящих негласный характер, затрату большого объема времени, сил и средств поэтому, данное мероприятие проводится все реже и реже.

Подводя итог, следует отметить что термин «провокация» применительно к оперативно-розыскной деятельности зародился в оперативных подразделениях России в начале XX века. Изначально сущность провокации имела в большинстве своем не оперативный, а политический подтекст в силу того, что российское общество находилось в состоянии кризиса политической системы, что требовало активного выявления революционно настроенных лиц с последующим пресечением их деятельности силами полиции. Только после преодоления значительного периода времени под провокацией стали пониматься действия, направленные на формирование доказательств преступления, полученных посредством незаконных методов, предполагающих, в первую очередь, понуждение и подстрекательство, а также создание условий для появления умысла на совершение преступления.

Понятие провокации не нашло законодательного закрепления, однако приобрело коллегиальное понимание ученых и практических сотрудников, непосредственно

работающих в данной сфере и может быть сформулировано следующим образом: это активные действия сотрудника оперативного подразделения, направленные на формирование преступного умысла у лица, с целью дальнейшего пресечения преступного деяния, задержания лица и привлечения его к уголовной ответственности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. от 05.04.2021 г.) // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ: принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. (в ред. от 30.12.2020 г.) // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ: принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. (в ред. от 30.12.2020 г.) // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

4. Аюсинов, А.Е. Особенности регламентации уголовной ответственности за провокацию преступления по зарубежному законодательству / А.Е. Аюсинов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. − 2015. − № 6 (107). − С. 148-153.

5. Шумилов, А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов / А. Ю. Шумилов. 3-е изд. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., − 2006. – 221 с.

6. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948] // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : [Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН] // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)] // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: [Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)] // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек.1993 г.: офиц. текст с изм. от 01 июля 2020 г. // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 18 декабря 2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноя. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г.: в ред. Федер. Закона от 05.04.2021 г. // КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2021).

12. Постановление ЕСПЧ от 30.04.2015 «Дело «Сергей Лебедев и другие (Sergey Lebedev and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 2500/07, 43089/07,

48809/07, 52271/07 и 54706/07) По делу обжалуется вынесение обвинительных приговоров за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в то время как преступления были спровоцированы сотрудниками органов внутренних дел. По делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

13. Постановление ЕСПЧ от 09.02.2016 «Ульянов и другие (Ulyanov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 22486/05, 40959/05, 18279/07, 61921/08, 3960/09, 7716/09, 5608/09, 10192/09, 13746/09, 28951/09 и 52614/09) По делу обжалуется отсутствие эффективного расследования обстоятельств похищения родственника заявителей. По делу допущено нарушение требований ст. ст. 2, 3, 5 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

14. Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 «Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99). По делу обжалуется осуждение заявителя в результате провокации милиции, а также необеспечение явки заявителя и его адвоката на заседание суда. По делу допущено нарушение требований пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

15. Постановление ЕСПЧ от 02.10.2012 «Дело «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10). По делу обжалуется несправедливость уголовных разбирательств, умалявшаяся отсутствием надлежащей нормативной базы для получения санкций на проверочные закупки наркотиков. По делу нарушены требования пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. №4.

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОДГОТОВКИ ОЧНОЙ СТАВКИ

Лазаренко Ольга Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедры юриспруденции,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленский филиал
o-nika@bk.ru

Аннотация: В статье рассмотрены организационные и тактические приемы подготовки проведения очной ставки, подготовка вопросов и моделирование ситуации.

Ключевые слова: Очная ставка, допрос, подготовка, тактические приемы, организационные аспекты.

TACTICAL TECHNIQUES FOR PREPARING A CONFRONTATION

Lazarenko Olga Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Smolensk Branch. o-nika@bk.ru

Annotation: The article discusses organizational and tactical methods of preparing for a confrontation, preparing questions and modeling the situation.

Keywords: Confrontation, interrogation, preparation, tactical techniques, organizational aspects.

Как и любое другое следственное действие, находящееся в строгих процессуальных рамках, для эффективного достижения поставленных перед ней целей и возможного использования в процессе доказывания по уголовному делу очная ставка требует от субъектов следственной деятельности скрупулезной тактико-организационной подготовки и надлежащего проведения. Подготовка очной ставки может быть рассмотрена с организационной, тактической и содержательной точек зрения.

Организационные аспекты имеют особое процессуальное значение, поскольку включают в себя необходимость для субъекта следственной деятельности принятия решения относительно круга лиц, вызываемых на очную ставку, места и времени ее проведения.

Предварительная подготовка очной ставки включает в себя ряд вопросов, которые необходимо решить:

- использовать или нет технические средства фиксации хода проводимого процессуального действия;

- предъявлять или нет вещественные доказательства и документы допрашиваемым (согласно ч. 3 ст. 192 УПК РФ [7]);

- насколько необходимо организовать оперативное, превентивно-профилактическое или иное сопровождение очной ставки [4, с. 104].

Подготовка заключается в проведении комплекса действий, содержащих в себе:

- определение круга лиц [5, с. 215], последовательность их допроса;

- определение предмета и изучение материалов дела;

- сбор и изучение данных в отношении лица, который будет участвовать в данном процессуальном действии;

- подготовка вещественных доказательств и других материалов для предъявления;

- определение времени, места и способа вызова на очную ставку;

- приобретение специальных знаний, которые могут понадобиться во время проведения очной ставки;

- определение перечня необходимых технических средств, которые могут применяться для фиксации и проверка их готовности;

- определение круга участников очной ставки, кого привлекать;

- составление плана.

Определение круга лиц зависит от объема информации, которая есть у следователя - материалы дела, в некоторых случаях материалы органов дознания.

Последовательность опроса лиц во время проведения данного мероприятия осуществляется:

- с учетом данных, имеющихся в деле, о личности опрашиваемого;

- возможности вызова в кратчайший срок;

- изучения предмета опроса установленным обстоятельствам, которые могут быть известны опрашиваемому.

Изучение личности опрашиваемого - исследование социально-психологической характеристики, установления уровня интеллекта, склонностей, образа жизни, воспитания, образа мышления, темперамента, позволяет установить психологический контакт, выбрать наиболее целесообразные и эффективные тактические приемы общения и правильно оценить полученный результаты [2, с. 26].

Прогнозируя поведение лица, следует предусмотреть отсутствие у него возможности добросовестно заблуждаться или давать ложные показания.

Момент опроса определяется конкретной следственной ситуацией, а в отношении подозреваемого, обвиняемого, момент определяется действующим УПК.

Местом, как правило, должен быть только кабинет. В противном случае вызывает сомнение в процессуальной законности данного мероприятия. По месту жительства целесообразно опрашивать малолетних и лиц пожилого возраста. Вызов на очную ставку производится повесткой, телеграммой, непосредственным сообщением по телефону.

Круг участников определяется исходя из предмета очной ставки, личности опрашиваемого и его процессуального положения.

Завершающим этапом является составление плана, который может быть устным или письменным, коротким или развернутым [3, с. 61]. При расследовании одноэпизодного дела план - это перечень вопросов, подлежащих установлению, а по многоэпизодным – план может быть оформлен в виде таблицы.

При подготовке плана необходимо иметь в виду, что все невозможно учесть, а потому в процессе могут вноситься изменения и дополнения.

Приступая к опросу, необходимо выяснить анкетные данные, проверить личные документы, уточнить необходимость привлечения переводчика или других лиц, разъяснить права и обязанности с учетом процессуального положения, предупредить об уголовной ответственности.

Наряду с этим необходимо выяснить отношение опрашиваемого к делу и лиц, его возможную позицию и установить психологический контакт.

Для успешного установления психологического контакта необходимо выполнение следующих условий:

- индивидуальный подход к лицу;
- осуществление психологической диагностики линий поведения, выбранных с целью установления причин выбранной им позиции;
- объективное, корректное, дружелюбное поведение следователя;
- разъяснение опрашиваемому его права и обязанности;
- соблюдение законных интересов и прав опрашиваемого.

Для установления психологического контакта могут быть использованы тактические приемы: проведение беседы на отвлеченную тему, что представляет интерес как для него, так и следователя, демонстрация осведомленности о жизни опрашиваемого, его потребности, интересы [1, с. 77].

Переходя к опросу, необходимо предложить свободно рассказать все, что ему известно по делу (когда лицо не уклоняется от дачи показаний). Во время свободного рассказа не желательно задавать уточняющие и дополнительные вопросы, перебивать без надобности, но желательно вовремя направить рассказ к сути факта, подлежащего установке.

Вести протокол не целесообразно, а осуществляются только черновые записи на этой стадии.

Во время свободного рассказа не всегда вся информация является предметом опроса, возникает необходимость перейти к стадии «вопрос - ответ».

В зависимости от содержания и цели поставленных вопросов они подразделяются:

- основные;
- дополнительные;
- уточняющие;
- контрольные.

При этом запрещено задавать вопросы, в формулировке которых есть ответ.

Нередко результативным является реализация правила неожиданной постановки внезапного (основного) вопросы, определяется особенностями лица и сложившейся ситуации. В некоторых случаях к основному вопросу необходимо подготовить лицо, путем

полного перехода к нему от обдумывания незначительных второстепенных обстоятельств, а иногда и от оттяжного рассуждения тематики, выходит за пределы предмета допроса.

Применяемые тактические приемы разнообразны и неравнозначны, но их применение позволяет провести допрос целенаправленно, установить психологический контакт, выяснить какие именно обстоятельства известны, принять меры по нейтрализации негативной позиции.

В отличие от процессуальных норм, тактические приемы не регламентированы законом.

Тактические приемы применяются как при подготовке к очной ставке, так и в процессе.

В процессе опроса применяют такие тактические приемы:

1. побуждающих допрашиваемого к размышлениям и дачи показаний:

- постановка уточняющих вопросов;
- напоминания в общих чертах о событиях произошедших;
- уточнения эмоционального состояния допрашиваемого;
- оживление ассоциативных связей.

2. Осуществляющих психологическое воздействие на опрашиваемого:

- побуждение отказаться от противодействия и введения следствия в заблуждение;
- создания впечатления о безнадежности выбранной им педагогической позиции;
- внезапное предъявление наиболее важных доказательств.

3. Используемых в бесконфликтных ситуациях:

- создание доброжелательной обстановки, что будет способствовать дачи правдивых достоверных показаний;
- оказание помощи в упоминании воспринятого и постановка уточняющих вопросов.

4. Используемых в конфликтных ситуациях:

- создание строго рабочей обстановки, которая была неблагоприятной для выражения неприязни к следователю, а наоборот, вызывала бы уважение;
- преодоления негативной позиции;
- создания впечатления о полной осведомленности об обстоятельствах дела;
- убеждение в нецелесообразности конфликтовать.

Тактические приемы в конфликтных ситуациях можно разделить на несколько групп:

1. Приемы, направленные на распознавание истинных и ложных показаний:

- создание располагающей обстановки и внимания к допрашиваемому;
- уточнение и конкретизация неопределенного, неполного;
- постановка дополнительных и контрольных вопросов с целью повторного изложения отдельных или всех фактов;
- формирование представления о невозможности говорить неправду или скрывать факты.

2. Приемы, направленные на ограждение умышленных показаний от ошибок:

- внезапный переход к уточнению другого факта;
- постановка вопросов, которые могут указывать на ложность показаний (в большинстве это выяснение признаков и особенностей).

3. Приемы, направленные на использование качеств личности:

- использование качеств;
- обращение к совести за добросовестное выполнение своих обязанностей по содействию в борьбе с преступностью.

4. Приемы, направленные на разоблачение ложных показаний:

- создание строго рабочей обстановки и конкретного поведения;

- формирование у опрашиваемого представления о том, что давать ложные показания нецелесообразно и любая ложь будет разоблачена;

- создать у опрашиваемом представление о полной осведомленности следователем о событии прошедшей и доказательствах;

- предъявления наиболее весомых доказательств;

- наиболее эффективные результаты дают предъявления вещественных доказательств.

Для разоблачения преступников в одноэпизодних преступлениях предпочтение предоставлять предъявлению всей совокупности доказательств одновременно. Когда лицо не желает давать показания, применять постепенное предъявления отдельных доказательств, и когда он пошатнулся то могут быть предъявлении все доказательства в совокупности, опровергает предоставлены ложные показания конкретным доказательством [6].

Правильное понимание сущности очной ставки, тщательный психологический анализ лиц, принимающих в ней участие, психологическая подготовка их, продуманное и направленное воздействие следователя - все это способно значительно повысить результативность следственного действия.

Таким образом, тактические приемы подготовки к проведению очной ставки, которая представляется как самостоятельное следственное действие, включают в себя комплекс действий следователя, направленных на получение желаемого результата по результатам проведения данного процессуального действия.

Литература

1. Бутырская, А.В. Допрос свидетеля и потерпевшего в досудебной стадии: (процессуальные и криминалистические аспекты) / А. В. Бутырская, Е. А. Лушин, Ю. В. Родионова; Следственный комитет Российской Федерации, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», Нижегородский филиал. − Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2019. − 190 с.

2. Кадыров, Р.В. Судебная экспертиза по выявлению психологических признаков достоверности/недостоверности информации по видеозаписям следственных действий [Текст]: методические рекомендации / Р. В. Кадыров, В. В. Калита; ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения России, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» Министерства образования России. − Ульяновск: Зебра, 2017. − 44 с..

3. Криминалистика. Особенная часть [Текст]: учебное пособие / [Н.И. Авакова, О.В. Карягина, М.Л. Мирзорин, Н.А. Прокопенко]; Министерство образования и науки Российской Федерации, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», Кафедра уголовного права и процесса. − Таганрог : Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2018. − 154 с.

4. Махова, И.В. Очная ставка с участием малолетних потерпевших/ И.В. Махова // Правопорядок в России: проблемы совершенствования: Сборник статей. МВД РФ, Московский ун-т. Москва, 2011. С. 103-105.

5. Перякина М.П., Щуров Е.А., Еремченко В.И. Тактические особенности производства очной ставки между тремя и более опрашиваемыми лицами // Общество и право. − 2015. − № 3 (53). − С. 213-217.

6. Производство очной ставки – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/criminalistika-1/197.htm (дата обращения 21.09.2021).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Парламентская газета. − № 241-242. − 22.12.2001.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Лебедева Ирина Николаевна
соискатель кафедры уголовного права и криминологии,
Липецкий государственный технический университет; E-mail:lebedeva_in@mail.ru.

Аннотация: в статье анализируются особенности ресоциализации и исправления осужденных за преступные деяния экстремистского и террористического характера. Особое внимание уделяется духовно-нравственным мерам, предупреждению возникновения деструктивных, экстремистских и сектантских групп внутри контингента осужденных, использованию индивидуального подхода, основанного на психологической характеристике личности, анализе социальных факторов, обуславливающих возникновение преступной мотивации.

Ключевые слова: осужденный, деяния террористической и экстремистской направленности, места лишения свободы, секта, идеология насилия, ресоциализация.

THE PARTICULARITY OF RESOCIALIZATION AND CORRECTION CONVICTS FOR EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES

Lebedeva Irina Nikolaevna,
candidate of Sciences in Jurisprudence degree seeking applicant of the Department of criminal law and criminology, Lipetsk State Technical University;
E-mail:lebedeva_in@mail.ru.

Summary: the article deals with the particularity of resocialization and correction convicts for extremist and terrorist crimes. In particular attention is attended to moral measures, prevention of arising of destructive, extremist and sectarian groups in the contingent of convicts, usage an individual approach, that based on psychological characteristic of person, analysis of social factors, conditioning the arising of criminal motivation.

Key words: convict, terrorist and extremist crimes, places of deprivation of liberty (places of detention), sect, ideology of violence.

Организация процесса исполнения наказания лицами, осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности имеет ряд существенных особенностей, которые объясняются спецификой данных преступных деяний, сложностью их профилактики, выявления и борьбы с ними, а также своеобразием личности террориста, характеристики которой, как и самого явления терроризм имеют психологические, нравственные, криминологические, социально-политические, философские, исторические аспекты. Задача процесса исполнения наказания в отношении осужденного за террористические и экстремистские преступления заключается в ресоциализации лица, формировании у него социально-положительных нравственных установок, переоценке существующих ценностей, заключающихся, в том числе, и в стойком неприятии идеологии терроризма и идеологии насилия вообще, и в раскаянии за предыдущие преступления.

Как справедливо говорил профессор А.Б. Сахаров, «одним из обязательных условий успешной борьбы с преступностью, исправления правонарушителей и предупреждения новых преступлений является надлежащая организация исполнения наказания». Она позволит оградить человека, осужденного за террористические либо экстремистские преступления, от преступного окружения и не позволит осужденному вновь вовлечься в деструктивные группы, в том числе террористического характера, постигать иные экстремистские учения или «совершенствоваться» в «старых» [3, с. 217].

Также путем исполнения наказания происходит кара за совершенное преступление, его общественное, а главное, государственное порицание, удовлетворяется потребность в общественном возмездии за причиненные обществу, государству, отдельным лицам, их интересам зло, ущерб.

Для ресоциализации осужденного за преступления террористической и экстремистской направленности необходимо комплексное применение требований режима, воспитательного воздействия, основанного на индивидуальном подходе к осужденному, где большое внимание должно уделяться факторам становления криминогенных черт, условиям социализации и индивидуальным психологическим характеристикам.

Чтобы успешно ресоциализировать террориста и подобрать необходимый подход нужен комплексный анализ причин и условий его преступного поведения, мотивации к такому поведению, условий его жизни, семейного положения, воспитания, уклада жизни, особенностей и опыта его взаимодействия с окружающей средой.

Негативной стороной наказания в виде лишения свободы является помещение преступника из одной криминальной среды в другую, где лицо, отбывающее наказание перенимает преступные опыт, навыки, субкультуру и других осужденных, а также вынуждено подчиняться неформальным правилам, господствующим в преступной микросреде в местах лишения свободы. Для этого необходимо разобщать неформальные группы осужденных, нацеленные на продолжение преступной деятельности, в том числе деятельности террористического и экстремистского характера, а также пресекать деятельность сектантских или деструктивных групп в среде осужденных и персонала.

Для работы с такими осужденными необходимо выявлять их связи с внешней средой, бывшим и настоящим окружением, чтобы предупредить подготовку и планирование нового деяния террористического и экстремистского характера, важно не допускать проникновения экстремистских идей и террористической пропаганды в исправительные учреждения, ограждать от такого негативного влияния других осужденных. Также нужно, привлекая к работе психологов, выяснить отношение осужденного к совершенному им преступлению террористического или экстремистского характера. Особое внимание следует уделять неформальным группам осужденных по религиозному либо этническому признаку, разобщать их в случае деструктивного воздействия на исправительный процесс, провокации конфликтов с другими осужденными на национально-религиозной почве. Такая работа ведется в США, где было выявлено, что наиболее крупные расистские организации формируются в местах лишения свободы, как например, «Арийское братство», в которой состоит около 20 тысяч заключенных. Для противодействия создания таких групп в местах лишения свободы необходимы индивидуальная работа с осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности, их психологическая характеристика, учет специфики взаимоотношений между осужденными, личностных качеств осужденного террориста или экстремиста. Трудность представляет и обеспечение порядка при осуществлении требований режима исправительных учреждений, так как существует классическое про-

тивостояние между заключенными и сотрудниками мест лишения свободы, меры воздействия в глазах осужденных могут выглядеть как произвол со стороны администрации учреждения, иногда небезосновательно, что отрицательно влияет на обеспечение режимного воздействия и ресоциализацию осужденных. Также следует отметить, что заключенные противопоставляют себя не только сотрудникам исправительного учреждения, но и лицам, находящимся на свободе, образуя по этому признаку своеобразную микросредовую общность.

Большая часть воспитательной работы должна быть направлена на коррекцию мировоззрения осужденных экстремистов и террористов, выявление и устранение дефектов правосознания, формирование у них установки на законопослушное поведение, исправление, признание своей вины, отвержение идеологии насилия, идей терроризма и экстремизма в любых формах и при любых обстоятельствах, безоговорочное их осуждение. При осуществлении данного вида работы необходимо учитывать не только индивидуально-психологические особенности осужденных за деяния террористической и экстремистской направленности, но и их социальные и демографические характеристики (пол, возраст, национальная и семейная принадлежности, место жительства, семейное положение, наличие постоянного места работы до осуждения), условия формирования личности и экстремистского поведения, стереотипы, установки, которые существовали в окружении индивида при формировании установки на противоправное и опасное для общества и государства поведение. Также следует брать в расчет и влияние пенитицарной субкультуры, которая понимается как криминогенная деформация ценностно-нормативной системы общества, размывание и девальвация социально позитивных ценностей, установок, стереотипов поведения, нравственных идеалов людей, распространение среди законопослушных слоев населения антиобщественных взглядов, представлений, поощряющих либо открыто провоцирующих нарушения уголовно-правовых запретов, культивирующих ценности и нормы криминальной среды, стереотипы правонарушающего, в том числе преступного, поведения [2, с. 10]. На первом этапе работы необходимо нейтрализовать психологическую защиту осужденного от вмешательства в его внутренний мир, который сформирован с негативными установками агрессивно-насильственного экстремистского поведения.

Чтобы не допустить повторного вовлечения индивида в преступную или иную деструктивную среду необходимо оказывать ему помощь в ресоциализации, восстановлении утраченных положительных социальных связей, занятии социально положительной деятельностью, трудоустройстве, осуществлять духовную и психологическую поддержку, например, духовную поддержку могут оказывать представители традиционных конфессий. Они также могут вести просветительскую работу с осужденными по недопущению проникновения в их среду деструктивных культов и сект, создающих благодатную мировоззренческую, идеологическую почву для формирования экстремистских взглядов и террористической направленности у различных категорий осужденных. Такая деятельность представляется очень важной, поскольку в местах лишения свободы созданы благоприятные условия для сектанских и экстремистских групп ввиду большого количества людей, скученности, отсутствия личного пространства, наличия негативных жизненных установок, потери социальных связей, возникновения у них чувства одиночества, безвыходности, иногда желания духовного роста, зачастую нежелания брать ответственность за свою жизнь и свои поступки и вследствие этого необходимости в харизматичном духовном лидере, «гуру», «учителе», чем могут воспользоваться идеологи сект и лидеры экстремистских групп из числа осужденных для вербовки

новых сторонников для последующей психологической обработки и организации совместной экстремистской и террористической деятельности. В работе с осужденными террористами и экстремистами необходимо учитывать, что многие из них являются регидными, застревающими на своих переживаниях, эмоциях, пережитых событиях личностями, имеют нарциссическую установку, то есть представление о себе и (или) своей нации, единоверцах, своей социальной группе, как о самых мудрых, правоверных, храбрых, лучших во всех отношениях и не имеющих недостатков, поэтому раскаяние не присуще таким типам личности, они убеждены в своей правоте и склонны демонизировать своего противника, обесчеловечивать его образ в мвоем представлении о нем. Также осужденным террористам и экстремистам могут быть присущи подозрительность, недоверчивость, тревожность, склонность к самопожертвованию, стремление к смерти, поиску врагов, инфантильность, зацикленность на детских психологических травмах и неудовлетворение настоящей жизнью, родом занятий или работой в недавнем времени, не связанных с террористической или экстремистской деятельностью или сознательный уход от действительности с возвращением в прошлое, негативный опыт, травмы и обиды которого подпитывают ненависть, желание мести, преступную мотивацию террориста. Террористы могут также хранить у себя и беречь среди личных вещей своеобразные «сувениры-трофеи» или вещи символизирующие либо имеющие сакральный, идеологический смысл, это могут быть как вещи, принадлежащие врагам, так и атрибуты, символы, связанные с организацией, группой, к которой принадлежит террорист. Исследователь Ю.М. Антонян считает, что психологический смысл похищения и хранения этих сувениров-трофеев состоит в том, что, во-первых, они напоминают преступнику о событиях, которые он вызвал и которые принесли ему удовлетворение; во-вторых, они позволяют ему не порывать с этими событиями, вселяют уверенность в него [1, с. 132]. Вышеперечисленное можно отнести и к террористам и экстремистам.

В работе по ресоциализации террориста и экстремиста следует учитывать и влияние на него семейного окружения, то, как семья относится к его поступкам и деятельности, поддерживает или осуждает, и в зависимости от этого привлекать семейное окружение к процессу исправления или, напротив, ограждать экстремиста от влияния семьи, близких. Неоценима работа и влияние представителей традиционных конфессий, так как все религии в их неискаженном понимании недвусмысленно отвергают терроризм и насилие, а фанатизм рассматривают как форму духовной гордости, которая уводит верующего от Бога, спасения, духовного оздоровления души.

Важной составляющей является работа с различными этническими группами, в том числе направленная на недопущение возникновения межэтнических конфликтов между осужденными, осужденными и администрацией исправительного учреждения. Для проведения такой работы необходимы знания о традициях, обычаях, культуре этносов, субэтносов и народов, а также наличие у сотрудника, проводящего такую работу таких качеств как терпение, веротерпимость, способность к эмпатии, умение убеждать вербальными и невербальными средствами (с помощью мимики, жестов и т.д.). Психологические методики могут включать в себя аутотренинг, элементы психодрамы, когда, допустим, осужденный террорист должен поставить себя на место жертвы, описать свое эмоциональное состояние, различные ролевые игры, например, обучающие действовать в провокационных ситуациях.

Работа по ресоциализации осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности носит комплексный характер, имеет ряд специфических черт,

исходя из особенностей и характера преступной деятельности, за которую осужден человек, а также требует специальных навыков, знаний и умений, привлечения специалистов по этнопсихологии, философии, культурологии, этнографии, религиоведению.

Литература

1. Антонян Ю.М. Особо опасный преступник / Ю. М. Антонян. − Москва: Проспект, 2017. − 310 с.

2. Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Громов Владимир Геннадьевич. − Тамбов, 2009. − 50 с.

3. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. / А.Б. Сахаров. − Всесоюз. ин-т юрид. наук. − Москва : Госюриздат, 1961.− 279 с.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА: ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Левашова Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
olia.levaschova@yandex.ru

Аннотация. Анализ условий и причин экстремистских преступлений обладает важным значением для более глубокого познания объективных предпосылок данного криминального явления, а также для разработки мер предупредительного характера по противодействию противоправным деяниям рассматриваемой категории.

Ключевые слова: экстремизм, криминологическая характеристика, детерминация.

FEATURES OF THE DETERMINATION OF EXTREMISM: FACTORS AND PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE

Levashova Olga Viktorovna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Jurisprudence , Bunin Yelets State University, olia.levaschova@yandex.ru

Annotation. The analysis of the conditions and causes of extremist crimes is important for a deeper understanding of the objective prerequisites of this criminal phenomenon, as well as for the development of preventive measures to counteract illegal acts of this category.

Keywords: extremism, criminological characteristics, determination.

Преступления экстремисткой направленности обусловливается разными детерминантами и причинами. Наиболее важными выступают социальные противоречия, обнаруживающие себя за счет явлений, возникающих в разных областях общественной жизни (политика, экономика, духовная и социальная сфера) [1, с. 146].

Некоторые исследователи делят детерминанты и факторы преступности на такие группы:

- причины, порождающие преступность в качестве закономерного следствия;
- условия и детерминанты, формирующие причину или способствующие ее возникновению;
- факторы, оказывающие прямое или косвенное влияние на состояние преступности.

Для более емкой и полной криминологической характеристики преступности в сфере экстремисткой направленности можно выделить ее причины, условия и детерминанты на трех уровнях:

- обще-социальный уровень;
- специально-криминологический уровень;
- индивидуальный уровень.

Детерминанты и причины обще-социального уровня связаны с общественными и социальными процессами, которые происходят на макроуровне и сказываются на образе жизни макро-групп (профессиональных, национальных, возрастных и иных). Деформации, которые возникли в образе и стиле жизни данных макрогрупп, могут оказывать серьезное криминогенное влияние на личность лиц, участвующих в них. Такое влияние проявляется в нескольких направлениях. В частности, деформации могут выступать в качестве источника разного рода конфликтов; приводить к отклонениям от общественных ценностей и норм; осложнять реализацию законных и позитивных возможностей личности; ослаблять позитивный социальный контроль, что значительно сказывается на формировании социально-политических и идейно-психологических причин, порождающих преступления экстремистской направленности.

К специально-криминологическому уровню причин совершения экстремистских преступлений относится отрицательное влияние окружения, в зависимости от этого фактора они условно систематизируются на следующие группы:

- взаимосвязанные причины и условия высокого порядка, присущие масштабным высокоорганизованным экстремистским группам и сообществам, действующие на профессиональной основе;
- комплексные причины и условия, проявляющиеся на бытовом уровне [2, с. 116].

Данные группы причин обостряются современным процессом глобализации, который несмотря на большое количество положительных сторон, обладает и отрицательными аспектами: размываются внутренние границы распространения экстремизма; различные политические и природные катаклизмы усиливают миграционные процессы; совершенствование информационно-коммуникационных сетей создает новые возможности и способы для реализации различного комплекса действий экстремисткой направленности. Все это в совокупности провоцирует рост экстремизма, в том числе и в нашей стране.

Благоприятной средой для роста экстремистских взглядов и оппозиций является кризис государственной и правовой системы как в политической, так в идеологической сфере, что провоцирует появление различных организованных групп социально-политической, религиозной и национальной направленности, которые ставят под сомнение законность существующей власти и формируют радикальную оппозицию.

Таким образом, можно констатировать, что такое негативное явление как экстремизм имеет тенденцию к росту именно в кризисные периоды для государства и влияет на этапы эволюции жизни общества. Так как именно этот период характеризуется неустойчивостью и нестабильностью социальных связей в обществе, что порождает антиполитические взгляды, взращивает агрессивность и насилие. Это приводит к тому, что этническая, социальная, религиозная, национальная, экономическая или другая группа (сообщество) пытается навязать свои интересы, идеи и убеждения обществу, при этом использует в качестве основного инструмента реализации своих действий угрозы, подкуп, насилие.

Если обратится к историческим основам экстремизма в нашей стране, то необходимо отметить, что основным фактором, содействующим росту данного негативного

явления стало разрушение административно-командной системы именно в постсоветский период. При этом, сложившееся представление, что в СССР экстремизма не было не соответствует действительности. Националистические организации экстремистского характера активно существовали на территориях Союза ССР. Среди них, можно отметить, «партию национальной независимости Эстонии» (ПННЭ), которая была создана в январе 1988 г. группой лиц, ранее судимых за антисоветскую деятельность. Главная цель - борьба за «вывод оккупационных войск из Эстонии», «проведение выборов под эгидой ООН», выход Эстонии из состава СССР. Причем эта группа ставила вопрос о том, что именно она «должна выражать интересы эстонского народа, являясь национальной оппозицией Коммунистической партии Эстонии».

Но, несмотря, на существование в советский период экстремистских сообществ их проявление носило единичный характер, что свидетельствует о том, что административно-командная система, с присущим ей жестким контролем как за поведением отдельной личности, так и за функционированием всех общественно-политических институтов, являлась сдерживающим фактором распространения данного негативного явления.

В нашей стране отправной точкой активного распространения экстремизма стал переходный период становления нового государства – Российской Федерации. Для данного периода было характерно следующее: отмена старых и формирование новых государственных структур; обострение социальной сферы общественных отношений; усиление национальных противоречий и конфликтов, основанных на неразрешенных социально-экономических, национальных, религиозных и других проблемах, которые порождают различного рода радикальные взгляды, идеи и призывают к насилию и вражде.

Данный переходный (постсоветский) период был особо опасен для становления конституционных основ нового государства, именно в этот период происходит коренная трансформация различных сфер общественной жизни (политической, социальной и экономической), что приводит к потере части российского общества нравственных и социальных ориентиров. В постсоветский период (1990-1993 гг.) происходит массовое развитие движения скинхедов. Постепенно к 2000 г. данное движение стало носит профессиональный характер, их противоправные акции стали жестче. Значительная часть бритоголовых постоянно сотрудничала с правоэкстремистскими политическими объединениями или состояла в них в качестве «боевой силы». Субкультура скинхедов представляет собой типичный пример проявления молодежного экстремизма. В социальных практиках скинхедов имеет место агрессивная ксенофобия (постоянная, иррациональная или чрезмерная боязнь, ненависть к иностранцам или незнакомцам), главным образом по расовому признаку, особенно к иностранцам-иммигрантам (беженцам, вынужденным переселенцам из стран ближнего зарубежья). Агрессивная ксенофобия выражается в оскорбительных и насильственных действиях. По сути, идеология большинства скин-команд в России - это неофашизм, т.е. продолжение традиций «классического» гитлеровского фашизма.

Из этого можно сделать вывод, что такие исторические периоды как распад СССР и формирование нового общества демократического типа создало благоприятные факторы и условия для формирования экстремистских взглядов, убеждений, что способствует масштабному распространению деятельности экстремисткой направленности [1, с. 184].

В настоящее время в период постоянного реформирования всех сфер общественной жизни весьма негативным фактором для проявления экстремизма являются в первую очередь социальные противоречия, присущие современной российской действительности, которые можно систематизировать на несколько больших групп.

Во-первых, противоречия, обусловленные социальным расслоением общества в зависимости от уровня доходов на бедных и богатых, значительным обнищанием отдельных слоев населения. Данные факторы:

- замедляют процесс формирования среднего класса, который создает основу социальной стабильности российского общества;

- приводят к увеличению числа маргинальных групп, которые составляют значительную часть криминальных сообществ различного уровня;

- увеличивают отток активной части населения из приоритетных сфер жизнедеятельности (производства, науки, образования);

- усиливают социальную вражду, агрессивность и неприязнь по отношению к отдельным социальным группам, что порождает увеличение роста преступности и прежде всего преступлений, которые связаны с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, насилием против личности.

Во-вторых, противоречия, обусловленные несовершенством системы социальных гарантий, предоставляемых отдельным категориям населения, связанных с нестабильностью и несовершенством реформирования общественных отношений в данной сфере. Эти факторы проявляются в следующем:

- разрушение сложившегося и отсутствие нового эффективного организационно-правового механизма предоставления комплексной системы социальных гарантий, соответствующих общепризнанному международному уровню;

- формирование социальной неудовлетворенности со стороны определенных групп населения, рост настроений социальной отчужденности, усиление иждивенчества со стороны значительной части российского населения;

- низкий уровень социального обеспечения и защиты побуждает отдельные слои россиян искать выход из тяжелого материального положения преступными способами, что втягивает их различные криминальные группировки, в том числе и экстремистской направленности [3, с. 94].

В-третьих, социальные противоречия, которые обуславливаются усилением национальных, этнических, территориальных, религиозных и иных форм конфликтов.

Так как экстремизм – это масштабное явление, затрагивающее не только социальные разногласия и противоречия, сформированные в обществе, но и экономические и политические факторы, которые являются главной предпосылкой возникновения экстремизма во всех его проявлениях.

Среди экономических особо выделим:

- экономический кризис, который обуславливает безработицу, снижение материальных доходов среднего класса и политическую нестабильность в виде забастовок, митингов, пикетов;

- миграция населения, которая стимулирует увеличение этнических и националистических настроений местных жителей, порождает открытые конфликты и формирует чувство вражды и неприязни, что в комплексности стимулирует политическую дискриминацию;

- слабость государственной власти, обусловленная экономическим кризисом порождает увеличение коррупционных преступлений.

Среди политических факторов, способствующих росту экстремистских взглядов и настроений преимущество отдается противоречиям в политической сфере, где первостепенное значение приобретают [4, с. 103]:

- разногласия между основами конституционного строя, основополагающими принципами и практикой их реализации в жизни общества;

- административно-бюрократические факторы, которые провоцируют вседозволенность государственных структур и их безнаказанность;

- разногласия между обществом и государством по принимаемым последним радикальным политическим решениям (например, пенсионная и земельная реформа, увеличение таможенных пошлин и налоговой ставки);

- противоречия, обусловленные расслоением общества, формированием дифференцированных социальных групп с противоположными политическими интересами и мнениями;

- противоречия, порожденные ослаблением авторитета государственной власти, ее учреждений и институтов, что провоцирует отчужденные взгляды между властью и населением.

С политическим факторами, провоцирующими рост экстремистских взглядов, близко соприкасаются и идеологические, к которым можно отнести: противоречия, обусловленные отсутствие общенациональной концепции и общегосударственной идеологии; религиозная нетерпимость проявляющаяся в форме фанатизма; отсутствие программ толерантного воспитания населения и особенно молодежи; несовершенство законодательства антиэкстремистской направленности [5, с. 109].

В рамках нашего исследования рассмотрим сложившиеся теоретические позиции отечественных ученых в отношении причинного комплекса исследуемого явления с учетом видовых его особенностей.

Одна группа ученых особый акцент делает на исследовании причинного комплекса религиозного экстремизма. Среди имеющихся точек зрения отметим позицию Е.В. Ивановой и Е.В. Зарубиной, которые предложили выделять две объемные группы факторов, провоцирующих религиозный экстремизм:

- внешние (экономические кризисы, не нестабильность социального сектора, несовершенство основ государственной деятельности; пробельность норм антиэксремистского и антитеррористического законодательства; религиозная неграмотность, включающая низкий уровень духовности и нравственности и т.п.);

- внутренние факторы (политические, конфессиональные противоречия отдельных религиозных лидеров и групп; нестабильность геополитического положения российского общества и т.д.) [6, с. 100].

Интересной представляется трактовка причин религиозного экстремизма в зависимости от сфер общественной жизни предложенная В.А. Бурковской. Она к таковым относит следующие факторы: политико-правовые; экономико-социальные; относящиеся к институту семьи и включающие в себя: воспроизводство населения, нравственности, образования, духовности; обеспечивающие национальную безопасность и правопорядок. По ее мнению предложенная система не является исчерпывающей и по мере развития общества может дополняться [7, с. 174].

Что касается причин порождающих политический экстремизм, то здесь необходимо отметить, что единой систематизации факторов данного явления в науке не сложилось. Каждый из исследователей при раскрытии причин разжигания экстремистских конфликтов и противоречий на первый план ставит один из факторов наиболее важный по его мнению. Так, например, Л.С. Рубан в качестве основной причины политического экстремизма выделяет: навязывание правящим классом социально-политических нововведений, не традиционных для данного общества или региона. П.А. Кабанов называет идеологические расколы внутри политических движений и партий. В. Чуфаровский указывает на отсутствие в обществе тоталитарной идеологии. О.М. Хлобустов среди

всего комплекса причин политического экстремизма отмечает пробельность и несовершенство действующего национального и международного уголовного законодательства об ответственности за различные формы проявления правонарушений (преступлений) экстремистской направленности [4, с. 74].

Анализ сложившихся взглядов отечественных ученых позволяет утверждать, что фундаментальные основы причин политического экстремизма лежат в социально-экономической сфере общества, нестабильность и несовершенство которой влечет формирование идеологии нетерпимости, в первую очередь экстремистской направленности.

Таким образом, условия и причины преступлений экстремисткой направленности взаимосвязаны между собой. Выделим наиболее основополагающие из них:

- социально-демографические причины и условия (национальные противоречия, рост числа переселенцев и беженцев и пр.);

- социально-психологические, обще-социальные и социальные причины и условия (спад духовности, разрушение института семьи, снижение образовательного, религиозного и культурного и уровня граждан);

- организационно-правовые причины и условия (неэффективная деятельность органов правоохранительной системы, несовершенство административного и уголовного законодательства и пр.);

- экономические причины и условия (снижение уровня и качества жизни населения, обнищание населения, резкое снижение уровня жизни среднего класса);

- идеологические причины и условия (отсутствие общенациональной концепции и общегосударственной идеологии; наличие дифференцированных видов религиозной нетерпимости; отсутствие современных программ толерантного воспитания населения и пр.).

На основании проанализированного выше материала можно констатировать следующее. В настоящее время сложился довольно расширенный перечень факторов, провоцирующих условия и причины преступлений экстремистской направленности. Это обусловлено тем, что в современном мире существует большое количество разнообразных форм и видов экстремизма, с присущими только им содержательными особенностями, что требует проведения более детального исследования порождающих их причин с учетом выделяемых в доктрине видов. Именно такой подход позволит более четко определить границы причинного комплекса исследуемого явления и будет способствовать выработке наиболее эффективных организационно-правовых инструментов противодействия экстремистской преступности.

Литература

1. Криминология: учебное пособие. – 2-е изд. Стандарт третьего поколения / Под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева – СПб.: Питер, 2016. – 304 с.

2. Антонян, Ю.М. Экстремизм и его причины: монография / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2010. − 285 с.

3. Можегова, А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / Анастасия Анатольевна Можегова. − М., 2015. − 169 с.

4. Петрянин, А.В. Криминологическая характеристика преступлений экстремистской направленности: монография / А.В. Петрянин. − Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 158 с.

5. Стеблецова И.В., Соколова АА. Понятие и общая характеристика экстремизма / И.В. Стеблецова, А.А. Соколова // Вопросы науки и образования. − 2019. − № 7 (53). − С. 108-118.

6. Иванова Е.В., Зарубина Е.В. Правовая основа противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Российской Федерации и особенности проведения религиоведческой экспертизы / Е.В. Иванова, Е.В. Зарубина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. − 2016. −№ 3 (36). − С. 92-101.

7. Верещагин В.Ю., Лабунец М.И. Политический экстремизм в контексте модернизации современной российской государственности / В.Ю. Верещагин, М.И. Лабунец // Философия права. – 2002. – № 2. –С. 79-84.

УДК 343

РОССИЙСКАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Левашова Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал, olia.levaschova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается российская уголовная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Акцентируется внимание на основных приоритетных задачах её развития.

Ключевые слова: уголовная политика, противодействие незаконному обороту наркотических средств.

RUSSIAN CRIMINAL POLICY IN THE FIGHT AGAINST ILLICIT DRUG TRAFFICKING: CURRENT PROBLEMS AND PROSPECTS

Levashova Olga Viktorovna
candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch

Absrtact. The article examines the Russian criminal policy in the field of countering drug trafficking. Attention is focused on the main priority tasks of its development.

Keywords: criminal policy, counteraction to illegal drug trafficking.

Современные проблемы борьбы с наркотиками имеют социальный, экономический, политический и правовой аспекты. По мнению ряда учёных уголовно-правовой аспект борьбы с данным негативным явлением - наиболее эффективный.

Незаконный оборот наркотиков в Российской Федерации является насущной проблемой, проникающей во многие сферы жизни общества. Разработка и внедрение государственным аппаратом мер, которые противодействуют этому явлению – самоцель каждого социального государства, где стоят приоритеты развития здорового населения, а также воспитания нравственного поколения. Здесь антиподом являются наркомафия и их незаконные элементы, которые находят в этом занятии основной заработок денежных средств не только на территории России, но и в рамках мирового сообщества.

Преступные сообщества постоянно стремятся модернизировать и улучшить качество своей работы по производству, транспортировке и конечному сбыту незаконной продукции. Непрерывный процесс выведения новых формул наркотиков, которые не

подпадают под юрисдикцию уголовного закона, нахождение иных рынков сбыта продукции, продумывание искрометных способов контрабанды, заставляет правоохранительные органы действовать на «опережение», постоянно задействовать новейшие способы контроля над незаконным оборотом наркотиков. Законодательный процесс, в свою очередь, не должен отставать от стремительно развивающегося процесса разработки новых видов наркотиков. Рассматривая эффективность мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, мы видим, что государственных мер всё также недостаточно: проблема наркотизации общества развивается, вовлекая к себе всё новых субъектов опасных посягательств. Ссылаясь на Ежегодный доклад о наркотиках за 2018 г., мы видим негативную тенденцию, что Россия занимает одни из лидирующих позиций по количеству наркозависимых лиц, которые потребляют наркотики посредством инъекций. Также указывается, что количество лиц, когда-либо употреблявших наркотики постоянно растёт. Здесь параллельным курсом всегда идут заболевания, сопутствующие наркотикам, а именно: гепатит «С» и ВИЧ-инфекция. По данным заболеваниям наша страна, к сожалению, всё также занимает лидирующие позиции наряду с африканскими странами, Афганистаном и Сейшелами.

Уголовный кодекс Российской Федерации – является единственным законодательно легальным нормативно-правовым актом, который устанавливает чёткие грани преступности и наказуемости, перечисляемые в нём [1]. Современный подход к общественным нормам предопределил введение таких понятий как «психотропные вещества», «аналоги психотропных веществ», «производство прекурсоров», чтобы увеличить рамки пределов наказуемости. Также законодатель заметно разграничивает разницу между употреблением и сбытом наркотической продукции: при отсутствии в деянии субъекта преступления мотива, направленного на сбыт наркотической продукции, он вправе рассчитывать на возможность загладить свою вину и избежать соответствующего наказания. Отметим, что государственная уголовно-правовая политики направлена на регистрацию и проверку всех сообщений о преступлениях, раскрытие уже зарегистрированных, предотвращение готовящихся, то есть имеет превентивный характер. Санкции уголовного кодекса в данный момент более суровы, в отличие от советского периода.

Современная российская уголовно-правовая политики многогранна и проникает во многие общественные отношения, стараясь обеспечивать безопасность населения: постоянно в каждых ежегодных докладах различных правоохранительных ведомств мы видим цели и задачи по снижению роста наркотизации населения, в особенности, выделяется подростковый возраст детей, который предопределяет более легкое вовлечение к наркобизнесу, ведь, как известно, подростковую несостоявшуюся личность намного проще привлечь к нелегальному бизнесу. Эфемерные представления о безнаказанности и лёгком обогащении становятся в приоритете у подростков, они начинают заниматься нелегальным бизнесом, который в итоге приводит к краху их судеб, ведь зачастую главы наркобизнеса используют их как «разменную монету». Об этом свидетельствуют также систематическая смертность наркоманов: в России средний возраст умершего наркомана составляет от 17 до 29 лет. Данные Министерства внутренних дел также неутешительны: более 73% всех наркоманов это молодежь, которые попробовали наркотики ещё в школьном периоде, обследование среди школьников показывают, что в обычном классе, где учится около 25 детей, найдётся от 3 до 5 детей, в крови у которых найдутся следы наркотических средств разного происхождения. Конечно же, стоит отметить, что наркотизация начинается с марихуаны, стимуляторов, галлюциногенов. По-

пулярность приобрели у молодежи одурманивающие курительные смеси, которые распространяются путём «закладок», а также активных переписок в современных социальных сетях и мессенджерах. Основная проблема состоит в том, что данные смеси постоянно усложняются своим химическим составом и не подпадают под юрисдикцию Списка запрещенных средств, установленных Правительством РФ [2].

Российская Федерация, как правовое социальное государство должно своими действиями в антинаркотической политике, проявлять следующие последовательные и правомерные мероприятия, а именно:

1. Ужесточить уголовную ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в том числе за сбыт наркотиков в исправительных учреждениях, а также в местах, где проводятся массовые мероприятия.

2. Укрепить действия федеральных органов власти, органов субъектов, а также органов местного самоуправления и иных лиц для постепенного и широкомасштабного сокращения незаконного оборота и потребления наркотиков, охрану личности и здоровья граждан.

3. Дополнить образовательные программы общеобразовательных и профессиональных уровней разделами по профилактике злоупотребления наркотиками и иными психоактивными веществами.

4. Создание научной организационно-методологической основы профилактики правонарушений, связанных с незаконным обращением наркотиков, а также улучшения благосостояния российских граждан, предопределения трудовых способностей каждого подростка и приобщение его к благоприятному труду [3].

Подводя итог вышесказанному, сделаем вывод, что в современной России политика противодействия незаконному обороту наркотических и психотропных веществ направлена на ужесточение общественных отношений в этом направлении, а также проводится необходимая систематизация всей необходимой информации в этой сфере. Расширяется список запрещённых веществ, которые должны быть ограничены или запрещены в свободном доступе и обороте, также проводится работа в межведомственном сотрудничестве всех органов власти. Правовая основа, сложившаяся на современном этапе развития нашей страны, позволяет нам выстроить собственный независимый вектор развития, определить национальные приоритеты и максимально снизить риск распространения наркотиков и психотропных веществ в Российской Федерации.

Литература

1.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. − 1996.- № 25.− Ст.2954.

2. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 03.12.2020) // Консультант плюс / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

3. Батычко В.Т. Уголовное право / В.Т. Батычко. − М.: Юнити-дана, 2019. − 255 с.

УДК 343.114

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СУДЕ ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Матейчук Василий Иванович
старший преподаватель кафедры государственно- правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, г. Челябинск.
E-mail: vasilypost71@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются и классифицируются субъективные права и юридические обязанности, процессуальные действия, осуществляемые в суде второй инстанции в уголовном судопроизводстве, а также задачи, решаемые в рамках данной стадии.

Ключевые слова. Производство в суде второй инстанции, апелляционное производство в уголовном процессе, процессуальные действия в суде второй инстанции, процессуальные действия в апелляционном производстве.

SUBJECTIVE RIGHTS AND LEGAL OBLIGATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF PROCEDURAL ACTIONS IN THE COURT OF SECOND INSTANCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Mateychuk Vasily Ivanovich,
Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk. E-mail: vasilypost71@yandex.ru

Summary. The article analyzes and classifies subjective rights and legal obligations, procedural actions carried out in the court of second instance in criminal proceedings, as well as tasks solved within this stage.

Keywords. Proceedings in the court of second instance, appeal proceedings in criminal proceedings, procedural actions in the court of second instance, procedural actions in appeal proceedings.

Субъективные права и юридические обязанности регламентируются правовыми нормами и находятся с ними во взаимосвязи. Обязанность суда апелляционной инстанции вызвать в суд свидетелей подкрепляет право субъекта указать в апелляционной жалобе список свидетелей, подлежащих, по его мнению, вызову в судебное заседание для повторного исследования доказательств. Обязанность может порождать не только право, но и другую обязанность. Обязанность свидетелей по делу явиться в суд апелляционной инстанции по вызову является следствием обязанности суда вызвать данных свидетелей.

Акты реализации прав и обязанностей в пределах апелляционного производства могут быть разнообразными. Суд, рассмотрев апелляционную жалобу (протест), выносит по данному акту решение, которое является правоприменительным актом.

К охранительным правоприменительным актам суда апелляционной инстанции можно отнести применение мер государственного принуждения на любом этапе производства данной стадии. Это может быть избрание меры пресечения в виде ареста. Данный охранительный правоприменительный акт направлен на обеспечение устранения

препятствий для рассмотрения дела, когда иными способами обеспечить устранение данных препятствий невозможно. Такими препятствиями могут быть: розыск подсудимого, его влияние на участников процесса с целью затруднить или затянуть рассмотрение дела. Суд, вынося судебное решение об избрании данной меры пресечения, защищает права других участников процесса на рассмотрение дела в разумные сроки и на справедливое судебное разбирательство.

«Целесообразность апелляционной процедуры заключается непосредственно в ее процессуальных возможностях по отношении к другим методам проверки судебных решений, в присущих только ей правовых инструментах» [1;28]. Кроме специфических задач, апелляционное производство имеет присущие данной стадии процессуальные действия, регламентированные в нормах главы 45.1 УПК РФ, которые можно классифицировать по следующим признакам: 1) по характеру воздействия на объект (действия субъектов и использование элементов уголовно-процессуальной формы); 2) по применению в определенном процессуальном состоянии; 3) по субъектам.

По характеру воздействия – действия субъектов и использование элементов уголовно-процессуальной формы. Не все действия субъектов апелляционного производства являются действиями с использованием элементов уголовно - процессуальной формы. Действия лица по составлению документа, который может стать впоследствии апелляционной жалобой или протестом, не являются использованием уголовно-процессуальной формы до тех пор, пока судом данный документ не будет подан в соответствующий суд и признан судом: 1) составленным лицом, наделенным таким правом; 2) составленным с соблюдением требований, предусмотренных ст. 389.6 УПК РФ. Только после фактического принятия к производству судом первой инстанции, то есть после начала выполнения действий по рассылке документа для принесения возражений, данный документ можно считать апелляционной жалобой или представлением, то есть элементом уголовного – процессуальной формы. Не все действия субъектов, наделенных властными полномочиями, можно считать использованием элементов уголовно - процессуальной формы. Некоторые действия таких субъектов носят организационной, непроцессуальный характер, хотя и укладываются в последовательность и временные рамки уже начатого апелляционного производства. К ним можно отнести пересылку дела из суда первой инстанции в суд апелляционной инстанции и обратно. Таким образом, действия субъектов апелляционного производства по характеру воздействия на объект можно классифицировать на: 1) представляющие из себя элемент уголовно-процессуальной формы; 2) носящие организационной, непроцессуальный характер.

По применению в определенном процессуальном состоянии процессуальные действия можно классифицировать: 1) подготовка и подача апелляционной жалобы (протеста): а) во время составления и подачи непосредственно самой жалобы; б) пересоставление и новой подачи жалобы после оставления без движения судом первой инстанции; 2) действия суда первой инстанции: а) принятие и изучение жалобы (представления); б) направление после изучения для пересоставления; в) направление копий для принесения возражений; г) направление дела в суд второй инстанции; 3) действия суда второй инстанции: а) проверка выполнения необходимых действий судом первой инстанции; б) подготовка к заседанию суда второй инстанции; в) судебное заседание суда второй инстанции; в) вынесение судебного решения судом второй инстанции; г) действия суда второй инстанции после вынесения судебного решения.

По субъектам процессуальные действия могут классифицироваться: 1) действия лиц, наделенных властными полномочиями (суд, государственный обвинитель); 2) действия лиц, не наделенных таковыми (потерпевший, подсудимый).

Назначением уголовного процесса являются: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Если представить цель как моделирование идеального конечного результата деятельности, то можно предположить, что ее достижение не всегда осуществимо. В рамках уголовного судопроизводства бывают случаи, когда выносятся оправдательные приговоры, а значит, не обеспечивается защита прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений. Встречаются случаи незаконного осуждения, незаконного избрание меры пресечения, когда не обеспечивается защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. И первый, и второй примеры не соответствуют целям уголовного процесса. Для того, чтобы обеспечить планомерное движение к моделируемому результату, субъектам необходимо решать конкретные задачи на каждой стадии уголовного процесса применительно к возникшей ситуации. Для этого каждому из них необходимо совершать определенные действия или совокупность действий и в зависимости от наступившего промежуточного результата совершать следующее действие (совокупность действий). Для одних субъектов совершение этих действий является правом, для других обязанностью.

Для апелляционного производства характерно наличие задач, которые можно классифицировать по следующим признакам: 1) по распространенности: а) на всю стадию; б) на одну или несколько частей стадии; 2) по степени специфичности: а) свойственные именно данной стадии уголовного процесса; б) свойственные нескольким стадиям, объединенным по каким-либо признакам; в) свойственные только одной стадии; 3) по субъектам: а) свойственные одному субъекту; б) свойственные нескольким субъектам; в) свойственные властным субъектам; г) свойственные субъектам, не наделенным властными полномочиями; 4) по степени обязательности: а) управомочивающие; б) задачи-обязательства.

В апелляционном производстве имеется задача, свойственная данной стадии уголовного процесса: подтверждение соответствия вынесенного судебного решения назначению уголовного процесса или принятие мер к приведению судебного решения к состоянию соответствия данному назначению.

По сути, на разных стадиях уголовного процесса цели уголовного судопроизводства в целом распадаются на множество более мелких задач, которые вытекают из них и взаимообусловливают друг друга. По степени распространенности можно выделить самую главную задачу апелляционного производства, которая «красной нитью» пронизывает всю стадию апелляционного производства – проверку законности, обоснованности и справедливости приговора и законности и обоснованности остальных судебных решений, которой подчинены все остальные задачи и действия субъектов уголовного судопроизводства на данной стадии. На разных отрезках можно выделить более конкретные задачи - составить и подать апелляционную жалобу (протест), изучить ее, если необходимо отправить для пересоставления с указанием недостатков и срока для их устранения и т.д. По степени специфичности можно выделить задачу, которая свойственна нескольким стадиям уголовного процесса - проверка законности вынесенного решения, которая также свойственна таким стадиям как кассационное производство и надзорное производство. Задачей, свойственной только апелляционному производству, является проверка обоснованности вынесенного судебного решения. Исходя из субъектного состава, задача составить и подать апелляционную жалобу присуща нескольким субъектам, не обладающим властными полномочиями (осужденный, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и т.д.). Задача составить и подать

протест присуща только одному субъекту, обладающему властными полномочиями - государственному обвинителю. По степени обязательности управомочивающей задачей является право принести замечания на протокол судебного заседания, так как данным правом субъект может и не воспользоваться. Задачей – обязательством, гарантирующей право принести апелляционную жалобу, является обязанность председательствующего рассмотреть данные замечания на протокол судебного заседания.

Таким образом, между субъектами в стадии апелляционного производства возникают уголовно-процессуальные отношения, содержанием которых являются взаимно корреспондирующие субъективные права и юридические обязанности. В данном случае это права и обязанности, которые порождают действия по инициации судебной проверки и действия непосредственно по судебной проверке решения первой инстанции.

Литература

1. Романова, А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: автореф. дис. … к-та юрид. наук / А.А. Романова. – Н. Новгород, 2017. – 31 с.

УДК 343.3

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 282 УК РФ

Набоков Леонид Валерьевич
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Липецкий государственный технический университет, leo1n@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства». Дается краткая уголовно-правовая характеристика преступного деяния, а также предпринята попытка выявления некоего противоречия в законодательства касательно объективной стороны преступного деяния.

Ключевые слова: экстремизм, ненависть, квалификация, мотив, преступление

ABOUT SOME QUESTIONS OF THE CRIME UNDER ART. 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nabokov Leonid Valerievich
Senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
Lipetsk State Technical University

Summary. This article examines the issues of a crime under Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation "Incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity." A brief criminal law characteristic of the criminal act is given, and an attempt is made to identify a certain contradiction in the legislation regarding the objective side of the criminal act.

Key words: extremism, hatred, qualification, motive, crime

Современные реалии, экономическая и политическая ситуация, мировые тенденции, тренды и др. говорят нам о том, что невозможно построить общество, в которым были бы довольны все и всем. В условиях социального неравенства, несмотря на проводимую внутреннюю и внешнюю политику, мы все равно не можем не заметить проявление

ненависти между людьми. Расовая, национальная, этническая, религиозная и иная дискриминация была, есть, и, к сожалению, будет существовать. Проблемы ее возникновения, с точки зрения уголовного права, криминологии, криминальной психологии и психиатрии очень различны. Это чувство озлобленности, заблуждения в фактах истории, навязывание точки зрения, подмена понятий, ложное субъективное трактование религиозных догматов и др. Такая дискриминация, в настоящий момент, попадает под признаки преступного деяния, предусмотренного ст. 282 УК РФ, и называемого «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства.

Конституция РФ, в ч. 1 ст. 3 декларирует, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ [2]. Соответственно, деяния, направленные на ограничение прав граждан, пропаганду языкового, национального, религиозного, социального и иного превосходства запрещены. К сожалению, так думают не все.

В науке уголовного права ученые выделяют основной объект ст. 282 УК РФ – это общественные отношения, которые охраняют конституционные права граждан, равенство граждан независимо от религии, расы, национальности вне зависимости от социальной и политической жизни общества [11]; В.А. Бурковская определяет объект преступления, как общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества и государства в части, относящейся к реализации конституционного запрета на разжигание нетерпимости [9]. Д.Н. Саркисов видит объект, как конституционный запрет на провоцирование ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, происхождения, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе и иным личным или социальным признакам [13]. Такие подходы объективно справедливо воспринимаются и с практической точки зрения. При квалификации объектом называют отношения, которые характеризуют конституционный принцип запрета агитации либо пропаганды, возбуждающих расовую, национальную религиозную, социальную ненависть либо вражду.

Опасность такого деяния, на практике, состоит в том, что действия влияют на массовое сознание, и таким образом служат плодородной почвой для роста радикальных взглядов у зрителей, слушателей и читателей.

Обращаясь к архиву Красноглинского районного суда г. Самары, отметим: при осуждении М. и К по ч. 1 ст. 282 УК РФ, суд указал, что текст листовок, которые распространяли подсудимые, типичен для представителей идеологии нацизма, возбуждает ненависть, и «вводит в круг «врагов» русского народа всех мусульман, тем самым способствует возбуждению религиозной вражды» [6].

Ст. 282 УК РФ – уголовно-правовой запрет с двойной превенцией: это криминализация возбуждения ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства – способ предупреждения преступлений как экстремистской направленности – так и террористической (ст. 205 УК РФ и иные смежные нормы).

Объективная сторона преступного деяния определена как совершение активных действий. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по части 1 статьи 282 УК РФ только в том случае, если они совершены публично или с использованием средств массовой информации (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах,

брошюрах, книгах, в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц [4]. Более того, действующая редакция нормы, согласно Федеральному закону от 27.12.2018 года № 519-ФЗ говорит нам о ее изменении, конкретизируя то, что квалификация применяется к лицам после их привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Законодатель справедливо дифференцирует деяние по степени общественной опасности, говоря о сознательном нарушении закона и четко сформированной у виновного противоправной установки. Пункт 7 Постановления говорит нам, что действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по части 1 статьи 282 УК РФ только в том случае, если они совершены публично или с использованием средств массовой информации (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц) [4].

Способ выполнения действий объективной стороны может быть различен. Современная судебная практика знает достаточно простой и лаконичный характер деяний. Так, К. используя штамп, который он лично изготовил, составил предложение с призывом не осуществлять покупки у лиц, являющихся представителями тюркских народов. Поставив такой штамп на имевшиеся у него денежные средства, т.е. банковские билеты, он пустил их в свободный оборот. При проведенной экспертизе установлено наличие основания квалифицировать его действия по ст. 282, т.к. своими действиями он имел умысел на разжигание ненависти к определенной группе по национальному признаку, изготовив штамп, по смысловой нагрузки содержащий призыв «не покупать у лиц кавказской национальности» [8].

Также интересным представляется вопрос о квалификации таких деяний с использованием сети Интернет. Интернет-журналы, интернет-дневники, социальные сети – это то, где человек делится собственным мнением, таким образом изначально подразумевает, что он будет услышан. По ч. 1 ст. 282 была осуждена Д., которая разместила на сетевом ресурсе «Пособие по уличному террору», в котором была пропаганда неполноценности лиц отдельных национальностей [7]. Некоторые граждане также относительно бессознательно выкладывают в публичный доступ информацию, открывают доступ к данным на своем жестком диске путем использования свободного и открытого клиента файлообменной сети Direct Connect (DC++), не осознавая того, что они могут быть источниками скачивания данных, а следовательно и базой данных для использования и распространения знаний для неопределенного круга лиц. Представляется, что публичность, в понятии обывателя – это именно личное декларирование каких-либо тезисов и возгласов «с трибуны». Граждане не осознают общественную опасность, и не отдают отчет в том, что действия, которые они совершают через сеть Интернет абсолютно эквиваленты действиям в реальной жизни.

Следует отметить, что квалификация содеянного по ст. 282 – это не только связка «Православный против мусульман», «Русский против евреев», но и любая иная. Судебная практика ни в коем случае не говорит о какой-либо однозначности. Так, Т. был осужден за ряд преступных деяний, в т.ч. по ст. 282 УК РФ. Находясь в г. Грозный

Чеченской Республики он написал книги «Газават или как стать бессмертным» и «Наша борьба или повстанческая армия ислама» и издал их тиражом 500 и 2500 соответственно. Верховный суд Республики Дагестан пришел к обоснованному выводу, что по результатам экспертизы содержание книг унижало достоинство русскоязычного населения, последователи иных вероисповеданий, кроме ислама, были представлены как заблудшие. В целом содержание книг возбуждало вражду по многих признакам, поэтому Т. Понес наказание по ст. 282 УК РФ [5].

С субъективной стороны деяние, предусмотренное ст. 282 характеризуется прямым умыслом и целью возбуждения ненависти или вражды, а также унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, вероисповедания и т.д.

Лицо, совершая данное преступное деяние, осознает характер своей деятельности, ее публичность и степень общественной опасности.

В связи с этим представляется сомнительным положение п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011г. № 11: «Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [4].

Не совсем понятным является то, в каком контексте определяется оценочность «использующихся фактов… в научных или политических дискуссиях и текстах…», т.к. при отсутствии состава преступного деяния, предусмотренного ст. 282 УК РФ, есть основания для квалификации по ст. 148 УК РФ. И стоит добавить, помимо «научных или политических дискуссий и текстов» еще и те же социальные сети, в рамках бытового обсуждения. Осознание характера своей деятельности и степени общественной опасности – опять же оценочное понятие. Достаточно обратиться к сети Интернет и обратить внимание на ряд дел: Дело Даниила Маркина, Дело Марии Матузной и других [10]. Сомнительным представляется то, что своими действиями (см. материалы по источнику) подозреваемые несли стойкую осознанную цель задеть религиозные чувства граждан. Субъективно, несмотря на прекращение уголовных дел, Верховному Суду РФ следует дать правовую оценку с целью обеспечения равенства граждан не только касательно выборы ими религиозной конфессии, но и отсутствия у них религиозных взглядов вообще.

Подводя итог, следует отметить, что объект преступного деяния, предусмотренного ст. 282 УК РФ должен быть несколько пересмотрен. Возбуждение ненависти либо вражды ни в коем случае не должно быть переплетено с равнодушием к определенным взглядам, а равно, как и соблюдение конституционных прав и обязанностей человека и гражданина, ведь, не стоит забывать, что право одного является правом до тех пор, пока оно не нарушает свободу другого.

Литература

1. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи 2106 (XX) от 21 декабря 1965 года. Вступила в силу 4 января 1969 года [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc&base=INT&n=15156 (Дата обращения: 15.11.2021).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 15.11.2021).

3. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/. (Дата обращения: 15.11.2021).

4. Архив Верховного суда Республики Дагестан. Дело № 2-55/04 за 2004 г. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/. (Дата обращения: 15.11.2021).

5. Приговор Красноглинского районного суда г. Самары от 18 июля 2007 г. По делу № 1 – 611 [Электронный ресурс] // https://sudact.ru/. (Дата обращения: 15.11.2021).

6. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 21 сентября 2009 г. По делу № 4 – 721 [Электронный ресурс] // https://sudact.ru/ (Дата обращения: 15.11.2021).

7. Архив городского суда Ставропольского края от 25 сентября 2010г. по делу № 3-5722 [Электронный ресурс] // https://sudact.ru (Дата обращения: 15.11.2021).

8. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / В.А. Бурковская. − Академия Управления МВД России. - Москва, 2006. - 469 с.–

9. Зотова. Н. Дошутились до суда: как в Барнауле живут обвиняемые за репосты во «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // https://www.bbc.com/russian/features-45221345 (Дата обращения: 15.11.2021).

10. Мыльников, Б.А. Противодействие преступления экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дисс… канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мыльников Борис Александрович. – Москва, 2005. – 177 с.

11. Саркисов, Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремисткой деятельности: дисс… канд. юрид. наук: 12.00.08 / Саркисов Дмитрий Николаевич. – Москва, 2010. – 196 с.

УДК 343.98

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ КАК ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Скок Оксана Ивановна
старший преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин
Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь

Аннотация. Характерным признаком экспертизы как исследования является установление в ходе применения экспертом специальных методик к объекту — так называемых промежуточных фактов. Однако если эксперт этим ограничится, то никакой экспертизы осуществлено не будет.

Ключевые слова: экспертиза, методы экспертного исследования, специальные знания

ESSENCE AND CONTENT OF SPECIAL KNOWLEDGE AS THE BASIS OF FORENSIC EXPERTISE

Skok Oksana Ivanovna
Senior Lecturer, Department of Civil and Criminal Law Disciplines, Baranovichi State University, Baranovichi, Republic of Belarus

Annotation. A characteristic feature of an examination as a research is the establishment, in the course of an expert's application, of special techniques to an object - the so-called intermediate facts. However, if the expert limits himself to this, then no examination will be carried out.

Key words: expertise, methods of expert research, special knowledge

Экспертиза как исследование характеризуется специальными методами ее производства − это также один из родовых признаков. Понятию «метод исследования» посвящено немало специальных работ, в том числе в экспертной литературе. Конкретизация данного понятия как средств (способов) экспертного исследования осуществляется через определение значения термина «метод». К методам экспертного исследования относят: всеобщий метод познания, общие методы; специальные методы. Иногда выделяют также частные инструментальные и иные вспомогательно-технические методы. Совокупность специальных методов образует экспертную методику. Методы и методики должны быть апробированы практикой и получить признание специалистов соответствующей области. Эксперт не вправе при проведении экспертизы «придумать» новый способ исследования (такое возможно в ходе научного эксперимента, иного исследования) [1, с. 62].

Исследование, проводимое в форме экспертизы, имеет структуру и состоит из нескольких этапов: определение экспертной задачи, выбор конкретных методик исследования, их применение к объекту исследования, получение промежуточных результатов, экспертный вывод.

Суть экспертизы − в проведении сведущим лицом (экспертом) специального исследования. Действия, составляющие содержание исследования (а именно: выбор специального метода и научных методик, применение их для изучения объекта исследования, получение и анализ промежуточных результатов, профессиональная оценка полученных результатов), не являются предметом процессуально-правового регулирования. Как известно, закон опосредует общественные отношения. Поэтому можно урегулировать отношения между экспертом и испытуемым (субъектом процесса) с целью обеспечить права личности при производстве экспертизы (недопустимость принуждения при экспертизе, недопустимость применения методик, могущих нанести вред жизни или здоровью испытуемого). Однако сам процесс получения знания о фактах в ходе исследования − не предмет нормотворчества [2, с. 139].

Экспертизой является применение специальных знаний не в любой форме, а только в форме исследования. Соответственно, участие специалиста в процессе для оказания помощи суду в совершении процессуального действия нельзя назвать экспертизой, результаты такой специальной деятельности никакого доказательственного значения не имеют.

Исследование предполагает получение таких новых фактических данных, которые до этого суду не были известны и которые иным способом (например, показаниями свидетелей) установить нельзя. Иными словами, экспертиза направлена на выявление именно фактических данных, которые способны подтвердить (или опровергнуть) факты, имеющие юридическое значение. Сами юридические факты не предмет экспер-

тизы, правильное определение юридических фактов задача и компетенция суда. Поэтому представляются неточными суждения о том, что экспертиза назначается для установления юридического факта, входящего в состав фактов, обосновывающих исковые требования и возражения сторон, а также для установления доказательственного факта. И юридический, и доказательственный факт выявляются судом при помощи доказательств, в том числе заключения эксперта, полученного в результате проведения специального исследования.

Сами по себе промежуточные факты, установленные экспертом в ходе исследования, без выявления связей между ними, без профессиональной оценки таких фактов и связей доказательственного значения иметь не могут. Как было доказано в экспертологии, именно синтез дает новое знание. Описание установленных данных, перечисление их признаков без оценки не содержит информации, которая может быть использована судом в качестве доказательства. Без оценки результаты экспертного исследования не вписываются в общую цепь доказательств и бесполезны для дела [3, с. 53].

Одним из первых это понятие дал А. А. Эйсман, который подчеркнул, что специальные знания — это «знания не общеизвестные, не общедоступные», «это знания, которыми располагают ограниченный круг специалистов» [4, с. 439].

Ю. Г. Корухов относит к специальным знаниям их совокупность в определенной области науки, техники или искусства, применяемых в целях доказывания [5, с. 67].

П. П. Ищенко также рассматривает специальные знания, исходя из интересов уголовного судопроизводства. Он указывает, что «это любые профессиональные знания, которые могут оказать содействие в обнаружении, фиксации и изъятии доказательств» [6, с. 245].

Более широко область применения специальных знаний рассматривается как любые познания в науке, технике, искусстве или ремесле (исключая область процессуального и материального права), применяемые при решении вопросов, возникающих при осуществлении правосудия. [7, с. 138]. В. Н. Махов полагает, что нет необходимости раскрывать в определении специальные знания, и относит к ним «знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством» [8, с. 39].

Тем не менее, правоприменительная практика свидетельствует, что при рассмотрении понятия и сущности специальных знаний необходимо исходить из того, что они должны толковаться как в широком, так и узком смысле. В широком смысле специальные знания могут потребоваться в самых различных ситуациях поиска истины, как в уголовном, так и в гражданском судопроизводстве. Они нужны при расследовании налоговых преступлений, востребованы в таможенном деле. Всюду, где нормоприменяющий субъект обнаруживает, что его познания, во-первых, недостаточны, во-вторых, и что главное, его суждения не могут быть положены в основу принятия решения, поскольку соответствующие правила, инструкции, подзаконные акты, законы требуют квалифицированного мнения именно специалиста в данной конкретной области знания [9, с. 175].

В узком смысле специальные знания наиболее востребованы в раскрытии и расследовании преступлений. Специальные знания — это знания, прежде всего, основанные на теории и закрепленные практикой, глубокие и разносторонние знания приемов и средств криминалистической техники, обеспечивающие обнаружение, фиксацию и исследование доказательств. К специальным в этом же смысле относят познания в криминалистической медицине, криминалистической химии, физике, пожарном деле, автоделе, а

также любые иные познания (педагогические, лингвистические, математические и другие), использование которых необходимо для полного, всестороннего и объективного расследования преступлений». С сегодняшних позиций можно было бы расширить спектр познаний, относящихся к специальным. Но это не меняет сути определения, которое имеет, во-первых, технико-криминалистическую направленность, во-вторых, показывает все расширяющийся круг специалистов, знания которых необходимы для полного, всестороннего и объективного расследования преступлений [10, с. 148].

Это качество специальных знаний должно также обеспечиваться высокой требовательностью, которая предъявляется к лицу, претендующему на статус эксперта. Специальные знания эксперта должны быть получены им в ходе профессионального образования (как правило, высшего) и закреплены в процессе подготовки по конкретной экспертной специальности.

Таким образом, при рассмотрении понятия и сущности специальных знаний акцентируется внимание на двух аспектах: их общем содержании и области применения. При этом общее содержание увязывается с источником приобретения знаний, специальной подготовкой и последующей профессиональной деятельностью. Область применения в основном сводится к потребностям, возникающим при осуществлении правосудия, и даже более определенно к интересам уголовного судопроизводства. Также необходимо подчеркнуть, что существенным качеством, характерным для специальных знаний, пришедших в практику из науки, является их научная основа, поскольку она обеспечивает достоверность получаемых с их помощью результатов.

Литература

1. Лапин, А. В. Криминалистическое оружиеведение / А. В. Лапин. − Минск: Право и экономика, 1995. − 112 с.

2. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства / М. С. Строгович − М.:Госюриздат, 1955. − 208 с.

3. Ярков, В. В. Сообщение специалиста в гражданском процессе / В. В. Ярков // Применение экспертизы и других форм специальных познаний в советском судопроизводстве: Межвузовский сб. науч. тр. Свердловского юрид. института. − Свердловск: СЮИ, 1984. − 119 с.

4. Эйсман, А. А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование / А. А. Эйсман. − М.: Юридическая литература, 1967. — 152 с.

5. Корухов, Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: науч. практ. пос. /Ю. Г. Корухов.− М.:Спарк, 1998. − 329 с.

6. Ищенко, Е. П. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. − М.: Элит, 2008. − 687 с.

7. Аверьянова, Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов криминалистической экспертизы / Т. В. Аверьянова. − М.: Наука, 1994. − 186 с.

8. Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений/ В.Н. Махов. − М.: Изд-во РУДН, 2000. − 296 с.

9. Белкин, Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р. С. Белкин. − М.: Наука, 1966. − 295 с.

10. Подготовка и назначение судебных экспертиз: пособие для следователей, судей и экспертов / А. С. Рубис [и др.]; отв. ред. А.С. Рубис. − Минск: Харвест, 2006. − 320 с.

УДК 343.969

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Скок Оксана Ивановна
старший преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин,
Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь

Аннотация. С развитием брачно-семейных отношений, устоев общества, потеря традиций и принятие аморальных действий за нормальные, психологическое насилие в семье в современных тенденциях развития приобретает все большее распространение. Оно выражается в различного рода, угрозах психологического воздействия, принуждения со стороны одного члена семьи по отношению к другому с целью контроля, запугивания или удовлетворения своих потребностей.

Ключевые слова: брак, семья, психологическое насилие

PSYCHOLOGICAL ABUSE IN THE FAMILY: PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

Skok Oksana Ivanovna
Senior Lecturer, Department of Civil and Criminal Law Disciplines,
Baranovichi State University, Baranovichi, Republic of Belarus

Annotation. With the development of marriage and family relations, the foundations of society, the loss of traditions and the acceptance of immoral actions as normal, psychological violence in the family in modern development trends is becoming more widespread. It is expressed in various kinds, threats of psychological influence, coercion from one family member towards another in order to control, intimidate or satisfy their needs.

Keywords: marriage, family, psychological abuse

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, семья, являясь естественной и основной ячейкой общества, находится под защитой государства [1]. Официальной статистики жертв домашнего насилия нет. Отследить, сколько человек подвергается издевательствам со стороны близких людей, сложно. В Республике Беларусь примерно психологическому насилию хоть раз в жизни подвергались 82,1% женщин и 70,9% мужчин. Подавляющее большинство женщин подпадают под этот вид насилия независимо от социально-демографических характеристик. Также, данному виду насилия, чаще всего, подвергаются мужчины в возрасте 18-29 лет, которые живут в сельской местности, с низким уровнем материального благосостояния и имеют базовое или неполное среднее специальное образование [2].

Около 50% мужчин и женщин считают, что в отношениях между мужем и женой разрешена ревность, около 39% мужчин и женщин не исключают возможности вмешательства в личную жизнь партнера и используют непристойные шутки и замечания, около 34% супругов допускают брань в общении с партнером [2].

Жертвами психологического насилия в семье могут быть любые её члены, будь то дети, супруг, родители или близкие родственники, которые находятся на попечении.

Ведущее составляющее психологического насилия, исходя из воздействия на свою жертву, может быть:

1) эмоциональное, поскольку в своем выражении человек действует на эмоциях и оказывает воздействие на эмоциональное состояние своей жертвы, подавляя его внутренний

мир, настроение, желания;

2) поведенческое, происходит преднамеренное манипулирование действий своей жертвы. Человек сам того не понимая становится марионеткой в руках своего насильника;

3) интеллектуальное, игнорирование субъектных характеристик жертв, особенностей, подавление воли к достижению поставленной цели, достоинства, чести и т.п.

Исходя из этого, психологическое насилие направлено на всесторонний контроль своей жертвы, который выражается в контроле за информацией, мышлением, общением, поведением. Опасность психологического насилия состоит в том, что в отличие от физического насилия оно не имеет внешних признаков, которые выражаются в побоях, ссадинах, синяках, изменениях телесного покроя жертвы.

К причинам психологического насилия внешнего характера можно отнести те, которые зависят не столько от решений или поступков конкретного человека, сколько от сопутствующих явлений, происходящих в это время событий, среди которых можно выделить следующие:

1) распространение в обществе алкоголизма, наркомании, лудомании.

2) наклонность и кризис морали в обществе;

3) культ жестокости, пропагандируемый в обществе.

4) упадок культуры в обществе.

5) стереотипы, которые в современном понимании считаются нормой поведения — «Бьет — значит, любит!», «Бьют всех», «Пощечины и удары никогда не могут ударить серьезно» и т. д.

6) влияние средств массовой информации, постоянно демонстрирующих сцены насилия над личностью, картины террористических актов, акты вандализма, садизма и др.

7) убеждения некоторых религиозных течений, также сект, где принята точка зрения, что замужние женщины могут и должны подвергаться домашнему насилию независимо от каких-либо причин.

8) традиционный взгляд на положение женщин, мужчин и детей, в котором подчеркивается, что мужчина — абсолютный глава семьи, который наделяется всеми полномочиями.

9) географические, экономические, политические факторы [3].

Внутренние факторы зависят от конкретного человека, его жизненного опыта, семейного опыта, психического здоровья, уровня самосознания, образования и культуры, наличие вредных привычек и образа жизни:

1) копирование модели взаимоотношений родителей, увиденной в детстве, а также стресс, полученный в результате неблагоприятной обстановки в семье. Родители могли слишком жестко контролировать ребенка. Это проявлялось в действиях, которые заставляли ребенка делать то, чего он не хотел, так же насилие могло быть вербальным. Данные действия взрослых оставляют след в поведении человека в будущем, ведь каждый человек подсознательно ведет себя в точности, как и его родители, устанавливая похожие правила в своей семье, копируя поведение одного или обоих родителей, повторяя их ошибки, следуя их убеждениям и формам воспитания детей. Это происходит из-за того, что все люди запечатлевают в эмоциональной памяти то, что видели в детстве. Это становится частью человека, выражающееся в восприятии мира и переходит в действие на уровне поведения.

2) Недостаток или избыток любви в детстве, тоже могут стать причиной агрессии. Недостаток любви проявляется, если ребенок вырос в неполной семье — родители развелись или один из них умер. Тогда человек может «отыгрываться» на своем партнере за ту любовь, которую недополучил в детстве. Это связано со страхом потерять партнера,

так же как и своего родителя. Внутренняя обида, не дает покоя всю жизнь, такому взрослому. Она делает его завистливым к чужой радости, чужим успехам, чужой любви. Руководствуясь этой обидой человек, совершает поступки, о которых впоследствии глубоко сожалеет. Известно, что у 40% насильников в детстве были плохие отношения с родителями, и только у 15% семейных агрессоров не было проблем в отношениях с родителями. При избытке любви личность становится эгоцентричной, ставит интересы свои выше других членов семьи [3].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее — Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений») в ст. 11 указано, что ежегодно разрабатываются и утверждаются региональные комплексные программы по профилактике правонарушений, в частности мероприятия по предупреждению насилия в семье, которые реализуются субъектами профилактики правонарушений в пределах своей компетенции на территории соответствующих административно-территориальных единиц. Данные программы составляются на основе положений Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», государственных программ по борьбе с преступностью и коррупцией, предложений субъектов профилактики правонарушений местными исполнительными и распорядительными органами областного и базового территориальных уровней [4].

Отсутствие достоверных и точных статистических данных по данной категории преступлений не говорит о том, что их стало меньше или вообще нет. Психологическое насилие относится к латентной преступности, которое сложно поддается выявлению и раскрываемости.

Исходя из этого, предлагаем включить в учебный процесс образовательных учреждений Республики Беларусь открытые диалоги с психологами, священниками, круглые столы с потерпевшими сторонами, с лицами проводящими реабилитацию и профилактические мероприятия по предупреждению насилия в семье, проведение тренингов по выявлению психологических манипуляций, для развития умения сохранять спокойствие в нестандартных ситуациях и правильной оценки действий лица, видео-показ социальных роликов, а также иные мероприятия, которые будут стимулировать молодое поколение к ликвидации и искоренению аморальных, противоправных действий в отношении членов семьи.

Считаем, что данные изменения будут закреплять у молодёжи важность семейных ценностей, уважение к старшим, правила этикета, православное воспитание, а также будут оказывать воздействие на воспитание своих детей без применения насилия.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ Беларусь. — 31.07.2018. — 2/2573.

2. Как противостоять психологическому насилию? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zviazda.by/be/node/113681. — Дата доступа: 20.02.2020.

3. Причины насилия в семье, его виды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://psyera.ru/prichiny-nasiliya-v-seme-ego-vidy_10231.htm. — Дата доступа: 20.02.2020.

4. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 15.01.2014 — 2/2120.

УДК 343

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗА СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Суханова Ирина Юрьевна
старший преподаватель кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация: В статье проанализированы проблемные вопросы уголовно-правового законодательства, пути совершенствования уголовного законодательства за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов для разрешения выявленных в процессе исследования проблем. Повышение эффективности реализации ответственности возможно путем повышения теоретической разработанности состава

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

WAYS TO IMPROVE CRIMINAL LEGISLATION FOR INDUCING THE CONSUMPTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES

Sukhanova Irina Yuryevna
senior lecturer of the Department Criminal law, process and criminalistics
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk

Summary: The article analyzes problematic issues of criminal law legislation, ways to improve criminal legislation for inducing the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues to resolve the problems identified in the course of the study. Increasing the effectiveness of the implementation of responsibility is possible by increasing the theoretical elaboration of the composition. Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, propensities to the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, propensities to the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues

Эффективность борьбы с наркопреступностью называются правоохранительными органами ежегодно. Эффективная борьба не останавливает потенциально новых потребителей наркотических средств, которые в будущем пополнят девиантную среду наркоманов, своими действиями они заражают общество, вовлекают в свою среду здоровых людей.

Основной причиной роста наркотических преступлений является недостаточная антинаркотическая работа по профилактике, в результате такой профилактики должно выработаться стойкое негативное отношение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Также, причиной является скрытый характер совершаемого преступления, по статистике совершенных наркотических деяний, склонение к потреблению находится на последнем месте по количественному признаку.

Основной задачей борьбы с наркотическими преступлениями является отсутствие новых потребителей наркотиков. Конечно, не стоит забывать бороться с распространением наркотических средств, следить за количеством лиц состоящих на учете в диспансерах.

Конкретного определения понятия склонения законодателем не дается, есть лишь перечень действий, в которых может выражаться склонение, такими действиями выступают любые умышленные действия, направленные на возбуждение желания потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Факт потребления не важен для признания преступления оконченным.

Сущность аналогов наркотических средств, психотропных веществ дается в Федеральном законе от 5 июня 2012 года № 54-ФЗ «О внесении изменений в статьи 230 и 232 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», данным федеральным законом введены аналоги. Под аналогами понимается запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, которые не были включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Введение такого понятия было обусловлено тем, чтобы в случае изготовления преступником наркотика путем синтеза или выделения из природного сырья, данное вещество можно было приравнять к имеющимся средствам. Аналоги имеют даже более опасные свойства, так как включают в себя несколько видов наркотиков.

Лица, подвергшиеся склонению к потреблению, обычно являются несовершеннолетними или лицами, недавно ставшими несовершеннолетними, такие лица в силу возрастных особенностей боязни наказания со стороны не сообщают о совершенном в отношении них преступлении. В силу таких обстоятельств данный вид преступления остается неизвестным правоохранительным органам.

Для установления обстоятельств склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, следует действовать по определенному алгоритму действий. По ст. 230 УК РФ, четкого алгоритма действий нигде не закреплено, следует действовать по общепринятой модели расследования наркотических преступлений. Так, при расследование такого вида преступления как склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов следует использовать сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Множество ученых преследуют цель замены слова склонения на вовлечение. А.И. Ролик обосновывает свою позицию по данному вопросу тем, что для единства терминологии указанной в ст. 150 и ст. 151 УК РФ необходима замена одного понятия другим.

Склонение к потреблению рассматривается только как процесс, а вовлечение следует рассматривать и как процесс и как результат действий. Склонение можно считать составной частью вовлечения.

Такие замены позволят фиксировать факт употребления наркотиков, который будет подтверждать не только свидетельскими показаниями, но и документами медицинского освидетельствования потерпевшего. Применение такого способа может быть, возможно, только в отношении лиц впервые потребившие наркотические вещества.

Изменение п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ необходимо для четкого представления о субъекте преступления в отношении несовершеннолетних, такое возможно путем введения специального субъекта. Дополнение ч. 2 ст. 14 УК РФ основано на том, что на сегодняшний день лица данного возраста являются активными пользователями сети Интернет, и не исключено, что безнаказанно совершают преступления связанные со склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Следует сделать вывод применение ст. 230 УК РФ не всегда возможно, так как сложно доказать факт его совершения, данное преступление обладает высокой латентностью. Введение более строго наказание за склонение позволит притупить чувство безнаказанности у лиц совершающих такие преступления. Изменить ситуацию может внесение изменений в ст. 230 УК РФ. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов является сложным процессом в уголовно-правовом смысле. Впервые данный процесс был урегулирован Указом 15 июля 1974 г., введению такой нормы способствовал зарубежный опыт.

Объективная сторона ст. 230 УК РФ, представляет собой склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ. Склонение к потреблению представляет собой, влияние одного лица на другое, происходящее любым способом с целью приема наркотиков склоняемым лицом. Способы склонения могут быть разнообразными, так лицо может склонять лицо путем возбуждения любопытства или угрозой применения насилия, а также применением насилия. Способы склонения разнообразны по своей природе, основными из них являются, возбуждение желания к потреблению, предложения, советы, уговоры, шантаж, угрозы, побои, насильственная инъекция, истязания, ограничение свободы, а также добавлением в еду или напиток наркотического вещества в тайне, без разрешения на то склоняемого, путем сокрытия факта такого действия или проще говоря путем обмана. Субъективной стороной выступает вина в виде прямого умысла, это понимается в осознании общественной опасности характера действий, направленных на склонение иного лица к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, и наличием желания совершить действия. Мотивом совершения преступного деяния является желание вовлечь потерпевшего в процесс потребления наркотических средств, психотропных веществ, а также целью получение клиента для сбыта наркотиков.

Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов имеет ряд проблем при применении, эти проблемы нередко нарушают принцип справедливости. Повышение эффективности реализации ответственности возможно путем повышения теоретической разработанности состава. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов имеет небольшое количество смежных составов преступления, а также одно административное правонарушение. От преступлений в отношении несовершеннолетних склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, отличается по объективным признакам, объекту посягательства, моменту окончания преступления, предмету преступления, а также по субъекту преступного посягательства. Со ст. 230.1УК РФ склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов имеет общий объект преступного посягательства и одинаковый момент окончания преступного посягательства, объективная сторона схожа, но имеет большее количество способов совершения, различия заключаются в разном предмете преступного посягательства, субъекте преступления. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов схоже со ст. 228.1 УК РФ по объективным признакам преступления, субъекту, моменту окончания преступного деяния, различия заключаются в совершаемых действиях. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов отличается от пропаганды наркотических средств целью совершения. Дополнение ч. 2 ст. 14 УК РФ основано на том, что на сегодняшний день лица данного возраста являются активными пользователями сети Интернет, и не исключено, что безнаказанно совершают преступления связанные со склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Следует сделать вывод применение ст. 230 УК РФ не всегда возможно, так как сложно доказать факт его совершения, данное преступление обладает высокой латентностью. Введение более строго наказание за склонение позволит притупить чувство безнаказанности у лиц совершающих такие преступления. Изменить ситуацию может внесение изменений в ст. 230 УК РФ.

Литература

1. Климанов, А.М. Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 230 УК РФ / А.М. Климанов // Международный научный журнал «Инновационная наука». − 2018. − № 1. − С.59-63.

2. Кузина, Л.С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дисс. ... канд. юр. наук. 12.00.08 / Любовь Сергеевна Кузина. − Краснодар, 2020. 258 с.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06. 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. − 2006. − № 8.

4. Приговор № 1-226/2020 от 21 мая 2020 г. по делу № 1-226/2020: приговор Приволжского районного суда г. Казань от 21 мая 2020 г. по делу № 1-226/2020 [Электронный ресурс]. «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru (дата обращения 15.05.2021 г.).

5. Приговор № 1-43/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-43/2020: приговор 235-го гарнизонного военного суда г. Москвы от 13 июля 2020 г. по делу № 1-43/2020 [Электронный ресурс]. «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru (дата обращения 27.04.2021 г.).

6. Савинков, А.А. Вопросы уголовно-правового противодействия склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / А.А. Савинков // Общество: политика, экономика, право. − 2019. − № 5. − С. 45-55.

УДК 343

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЯТРОГЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Хизриев Аслан Асланбекович
аспирант ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова»

Аннотация: В последнее время наблюдается тенденция активизации государства по привлечению врачей к юридической ответственности (гражданской или уголовной) за совершенную врачебную ошибку. Связано это, прежде всего, с возникшей в нашей стране и мире негативной ситуацией с распространением новой коронавирусной инфекции. Увеличивается число летальных исходов, что порождает рост обращений в правоохранительные органы с целью проверки и дачи правовой оценки полноты оказания своевременной медицинской помощи. Сложность выявления и расследования данного вида преступлений заключается в их высокой латентности и «скрытости» медицинского сообщества.

Ключевые слова: ятрогенная преступность

MAIN DIRECTIONS FOR THE PREVENTION OF IATROGENIC CRIME

Khizriev Aslan Aslanbekovich,
post-graduate student of FSBEI HE "Chechen State University. A. A. Kadyrov»

Annotation: Recently, there has been a tendency to activate the state to bring doctors to legal liability (civil or criminal) for a medical error. This is primarily due to the negative situation that has arisen in our country and the world with the spread of a new coronavirus infection. The number of deaths is increasing, which gives rise to an increase in applications to law enforcement agencies in order to verify and give a legal assessment of the completeness of the provision of timely medical care. The complexity of identifying and investigating this type of crime lies in their high latency and "hiddenness" of the medical community.

Keywords: iatrogenic crime

Медицинские работники, которые становятся субъектами ятрогенных преступлений, как правило, не предвидели наступления тяжких последствий, хотя при должной внимательности и предусмотрительности при осмотре пациента, при установлении диагноза и выборе методов лечения должны были и имели реальную возможность предвидеть наступление общественно опасных последствий в виде смерти или вреда здоровью пациента. Следовательно, медицинские работники небрежно отнеслись к своим профессиональным обязанностям в процессе оказания медицинской помощи, что повлекло тяжкие последствия.

Однако, следует отметить, что в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции, система здравоохранения не была готова к перепрофилированию и организации работы врачей в новых условиях. Изменение трудовой функции, выполнение несвойственных обязанностей в режиме инфекционного госпиталя порождает врачебные ошибки, которые приводят, к сожалению, к летальным исходам. В качестве примера можно привести гражданский спор, рассмотренный Урюпинским городским судом Волгоградской области 10.07.2020 по делу №2-467/2020[2].

Желободько А.В. обратился в суд с иском о признании приказа № 6 от 13.05.2020 года о наложении дисциплинарного взыскания в виде замечания незаконным, взыскании компенсации морального вреда. В обоснование заявленных требований указал, что он работает в должности заведующего отделением анестезиологии и реанимации на основании трудового договора № 2858 от 01.10.2015 года. Приказом главного врача № 6 от 13.05.2020 года к нему незаконно было применено дисциплинарное взыскание в виде замечания за неисполнение 21.04.2020 года пункта 9 приказа главного врача <данные изъяты> от 20.04.2020 года № 278 «Об организации работы инфекционного стационара для госпитализации пациентов с новой коронавирусной инфекцией, внебольничными пневмониями, с клиническими симптомами, не исключающими новую коронавирусную инфекцию COVID-19 », выразившееся в невыделении не менее двух врачей анестезиологов-реаниматологов отделения анестезиологии-реанимации для работы в инфекционном стационаре, а также в непредставлении на утверждение главного врача графика работы врачей анестезиологов – реаниматологов в инфекционном стационаре, и изменении графика работы врачей анестезиологов-реаниматологов (нарушение пунктов 4.1, 4.24 Должностной инструкции заведующего отделением анестезиологии и реанимации).

21.04.2020 года начал свою работу инфекционный стационар. В этот же день поступила пациентка в тяжёлом состоянии с подозрением на COVID-19 ассоциированную пневмонию. Реанимационная помощь больной оказывалась в шоковой операционной, после чего больная в соответствии с достигнутой договорённостью по распоряжению главного врача была переведена в отделение анестезиологии-реанимации с палатами

интенсивной терапии (6 коек) инфекционного стационара на ИВЛ. Однако, по факту дежурных врачей анестезиологов-реаниматологов из резерва в отделении нет. 22.04.2020 года пациентка умерла, после чего главный врач обратился с заявлением Следственный Комитет, обвиняя в неоказании помощи больной. С 23.04.2020 года после смерти пациентки в отделении анестезиологии-реанимации с палатами интенсивной терапии (6 коек) инфекционного стационара начали работать три врача анестезиолога-реаниматолога, вновь принятые на свободные ставки. Вышеперечисленными действиями работодателя ему причинён моральный вред, который выразился в развитии у истца стресса, бессонницы, страхе потерять любимую работу, которой посвятил 34 года, привело к обострению хронических заболеваний.

Данный пример наглядно свидетельствует о том, что именно должностные лица не смогли организовать процесс оказания своевременной медицинской помощи, что привело к смерти пациентки.

В данном случае возникает вопрос, заключающийся в том, что с одной стороны врач должен оказывать медицинскую помощь больному, а с другой стороны осуществляя должностные обязанности в инфекционном госпитале он вынужден ставить под угрозу свою жизнь и здоровье.

Однако, в условиях современной действительности, не только перед правоохранительными органами, но и перед всей системой органов государственной власти стоит задача предупреждения данного вида преступности. Вместе с тем, совершенно очевидно, что снижение роста числа ятрогенных преступлений возможно только при модернизации законодательных норм системы здравоохранения. Например, сейчас в России нет работающей системы, которая бы предупреждала врачебные ошибки. В частности, фактически не расследуются случаи ятрогенных событий (те, что не привели к серьёзным последствиям). Они не обобщаются и, самое главное, не доводятся до врачебного сообщества.

Более того, в российском законодательстве нет механизма, который бы позволял без уголовного разбирательства отстранить врача от работы. Подобная система действовала в советское время: если возникало сомнение в профессиональной компетенции медработника, можно было отстранить его от дел и подвергнуть испытаниям. Если он их проходил, то его возвращали в строй. Таким образом, и пациент был цел, и врачу плохо не делали. За рубежом профилактику врачебных ошибок позволяют обеспечивать системы, основанные на том, что пациент в случае оказания медпомощи ненадлежащего качества без разбирательств получает компенсацию (no-fault system). При этом доказывать вину врача не требуется. В таких условиях медики перестают бояться наказания за непреднамеренную ошибку, что благоприятно сказывается на качестве услуг.

Проблема уголовной ответственности медицинского персонала за профессиональные правонарушения представляет собой одну из самых сложных проблем, которые в настоящее время активно развиваются через актуализацию уголовной ответственности за ятрогенные преступления. Расследование преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг, являются предметом активных обсуждений не только в профессиональных кругах специалистов в области права, медицины, но и общественностью, широко освещаются средствами массовой информации. Они касаются вопросов профессиональных, нравственных, этических основ оказания медицинской помощи, квалификации ятрогенных преступлений, установления причинно-следственной связи между действиями медицинских работников и наступившими последствиями в виде вреда здоровью пациентов, методов и способов доказывания по уголовным делам, применения специальных знаний, оценки качества медицинской помощи.

Повышению эффективности расследования дел, связанных с медициной, способствовала бы в первую очередь надлежащая квалификация следователей. Эффективность расследования данных преступлений во многом зависит от имеющихся у следователя теоретических знаний в сфере медицины и грамотного планирования следственных действий и иных мероприятий на первоначальном этапе расследования уголовного дела. Для этого следователю необходимо иметь не только ясное представление о специфике врачебной деятельности, но и в совершенстве владеть ведомственными нормативными актами Минздрава России, хорошо знать возможности судебно-медицинской экспертизы и чётко формулировать вопросы (в том числе с учётом мнения потерпевшего), которые необходимо поставить перед судебными экспертами. Разработанные методики расследования преступлений рассматриваемой категории позволяют эффективно осуществить предварительное расследование, правильно оформить процессуальные документы и сэкономить трудовые ресурсы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек.1993 г. (в ред. от 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Решение по делу№2-467/2020 Урюпинского городского суда Волгоградской области от 10.07.2020 // https://sudact.ru/regular/doc/AKVL4V8GeCxu/?regular-txt=COVID-19&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (Дата обращения 19.11.2021).

УДК 343.1

ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Чепрасова Юлия Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, cheylia@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные тенденции развития института государственной защиты участников уголовного судопроизводства в России; дана характеристика основных изменений российского законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: государственная защита; меры безопасности; участники уголовного судопроизводства.

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Yulia Cheprasova
candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy, cheylia@mail.ru

Annotation. The article analyzes the main trends in the development of the institution of state protection of participants in criminal proceedings in Russia; the characteristics of the main changes in Russian legislation in the area under consideration are given.

Keywords: state protection; security measures; participants in criminal proceedings.

В настоящее время институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства активно реформируется. Анализ основных изменений, внесенных в Федеральный закон Российской Федерации «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» № 119-ФЗ [1] (далее – ФЗ РФ № 119), позволяет выявить основные тенденции в сфере обеспечения безопасности субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Одна из самых существенных перемен произошла в отношении оснований осуществления государственной защиты. Ранее основанием являлось наличие реальной угрозы убийства защищаемого лица или насилия над ним. На данный момент, согласно ст. 16 ФЗ РФ № 119, формулировка изменена в сторону наличия реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения его имущества, что является более широким понятием, но все еще достаточно оценочным. При этом следует отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации основание осталось прежним [2].

В 2014 году в ФЗ РФ № 119 были включены п. 5 ст. 2 и п. 7 ст. 20, согласно которым меры государственной защиты могут быть применены после постановления приговора или вынесения судом постановлений. Данная мера существенно расширила возможности обеспечения полноценной защиты участников уголовного судопроизводства, привязав ее к наличию достаточных оснований, а не к определенной стадии уголовного процесса. Данное изменение, безусловно, не только способствует отправлению правосудия, но и показывает правовой характер государства, для которого защита прав и свобод личности стоит на первом месте. Возможность применения мер государственной защиты до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления (ч. 2 ст. 2 ФЗ РФ № 119) также является прогрессивным моментом [3, с. 160].

Ряд изменений коснулся и порядка применения мер безопасности. Он стал более детально прописан. Срок проверки заявления о необходимости предоставления государственной защиты остался прежним – трое суток. Однако теперь для проверки наличия оснований предоставления государственной защиты он может быть продлен до 30 суток по мотивированному ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности. Нельзя исключать того факта, что столь длительный срок может привести к необоснованному затягиванию принятия решения.

В соответствии с п.6 ст. 18 ФЗ № 119 письменная форма договора о представлении государственной защиты стала обязательной, вследствие чего отказ лица от заключения договора стал еще одним основанием для отмены мер безопасности. Если раньше отмена мер безопасности могла быть произведена только по заявлению защищаемого лица (при условии, что он не нарушал условия договора), то теперь, в результате изменения п. 2 ст. 20 ФЗ РФ № 119, отменить государственную защиту могут и вследствие ходатайства органа, осуществляющего меры безопасности. Появилось понятие частичной отмены мер государственной безопасности, что позволило сделать систему государственной защиты участников уголовного судопроизводства более гибкой. Таким образом, отношения по предоставлению государственной защиты участникам уголовного производства становятся все более детально регламентированными.

Список собственно мер безопасности был расширен в плане социального обеспечения защищаемых лиц. Так, при переселении защищаемого лица на другое место жительства ему гарантируется не только жилище и трудоустройство, но и возмещение расходов, связанных с переездом, оказание материальной помощи. Ст. 23 ФЗ РФ № 119 зафиксировала право защищаемого лица на предоставление ему психологической помощи.

Одной из существенных проблем в области государственной защиты участников уголовного судопроизводства является проблема финансирования. В целом анализ статистических данных показывает, что наметилась динамика увеличения количества защищаемых лиц и мер безопасности, применяемых в отношении этих лиц. Соответственно, происходит ежегодное увеличение финансирования. Согласно программе, объем финансирования на 2019-2023 годы составит 1.059.561.000 рублей.

Необходимо обратить внимание на возможные варианты развития мер безопасности, связанные с научно-техническим прогрессом [5, с. 256]. Так, согласно результатам опроса, многие сотрудники органов следствия и дознания считают необходимым дополнить перечень мер защиты маячками оповещения об опасности. Соглашаясь с потенциальной пользой от данной меры, необходимо отметить ее второстепенный характер по отношению к уже закрепленным способам противодействия угрозе здоровью и имуществу защищаемого лица.

Интерес представляет предложение о закреплении в качестве меры безопасности нормы о запрете приближения к защищаемому лицу. Следует отметить, что в настоящее время указанная норма активно продвигалась общественными и государственными деятелями в разработанном законопроекте о профилактике домашнего насилия. Запрет на приближение, как таковой, имеет достаточно простой механизм реализации, не несет финансовой нагрузки на бюджет. Он может быть использован в качестве временной меры при возникновении затруднения относительно принятия решения о государственной защите, поскольку способствует обеспечению безопасности и в то же время не нарушает права заинтересованных лиц. Расширение комплекса мер безопасности за счет запрета на приближение представляется весьма перспективным направлением, для которого уже существует основа в отечественном законодательстве.

Вместе с тем, существует ряд проблем системы уголовного судопроизводства, в отношении которых не наблюдается каких-либо изменений в положительную сторону. К примеру, в содержании уголовно-процессуального закона норма о разумном сроке судопроизводстве остается по большему счету декларативной, поскольку положение о гарантии данных сроков, равно как их конкретизация, попросту отсутствуют [4, с. 35].

Сотрудники Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, утверждают, что в последнее время значительно снизилось количество защищаемых потерпевших, но при этом увеличилось число защищаемых лиц, которые все чаще заключают досудебные соглашения с прокурорами о сотрудничестве и дают показания по сложным и многоэпизодным уголовным делам о деятельности организованных преступных групп и банд.

При этом обвиняемый переходит в разряд защищаемого лица автоматически, без необходимости доказывания наличия угрозы в его адрес, что, в целом, является логичной и правильной мерой.

Мировой опыт показал, что защита от поскриминального воздействия обеспечивается применением прежде всего норм процессуального права, что подводит к выводу о необходимости закрепления в законодательстве четко регламентированной и продуманной процедуры защиты. Наличие противоречий среди норм права, как и неоднозначная их трактовка, попросту недопустимы. Реформирование уголовного судопроизводства должно быть направленно на повышение уровня процессуальных гарантий лиц, в него вовлеченных.

Многие эксперты утверждают, что ФЗ РФ № 119 в целом является достаточно продуманным законом, несмотря на его рамочность и некоторые недоработки. Большая часть проблем возникает именно на этапе правоприменения. К примеру, деньги

на реализацию закона поступили в надлежащие ведомства только спустя два года после его принятия из-за бюрократических проволочек. Следовательно, необходима наработка надлежащей правоприменительной практики, предоставление соответствующим правоохранительным органам реальных возможностей и средств для осуществления государственной защиты.

Достаточно важное влияние на состояние тех или иных общественных отношений оказывает уровень развития гражданского общества. Сфера обеспечения безопасности участников уголовного процесса не является исключением, в ней отмечается рост роли общественных организаций. В качестве примера можно привести «Фонд поддержки пострадавших от преступлений», который специализируется на оказании юридической и психологической помощи потерпевшим и свидетелям [6].

Таким образом, можно сделать вывод о наличии ряда тенденций в области государственной защиты участников уголовного судопроизводства:

1. Постепенное расширение понимания оснований оказания лицу государственной защиты;

2. Повышение внимания к мерам социальной и психологической поддержки участников государственной защиты;

3. Более детальная регламентация порядка предоставления государственной защиты;

4. Ежегодное увеличение финансирования программы государственной защиты;

5. Наличие динамики увеличения количества защищаемых лиц и применяемых в их отношении мер безопасности.

Данные тенденции в своей основе носят позитивный характер. Однако необходимо отметить, что эффективность противостояния преступности со стороны правоохранительных органов зависит от работы правоохранительной системы в целом и единства уголовно-процессуальной политики.

Литература

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021 г.).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Рос. газета. − 2001. − 22 дек.

3. Иванченко, Р.Б. Некоторые аспекты государственной защиты участников уголовного судопроизводства / Р.Б. Иванченко, А.В. Маслов // Вестник Воронежского института МВД. − 2018. − № 2. − С. 159-164.

4. Кондрат, И.Н. Развитие уголовно-процессуального законодательства с позиции надлежащей защиты участников уголовного судопроизводства / И.Н. Кондрат // Вестник Московского университета МВД России. − 2017. − № 4. − С. 147-149.

5. Мельникова, Е.Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства / Е.Ф. Мельникова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. − 2018. − № 3. − С. 253-260.

6. Фонд поддержки пострадавших от преступлений // URL: http://soprotivlenie.org/ (дата обращения: 03.10.2021).

УДК 343

РАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Шагунова Валентина Марифовна
старший преподаватель кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Липецкий филиал

Аннотация: В статье проанализированы проблемные вопросы уголовно-правового законодательства, предусматривающего ответственность за разглашение данных предварительного расследования. Данное преступление обладает рядом проблем, которые во многом связаны с человеческой неосмотрительностью, а также отсутствием каких-либо знаний о том, что такое расследование, тайна и какая ответственность предусмотрена за нарушения в этой области.

Ключевые слова: разглашение данных предварительного расследования, дознание, следствие, данные предварительного расследования

DISCLOSURE OF PRELIMINARY INVESTIGATION DATA: CURRENT PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Shagunova Valentina Marifovna,
senior lecturer of the Department Criminal law, process and criminalistics
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk

Summary: The article analyzes problematic issues of criminal law legislation providing for liability for disclosure of preliminary investigation data. This crime has a number of problems that are largely related to human imprudence, as well as the lack of any knowledge about what an investigation is, secrecy and what responsibility is provided for violations in this area.

Keywords: disclosure of preliminary investigation data, inquiry, investigation, preliminary investigation data

Уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования предусмотрена в ст. 310 Уголовного кодекса РФ: «Разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание,- наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев». [1]

Данное преступление обладает рядом проблем, которые во многом связаны с человеческой неосмотрительностью, а также отсутствием каких-либо знаний о том, что такое расследование, тайна и какая ответственность предусмотрена за нарушения в этой области. Прежде всего необходимо уяснить для себя, что подразумевает законодатель под терминами предварительное расследование. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ выделен 8 раздел, который регулирует данный вопрос [2].

Предварительное расследование подразделяется на предварительное следствие и дознание по уголовному делу. Предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела.

Предварительное следствие – совокупность определенных процессуальных и других действий следователя, имеющих своей целью раскрытие преступления и изобличения лиц, виновных в его совершении.

Дознание – форма предварительного расследования, осуществляемая органом дознания, дознавателем или следователем по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. Дознание существует по делам, по которым предварительное следствие обязательно или по делам, которым предварительное следствие не обязательно. Дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. При необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток.

За время предварительного расследования могут быть собраны важные доказательства на которых выстраивается позиция обвинения. В этой связи многие рассматриваются разглашение данных предварительного расследование как умышленное вмешательство в ход следствия, с учетом того, что следователь или дознаватель предупреждает лицо об уголовной ответственности за разглашение ставших ему известных данных.

Осмысливая новые уголовно-процессуальные положения о неразглашении данных предварительного расследования, следует сказать о том, что законодатель продублировал запрет на разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия. Установил новацию: запрет на разглашение данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя, что является значимым для обеспечения прав и законных интересов указанной категории участников уголовного судопроизводства.

Само по себе данное деяние может не преследовать цель нанести вред интересам расследования, а быть совершенным неумышленно, по легкомыслию. Однако последствия такого поступка могут отразиться самым негативным образом на ходе расследования уголовного дела. Условиями наступления ответственности являются умышленный характер разглашения, наличие предшествующей расписки о недопустимости разглашения, соответствии признакам субъекта преступления (физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста), наличие определенного процессуального статуса. [3, с. 78].

Сегодня возникает возможность распространять сведения, которые стали известны в связи с проведением предварительного расследования, через различные каналы связи, которые могут быть не защищены.

Поясним, что разглашение означает предание гласности, несмотря на имеющийся запрет, закрепленный в процессуальном акте, в любой форме (устной, письменной, наглядно-демонстрационной, с использованием средств массовой информации либо технических средств), данных предварительного следствия или дознания. Разглашение состоит в сообщении таких сведений другому лицу.

Через сеть Интернет сегодня может распространяться различная информация, которая с первого взгляда может казаться лицу не секретной, а каналы связи защищенными. Как показывает практика, зачастую по ст. 310 УК РФ проходят в качестве обвиняемых свидетели и эксперты.

В некоторых случаях, лица в действительности не знали о серьезности своего преступления, но если говорить об экспертах или специалистах, которые непосредственно связаны с расследованием уголовного дела, то здесь имеет место умышленная форма вины.

Иными словами, если в целом противодействие расследованию путем разглашения данных может совершаться как умышленно, преследуя цель воспрепятствовать нормальной работе органов предварительного следствия, так и по неосторожности, то правовые последствия в виде привлечения к ответственности по ст. 310 УК РФ влекут только осознанные, умышленные действия.

В случаях если будет установлено, что следователь или дознаватель забыли уведомить под расписку лицо об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования, возникает спорная ситуация. Некоторые авторы утверждают, что в этом случае нельзя говорить об умышленности такого деяния, в связи с тем, что лицо не знало о преступности такого рода проступка.

Полагаем, что за счет того, что федеральный закон – Уголовный кодекс РФ, находится в общем доступе, данная информация не является секретной, тем не менее, с процессуальной точки зрения необходимо предупреждать участвующих в расследовании лиц о наличии уголовной ответственности за разглашение данных, ставших известными им в связи с расследованием.

Особенно остро стоит вопрос связанные с использованием технических средств, которые фиксируют не только звук, но и видео. Если такая запись попадает в общий доступ, то это прямое и умышленное нарушение установленных уголовным законодательством правил. В этой связи, при проведении допросов, опросов или просто бесед следователи предупреждают лиц о невозможности разглашения таких данных, а также их записи. С учетом существующих требований, государство с опаской относится к так называемым защищенным сетям, через которые нет возможности проследить лиц, а также информацию, которую они используют.

На сегодняшний день, преступная деятельность в киберпространстве многообразна и практически неискоренима. В связи с чем с преступностью в данной сфере необходимо бороться еще на стадии расследования преступлений, за счет запрета распространения, записи или иной фиксации полученной информации. Использование технических средств в этом вопросе также недопустимо. Но в данном случае сталкиваются демократические начала уголовного процесса и предупреждение совершения новых преступлений.

Познание преступления осуществляется различными на то способами, и следователь, осуществляя подобного рода познание, не может соперничать с судом, который единолично имеет право утверждать факт того, что существуют жесткие основания считать человека преступником и опровергать презумпцию невиновности. Данные основания не могут поступать к нему от следователя непосредственно, суд должен сам их установить из фактических материалов, которые были ему предоставлены сторонами процесса.

Таким образом, использование технических средств при разглашении данных предварительного расследования сегодня неоспоримы. В век цифровизации общества — это явление пагубно влияет на расследование и доведения дела до суда. За счет чего, данный вопрос остается все еще актуальным и требует новых подходов и решений со стороны государства.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. Закона от 05.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 18 декабря 2001 № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноя. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ре д. Федер. Закона от 05.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

3. Разглашение тайны предварительного расследования как проявление противодействия расследованию : сб. ст. / Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России ; под ред. О. А. Анопко. − М., −2019. − 83 с.

Научное издание

Современная юриспруденция:
теория, методология, практика

Материалы Международной
научно-практической конференции
30 ноября 2021 г. (г. Липецк)

Под общей редакцией
докт. истор. наук, проф. В.В. Соловьёвой

Подписано в печать 07.02.2022 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 16,34. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии «НАУКА-ЮНИПРЕС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2